

ВО СЛАВУ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

годы
1941–1944

БИТВА
ЗА КРЫМ

Annotation

Новая книга писателя-историка А. Широкограда посвящена одному из важнейших сражений Великой Отечественной войны. Автор впервые сделал попытку рассказать правду о событиях в Крыму в 1941–1944 гг. Эта книга для тех, кто хочет знать, какой действительно была война, в ней нет ни слова авторского вымысла: все сказанное основано на многочисленных отечественных и зарубежных мемуарах и секретных, ранее закрытых, документах.

- [Глава 1. Парашюты над Севастополем](#)
- [Глава 2. «Сон разума рождает чудовищ»](#)
- [Глава 3. Разруха в головах стратегов](#)
- [Глава 4. Силы сторон на Черном море](#)
- [Глава 5. Удары по Констанце](#)
- [Глава 6. Крым — жаркое лето 1941-го](#)
- [Глава 7. Трагедия Южного фронта](#)
- [Глава 8. Явление Манштейна](#)
- [Глава 9. Штурм Перекопа](#)
- [Глава 10. Батов оставляет Керчь](#)
- [Глава 11. Севастополь становится крепостью](#)
- [Глава 12. Первый штурм отбит](#)
- [Глава 13. Борьба на море и в воздухе в августе — декабре 1941 г](#)
- [Глава 14. Второй штурм Севастополя](#)
- [Глава 15. Десант в Керчь](#)
- [Глава 16. Десант в Феодосию](#)
- [Глава 17. Освобождение Керченского полуострова](#)
- [Глава 18. Забытый Десант — Евпатория, Судак, Алушта](#)
- [Глава 19. Борьба с переменным успехом \(январь — апрель 1942 г.\)](#)
- [Глава 20. Керченский погром](#)
- [Глава 21. Запоздалое явление германского флота](#)
- [Глава 22. Королевский флот в Форосе](#)
- [Глава 23. Сражение за главный рубеж обороны](#)
- [Глава 24. Третий штурм Севастополя](#)
- [Глава 25. Бегство начальства и гибель армии](#)
- [Глава 26. Партизаны и предатели](#)
- [Глава 27. Керченско-Эльтигенская операция](#)

- [Глава 28. Крым вновь становится советским](#)
- [Вместо заключения](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)

- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)

- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)

- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)

- [231](#)
 - [232](#)
 - [233](#)
 - [234](#)
 - [235](#)
 - [236](#)
 - [237](#)
 - [238](#)
 - [239](#)
 - [240](#)
 - [241](#)
 - [242](#)
 - [243](#)
 - [244](#)
 - [245](#)
 - [246](#)
 - [247](#)
 - [248](#)
 - [249](#)
 - [250](#)
 - [251](#)
 - [252](#)
-

Глава 1. Парашюты над Севастополем

Суббота 21 июня 1941 г. выдалась в Крыму жаркой. Страна в целом готовилась к войне, но в Крыму это было заметно менее всего. Шесть скорых поездов доставили в Севастополь тысячи отдыхающих, которые пересаживались на автобусы или просто в крытые автомобили со скамейками в кузове и отправлялись в санатории и дома отдыха на Южный берег Крыма. Троллейбусной трассы Симферополь — Ялта тогда и в помине не было, и почти все отдыхающие добирались до Южного берега Крыма через Севастополь.

С 14 по 18 июня 1941 г. у западных берегов Крыма состоялось большое учение Черноморского флота. По сложившейся традиции, задачей учения была отработка действий сухопутных войск и кораблей по высадке и отражению морского десанта. За учением наблюдал заместитель наркома ВМФ адмирал И.С. Исаков. В своих мемуарах нарком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов писал: «20 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ остаться в готовности № 2».

Несколько иное написано в официальном совершенно секретном труде «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре»: «В продолжение 19 и 20 июня корабли производили прием топлива, продовольствия и боезапаса», и никаких сведений о переходе на боевую готовность № 2.

Наоборот, после учений, как обычно, сотни офицеров, краснофлотцев и старшин были отпущены в город. В Доме флота и в театре имени Луначарского давались концерты для моряков, вернувшихся с учения. Вечером 21 июня на берег сошли не только краснофлотцы и офицеры, но и многие командиры кораблей, например, командир крейсера «Червона Украина» Н.Е. Басистый.

Адмирал Исаков должен был, как положено, провести разбор учения и на три-четыре дня задержаться в Севастополе. Но по неведомым причинам он отказался участвовать в разборе и отправился на вокзал. О войне адмирал узнал в поезде.

В 0 ч 55 мин 22 июня телеграмма наркома ВМФ о переходе на оперативную готовность № 1 ушла из Москвы во флоты и флотилии.

В штабе Черноморского флота в ночь с 21 на 22 июня дежурил начальник штаба контр-адмирал Н.Д. Елисеев. Но, как позже писал

оперативный дежурный по Черноморскому флоту Н.Т. Рыбалко, Елисеев заглянул к нему около 23 часов и сказал: «Я на несколько минут отлучусь домой». Появился он только во втором часу ночи уже с телеграммой от наркома.

В штабе Черноморского флота телеграмму получили в 1 ч 03 мин 22 июня. В 1 ч 15 мин командующий Черноморским флотом объявил готовность № 1. Причем в начале на всякий случай было решено сделать это тихо, через так называемых оповестителей. Большая часть командного состава Черноморского флота находилась поздно вечером в Доме флота на севастопольской набережной недалеко от Памятника затонувшим кораблям. Но многие командиры были дома или в других местах. Поэтому в 1 ч 55 мин по главной базе Черноморского флота был объявлен «большой сбор». Завыли сирены, постепенно стали гаснуть огни на улицах и в домах. Но достичь полного затемнения не удалось. Тогда командование флота решило отключить все электропитание города. Севастополь погрузился во тьму. Горели лишь огни Херсонесского маяка и Инкерманские створные огни.

— Почему горят маяки?! — возмутился Рыбалко.

Его помощник капитан-лейтенант Левинталь растерянно ответил:

— Не знаю, не работает связь.

Рыбалко схватил трубку и связался с начальником гарнизона генерал-майором П.А. Моргуновым. Выяснилось, что у Моргунова уже был по этому поводу неприятный разговор с командующим флотом адмиралом Ф.С. Октябрьским^[1]. Командиру 35-й батареи и начальнику караула Сухарной балки начальник гарнизона приказал срочно выслать мотоциклиста и передать, чтобы створные огни и маяки были немедленно выключены.

Наконец ориентиры на подходах к Севастополю с моря — Херсонесский маяк и Инкерманские створные огни — погасли.

Около трех часов ночи дежурному сообщили, что посты СНИС и ВНОС^[2], оснащенные звукоуловителями, слышат шум авиационных моторов. Рыбалко доложил об этом Елисееву.

Позвонил начальник ПВО полковник Жилин, спросил:

— Открывать ли огонь по неизвестным самолетам?

— Доложите командующему, — ответил начальник штаба.

Рыбалко доложил командующему флотом. И тут между ними произошел разговор, записанный дежурным.

Октябрьский: «Есть ли наши самолеты в воздухе?»

Рыбалко: «Наших самолетов нет».

Октябрьский: «Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны».

Рыбалко: «Товарищ командующий, как быть с открытием огня?»

Октябрьский: «Действуйте по инструкции».

Подстраховавшись с подчиненными, Октябрьский решил подстраховаться и у начальства, напрямую обратившись не к своему непосредственному начальству наркому ВМФ Кузнецову, а сразу в Генштаб к Г.К. Жукову. Адмирал доложил:

— Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний.

Георгий Константинович спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с наркомом обороны С.К. Тимошенко, Жуков ответил Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

А пока Октябрьский, Жуков и Тимошенко обсуждали традиционный русский вопрос «Что делать?», в штабе флота Рыбалко и Елисеев конкретно решали, что ответить начальнику ПВО полковнику Жилину. В конце концов Елисеев отважился:

— Передайте приказание открыть огонь.

— Открыть огонь! — скомандовал Рыбалко начальнику ПВО.

Но Жилин также хорошо понимал весь риск, связанный с этим, и, вместо того чтобы произнести краткое «Есть!», он ответил:

— Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых действий.

А тем временем германские самолеты уже были над городом. Внезапно включились прожекторы, и открыли огонь зенитные батареи Севастополя. Всего город защищали сорок четыре 76-мм зенитные пушки, подчинявшиеся флоту. Постепенно к огню береговых зениток стали подключаться и зенитные орудия на некоторых кораблях. Задержка в стрельбе на кораблях была связана с тем, что к трем часам ночи еще ни один корабль не перешел на боевую готовность № 1. Сделано это было гораздо позже. Так, к примеру, флагманский корабль линкор «Парижская Коммуна» перешел на боевую готовность № 1 лишь в 4 ч 49 мин, то есть уже после вражеского налета.

В 3 ч 48 мин на Приморском бульваре взорвалась первая бомба, через четыре минуты на берегу напротив Памятника погибшим кораблям взорвалась еще одна бомба. Но это полбеда. В штаб флота оперативному дежурному с постов связи, с батареей и кораблей доносили, что в лучах прожекторов видны сбрасываемые парашютисты. Генерал-майор Моргунов доложил, что недалеко от 12-й батареи береговой обороны сброшено четыре парашютиста.

— Усилить охрану штаба! — последовала реакция Рыбалко.

В городе началась паника. Поднятые по тревоге моряки и сотрудники НКВД бросились искать парашютистов. Раздавалась беспорядочная стрельба.

Наутро выяснилось, что никаких парашютистов нет, а на улицах только среди мирных жителей подобрали 30 человек убитыми и свыше 200 ранеными. Понятно, что это дело не двух бомб.

Рано утром 22 июня Крымский обком партии (секретарь обкома Булатов) телеграфировал горкомам и райкомам партии о введении военного положения в Крыму: «...приведите в боевую готовность партаппарат, все средства воздушной обороны. Поднимите отряды самообороны, мобилизуйте для них автомашины, вооружите боевым оружием, организуйте сеть постов наблюдения за самолетами и парашютным десантом, усильте охрану предприятий, важнейших объектов...»

Но вернемся в Севастополь. К четырем часам утра вражеский авианалет кончился, а еще через 13 минут над городом появились наши истребители. Налет производили самолеты Хе-111 из 6-го отряда эскадрильи KG4, базировавшейся на аэродроме Цилистрия в Румынии. По советским данным, зенитчики сбили два «Хенкеля», но на самом деле все германские самолеты вернулись на свой аэродром.

В начале пятого часа Октябрьский позвонил Жукову и бодро отрапортовал:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

С большим трудом подчиненным удалось убедить Октябрьского, что никакой попытки удара по кораблям не было, равно как и не было мифических парашютистов. Адмирал все еще сомневался, но в 4 ч 35 мин разрешил на всякий случай протралить фарватеры Северной и Южной бухты, а также входной фарватер к бонам.

Бригада траления немедленно приступила к работе, но ни одной мины обнаружено не было. А в тот же день вечером, в половине девятого, у входа в Северную бухту прогремел мощный взрыв — взорвался буксир «СП-12».

К месту гибели буксира немедленно рванулись катера, но подобрать из воды удалось лишь пятерых из 31 члена экипажа.

В 1962 г. в своих мемуарах вице-адмирал И.И. Азаров написал о «СП-12»: «Это были первые жертвы войны от магнитно-донных мин, тогда еще нам неизвестных. Их ставила немецкая авиация при налете на Севастополь».^[3]

После войны в печати появились и другие легенды о германских магнитных минах и как наши герои-морьяки сумели распознать их действие и научились с ними бороться. Увы, на самом деле с первыми донными магнитными минами красные военморы познакомились еще в 1919 г. в боях на Северной Двине с английской речной флотилией.

В СССР впервые магнитными минами занялось «Остехбюро» в 1923 г. Первая отечественная магнитная мина «Мираб» была принята на вооружение в 1939 г. Другой вопрос, что к началу войны наш ВМФ располагал всего лишь 95 минами «Мираб». А самое интересное, что немцы в 1940 г. продали СССР образцы своих магнитных мин. Но из-за системы советской тотальной секретности о минах «Мираб», равно как и о покупке германских магнитных мин руководство флота не соизволило известить даже командующих Балтийским и Черноморским флотами, я уж не говорю о простых минерах. И действительно, секреты закупленных еще в 1940 г. германских мин нашим морякам приходилось раскрывать уже в ходе войны, зачастую платя за них собственными жизнями.

С первых часов войны Черноморский флот стал готовиться к обороне. К 15 часам командование флотом перешло в бетонный бункер (флагманский командный пункт Черноморского флота, оборудованный в подземных помещениях у Каменной пристани Южной бухты).

Немедленно был организован поиск вражеских подводных лодок. В районе главной базы три пары гидросамолетов МБР-2 во взаимодействии с тремя ударно-поисковыми группами сторожевых катеров осуществляли его ежедневно. При входе на внутренний рейд базы четыре сторожевых катера вели круглосуточное визуальное наблюдение за перископом подводных лодок. Они же прослушивали район шумопеленгаторами. Кроме того, на внешнем рейде были выставлены противолодочные сигнальные сети. Вход на рейд в Северную бухту был защищен тремя линиями бонового заграждения, а для индивидуальной защиты линкора и крейсеров к утру 23 июня непосредственно в Северной бухте были поставлены противоторпедные сети. Воздушную разведку в районе главной базы осуществляли самолеты МБР-2. Над городом барражировали наши истребители.

Приказом адмирала Октябрьского командир Новороссийской военно-морской базы (ВМБ) обязан был производить два раза в сутки ближнюю воздушную разведку радиусом в 70 миль от базы и один раз в сутки дальнюю воздушную разведку до Синопа и Чива, однако не нарушая территориальных вод Турции. На командира Батумской ВМБ возлагалась организация двукратной воздушной разведки до меридиана Трабзон, также без нарушения территориальных вод Турции.

На командование ВВС Черноморского флота было возложено осуществление дальней воздушной разведки: утром по маршруту Сулина — Констанца — Босфор — Зунгулдак, вечером — по маршруту Зунгулдак — Босфор. Воздушная разведка турецких и болгарских портов производилась скрытно, без залета в территориальные воды этих государств.

Вечером подводных лодок вышли в море. Командование флотом выделило им 12 участков по всему побережью Черного моря. Но лишь три лодки «Щ-205», «Щ-206» и «Щ-209», отправленные к берегам Румынии и Болгарии, могли принести хоть какую-то пользу в войне с Германией и Румынией. Одна лодка была послана к турецкому порту Самсун, а остальные прикрывали подступы к Одессе, Севастополю, Керчи, Новороссийску и Батуми.

Уже 22 июня корабли Черноморского флота получили приказ начать минные постановки у всех наших военно-морских баз. Причем мины ставились по плану, утвержденному в первой половине 1941 г.

Утром 23 июня крейсера «Коминтерн», «Красный Кавказ» и «Червона Украина», минный заградитель «Островский», лидер «Харьков» и четыре новых эсминца «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и «Смышленный» начали ставить минные заграждения у берегов Севастополя. Всего было поставлено 609 мин и 185 минных защитников. Минные постановки в районе главной базы Черноморского флота продолжались и в дальнейшем. На следующий день крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», лидер «Харьков» и два эсминца продолжили постановку минного заграждения. Было выставлено 330 мин и 141 минный защитник.

Кроме того, минные заграждения были выставлены в районах Одессы, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе и Батуми. Всего с 23 июня по 21 июля для создания оборонительных минных заграждений было выставлено 7300 мин и 1378 минных защитников, то есть более 73 % имевшихся на флоте морских якорных мин и более половины минных защитников. Через 30 лет в своей монографии Г.И. Хорьков напишет: «Крейсера ставили мины при маневрировании в строю фронта в две линии

с расстоянием между минами в линии, равным наименьшему минному интервалу. Точность постановки минных заграждений в прибрежном районе обеспечивалась наличием достаточного числа береговых навигационных ориентиров, а мин в заграждениях — удержанием в период постановки расчетных курса и скорости корабля и интервалов между сбрасыванием очередных мин. Для повышения скрытности минных постановок и уменьшения вероятности противодействия сил противника мины ставились преимущественно в темное время суток.

Одновременно с крейсерами мористее внешней линии мин эсминцы ставили линию минных защитников. Мины ставились с углублением, рассчитанным на поражение крупных надводных кораблей. Поставленные минные заграждения находились в зоне огня береговых батарей, расположенных в районе Севастополя.

В интересах минных постановок в северо-западной части Черного моря периодическую разведку производили самолеты-разведчики МБР-2 с задачей своевременного обнаружения надводных кораблей противника и подводных лодок. Западнее о. Змеиный были развернуты в виде дальнего дозора подводные лодки. Мористее районов постановки мин несли дозор базовые тральщики и сторожевые катера МО с задачей обеспечения противолодочной и противокатерной обороны заградителей. На переходе из базы в район постановки мин охрану крейсеров осуществляли эскадренные миноносцы.

Для отражения в момент постановки мин удара вражеских кораблей в случае их обнаружения силами разведки и дозоров в Севастополе в 3-часовой готовности к выходу в море находился отряд прикрытия в составе крейсера и трех эскадренных миноносцев, приводились в готовность к стрельбе береговые батареи, в готовности к вылету на аэродроме дежурили подразделения самолетов-бомбардировщиков. Противовоздушная оборона заградителей выполнялась истребительной авиацией флота способом «дежурство на аэродроме».

Привлечение к минным постановкам крупных кораблей эскадры, способных принять на борт большое число мин и обладавших большой скоростью, а также хорошим защитным вооружением, позволило выполнить задачу в короткий срок, что в условиях уже начавшейся войны имело важное значение»^[4].

Самолеты-разведчики доложили, что в Черном море обнаружено от 10 до 20 неприятельских подводных лодок. Узнав об этом, нарком Кузнецов 7 июня приказал Военному Совету Черноморского флота выставить противолодочные сети в Керченском проливе для недопущения прохода

подводных лодок в Азовское море. Замечу, что в Азовском море максимальная глубина всего 13 м.

9 июня Кузнецов доложил Сталину о том, что в Керченском проливе установлен противолодочный дозор из двух малых охотников, в поддержку дозора выделены два торпедных катера и три самолета МБР-2, а также выслан тральщик для установки в Керченском проливе противолодочных сетей^[5].

Между тем вражеские лодки начали действовать. Уже 24 июня в 11 ч 30 мин и в 13 ч 20 мин канонерская лодка «Красная Армения» была дважды «атакована» подводной лодкой противника. 25 июня в 11 ч 15 мин у мыса Сарыч близ Севастополя заметили перископ подводной лодки. Почти одновременно пограничный малый охотник в районе реки Шохе (между Туапсе и Сочи) обнаружил и атаковал подводную лодку. В нескольких километрах другую подводную лодку заметили с наземного пограничного поста.

Наконец 27 июня разведка Черноморского флота донесла, что через Босфор прошла большая эскадра противника, в составе которой были крейсера и линкоры. Штаб Дунайской флотилии сообщил, что из портов Болгарии и Румынии вышли в неизвестном направлении 37 транспортов с войсками. На аэродромах Бухареста «скопления шестимоторных транспортных самолетов для переброски парашютистов».

Но в Москве в Генштабе и командование Черноморского флота разгадали подлый замысел неприятеля — высадить в Крыму крупный морской и воздушный десант. Маршал Б.М. Шапошников срочно позвонил командующему сухопутными войсками Крыма генерал-лейтенанту П.И. Батову: «Вы понимаете, голубчик мой, что успех немецкого десанта в Крыму до крайности обострил бы положение не только на Южном фронте. Из Крыма один шаг на Тамань и к кавказской нефти. Принимайте все меры противодесантной защиты как на берегу, так и внутри Крыма»^[6].

Через пару дней в штабе Батова телефоны раскалились докрасна: «Получены данные о высадке воздушного десанта на перевале дороги Симферополь — Алушта и близ дороги Бахчисарай — Севастополь. Тысячи десантников высаживаются с кораблей в районах Судака и Керчи».

Началось! В воздух поднялись истребители, штурмовики и бомбардировщики. Леса и горы прочесывали десятки тысяч солдат, пограничников и местных жителей из истребительных батальонов.

В штабе ждали донесений. Но вот раздаются сконфуженные голоса командиров, прочесавших просторы Крыма: «Противник не обнаружен!»

На пляжах Судака и Керчи тоже никто и слыхом не слыхивал о десантниках.

Не было в море ни одного вражеского линкора, крейсера и даже торпедного катера. Не было до середины 1942 г. ни одной неприятельской подводной лодки. Румынский опереточный флот в первые месяцы войны отстаивался в базах как из-за своей слабости, так и по политическим соображениям. Увы, это официально было признано лишь в 1996 г. в официальном издании «Три века Российского флота»: «Флот Румынии не был готов к войне, доснабжать и обучать его немцам пришлось в ходе военных действий. Действия флота Румынии в 1941 г. сводились к непосредственной охране баз и прибрежных водных коммуникаций»^[7]. А немцы и итальянцы в 1941 г. не имели на Черном море ни одного боевого корабля.

Напрасно наши корабли, катера и подводные лодки почти два месяца патрулировали у своих баз. Напрасно была организована система конвоев торговых судов, а эсминцы и сторожевые суда и катера рыскали в поисках подводных лодок и гробили свои силовые установки, итак порядком изношенные. А главное, Черноморский флот сам себе создал страшную опасность, выставив мины у своих баз. На них в годы войны погибли десятки военных и торговых судов. Будут подрывы на собственных минах и после победы.

Короче говоря, первые недели войны Черноморский флот сражался с несуществующим противником. Адмирал Октябрьский вполне мог сказать фразу короля Луи XV в кинофильме «Фанфан-Тюльпан»: «Кто украл нашего противника?!» Это было бы очень смешно, если бы не гибель наших моряков, ставших жертвой адмиральских и маршальских фантазий.

Возникает вопрос: почему об этом не писали раньше? Да потому, что вся военная Документация до 1991 г. хранилась под грифом «Совершенно секретно», да и сейчас 95 % документов остаются под этим же грифом. Это касается донесений командиров частей и соединений, корабельных журналов, сводок потерь, личных дел офицеров и генералов и т. д.

Правда, некоторые факты всплывали в мемуарах наших генералов и адмиралов еще в 1970—1990-х годах, но делалось это не для того, чтобы показать читателю истинную картину происходившего в 1941 г., а чтобы уколоть своих личных врагов.

Более важный вопрос: откуда взялся миф об армадах вражеских кораблей и подводных лодок в Черном море? Чтобы понять это, нам придется вернуться назад, в 1930-е и даже в 1920-е годы.

Глава 2. «Сон разума рождает чудовищ»

Поражение Советского Союза на Черном море в 1941 г. было обусловлено в первую очередь неверной стратегией высшего военного командования. В свою очередь, порочная стратегия была навязана нашим военным политическим руководством, смотревшим на мир сквозь призму советской идеологии. Ленин и его сподвижники столь долго пугали наше население «гидрой мировой контрреволюции», что в конце концов сами запутались в своей мифологии.

Одно дело, когда ради достижения определенных политических и экономических целей (создания «морально-политического единства советского народа», «выполнения пятилетнего плана» и т. д.) правительство готовит население к нападению ведущих мировых держав и создает в стране атмосферу осажденной крепости, другое — когда вожди сами начинают верить в подобный бред. Недавно рассекреченные планы войны конца 1930-х годов написаны практически по одному сценарию: нападение на СССР с запада и востока Англии, Франции, Германии, Японии и чуть ли не всех соседних малых государств.

Подобный бред мог родиться только в голове малограмотного фанатика-большевика, слепо верящего, что для уничтожения «первой в мире страны социализма» правительства всех стран мира наплюют на свои национальные интересы и дружно пошлют свои войска на реставрацию капитализма в России.

Советские лидеры забыли любимое изречение британских премьеров: «У Англии нет постоянных врагов или постоянных союзников, у нее есть лишь постоянные интересы». События конца XX — начала XXI веков лишь подтверждают это. Вспомним, что в 1949 г. блок НАТО был создан в качестве противовеса «коммунистической экспансии СССР». Но вот распался СССР, на развалинах социализма вырос криминальный капитализм, в Российской армии ограниченно боеспособны лишь отдельные подразделения. Казалось бы, что опасность со стороны России миновала, но, увы, НАТО расширяется на восток и юг и непрерывно усиливает свою мощь.

С появлением Советской республики и с развалом СССР мировая политика не изменилась, ее по-прежнему определяют национальные интересы ведущих государств. Другой вопрос, что для обмана обывателей стали шире использовать идеологические штампы.

Даже иностранная интервенция в ходе Гражданской войны в России была обусловлена национальными интересами государств. И это было совсем не ново. В конце XVIII века Англия, Пруссия и Австрия начали интервенцию против революционной Франции совсем не ради реставрации династии Бурбонов, а лишь ради собственной выгоды.

Подписание в 1919 г. Версальского договора полностью исключило возможность создания широкой коалиции против Советской России. Читатель старшего возраста возмутится: ведь Версальский пакт был направлен против коммунизма и против Советской России! Увы, это не так. Этот пакт был направлен против России и против Германии. Ни Англии, ни Франции не нужны были сильные государства в центре и на востоке Европы, безразлично, была бы это Германская империя или Веймарская республика, Российская империя или СССР.

В истории неоднократно бывало, что победители навязывали побежденным несправедливые и оскорбительные условия мира. Но тут был особый случай. Ни Германия, ни Россия не были побеждены военной силой. Вина за развязывание мировой войны лежит в равной степени как на правительствах Германии и Австро-Венгрии, так и на правительствах Англии, Франции и России.

Бедственное положение, в котором оказались Германия и Россия в 1913 г., было связано с прошедшими там революциями, в ходе которых к власти пришли люди, не имевшие никакого отношения к развязыванию войны. Казалось, почему бы Англии, Франции и США не заключить честный мир без аннексий и контрибуций, к которому давно призывали большевистская и другие левые партии?

Увы, правительства Антанты даже не пригласили в Версаль представителей Советской России. Две великие державы, имевшие самые сильные в мире армии, Германия и Россия, были насильственно расчленены. Причем новые границы были установлены вопреки этническим границам расселения народов, вопреки воле народов, без учета исторических, географических и культурных факторов.

На территории Российской и Германской империй Англией, Францией и США были созданы государства-лимитрофы^[8]. Надо ли говорить, что правительства стран Антанты игнорировали интересы населения этих территорий. Лимитрофы были созданы как противовес Германии и России. В Версале «в разгар прений Клемансо прямо заявил: "Когда был поднят вопрос об образовании польского государства, имелось в виду не только загладить одно из величайших преступлений истории, но и создать барьер

между Германией и Россией..."».^[9]

Многие политики уже тогда понимали, что создание «Великой Польши» станет источником напряжений в Европе. Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж открыто заявил в Версале: «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию»^[10].

Замечу, тут британскому премьеру помогло политическое чутье, а не знание обстановки в Восточной Европе. В том же 1919 г. на заседании британского кабинета обсуждался вопрос о помощи белому генералу Харьковому (!!!).

Министры Антанты кроили Восточную Европу, как говорится, «от банки». В итоге все новосозданные лимитрофы имели друг к другу взаимные территориальные претензии. Версальский мир «вызвал огромную передвижку населения, перед которой бледнеют великие переселения народов. Румыния выселила более 300 тысяч человек из Бессарабии. Из Македонии и Добруджи двинулись с места почти 500 тысяч человек. Немцы уходили из Верхней Силезии. Сотни тысяч венгров были переселены из территорий, перешедших к Румынии, Югославии, Чехословакии. Семь с половиной миллионов украинцев были поделены между Польшей, Румынией и Чехословакией»^[11].

Ленин четко сформулировал последующее развитие событий: Версальский мир «является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты... победивших стран». Версальский мир мог стать только перемирием между войнами.

Много лет нам маститые историки внушали, что Вторую мировую войну развязал Гитлер, а в последние 15 лет к нему в соавторы пытаются притянуть и Сталина. Но зададим риторический вопрос: был бы в Германии вместо Гитлера Эрнст Рэм или даже Эрнст Тельман, а в России — Киров, Деникин или Михаил Алексеевич Романов, так неужели бы они примирились с разделом своих стран, с дискриминацией или даже физической расправой над немцами, русскими и украинцами в государствах-лимитрофах?

По сему поводу за несколько дней до своей смерти (26 февраля 1933 года) хорошо высказался великий князь Александр Михайлович: «Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать Третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать

участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке»^[12].

Давайте подумаем, кто мог напасть на СССР в 1930-х годах в Европе^[13]?

Германия, несмотря на всю антикоммунистическую риторику лидеров Третьего рейха, не могла воевать с Россией, не имея общей границы. И дело тут не в технической сложности, а в политике. Та же Польша надеялась в случае войны с СССР вернуться к границам XVII века «от можа до можа», то есть захватить всю Белоруссию, всю Украину и все Причерноморье с Одессой и Крымом. При этом узколобые министры и генералы презрительно относились к Германии и ее вооруженным силам и не собирались возвращать ни дюйма территории, отторгнутой от Германии по Версальскому договору. Риторический вопрос: зачем Гинденбургу, а позже Гитлеру война с СССР, результатом которой будет создание Великой Польши и сохранение статус-кво на германской политической границе? Понятно, что участие Германии в любой антисоветской коалиции попросту исключалось.

Рассмотрим следующий вопрос: могли бы Англия и Франция с помощью государств-лимитрофов — Финляндии, Польши, Эстонии и др. — начать войну против СССР? Теоретически — да, и о такой вероятности периодически говорили дипломаты и военные западных стран. А практически — нет по целому ряду причин.

Во-первых, из-за мощи Красной Армии. Допустим, что финны отсиделись бы за линией Маннергейма и непроходимыми лесами на северо-востоке, а прибалтам и полякам пришлось бы худо в первые же дни войны.

Во-вторых, против войны с СССР в 1930-х годах в Англии и Франции выступили бы не только левые силы, но и значительная часть обывателей. Не исключены были серьезные внутренние беспорядки.

В-третьих, Англия и Франция не могли вести войну на два фронта

одновременно, то есть против СССР и против Германии, Италии и Японии. В итоге будущие участники «оси» получили бы полную свободу действий и начали бы захваты в Европе, Азии и Африке, что, понятно, никак не устраивало Лондон и Париж.

Таким образом, вероятность нападения на СССР западных держав в 1930-х годах была крайне мала. Тем не менее именно к такой войне правительство готовило Вооруженные силы СССР.

Глава 3. Разруха в головах стратегов

С началом Второй мировой войны стало ясно, что Англия и Франция могут решиться на какие-либо демонстрации против СССР. Но введение флота в Балтийское и Черное моря для союзников было бы безумием.

А после вторжения немцев во Францию и вообще исчезла вероятность войны с Англией и Францией. Единственным вероятным противником в Европе стала Германия и ее союзники. Казалось бы, с коренным изменением стратегической ситуации изменились и планы действий Черноморского флота.

Но, увы, наших маршалов и адмиралов до смерти напугала высадка немецкого морского и воздушного десанта в Норвегии в апреле 1940 г. и воздушного десанта на Крите в мае 1941 г.

На первый взгляд это были блестящие успехи кригсмарине и люфтваффе, которые захватили Норвегию и Крит в условиях подавляющего превосходства флота союзников. Казалось, немцы опрокинули все доктрины и всю тактику морской войны.

На самом же деле успех обеих операций был обусловлен рядом специфических объективных и субъективных причин. Так, норвежская армия не была готова к войне, да и ее значительная часть вообще сочувствовала Германии. (Понятно, что речь идет об апреле 1940 г., а не об апреле 1945 г.!) В результате какие-то части дрались с германскими десантниками, а какие-то — нет.

Английский и французский флоты обладали многократным превосходством над кригсмарине, но в Норвежской операции была задействована лишь незначительная часть кораблей союзников, в то время как немцы пустили в дело все боеспособные корабли. Союзники сами решили вторгнуться в Норвегию, причем десант был посажен на боевые корабли. Известие о вторжении немцев как громом поразило британское Адмиралтейство. После некоторой паузы лорды велели снимать десант с кораблей и лишь затем идти в бой с немцами. Так было упущено драгоценное время. Военно-морские базы союзников были удалены на многие сотни километров от берегов Норвегии. И, наконец, эвакуация союзных войск из Норвегии стала следствием не столько успехов немцев в Норвегии, сколько поражения союзных войск во Франции. В противном случае война в Норвегии затянулась бы на многие месяцы и вполне могла закончиться поражением немцев.

Уникальной операцией стал германский воздушный десант на Крит. Немцы с воздуха захватили большой остров. Такого не было в истории войн ни до, ни после 1941 г.

К середине мая 1941 г. на острове Крит, занимавшем стратегическое положение в Восточном Средиземноморье, англичане сосредоточили 32 тысячи солдат^[14].

В районе Крита сосредоточилась большая английская эскадра. Военных кораблей на Средиземном море Германия не имела, если не считать нескольких подводных лодок. А итальянские надводные корабли вообще за всю войну ни разу так далеко от родных берегов не хаживали. И тут командование люфтваффе принимает революционное решение — захватить Крит с воздуха.

Утром 20 мая 1941 г. началась операция «Меркурий» — выброска германских парашютистов. Британскому флоту удалось вывезти лишь около 14,5 тысячи человек^[15]. Эвакуация дорого обошлась британскому флоту: были потоплены крейсера «Йорк», «Калькутта», «Фиджи», «Глостер» и шесть эсминцев. Тяжелые повреждения получили линкоры «Уорспайт» и «Бархэм», а также авианосец «Формидабл».

Всего в ходе Критской операции по воздуху было переброшено 23 464 немецких солдата и офицера, из которых около 10 тысяч прыгало с парашютом. Кроме того, военно-транспортная авиация доставила матчасть: 353 легких артиллерийских орудия, 771 мотоцикл, 5358 контейнеров с оружием и боеприпасами, 1090 т прочих грузов. Обратными рейсами эвакуировали с острова 3173 раненых, в том числе и солдат противника.

Кроме сброса парашютистов, немцы доставляли солдат с помощью планеров, буксировавшихся самолетами до Крита, а также посадочным способом. Часть десантников была доставлена гидросамолетами (До-24, Хе-60, а также итальянскими «Кант» Z.501 и Z.506), садившимися на воду у берегов острова.

Безусловно, операция «Меркурий» и на сегодняшний день является самой крупной операцией ВДВ, причем действовавших без участия других родов войск.

Геббельс не отказал себе в удовольствии создать пропагандистский фильм, прославлявший люфтваффе и парашютистов. Его немедленно запустили в прокат как в Германии, так и в нейтральных странах. У нас, естественно, фильм народу не показывали, зато в Москве собрали генералов и адмиралов и прокрутили им ролик Геббельса, где небо закрывают десятки транспортных самолетов Ю-52, а затем бравые

парашютисты берут в плен толпы англичан.

Я сам несколько раз просматривал сей фильм и не могу понять, как наши генералы не узрели, что конструкция германских парашютов не допускает управления ими, что приводит к многочисленным травмам. Парашютисты приземлялись безоружными, в лучшем случае с пистолетом и ножом. Винтовки, автоматы и пулеметы, не говоря уж о тяжелом вооружении, сбрасывались на отдельных парашютах. А поскольку парашюты были неуправляемыми, то десантники часто оказывались в сотнях метров от своего личного оружия. На заднем плане за веселыми парашютистами видны обломки многочисленных самолетов, совсем не похожих на «Гладиаторы» и «Харрикейны», а весьма схожих с трехмоторными Ю-52.

На самом деле на Крите погибло более половины транспортных самолетов, которыми располагала Германия, а германские ВДВ на много месяцев стали небоеспособными.

Но наших генералов охватил ужас! Они решили, что злодеи-фашисты не сегодня-завтра сделают то же с Крымом. Срочно полетели указания готовить Крым к отражению воздушного десанта супостатов.

На самом деле между Крымом и Критом не могло быть никаких аналогий. Начну с того, что даже без участия сухопутных войск первый эшелон воздушного десанта мог быть легко уничтожен бойцами многочисленных истребительных батальонов и отрядами моряков. Практически весь Крым находился под обстрелом десятков орудий калибра 130–305 мм как кораблей, так и батарей береговой обороны.

В случае высадки десанта в Крыму в июне 1941 г. наше командование могло за сутки-двое перебросить десятки дивизий по шоссейным и железным дорогам через Перекоп и Керченскую переправу, а также морем из портов Кавказа. Сотни советских самолетов могли через несколько часов нанести удар по десанникам с аэродромов Крыма, Северной Таврии и Таманского полуострова.

Любой воздушный или морской десант в Крым в июне 1941 г. при существующем соотношении сил закончился бы через 48 часов.

Однако помутнение разума у наших маршалов и генералов привело к паническому страху перед призраком дуче, точнее, перед итальянским королевским флотом, который вот-вот появится у мыса Херсонес.

Вообще говоря, итальянцы зарились на Крым еще с XIII века. После захвата Константинополя в 1204 г. крестоносцами в Крыму возникло несколько итальянских (в основном генуэзских) колоний — в Феодосии, Судак, Балаклаве и др.

А в 1854 г. сардинский король Виктор Эммануил^[16] объявил войну России и послал в Крым 18-тысячный корпус генерала Альфонса Ла Мармора. Проку от «макаронников» оказалось немного. В боях было убито 28 итальянцев и 151 ранен, зато заболевших насчитывалось несколько тысяч. Для сравнения, Франция потеряла в Крымскую кампанию 20240 солдат убитыми и 75375 умершими от болезней, Англия соответственно 4602 и 17225 человек.

Что требовалось итальянцам в Крыму? Спору нет, королю и его премьеру графу Кавуру хотелось добиться благосклонности Англии и Франции в решении проблем на Апеннинском полуострове. Но главной причиной стала надежда приобрести Крым.

Так что при желании можно было предположить, что в 1941 г. король Виктор Эммануил III решит пойти по стопам своего деда.

Красных маршалов и генералов в 1920—1930-х годах ввела в заблуждение пропаганда итальянской военной мощи. К примеру, значительная часть мировых авиационных рекордов принадлежала Италии. Самые быстроходные в мире крейсера и эсминцы состояли в итальянском флоте.

К июню 1940 г. итальянский флот имел в своем составе два современных линкора «Литторио» и «Витторио Венето» (полное водоизмещение 45 тысяч т, главный калибр девять 380/50 мм/клб пушек), а также четыре линкора времен Первой мировой войны, прошедших модернизацию в 1930-х годах. Их полное водоизмещение составляло 29 тысяч т, а вооружение — десять 320/43,8 мм/клб пушек. Кроме того, итальянские ВМС имели 8 тяжелых и 12 легких крейсеров, 70 подводных лодок и сотни других кораблей.

Но наши военные обязаны были знать и другое. Итальянцы действительно имели первоклассные боевые корабли и самолеты, но они... не умели воевать.

12 ноября 1940 г. устаревшие английские бипланы «Суодфиш» торпедировали в порту Торонто итальянские линкоры «Литторио», «Андреа Дориа» и «Конте де Кавур», причем последний итальянцы не сумели ввести в строй до самого конца войны. А в марте 1941 г. в сражении у мыса Матапас англичане потопили новейшие крейсера «Зара», «Пола» и «Фиуме», а линкор «Витторио Венето» был серьезно поврежден и едва дотянул до берега. Модернизация же старого линкора «Андреа Дориа» еще не была закончена.

К 22 июня 1941 г. погибли тяжелый крейсер «Сан Джоржио», легкие крейсера «Армандо Диас» и «Бартоломео Колеони». Из 70 подводных

лодок к 22 июня 1941 г. англичане потопили 19, а еще 15 действовали в Атлантике.

В итоге к июню 1941 г. итальянский флот с большим трудом удерживал свои коммуникации с Ливией. Дело дошло до обстрелов британскими линкорами Генуи и других итальянских городов.

Оставшиеся в строю итальянские линкоры и крейсера боялись даже атаковать британские конвои, регулярно пересекавшие Средиземное море от Гибралтара до Александрии и Порт-Саида.

В такой ситуации посылка итальянского флота в Черное море стала бы катастрофой для Италии и лично для Бенито Муссолини. Для этого нужно было пожертвовать итальянской армией в Африке и оставить без защиты итальянское побережье.

Наконец, англичане вряд ли упустили бы шанс уничтожить итальянский флот на пути в Дарданеллы. В Черном море у турок не было мест базирования для большого флота, да и порты Стамбул и Измир не имели достаточно хорошей ПВО.

Я уж не говорю о том, что турецкое правительство смертельно боялось вовлечения страны в войну. В Стамбуле хорошо помнили уроки Первой мировой войны и понимали, что вступление в войну раз и навсегда лишит страну контроля над Проливами, а то и вообще положит конец существованию турецкого государства. Другой вопрос, что турки были готовы и «невинность соблюсти, и капитал приобрести», то есть закрыть глаза на небольшие, по их мнению, нарушения нейтралитета.

Между прочим, появления итальянского флота на Черном море не хотела... Германия. Да-да, именно Германия! Современные историки смотрят на события 1941 г. сквозь призму победы 1945 г. А тогда и Гитлер, и руководители других европейских государств мыслили совсем иными категориями. По их мнению, заключение общеевропейского мира должно было произойти, если не в 1941 г., то, по крайней мере, в 1942 г. Причем Гитлер уже в июне 1941 г. всерьез был озабочен, как ограничить захватнические планы Муссолини. По этой причине немцы не дали Италии оккупационной зоны во Франции и категорически отказались передать ей хотя бы часть французского средиземноморского флота.

Дуче несколько раз затевал с фюрером разговор о Крыме и каждый раз получал резкий отказ. Гитлера приводила в бешенство сама мысль, что кто-то посягает на «зону отдыха арийцев». 24 июня 1941 г. фюрер истерично кричал собравшимся генералам: «Я никогда не допущу в Крым итальянцев!» Вечером начальник генштаба генерал Гальдер занес его слова в дневник.

Возникает резонный вопрос: почему же эти факторы не были приняты во внимание советским руководством? Дело в том, что в 30—90-х годах XX века советская разведка, бесспорно, являлась лучшей в мире. В 1939—1941 гг. Берия и Сталин знали практически все секреты Гитлера и Муссолини. Тот же план «Барбаросса» за несколько недель до войны стал известен Берия во всех деталях. Но, увы, информация, добытая разведкой, не спускалась ниже членов политбюро, начальника Генштаба и других высших руководителей; Сложилась совершенно фантастическая по глупости ситуация. Гитлер и его окружение в плане «Барбаросса» почти не предусматривали участия германского ВМФ. Ни планом «Барбаросса», ни другими предвоенными документами не предполагалась даже посылка немецких военных судов в Черное море.

В нашем Генштабе знали о плане «Барбаросса» и разрабатывали ответные планы по разгрому в течение 10—15 дней германских армий на территории Польши и Чехословакии. Причем в наших планах о Черноморском флоте говорилось вскользь.

Именно в апреле 1941 г. нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков направляют директиву командующему войсками Западного особого военного округа генерал-полковнику Д.Г. Павлову. Так, к примеру, 5-й армии со штабом в Ковеле ставилась задача форсировать Буг и на третий день войны овладеть городом Люблин, а на десятый день выйти с главными силами к Висле. 4-я армия должна была на третий день войны взять Седлец, а на пятый день овладеть переправами через Вислу и т. д.

А вот Черноморскому флоту ставились весьма скромные задачи. Так, в августе 1940 г. маршал Тимошенко и тогдашний начальник Генштаба Б.М. Шапошников направили Сталину и Молотову записку о развертывании Вооруженных сил СССР. Там от Черноморского флота требовалось:

«а) постановкой минных полей, действиями подводных лодок и авиации затруднить проход неприятельскому флоту в Черное море;

б) активными действиями Черноморского флота уничтожить прорвавшийся в Черное море флот противника;

в) активно оборонять наши берега от прорвавшегося в Черное море надводного флота вероятных противников;

г) не допускать высадки десанта на берега Черноморского побережья в Крыму и на Кавказе;

д) активными действиями и прежде всего авиации, постановкой мин с воздуха вести постоянную борьбу с морским флотом противника и особенно в Мраморном море;

е) прочно обеспечивать с моря фланг Юго-Западного фронта;
ж) в случае выступления Румынии уничтожить румынский флот и прервать ее морские сообщения;

з) в случае выступления Турции нанести поражения ее флоту, прервать здесь ее морские сообщения, разрушить гавань Трапезунд»^[17].

Еще ранее было сказано: «Итальянский флот свои основные действия будет иметь в Черном море».

Последняя фраза была ключевой. Сталин, Тимошенко, Шапошников и Жуков допустили серьезную стратегическую ошибку, переоценив возможности Италии.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, его окружение, а также командование Черноморского флота восприняли эту директиву как указание действовать по старому шаблону, только вместо действительно мощных противников — британского и французского флотов — супостатом был обозначен полуразбитый итальянский флот. Вот бы посмеялись дуче и его адмиралы, даже во сне не видевшие в 1941 г. ввода королевского флота в Черное море, как они напугали наших адмиралов!

В конце 1920-х и в 1930-х годах нашим флотом руководили в основном малокомпетентные персонажи. Вот, к примеру, начальники ВМС РККА. С 9 декабря 1924 г. по 23 августа 1926 г. — Зоф Вячеслав Иванович, бывший рабочий; данные об образовании отсутствуют. С 23 августа 1926 г. по июль 1931 г. — Муклевич Ромуальд Адамович, поляк, бывший рабочий. В 1913 г. окончил школу машинистов, более нигде не учился. С июля 1931 г. по июль 1937 г. — Орлов Владимир Митрофанович, студент-юрист; в 1917 г. окончил школу мичманов военного времени. Не лучше были и их замы. Вот, например, Лудри Иван Мартынович, унтер-офицер, по происхождению из эстонских крестьян.

И вот красные военморы придумали за британских адмиралов план нападения на СССР. Британский флот входил одновременно в Балтийское и Черное моря, подходил к Кронштадту и Севастополю и начинал обстреливать их из своих 15- и 16-дюймовых орудий. Понятно, я немного утрирую, но суть была именно такой. И вся наша военно-морская стратегия и тактика разрабатывались для отражения такого лобового удара «Гранд флита».

Красные военморы планировали перекрыть минами подходы к нашим главным военно-морским базам. Вражеские линкоры и крейсера должны были подорваться на минах, а затем быть атакованными десятками подводных лодок и сверхскоростных торпедных катеров. Британский флот должен был понести огромные потери. А затем из гавани вылетали новые

крейсера проекта 26 и эсминцы проектов 7 и 7У и добивали супостата.

Как видим, к политическому просчету — ожиданию нападения Англии и Франции — прибавлялся и чисто военный просчет. И в XIX, и в XX веках береговые крепости брались не с моря, а с суши^[18]. Тот же Севастополь был взят с суши союзниками в 1855 г., немцами в 1918 г. и красными в 1920 г. Японцы также взяли Порт-Артур с суши.

Попытки англичан и французов в ходе Крымской войны бомбардировать Севастополь и Свеаборг оказались провалом, а к Кронштадту английский и французский флоты боялись даже подходить.

В Русско-японской и Первой мировой войнах обстрелы военноморских баз и прибрежных городов проводились флотами воюющих государств довольно редко и всегда по одной и той же схеме. Стрельба велась или ночью, или из районов вне зоны обстрела береговых батарей. Время стрельбы не превышало одного часа, а чаще всего составляло 15–30 минут. Стрелявшие корабли двигались полным ходом и сразу же после прекращения огня быстро уходили в открытое море.

Попытка атаки в лоб береговых укреплений в годы Первой мировой войны проводилась союзниками только один раз. Речь идет о Дарданелльской операции. Огромный флот союзников не смог справиться со слабыми морскими и сухопутными силами турок. Союзники понесли большие потери в людях и кораблях и были вынуждены убраться восвояси.

Попытка лобового удара по Кронштадту или Севастополю в 1930-х годах заведомо стала бы самоубийством для британского флота. И, замечу, что к чести лордов Адмиралтейства, таких бредовых планов у них не было. Англичане и французы с 1930 г. по 1940 г. разработали несколько вариантов войны с СССР. Предусматривались дальняя блокада советского флота, бомбардировка нефтепромыслов в районе Баку и т. д., но до такого маразма их адмиралы не додумались.

Спору нет, среди красных военморов периодически в 1920—1930-х годах находились и здравомыслящие люди, считавшие, что главной задачей советского флота должна быть поддержка сухопутных войск в приморских районах. Для этого требовались мониторы, быстроходные канонерские лодки, множество тральщиков и десантных судов самых разных типов и т. д. Судостроители создавали проекты этих кораблей, и зачастую очень удачные, но все они ложились под сукно.

Вместо кораблей и судов, необходимых для поддержки сухопутных войск, строились корабли для отражения мифической атаки британского флота. Наши линкоры, крейсера и эсминцы должны стрелять дальше всех, подводных лодок у нас должно быть больше всех, а наши торпедные катера

должны быть быстрее всех.

В итоге с 1930 г. по 1941 г. ВМФ получил от промышленности 106 надводных кораблей, в том числе четыре крейсера, семь лидеров эскадренных миноносцев, 30 эсминцев, 18 сторожевых кораблей, 38 тральщиков, один минный заградитель, а также 206 подводных лодок и 477 боевых катеров.

Однако среди них не было ни одного десантного судна или быстроходной канонерской лодки. Зато подводных лодок и торпедных катеров у нас было больше, чем в любом флоте мира. К 22 июня 1941 г. в составе советского ВМФ находилось 3 (1)^[19] линкора, 7 (5) крейсеров, 59 (16) эсминцев, 22 (2) сторожевых корабля, 269 (84) торпедных катеров и 218 (47) подводных лодок.

У меня нет желания утомлять читателя разбором достоинств и недостатков различных типов надводных кораблей и подводных лодок. Скажу лишь, что ахиллесовой пятой всех их было архислабое зенитное вооружение. Поскольку именно это стало причиной гибели многих кораблей Черноморского флота, скажу об этом подробнее.

К 22 июня 1941 г. советский флот располагал 62 тяжелыми 100-мм зенитными орудиями. В число их входили 20 100-мм пушек производства итальянской фирмы «Минизини» и 42 100-мм пушки Б-34 производства завода «Большевик».

Итальянские пушки имели неисправимый конструктивный недостаток — переменную высоту оси цапф. Все 20 пушек находились на Черноморском флоте. Ими были вооружены крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ» и «Червона Украина».

Новые 100-мм пушки Б-34 были «сырыми». У них еще не отладили работу полуавтоматики, досылателя и ПУС, практически не функционировали электрические приводы наведения, и наводка Б-34 производилась вручную. Довести до ума эту систему удалось лишь в 1949 г. Новый образец получил индекс Б-34-УСМ.

Достаточно эффективными были 76/50-мм зенитные пушки, созданные на базе германской пушки фирмы «Рейнметалл». На Черноморском флоте имелось 88 одноствольных 76-мм установок 34-К, четыре двуствольные 76-мм установки 81-К (они были вооружении линкора) и две двуствольные 76-мм установки 39-К, которые предназначались для строящегося эсминца «Огневой» (проекта 30).

76-мм и 100-мм орудия предназначались в основном для поражения целей, летевших на высоте от 4 км. Однако наибольшую опасность для советских кораблей представляли низколетящие самолеты, эффективную

борьбу с которыми могли вести только зенитные автоматы. А с ними у нас были большие проблемы.

К 1918 г. на вооружении нашего флота состояли 37-мм зенитные автоматы типа «максим» производства Обуховского сталелитейного завода (ОСЗ) и 40-мм автоматы типа «виккерс», поставляемые из Англии. Эти автоматы имели ленточное питание и водяное охлаждение, что позволяло существенно увеличить длину очереди и время ведения огня без перерыва на охлаждение.

Понятно, что к середине 1930-х годов автоматы типа «максим» и «виккерс» износились и были сняты с вооружения. В 1927–1935 годах испытывались несколько образцов отечественных 37-мм автоматических пушек. Мало того, в 1931 г. немцы продали нам несколько образцов 20-мм и 37-мм зенитных автоматов фирмы «Рейнметалл», тех самых, которые стали основным средством ПВО вермахта и кригсмарине в 1939–1945 годах. Вместе с автоматами немцы поставили полный комплект технической документации на их серийное производство.

Автоматы фирмы «Рейнметалл» запустили в серийное производство на заводе № 8 (имени Калинина), расположенного в подмосковной деревне Подлипки (ныне г. Королев). 20-мм пушки получили индекс 2-К, а 37-мм — 4-К. Однако освоить производство германских автоматов подлипковцы не смогли, да, видимо, и не особенно старались.

Со своей стороны замнаркома обороны по вооружению М.Н. Тухачевский вообще особой нужды в зенитных автоматах не видел. Он считал, что ПВО сухопутных войск на всех высотах должны обеспечивать 76-мм «универсальные» пушки, представлявшие гибрид дивизионного и зенитного орудия. ПВО же надводных кораблей и катеров великий стратег не интересовался.

Работы над «универсальными» пушками, естественно, потерпели фиаско, а советские армия и флот остались без зенитных автоматов, то есть практически без ПВО, поскольку 7,62-мм пулеметы «максим» оказались неэффективны против новых типов самолетов, а больше у нас ничего не было. (ПВО страны имела на вооружений 76-мм пушки.)

За отсутствием зенитных автоматов наши корабли с 1935 г. стали вооружать 45-мм полуавтоматическими пушками 21-К. Качающаяся часть этой пушки была получена модернизацией качающейся части 45-мм противотанковой пушки образца 1932 года. По скорострельности и баллистике 21-К была близка к 47-мм пушке Гочкиса, которая производилась с 1888 г. (!) на ОСЗ, а после Русско-японской войны ее сняли с вооружения основных классов кораблей.

Понятно, что в 1930-х годах 45-мм пушки 21-К были малоэффективны для стрельбы по морским целям из-за очень слабого фугасного действия снаряда, а по самолетам — из-за малой скорострельности. Тем не менее эти «пукалки» у нас ставили на корабли всех классов. К 22 июня 1941 г. на Черноморском флоте их имелось 284, а по другим данным даже 474 (видимо, с учетом складов).

Лишь в 1937–1938 годах на заводе им. Калинина изготовили две зенитные автоматические пушки: 37-мм 61-К и 45-мм 49-К. Пушки лишь незначительно различались размерами, поскольку обе были скопированы с 40-мм автомата фирмы «Бофорс». Лишь во второй половине 1940 г. командование РККА сделало выбор между 37-мм калибром и 45-мм в пользу 61-К. Возможно, это был правильный выбор. Но для ВМФ предпочтительнее был калибр 45 мм из-за большей эффективности стрельбы и большей вероятности поражения цели при прямом попадании. Проблема веса и стоимости, очень важная для сухопутных войск, для кораблей не имела принципиального значения. Однако Артиллерийское Управление РККА выкрутило морякам руки и заставило их тоже принять калибр 37 мм.

Дальше еще хуже. Наше руководство захотело унифицировать сухопутную 37-мм пушку 61-К с ее корабельным аналогом 70-К и ухитрилось принять не водяную, а воздушную систему охлаждения!

За эту глупость пришлось расплачиваться кровью в годы Великой Отечественной войны. Лишь в конце 1940-х годов началась разработка 45-мм и 57-мм корабельных автоматов с водяным охлаждением.

37-мм автоматические пушки 70-К начали поступать во флот в конце 1940 г. К началу войны их состояло на Черноморском флоте... 18 штук. И это на целый флот! До конца 1941 г. на Черноморский флот поступило еще 29 автоматов 70-К, а в 1942 г. — 40.

Еще один классический пример, когда неэффективную боевую технику порождает «разруха в головах» — это хваленые советские торпедные катера. У нас созданием торпедных катеров ведали... авиационные конструкторы Туполев, Некрасов и К°. Как говорится, «взялся сапоги тачать пирожник»!

Толчком к созданию первых отечественных торпедных катеров стала так называемая «кронштадтская побудка». В ночь с 17 на 18 августа 1919 г. английские торпедные катера атаковали корабли Балтийского флота в Кронштадтской гавани. Пять катеров вышли из Биоркэ и два катера — из Териоки. Они встретились в районе форта Ино, а оттуда пошли Северным фарватером к Кронштадту. Чтобы отвлечь внимание большевиков, в 3 ч

45 мин 18 августа над Кронштадтом появились английские гидросамолеты, сбросившие 100-фунтовые бомбы и открывшие огонь из пулеметов. С 4 ч 20 мин до 4 ч 29 мин катера потопили старый крейсер «Память Азова» и серьезно повредили линкор «Андрей Первозванный». При этом было потеряно три катера.

Эти атаки неизвестного ранее класса кораблей произвели огромное впечатление на красных военморов.

Любопытно, что еще раньше английские торпедные катера потопили крейсер «Олег». А дело было так. 17 июня 1919 г. крейсер стоял на якоре у Толбухина маяка под охраной двух эсминцев и двух сторожевых судов. Катер подошел почти в упор к крейсеру и выпустил торпеду. Крейсер затонул. Как неслась служба у красных военморов, легко понять из того, что ни на крейсере, ни на охранявших его судах никто не заметил при дневном свете и отличной видимости подходящий катер. После взрыва был открыт беспорядочный огонь по «английской подводной лодке», которая привиделась военморам.

Еще в 1915 г. англичане решили создать малый скоростной торпедный катер, который иногда называли «плавучий торпедный аппарат».

Решающее значение в создании торпедных катеров имело сочетание мощного двигателя внутреннего сгорания с особыми (реданными) обводами корпуса, приводящими катер в состояние глиссирования по поверхности воды, что позволяло резко повышать его скорость. Благодаря редану уменьшалась площадь соприкосновения днища с водой, а значит, и сопротивление ходу корабля. Реданный катер уже не плыл — он как бы вылезал из воды и скользил по ней на огромной скорости, опираясь о водную поверхность лишь реданным уступом и плоской кормовой оконечностью.

С самого начала, создавая малые глиссирующие катера, англичане рассматривали их в качестве диверсионных средств.

Еще 17 сентября 1919 г. Реввоенсовет Балтфлота на основании акта осмотра поднятого со дна в Кронштадте английского 55-фунтового катера обратился в Реввоенсовет Республики с просьбой дать распоряжение о срочной постройке на наших заводах быстроходных катеров английского типа. Любопытно, что при этом было высказано пожелание не терять времени с тем, чтобы «катера были построены и испытаны до наступления зимы» (а была уже середина сентября...).

Данный вопрос был рассмотрен весьма быстро, и уже 25 сентября 1919 г. Главное управление кораблестроения сообщило в Реввоенсовет, что «ввиду отсутствия механизмов особого типа, до сих пор не

изготавливаемых в России, постройка серии подобных катеров в настоящее время, безусловно, неосуществима». Тем Дело тогда и кончилось.

В голодном 1921 г. авантюристу В.И. Бекаури удалось войти в доверие к высшему руководству страны, в том числе и к Ленину^[20]. Благодаря знакомству Бекаури удается создать Особое техническое бюро («Остехбюро»). Новая контора занялась различной суперэкзотикой, в том числе телеуправляемыми минами, торпедами, танками, самолетами и др.

В 1923 г. Бекаури предложили создать телеуправляемый торпедный катер, то есть катер, управляемый по радио с самолета или эсминца. Попытка заказать глиссирующие торпедные катера для «Остехбюро» во Франции не удалась, и Бекаури обратился в ЦАГИ к Туполеву.

25 августа был заключен договор между ЦАГИ и ВМС в лице Главного морского техническо-хозяйственного управления (Техуправление) на изготовление катера. Срок готовности по договору был установлен 15 июня 1927 г., а официальным сроком начала работ постановили считать 7 августа 1925 г.

Малый радиус нового торпедного катера и его плохая мореходность никого в то время не смущали. Предполагалось, что новые глиссеры разместятся на крейсерах. На «Профинтерне» и на «Червоне Украине» планировалось сделать для этого добавочные сваливающиеся шлюпбалки.

В основу проекта первого туполевского глиссерного катера был положен поплавков гидросамолета. Верх этого поплавок, активно участвующий в прочности конструкции, перешел на катера Туполева. Вместо верхней палубы у них была круто изогнутая выпуклая поверхность, на которой человеку трудно удержаться, даже когда катер неподвижен. Когда же катер был на ходу, выйти из его боевой рубки было смертельно опасно — мокрая, скользкая поверхность сбрасывала с себя решительно все, что на нее попадало (к сожалению, за исключением льда, в зимних условиях катера обмерзали в надводной части). В ходе Великой Отечественной войны на торпедных катерах типа Г-5 приходилось перевозить десант, людей сажали гуськом в желоба торпедных аппаратов, больше им негде было находиться. Обладая сравнительно большими запасами плавучести, эти катера практически ничего не могли перевозить, поскольку груз некуда было брать.

Неудачной оказалась и заимствованная у английских торпедных катеров конструкция торпедного аппарата. Минимальная скорость катера, при которой он мог выпустить свои торпеды, составляла 17 узлов. На меньшем ходу и на стопе катер не мог дать торпедный залп, так как это означало бы для него самоубийство — торпеда неминуемо попала бы в

него.

Туполевские катера могли действовать торпедами при волнении до 2 баллов, а держаться в море — до 3 баллов. Плохая мореходность проявилась прежде всего в залипании мостика катера даже при самом незначительном волнении и в сильном забрызгивании открытой сверху очень низкой ходовой рубки, затрудняющем работу команды катера. Производной от мореходности была и автономность туполевских катеров — их проектная дальность никогда не могла быть гарантирована, так как зависела не столько даже от запаса топлива, сколько от погоды. Штормовые условия в море бывают сравнительно редко, но свежий ветер, сопровождающийся волнением 3–4 балла, — явление, можно сказать, нормальное. Поэтому каждый выход туполевских торпедных катеров в море граничил со смертельным риском вне всякой связи с боевой деятельностью катеров.

Стало традицией, что в ответ на критику наши кораблестроители и адмиралы отвечают, мол, «легко писать задним числом», «да кто же мог предвидеть...».

Спорить о том, что любой командующий Черноморским флотом должен был предвидеть, что его кораблям и катерам придется воевать у Босфора, не говоря уж о Варне и Констанце, бесполезно. Но неужели нельзя было обратиться к иностранному опыту? Ведь ни одно государство в мире, кроме Италии, к 1939 г. не строило торпедных катеров реданного типа. Все давно перешли на килевые.

Война в Испании подтвердила неэффективность реданных катеров. В мае 1937 г. транспорт «Санто Томе» доставил в порт Картахена четыре катера Г-5. Небольшая дальность плавания и плохая мореходность не позволили использовать их по назначению, и катера применялись в основном для сопровождения транспортов. Но и тут они действовали крайне неудачно. Так, 30 июля 1937 г. республиканские транспорты, сопровождаемые двумя Г-5, были атакованы недалеко от Барселоны итальянской летающей лодкой «Савойя». Один из катеров, поврежденный огнем с самолета, загорелся, выбросился на мель и взорвался, а другой также был поврежден, но сумел уйти.

В октябре 1937 г. три республиканских катера Г-5, патрулировавшие у Аликанте, были атакованы самолетом «Дорнье». Один из катеров был поврежден, и катера «обратились в бегство». Между тем у франкистов шесть килевых торпедных катеров германской фирмы «Люрсен» действовали куда более успешно.

Кстати, еще раньше преимущества быстроходных килевых катеров

проявились в многолетней войне, которую правительство США вело с... господином Бахусом. Бахус, естественно, победил, и правительство было вынуждено позорно отменить «сухой закон». Немалую роль в победе Бахуса сыграли быстроходные килевые катера фирмы «Элко», доставлявшие виски с Кубы и Багамских островов. Другой вопрос, что та же фирма строила катера и для береговой охраны.

Стоит заметить, что в Германии, буквально связанной по рукам и ногам Версальским договором и охваченной экономическим кризисом, сумели в 1920-х годах провести испытания реданных и килевых катеров. По результатам испытаний был сделан однозначный вывод — делать только килевые катера. Монополистом в области производства торпедных катеров стала фирма «Люрсен», которая строила быстроходные катера еще в годы Первой мировой войны. У немцев печь пироги никогда не давали сапожнику. Постепенно водоизмещение германских торпедных катеров возросло с 46,5/58 т ^[21] (1932 г., S-2 ÷ S-5) до 92,5/112 т (1938 г., S-18 ÷ S-25). Дальность плавания у немецких катеров колебалась от 600 до 800 миль. Катера типа «Люрсен» существенно превосходили катера Туполева по вооружению. Формально как немецкие, так и советские катера (Г-5) несли по две 533-мм торпеды. Но у немцев они пускались из трубчатых торпедных аппаратов вперед, а у нас — из желобковых торпедных аппаратов и назад. Соответственно, меткость стрельбы у немцев была гораздо выше, стрельба торпедами меньше зависела от волнения моря и совсем не зависела от скорости катера.

С 1932 г. немецкие катера вооружались 20-мм автоматической пушкой, а затем двумя 20-мм пушками. С 1943 г. на вооружение катеров стали поступать 30-мм автоматические пушки Mk.103. По две пушки ставились на катера, начиная с S-171, а с S-219 — по шесть 30-мм пушек. Часть катеров имела противопульную броню рубки и бортов. Дальность плавания их составляла 600–800 миль. За все, разумеется, надо платить, и максимальная скорость германских катеров менялась от 33,8 узла у типа S-2 до 43,6 узла у типа S-170. Но торпедные катера — не гоночные катера, и важна не та скорость, которую они выжимают в штиль на мерной миле, а та, которую они реально имеют в море, выходя на задание. И вот тут ситуация менялась не в пользу реданных катеров. Я уж не говорю, что на полном ходу наших реданных катеров их пулеметы стреляли «в белый свет как в копеечку».

Немецкие катера свободно действовали в свежую погоду на всем Северном море. Базируясь на Севастополь и на Двужорную бухту (близ Феодосии), германские торпедные катера действовали во всем Черном

море. Поначалу наши адмиралы даже не верили донесениям, что германские торпедные катера действуют в районе Поти. Встречи наших и германских торпедных катеров неизменно заканчивались в пользу последних. В ходе боевых действий Черноморского флота в 1942–1944 годах ни один германский торпедный катер не был потоплен в море.

Что же мешало нашим адмиралам и судостроителям делать килевые катера дальнего действия? Наша судостроительная промышленность могла выпускать мореходные килевые торпедные катера десятками. Надо ли говорить, что было бы, если бы вместо 82^[22] глиссирующих торпедных катеров Г-5 и Ш-4 Черноморский флот имел хотя бы 30 больших килевых катеров, которые, базируясь на Севастополь или Балаклаву, могли оперировать у Босфора и Варны. Но, увы, наши адмиралы были помешаны на бое на минно-торпедной позиции с «Гранд флотом» и ни о каких других вариантах войны и слышать не хотели.

Лишь перед самой войной начались работы по созданию килевых мореходных торпедных катеров, но в серию их запустить удалось лишь после войны. В какой-то мере положение было исправлено в 1943–1945 годах, когда союзники поставили в СССР по ленд-лизу 202 килевых торпедных катера. Но, увы, на Черноморский флот они прибыли «к шапочному разбору».

Не лучше обстояли дела и в сухопутных войсках. В Красной Армии господствовала наступательная доктрина. С легкой руки Хрущева «совковые» историки, как попугаи, повторяют выдернутую из контекста фразу маршала Тухачевского: «Новая мировая война будет войной моторов», но опускают продолжение цитаты: «...против классово-неоднородного противника». А суть-то была именно в последних словах! Главное — напугать противника, а дальше рабочие и крестьяне в солдатских шинелях поднимут вверх руки и будут ждать своих освободителей от «капиталистического ярма».

Именно для этого Тухачевский и К° заставили заводы производить тысячи танков с противопульной броней (Т-26, ВТ всех типов, Т-38 и т. д.), несмотря на то, что уже в начале 1930-х годов в Англии и Франции пошли в производство танки с противоснарядной броней.

В 1930-е годы в СССР огромные средства тратились на неумные фантазии разного рода авантюристов, пользовавшихся поддержкой малограмотных руководителей армии и промышленности — Тухачевского, наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе, замнаркома обороны по вооружению И.П. Павлуновского, руководства Артуправления во главе с комкором Ефимовым и т. д.

Так, авантюрист В.И. Бекаури, возглавлявший «Остехбюро», выдвинул идею войны телеуправляемых роботов — самолетов, кораблей, подводных лодок, танков и др. В течение примерно 10 лет были созданы многочисленные образцы телеуправляемых самолетов, танков, торпедных катеров, сверхмалых подводных лодок и т. д. Ряд образцов был принят на вооружение и запущен в серийное производство.

Увы, проку от этих телеигрушек оказалось мало, и с началом войны все «штучки» Бекаури отправили на склады, а сам он к этому времени был репрессирован.

Другой авантюрист Л.В. Курчевский задумал перевооружить всю артиллерию на динамореактивные, то есть безоткатные пушки. Речь шла и о сухопутных, и о корабельных, и об авиационных пушках. Было изготовлено свыше пяти тысяч подобных орудий, и все они пошли на лом еще до войны^[23].

Группа артиллеристов предложила создать сверхдальнобойную 180-мм корабельную пушку. 180-мм пушка стреляла на дистанцию до 38 км снарядами весом 97 кг, причем бронебойный снаряд содержал около 2 кг взрывчатого вещества, а фугасный — около 7 кг. Понятно, что серьезных повреждений вражескому крейсеру, не говоря уж о линкорах, такой снаряд нанести не мог. А хуже всего то, что попасть в движущийся линкор, а тем более в крейсер с дистанции свыше 150 кабельтовых (27,5 км) можно было только случайно. Кстати, «Общие таблицы стрельбы» (ОТС) для 180-мм пушек были рассчитаны лишь до дистанции 189 кабельтовых (34,6 км), при этом срединное отклонение по дальности составляло свыше 180 м, то есть не менее кабельтова. Таким образом, из таблиц стрельбы следует, что красные военморы из 180-мм орудий не собирались стрелять даже по береговым целям. Хотя стрельба на такую дальность могла быть эффективна только по площадным береговым целям. —

Вероятность рассеивания по дальности составляла свыше 220 м, а боковое — свыше 32 м, и то теоретически. А практически у нас тогда не было ПУСов^[24], чтобы стрелять на такие дистанции.

Тем не менее такими тяжелыми, дорогими и обладавшими низкой живучестью пушками был вооружен крейсер «Красный Кавказ» и все новые крейсера проектов 26 и 26бис.

А «дальнобойщики» не унимались, и в 1930-е годы было испытано несколько десятков орудий с каналами, переделанными для стрельбы нарезными, полигональными и подкалиберными снарядами. Но огромное рассеивание, слабое фугасное действие, сложность изготовления и

заряжания этими снарядами исключали их принятие на вооружение^[25].

Не лучше дело обстояло и с сухопутной артиллерией. Игнорируя опыт Первой мировой войны, советское руководство не уделяло должного внимания навесному огню артиллерии, заиклившись на настильном огне. Для сравнения скажу, что германские дивизии не имели пушек, за исключением зенитных и противотанковых. Полковая артиллерия состояла из 7,5-см и 15-см пехотных орудий, а дивизионная — из 10,5-см и 15-см гаубиц. Пушки имела только тяжелая артиллерия. Все полевые и дивизионные орудия вермахта могли вести эффективно навесную стрельбу за счет больших углов возвышения и раздельно-гильзового заряжания, что позволяло, варьируя заряды, менять крутизну траектории снаряда.

Наши же полковые и дивизионные пушки не имели возможности вести навесной огонь.

Поражения РККА в 1941 г. до смерти Сталина объяснялись у нас исключительно внезапностью нападения. Со времени XX съезда КПСС стало модно во всем винить Сталина, Берия, Жданова и др., которые де не слушали наших разведчиков и гениальных полководцев типа Жукова.

Возникает естественный вопрос, а почему все генералы и члены ЦК терпели такого «дурака», как Сталин? И если он «дурак», то как он сумел из лапотной России сделать великую индустриальную державу? Как могли «дурак» Сталин и «террорист» Берия, который только всем грозил и всем мешал, эвакуировать промышленность на Урал и в Сибирь и наладить там невиданное в истории производство военной техники?

Увы, не сходятся концы с концами у наших горе-историков. Мы никогда не поймем причин поражений в 1941–1942 годах, если по-прежнему не будем трогать двух «священных коров» — генералитет и рядовой личный состав.

Никто не спорит, что в техническом оснащении Красной Армии и Флота было полно изъянов, и о многих из них говорится в этой книге. Но в общем и целом в ходе Великой Отечественной войны в качественном отношении наша военная техника не уступала противнику, а в численном отношении намного превосходила ее.

Когда говорят об авиакатастрофе, то сразу же называют две основные причины — отказ техники и человеческий фактор. У нас же говорить о человеческом факторе в применении к Красной Армии считалось величайшим грехом; На самом же деле именно руководство РККА в первую очередь несет ответственность за поражения. В нашем Генштабе не были сделаны должные выводы из кампании на Западном фронте летом 1940 г. Уровень офицеров и генералов в РККА был немного ниже, чем в

вермахте. А уровень подготовки рядового состава просто несопоставим. Можно ли сравнить казаха или туркмена, едва-едва понимающего русский язык, с немецким парнем, окончившим среднюю школу и прошедшим военную и спортивную подготовку в Гитлер-югенде? Наши военные историки так и сяк вертят данные по числу самолетов и танков в РККА и вермахте, но почему-то никто не приводит уровень грамотности личного состава этих армий. Каюсь, я этих данных и сам не нашел. Но по данным «Советской энциклопедии», с 1918 г. по 1941 г. в СССР среднее образование получили 3829 тысяч человек. Если отбросить женщин, а также умерших и негодных к военной службе мужчин, то среди военнослужащих к 22 июня 1941 г. было не более полутора миллионов человек со средним образованием. Нельзя отрицать, что советское правительство сделало очень многое. Так, в 1913 г. среди рядового состава русской армии было 1480 человек со средним образованием. А всего грамотных в армии было 604 тысячи человек, малограмотных — 302 тысячи, неграмотных — 353 тысячи человек. Так что качественный скачок в грамотности за первые 20 лет советской власти налицо, но, увы, мы по-прежнему здорово отставали в этом плане от Германии.

Важным фактором поражения, на мой взгляд, стало столкновение отмобилизованной воевавшей армии с неотмобилизованной и невоевавшей 20 лет армией. Финская война и ввод войск на территорию Польши в сентябре 1939 г. в силу своей специфики в счет не идут. Войска же, участвовавшие в боях с японцами на реке Халхин-Гол, в основном так и остались на Дальнем Востоке. Германская же армия менее чем за два года победным маршем прошла по всей Европе от Бреста на Буге до Бреста на берегах Атлантики и от Нарвика до Крита. Был накоплен огромный опыт боевых действий, у противника захвачены тысячи танков, самолетов и артиллерийских орудий. Заводы всей континентальной Европы работали на вермахт.

Глава 4. Силы сторон на Черном море

К началу войны Черноморский флот представлял собой грозную силу. Но даже базирование его кораблей доказывало, что флот готовится не к борьбе с реальным противником, то есть с немецкой армией и опереточным румынским флотом, а к отражению нападения каких-то превосходящих морских сил.

В Севастополе базировались:

эскадра в составе линейного корабля «Парижская Коммуна», бригады крейсеров (крейсера «Красный Кавказ», «Червона Украина», «Красный Крым») и Отряда легких сил (крейсера «Ворошилов», «Молотов», лидеры «Москва» и «Харьков», эсминцы «Бойкий», «Быстрый», «Безупречный», «Беспощадный», «Бодрый», «Смышленный», «Сообразительный», «Незаможник» и «Шаумян»);

1-я бригада подводных лодок (13 подводных лодок, находившихся в строю): Л-5, Д-5, С-31, С-32, С-33, С-34, Щ-204, Щ-205, Щ-206, Щ-208, Щ-209, Щ-210, Щ-211;

2-я бригада подводных лодок (8 подводных лодок, находившихся в строю): М-31, М-32, М-33, М-34, М-35, М-36, М-58, М-62; в ремонте М-59, М-60, А-1, А-2, А-3, А-5;

1-я бригада торпедных катеров (в числе которых имелось 10 катеров Г-5 «волнового управления»; они должны были наводиться на противника с самолетов МБР-2), бригада траления, сторожевые корабли и катера охраны водного района (ОВР) главной базы. В текущем ремонте (на заводе № 201) — крейсер «Красный Крым»; эсминец «Железняков», подводные лодки Л-4 и Щ-207.

В капитальном ремонте — подводные лодки Л-6, Д-4 и Д-6. Проходили заводские испытания подводные лодки Л-24 и Щ-216. Достраивались эсминцы «Способный» и «Совершенный».

В Одессе базировались дивизион канонерских лодок («Красный Аджаристан», «Красная Армения», «Красная Грузия»), а также старый крейсер «Коминтерн» (бывший «Кагул»).

В порте Очаков базировалась 2-я бригада торпедных катеров.

В ВМБ Новороссийска базировались корабли ОВР, 10-й отдельный учебный дивизион подводных лодок (7 единиц; из них в строю в Новороссийске подводные лодки Щ-201 и М-52; подводная лодка Щ-202 — в Феодосии на испытании торпед; подводные лодки Щ-203, М-51 и М-55 —

в различных видах ремонта в Севастополе, и подводная лодка М-54 — в среднем ремонте в Херсоне).

В ВМБ Потти находилась подводная лодка А-4 из состава 6-го дивизиона подводных лодок 2-й бригады подводных лодок, базировавшегося на Потти (остальные четыре подводные лодки находились на ремонте в Севастополе).

В ВМБ Батуми базировались эскадренные миноносцы «Фрунзе» и «Дзержинский», временно выведенные из состава эскадры и приданные ВМБ Батуми.

На ремонте в Николаеве находились лидер «Ташкент» (на нем производилась замена вооружения: щитовые установки Б-13 заменяли на башенные Б-2ЛМ, а 45-мм пушки 21К — на автоматы 70К), эсминец «Бдительный», канонерская лодка «Красная Абхазия» и подводные лодки Щ-212, Щ-213, Щ-214 и Щ-215.

Там же, в Николаеве, на плаву достраивались: легкие крейсера проекта 68 «Фрунзе» (техническая готовность 33 %, плановый срок ввода в строй 1942 г.), «Куйбышев» (27 %, 1942 г.); лидеры проекта 48 «Киев» (48,9 %, 1942 г.) и «Ереван» (25,4 %, 1942 г.); эсминец проекта 7У «Свободный» (83,8 %, 1941 г.); эминцы проекта 30 «Огневой» (50,8 %, 1942 г.) и «Озорной» (21,2 %, 1942 г.); подводные лодки проекта ХІІІбис: Л-23 (89,9 %, 1941 г.), Л-25 (63,2 %, 1941 г.); подводная лодка проекта ІХбис: С-35 (40,4 %, 1941 г.)^[26].

Кроме того, на стапелях находились линкор «Советская Украина», тяжелый крейсер «Севастополь», легкие крейсера «Свердлов» и «Орджоникидзе», пять эминцев проекта 30, четыре сторожевых корабля проекта 29, три подводные лодки проекта ІХбис и три подводные лодки проекта ХVІ.

Итого к 22 июня 1941 г. Черноморский флот имел в строю и ремонте один линкор, пять крейсеров, 17 лидеров и эминцев, два сторожевых корабля, 44 подводные лодки, четыре канонерские лодки, два минных заградителя, 12 тральщиков, 78 торпедных катеров, 24 охотника за подводными лодками.

Следует заметить, что сразу же после начала Великой Отечественной войны Черноморский флот стал пополняться катерами морпогранохраны НКВД, а также торговыми и рыболовецкими судами. Всего к 18 июля от погранохраны было принято 94 катера, а от гражданских ведомств — 147 судов.

В составе флотской авиации находилось 625 самолетов, из них 167 — гидросамолеты. (По другим данным, всего было 624 самолета, из них 138

бомбардировщиков, 346 истребителей, 140 разведчиков.)

В подавляющем большинстве истребители были представлены старыми машинами типа И-16. Лишь перед самой войной авиация Черноморского флота получила новые истребители: шестнадцать МиГ-3 и семь Як-1.

ВВС Черноморского флота состояли из 63-й бомбардировочной авиабригады (40-й бомбардировочный авиаполк, 2-й минно-торпедный авиаполк, две отдельные бомбардировочные эскадрильи), 62-й истребительной авиабригады (8-й, 9-й и 32-й истребительные авиаполки), трех отдельных истребительных авиаэскадрилий, морского разведывательного авиаполка, пяти отдельных морских разведывательных авиаэскадрилий и отдельного морского авиаотряда.

Командованию Черноморского флота подчинялась Дунайская речная флотилия, созданная летом 1940 г. в дельте Дуная после занятия советскими войсками Бессарабии. К 22 июня 1941 г. в состав флотилии входили пять мониторов («Ударный», «Железняков», «Ростовцев», «Мартынов», «Жемчужин»), две канонерские лодки («Буг» и «Днестр»), 22 бронекатера проекта 1125, семь катеров-тральщиков, отряд глиссеров и несколько вспомогательных судов.

Помимо того, в состав Дунайской флотилии входили 96-я отдельная авиаэскадрилья (шесть истребителей И-154 и восемь истребителей И-15), зенитные и береговые артиллерийские батареи, стрелковая и пулеметная роты. С началом войны флотилии был придан 4-й Черноморский отряд погрансудов НКВД (четыре пограничных сторожевых катера типа «МО» и несколько малых катеров других типов).

Корабли флотилии базировались на порты левого берега Дуная: Измаил (главная база), Рени, Килия, Вилков. Все базы просматривались с противоположного румынского берега, что затрудняло скрытную перегруппировку сил и средств.

К 22 июня Черноморский флот располагал довольно приличной системой береговой обороны. Естественно, лучше всего была защищена главная база флота. С двух сторон (у деревни Любимовка и у мыса Херсонес) район Севастополя прикрывали две мощные башенные 305-мм батареи (№ 30 и № 35). В каждой батарее было по четыре орудия в двух башнях.

Остальные орудия стояли открыто (или с коробчатыми щитами) в бетонированных орудийных двориках. Батарея № 10 была вооружена четырьмя 203/50-мм пушками. Батарея № 12, № 18 и № 19 имели по четыре 152/45-мм пушки Кане; батарея № 28 — три 152-мм пушки; батареи № 26 и

№ 32 — по три 130-мм пушки; батарея № 13 — четыре 120/50-мм пушки; батарея № 2 — четыре 100-мм пушки.

Дунайская флотилия располагала двумя подвижными батареями № 724 и № 725 (по четыре 152-мм пушки МЛ-20), двумя стационарными батареями № 717 (три 130/55-мм пушки у села Жебрияны) и № 7 (75/50-мм пушки в г. Вилков).

Одесская ВМБ была прикрыта шестью 180-мм пушками МО-1-180 (батареи № 41 и № 412), тремя 203/50-мм пушками (батарея № 21), тремя 152-мм пушками (батарея № 1) и шестью 130-мм пушками (батареи № 39 и № 718).

Вход в Днепро-Бугский лиман преграждали восемь 203/50-мм пушек (батареи № 15 и № 22).

Керченский пролив контролировали три 203/50-мм пушки (батарея № 33), четыре 180-мм установки МО-1-180 (батарея № 29) и четыре 152/45-мм пушки (батарея № 48).

Новороссийскую ВМБ прикрывали железнодорожная батарея № 16 (четыре транспортера ТМ-1-180), восемь 152/45-мм пушек (батареи № 23 и № 31) и три 130-мм пушки (батарея № 714).

ВМБ Батуми прикрывали четыре 203/50-мм пушки (батарея № 52), четыре 180-мм установки МО-1-180 (батарея № 431) и четыре 152/45-мм пушки (батарея № 51).

Дальность стрельбы орудий береговой обороны Черноморского флота позволяла прикрывать ими целые районы. Так, артиллерия Одессы и Очакова прикрывала район от Сергеевки (западнее устья Днестра) до Тендровской косы, а артиллерия Севастополя — от г. Саки до г. Алушта.

Следующим по мощи флотом на Черном море, после советского, был турецкий. К 22 июня 1941 г. в его составе находились линкор «Явуз» (бывший германский линейный крейсер «Гебен»), шесть эсминцев, четыре подводные лодки и три торпедных катера. Как видим, турецкий флот был многократно слабее советского. Главным же было то, что турецкое правительство ни под каким соусом не желало втягиваться в войну. И даже в самый тяжелый для нас период войны (1941–1942 гг.) Турция не собиралась нападать на СССР.

Болгария практически не имела военно-морского флота. Самыми крупными ее кораблями были три сторожевых судна типа «Храбрый» (водоизмещение 100 т, скорость хода 17 узлов, вооружение: две 47-мм пушки), построенные в 1906–1908 годах.

Следующим за турецким по боевой мощи флотом был румынский. Главную его силу составляли четыре эсминца итальянской постройки.

Эсминцы «Регеле Фердинанд» и «Регеле Мария» были построены в Неаполе в 1927–1930 годах. Их водоизмещение составляло 1821 т, скорость хода 38 узлов. Вооружение состояло из пяти 120/50-мм орудий, одной 76/40-мм зенитной пушки, двух 40-мм пушек и шести 533-мм торпедных аппаратов. В годы войны зенитное вооружение было заменено на германское: одну 88-мм, три 37-мм, одну 20-мм пушки и два 13,2-мм пулемета.

Эсминцы «Марашти» и «Марасести» были построены в Неаполе в 1913–1920 годах. Водоизмещение их 1723 т, скорость хода 40 узлов. Вооружение: пять 120/45-мм, две 76-мм зенитные пушки, четыре 450-мм торпедных аппарата. В ходе войны зенитное вооружение заменили на германское: две 37-мм, пять 20-мм пушек и четыре 13,2-мм пулемета.

Кроме того, в румынском флоте имелось три малых миноносца «Сборул», «Иалуна» и «Смеул», построенные в 1913–1915 годах в Фиуме (Италия) и доставшиеся Румынии при разделе австро-венгерского флота. Их водоизмещение составляло 262 т, скорость хода 24 узла. Вооружение: две 66-мм пушки и два 450-мм торпедных аппарата.

Румынский подводный флот состоял из трех лодок. Подводные лодки S-1 «Решинул» и S-2 «Марсунул» были заложены в 1938 г. на государственной верфи в Галаце, спущены на воду соответственно 4 мая 1941 г. и 22 мая 1941 г., а в строй вступили в августе и сентябре 1943 г. Водоизмещение их 636/860 т. Скорость хода 16,6/8 узла. Вооружение: одна 88-мм, одна 20-мм пушка и шесть 533-мм торпедных аппаратов.

Итак, к 22 июня 1941 г. ударную силу румынского флота представляли четыре эсминца и одна подводная лодка. Кроме того, на Дунае румыны имели довольно мощную речную флотилию, ядро которой составляли семь мониторов.

Техническое состояние кораблей и моральный дух личного состава оставляли желать лучшего, и командование Королевского флота до конца 1941 г. не выводило корабли из прибрежных вод Румынии.

Румыния надеялась защититься от Черноморского флота не кораблями, а береговыми батареями. В этом плане румынам хорошо помогли немцы. В 1940 г. южнее Констанцы немцы начали строительство береговой батареи «Тирпиц», вооруженной тремя корабельными пушками 28-см SKL/45. Такие пушки в годы Первой мировой войны устанавливались на линкорах типа «Нассау» и линейном крейсере «Фон дер Танн». Батарея располагалась на возвышенности в 600 м от уреза воды. Расстояние между установками составляло 250–300 м.

Калибр орудий 283 мм. Длина ствола 45 калибров. Затвор орудий

горизонтальный клиновой с ручными приводами. Орудия размещались в бетонированных колодцах. Управление стрельбой производилось с помощью 14-метрового дальномера и радиолокационной станции. Стреляло орудие снарядами весом 284 кг и 302 кг с начальными скоростями 885 м/с и 870 м/с соответственно. Максимальный угол возвышения составлял 37°, что позволяло достигать дальности 36,1 км.

К 22 июня 1941 г. батарея «Тирпиц» была введена в строй. Обслуживалась она немецкими расчетами.

Остальные батареи береговой обороны обслуживались румынами. Их береговая оборона делилась на Дунайскую дивизию (полк) и на Констанцскую дивизию (полк). В состав Констанцской дивизии входили два дивизиона: собственно Констанцкий и Мангальский.

В состав Констанцкого дивизиона входили три батареи.

Батарея «Мирча» построена в 1941 г. Вооружена четырьмя 152/45-мм пушками Кане, захваченными в России в 1918 г. Пушки стреляли русскими снарядами образца 1907 года весом 49,5 кг с начальной скоростью 750 м/с. Станок орудия модернизировали, и угол возвышения был доведен до 41,5° благодаря чему дальность стрельбы составляла 18,5 км.

Батарея «Тудор» построена в 1928 г. и вооружена тремя 152/40-мм орудиями. Угол возвышения установок 25°. Вес снаряда 46,4 кг, начальная скорость 695 м/с. Максимальная дальность стрельбы 11,4 км.

Батарея «Михай» построена в 1940 г. и вооружена тремя старыми германскими корабельными пушками 17-см SKL/40. Угол возвышения установок 23°. Вес снаряда 64 кг, начальная скорость 860 м/с. Дальность стрельбы 18 км.

В районе румынского порта Мангалия дислоцировался Мангальский дивизион береговой обороны в составе двух батарей.

Батарея «Елизабета» построена в 1940 г. и вооружена четырьмя 120/50-мм установками. Угол возвышения установок 44°. Вес снаряда 23,8 кг, начальная скорость 810 м/с. Дальность стрельбы 14 км.

Батарея «Аурора» построена в 1941 г. и вооружена тремя 152/40-мм установками с углом возвышения 25°. Вес снаряда 46,4 кг. Дальность стрельбы 11,4 км.

Таким образом, за исключением германской батареи «Тирпиц», румынские береговые батареи были вооружены устаревшей материальной частью и на июнь 1941 г. не имели хороших дальномеров.

Понятно, что при таком соотношении сил наш флот мог безраздельно господствовать на Черном море. Причем у румын не было ни сил, ни желания выходить на советские торговые коммуникации, и Черноморский

флот мог быть свободен от тяжелой обязанности конвоировать торговые суда. В случае же вывода из строя береговой батареи «Тирпиц» советский флот мог без особых проблем производить обстрелы всего румынского побережья.

Глава 5. Удары по Констанце

Бомбардировка Констанцы советскими кораблями и самолетами в конце июня 1941 г. хорошо описана в советских и западных источниках. И, что нечасто случается, обе стороны в целом положительно оценивают ее. Тем не менее даже столь хорошо изученная операция содержит множество тайн и белых пятен.

Начну с того, что все наши и западные авторы неверно указывают цель налетов на Констанцу. К примеру, в официальном труде «Боевой путь советского военно-морского флота» говорится: «В ходе войны Румыния была основным источником снабжения фашистской Германии и ее сателлитов нефтью — важнейшим стратегическим сырьем, необходимым для обеспечения боевой деятельности мотомеханизированных частей армии, воздушных сил и военно-морского флота. Потому удары по морским сообщениям противника должны были затруднить снабжение его горючим. Основным портом вывоза нефти морским путем была Констанца — главная военно-морская база противника на Черном море.

Флот должен был нарушать перевозки румынской нефти морским и речным путем в страны фашистского блока и пресечь морские перевозки по линии Констанца — Босфор»^[27].

Вроде бы все сказанное абсолютно верно, тут можно лишь добавить, что по Дунаю со всей Центральной Европы шел поток грузов в Черное море, Проливы и далее в порты Средиземноморья.

Даже одной трети Черноморского флота хватило бы, чтобы полностью блокировать все порты Румынии и пресечь вражеские перевозки по Черному морю.

Для этого достаточно было направить 25–30 торпедных катеров и столько же катеров МО-4 в дельту Дуная и создать там для них операционные базы. Радиус действия торпедных катеров можно было увеличить за счет дозаправки в море или буксировки катерами МО-4. Запас топлива на МО-4 позволял без проблем действовать им у всего побережья Румынии. Катера МО-4 не несли торпед, но пара таких катеров (вооруженных четырьмя 45-мм пушками) могла стать серьезной угрозой для любого торгового судна и идущих без сопровождения боевых кораблей. И торпедные катера, и катера МО-4 могли использоваться для активных минных постановок у берегов Румынии.

Противопоставить нашим катерам Румынии было практически нечего.

Разве что вывести в море свои четыре эсминца, но на этот случай у нас было более чем достаточно лидеров и эсминцев.

Таким образом, одни катера могли полностью парализовать все грузопассажирские перевозки противника на Черном море. Наконец, торпедные катера и катера МО-4 могли из пушек и пулеметов производить обстрелы мелких населенных пунктов Румынии.

Уверен, что кто-то из читателей бросит упрек автору, мол, хорошо воевать «задним числом». Но я пишу только об очевидных вещах, которые был обязан сделать даже самый заурядный морской офицер. Летом 1941 г. ни торпедным катерам, ни МО-4 делать на Черном море было нечего. Для торпедных катеров не было вражеских надводных кораблей, а для катеров МО-4 — подводных лодок.

Между прочим, многие офицеры Черноморского флота в июне — июле 1941 г. предлагали использовать торпедные катера по назначению. Так, командующий Дунайской флотилией 25 июня просил командование Черноморского флота прислать торпедные катера Г-5 на Дунай для атаки румынских мониторов у Тулчи или Галаца. Октябрьский послал четыре катера Г-5. Они прибыли в. Кислицу (базу на Дунае) только 28 июня. А уже через пять дней Октябрьский приказал вернуть их обратно в Очаков. Ну не хватало там четырех торпедных катеров! А вдруг появится «Джулио Чезаре» и начнет палить из 320-мм пушек по Очакову, и тогда эти четыре катера должны были решить исход боя!

Нарком Кузнецов предложил Военному Совету Черноморского флота проработать план использования для ударов по базам противника торпедных катеров волнового управления, начиненных взрывчатыми веществами.

26 июня Октябрьский доложил Кузнецову план набеговой операции на Констанцу двумя торпедными катерами волнового управления, начиненными взрывчатыми веществами по 2,6 т каждый.

Операцию предполагалось произвести следующим образом. Развертывание средств должно было происходить из главной базы. В светлое время суток до Тарханкута торпедные катера должны следовать на буксире тральщиков. В районе Тарханкута до наступления темноты к тральщикам присоединяются два эсминца. Ровно в полночь в точке с координатами ш = 44°03'5, д = 31°35'0 тральщики отдают буксиры и возвращаются в базу, а торпедные катера следуют своим ходом за эсминцами со скоростью 25 узлов.

С рассветом в исходной точке были намечены рандеву с самолетами-водителями, настройка аппаратуры и съемка личного состава с торпедных

катеров на борт эсминца. Другой эсминец должен был осуществлять противолодочную оборону. На отходе эсминцы предполагалось прикрыть истребительной авиацией.

Атака Констанцы намечалась на 6 ч 00 мин — 6 ч 30 мин. Объектами атаки должны были стать корабли, транспорты и плавучий док. Запасной целью были намечены причалы. Решение задачи требовало прорыва торпедных катеров в гавань.

Одновременно с атакой торпедных катеров предполагалось нанести удар по Констанце авиацией. Однако по неизвестным причинам эта операция была отменена.

Были и другие планы активного использования черноморских торпедных катеров, но и они все остались на бумаге.

Эти и другие действия командования Черноморского флота невозможно объяснить без учета самого важного фактора — патологического страха перед атакой итальянского флота и германского морского десанта в Крыму. Поэтому торпедные катера были необходимы для обороны наших военно-морских баз, а катера МО-4 — для противолодочной обороны от многочисленных итальянских подводных лодок.

Удары же по Констанце командование Черноморского флота предприняло не столько для пресечения добычи и транспортировки нефти в Румынии, сколько для уничтожения скопища десантных судов, на которые уже загрузили отборные дивизии вермахта.

Начну по порядку. 22 июня в 7 ч 15 мин утра Военные Советы приграничных военных округов и нарком ВМФ получили директиву № 607, подписанную Тимошенко, Маленковым и Жуковым, где, в частности, говорилось: «На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

А между тем уже в четыре часа утра румынские бомбардировщики Хе-111 и SM-79 бомбили Тирасполь, Кишинев и Болград. Румыны были перехвачены советскими истребителями И-16. По нашим данным, летчики 67-го истребительного авиаполка утром 22 июня сбили четыре румынских бомбардировщика, а сами не потеряли ни одной машины. Румынские данные отличаются с точностью до наоборот: они сбили четыре И-16 и не потеряли ни одного своего бомбардировщика.

Вообще за день в районе действия румынской авиации, по советским данным, было потеряно на аэродромах и в воздухе 37 самолетов. Эти данные, увы, следует рассматривать как ориентировочные, как из-за фальсификации советских источников, так и в связи с тем, что в этих

районах действовали и германские самолеты.

По румынским данным, за первый день войны румынская авиация потеряла семь бомбардировщиков и одного разведчика. (По другим данным, потери составили 11 самолетов.)

В течение 23 июня ВВС Черноморского флота произвели три налета на Констанцу. В них принимали участие два полка ВВС Черноморского флота: 2-й минно-торпедный авиаполк, вооруженный ДБ-3Ф, и 40-й авиаполк, вооруженный бомбардировщиками СБ. Организационно оба полка входили в состав 63-й авиабригады.

Первый налет был произведен с 6 ч 35 мин до 7 ч 42 мин 63-й авиабригадой в составе 33 ДБ-3 и 27 СБ, которые бомбардировали зернохранилище, элеватор, нефтегавань и нефтегородок в Констанце, аэродром Мамайя и батарею в Тапая. В ходе налета был потерян один СБ.

Второй налет силами семи ДБ-3 был произведен с 13 ч 50 мин до 14 ч 04 мин. Наши самолеты бомбили военный мол, район железнодорожных мастерских и нефтегородок.

Третий налет девять ДБ-3 произвели в 17 ч 35 мин, сбросив бомбы на нефтегородок, железнодорожные мастерские и элеватор.

В тот же день в 13 ч 04 мин шесть СБ бомбили склады и транспорты в Сулине. А всего за сутки на Констанцу и Сулину было сброшено 54 бомбы ФАБ-500, 22 ФАБ-250, 90 ФАБ-100 и 336 ЗАБ-2,5.

Румыны утверждали, что в течение этих трех налетов было сбито восемь бомбардировщиков ДБ-3Ф и восемь СБ. Сведения эти явно преувеличенные. Румынский лейтенант Х. Агаричи утверждал, что сбил на своем «Харрикейне» два СБ. Его старший брат — модный бухарестский композитор — быстренько подсуетился и выпустил пластинку (как говорят сейчас, «альбом») с названием «Агаричи лупит большевичи». Когда же «большевичи» пришли к власти в Румынии, оба Агаричи «загремели под фанфары».

Утром 24 июня с 6 ч 00 мин до 6 ч 35 мин 14 бомбардировщиков ДБ-3Ф и 18 СБ вновь бомбили порт в Констанце и близлежащий аэродром Мамайя. На подходе к Констанце наши самолеты встретили 16 румынских истребителей Хе-113. Советские самолеты сумели отбомбиться, но потеряли три ДБ-3Ф и семь СБ. По сообщениям наших летчиков, было сбито 11 румынских истребителей, но это, видимо, преувеличение. На аэродроме Мамайя, по германским данным, было уничтожено три истребителя Ме-109Ф.

Вечером Констанцу бомбили два ДБ-3Ф. Их перехватили германские истребители. Наш бомбардировщик ДБ-3Ф сбил один Ме-109Ф, но пилот

оберфельдфебель Вальтер прыгнул с парашютом и был спасен румынским гидросамолетом SM-62.

Всего за день авиация Черноморского флота произвела на Констанцу 40 самолето-вылетов, сбросив две ФАБ-100, 21 ФАБ-500, 30 ФАБ-250, 18 ФАБ-100 и шесть РРАБ-3.

Несколько забегаю вперед, скажу, что действия авиации Черноморского флота были абсолютно неэффективны. А дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую «Хронику Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре»: «Командующий ЧФ указал командиру 63-й авиабригады, что, несмотря на большое количество вылетов для бомбардировки транспортов и мониторов противника, самолеты не потопили ни одного вражеского корабля. Это произошло потому, что летчики бригады не предпринимали решительных атак и производили сбрасывание бомб по двигавшимся судам с высоты 4000–6000 м. Командующий приказал более решительно атаковать корабли противника и в случае необходимости сбрасывать бомбы со снижением до 600 м»^[28].

Замечу, что вероятность попадания даже в линкор с высоты 4–6 км менее 1 %. И, чтобы попасть в корабль, надо было снижаться до 600 или даже до 60 м и проводить топмачтовое бомбометание либо использовать пикирующие бомбардировщики Пе-2.

24 июня 10 наших самолетов вели «дальнюю разведку» в районе Босфора, Зунгулдака, Сулины и Варны. Как скромно говорится в «Хронике...», разведка обнаружила в районе Босфора и Зунгулдака 19 транспортов^[29]. Разведка доложила о многочисленных транспортных судах у берегов Румынии и Болгарии. Это укрепило мнение командования Черноморского флота о близости десанта в Крыму.

Кто первый предложил использовать надводные корабли для обстрела Констанцы, неясно. Однако Октябрьскому идея понравилась, но на себя брать инициативу он не решился и запросил наркома ВМФ Кузнецова. Тот тоже подстраховался и отправил начальника Главного морского штаба адмирала Исакова к Сталину за разрешением. В итоге в Севастополе о походе узнали лишь 24 июня поздно вечером.

25 июня Октябрьский утвердил план набеговой операции кораблей на Констанцу, который был доложен наркому ВМФ. Сущность плана заключалась в следующем: в пять часов утра 26 июня нанести совместный удар кораблей флота и авиации по Констанце.

Самолеты Черноморского флота должны были провести

бомбардировки Констанцы в 4 ч 00 мин, в 4 ч 30 мин и в 5 ч 00 мин.

Артиллерийский обстрел предполагалось вести «ударной группой» в составе лидера «Харьков» и двух эсминцев типа «С». Действия этой группы должна была обеспечивать находившаяся в 60 милях к востоку от Констанцы группа прикрытия в составе крейсера «Ворошилов» и лидера «Москва».

Можно только подивиться мудрости адмирала. Обстрел порта поручался лидеру и эсминцам, из 130-мм пушек Б-13 из зоны обстрела вражеских береговых батарей. Мало того, действие 130-мм фугасных снарядов, содержавших всего 2,8 кг тротила, было довольно слабым. А вот фугасные снаряды 180-мм орудий имели 7,97 кг тротила, то есть в три раза больше. А главное, дальность стрельбы 180-мм орудий равнялась 37 км, то есть была заведомо больше, чем дальность стрельбы любых германских береговых батарей.

Естественно, куда разумнее было послать в рейд на Констанцу крейсера «Молотов» и «Ворошилов» с их восемнадцатью 180-мм орудиями.

Но послали один «Ворошилов», и то в составе группы прикрытия. Любопытный вопрос, а от кого собирался «прикрываться» Октябрьский? От злополучных четырех румынских эсминцев? Нет! От того же итальянского флота! Только в этом случае приказ Октябрьского имеет какое-то логическое объяснение.

В суматохе штаб Черноморского флота забыл оповестить о нападении наши подводные лодки, находившиеся у берегов Румынии. По плану наши корабли должны были пройти между позициями подводных лодок «Щ-205» и «Щ-206» в нескольких километрах от краев районов их действий. Но можно было и сообразить, что для зарядки аккумуляторов подводная лодка «Щ-206» выйдет из своего района, чтобы не засветиться противнику, и отойдет на север.

25 июня в 20 ч 10 мин лидеры «Харьков» и «Москва» вышли в море. Отряд же прикрытия покинул базу в 22 ч 41 мин. Эсминец «Смышленный», будучи еще на Инкерманском створе, за что-то зацепил своим параваном и отстал. Лишь в три часа 26 июня ему удалось выйти за минное заграждение главной базы.

В 0 ч 33 мин 26 июня крейсер «Ворошилов» и эсминец «Сообразительный» дали ход 28 узлов. С развитием полного хода «Сообразительный» стал отставать, и в 2 ч 30 мин корабли потеряли друг друга из виду. Лишь на рассвете «Сообразительный» присоединился к крейсеру «Ворошилов».

Переход морем обоих лидеров прошел благополучно, и в 4 ч 42 мин с дистанции 140 кабельтовых (25,6 км) им прямо по курсу открылся берег.

В 4 ч 50 мин на широте $44^{\circ}10'6''$ и долготе $29^{\circ}02'0''$ на «Харькове», шедшем головным, подорвался правый параван. Корабли поменялись местами, и головным стал лидер «Москва». В пять часов утра лидеры начали поворот на боевой курс — 221° , имея ход 26 узлов. В этот момент у «Харькова» оборвался левый параван.

В 5 ч 02 мин, будучи в точке с координатами ш = $44^{\circ}10'3''$, д = $28^{\circ}57'0''$, «Харьков» открыл огонь по нефтехранилищам в порту Констанца, имея курсовой угол 55° правого борта и дистанцию 130 кабельтовых. С третьим залпом «Харькова» открыл огонь и лидер «Москва».

В 5 ч 06 мин по нашим кораблям открыла огонь трехорудийная германская 28-см батарея «Тирпиц».

Первый залп батареи лег с перелетом в 10 кабельтовых от «Москвы», второй залп перелетел всего пять кабельтовых, а третий накрыл «Москву».

Около 5 ч 10 мин командир «ударной группы» решил отходить, и на «Москву» был передан сигнал: «Начать отход. Дым». В 5 ч 12 мин «Москва» начала отход, одновременно ставя дымовую завесу. «Харьков», шедший без паравана, держался кильватерной струи «Москвы». В 5 ч 13 мин «Москва» легла на зигзаг с целью сбить пристрелку немецкой батареи. В это время с «Харькова» заметили на берегу в районе нефтяного терминала большой пожар.

В 5 ч 14 мин «Харьков» прекратил артогонь по берегу, выпустив 154 фугасных снаряда.

В 5 ч 20 мин с обоих лидеров заметили следы двух торпед, идущих к «Москве». Лидер «Харьков» начал сбрасывать глубинные бомбы на месте, где вражеская подводная лодка могла пустить торпеды. В 5 ч 21 мин в середине корпуса «Москвы» раздался взрыв. Столб огня и дыма поднялся на высоту 30 метров.

«Харьков» отвернул и обошел место взрыва с севера. Лидер «Москва» переломился пополам в районе правого котельного кожуха. Носовая часть лидера была оторвана и развернута форштевнем к корме, кормовая часть держалась на плаву. Винты работали в воздухе, дымовая аппаратура продолжала действовать. На палубе находились люди, а зенитное орудие на кормовом мостике вело огонь по появившимся самолетам противника.

«Харьков» поставил дымзавесу и попытался спасти уцелевших моряков, но тут у его борта разорвались два снаряда. Лидер получил повреждения и снизил ход до «малого».

Идя шестиузловой скоростью, к 5 ч 55 мин «Харьков» вышел из зоны

досягаемости береговых батарей противника, которые вели огонь с дистанции 32,9 км. Но в 6 ч 43 мин был обнаружен пузырь и след торпеды, шедшей на лидер. «Харьков» повернул на торпеду, и она прошла за кормой. Предполагаемое место неприятельской подводной лодки было обстреляно ныряющими 130-мм снарядами.

В 7 ч 30 мин к «Харькову» присоединился эсминец «Сообразительный» и «начал нести противолодочную и противовоздушную оборону», находясь в голове колонны и маневрируя на большой скорости.

«В этот момент "Сообразительный" заметил след торпеды с правого борта. Повернув вправо, он оставил торпеду слева от себя, но одновременно обнаружил след второй торпеды, шедшей вдоль правого борта на лидер. "Харьков" тоже повернул, но следа торпеды не видел. "Сообразительный" атаковал подводную лодку глубинными бомбами, причем на месте бомбометания были обнаружены большое масляное пятно и на момент показавшаяся и быстро погружавшаяся в воду корма подводной лодки. Отразив атаку, корабли продолжали отход на восток»^[30].

Сообщить о рейде на «Щ-206» или передислоцировать ее в другой район никто не подумал. В итоге произошла трагедия — «Щ-206» торпедировала «Москву» и сама погибла от глубинных бомб эсминца «Сообразительный».

С погибшей «Москвы» 69 членов экипажа попали в плен. В их числе и командир лидера А.В. Тухов, которому удалось бежать. В партизанском отряде он возглавил разведку и погиб в одном из боев.

На допросе некоторые члены экипажа «Москвы» заявили, что перед взрывом корабля они видели след торпеды.

Следует заметить, что наши корабли фактически не получили поддержки с воздуха, которая должна была дезориентировать немцев. В первой группе самолетов, которые должны были появиться над Констанцей в 4 ч 00 мин, было всего два бомбардировщика ДБ-3, и оба вернулись с полпути «из-за неисправности материальной части». Вторая группа состояла из двух бомбардировщиков СБ, один из которых тоже вернулся «из-за неисправности материальной части», а второй пропал без вести. Третья группа в составе семи бомбардировщиков СБ появилась над Констанцей только в 6 ч 40 мин. Ее бомбы упали в 100–200 м севернее нефтегородка. Вылетевшие на перехват истребители Ме-109 сбили три СБ. Вернувшиеся из полета летчики утверждали, что сбили два Ме-109.

Румынское командование на радостях объявило, что лидер «Москва» потоплен из румынских береговых торпедных аппаратов, находившихся у

входа в Констанцу. Немцы в ответ только посмеялись глупости румынского начальства — как могли торпеды пройти путь в 180–190 кабельтовых — и, в свою очередь, приписали гибель лидера 28-см орудиям береговой батареи «Тирпиц». Вскоре на стволах ее орудий появился силуэт советского корабля.

Во всех послевоенных советских официальных открытых изданиях утверждалось, что лидер «Москва» погиб на румынской мине. В секретной «Хронике...» же вообще не указывалась причина его гибели: «...в 5 ч 21 мин... на ЛД «Москва» раздался взрыв, и из-за дымовой завесы поднялся столб огня и дыма на высоту до 30 м»^[31].

Замечу, что гибель «Москвы» произошла примерно в 28–30 км от румынского побережья. Перед войной румыны объявили о минировании района Констанцы в 17 милях от берега. Фактически же мины не ставились далее чем на 11–12 миль от берега. Риторический вопрос: откуда взялась мина на таком удалении?

Понятно, что командующий Черноморским флотом сделал вид, что ничего не знает о судьбе «Щ-206». Срок возвращения ее из похода истек 16 июля 1941 г. Официально было объявлено, что подводная лодка «Щ-206» пропала без вести.

В послевоенное время в ходе контрольного траления района Констанцы были обнаружены корпуса лидера «Москва» и подводной лодки «Щ-206». Поднять их было проще простого, лидер «Москва», например, лежал на глубине всего 40 метров. Но из Москвы поступил строжайший запрет даже на их осмотр водолазами.

Глава 6. Крым — жаркое лето 1941-го

Как уже говорилось, в июне 1941 г. головы морского, сухопутного и гражданского начальства в Крыму были забиты призраками германского и итальянского десанта. В Крыму было проведено несколько учений с привлечением населения по отражению воздушного десанта, но никому не приходило в голову подумать об укреплении Перекопа.

А ведь Крым всегда брался с суши, а не с моря. Поэтому еще в 1540 г. крымские татары (понятно, что не сами, а рабы, большая часть которых была славянами) вырыли на перешейке огромный вал, а в центре его построили крепость. С тех пор перешеек, связывающий Крым с Малороссией, стал называться Перекопом.

После присоединения Крыма перекопские укрепления и крепость Перекоп продолжали какое-то время поддерживать в боевом состоянии. Так, в 1818 г. на верках крепости находилось 176 орудий. Однако в 1835 г. Николай I приказал упразднить крепость Перекоп.

Как известно, в 1855 г. союзники взяли Севастополь именно с суши. В литературе, посвященной осаде Севастополя, говорится о большом численном перевесе союзников в артиллерии. На самом же деле к середине марта 1855 г. на позициях союзников находилось уже 482 осадных орудия, из которых 130 были тяжелыми мортирами. Им противостояли 998 русских орудий на бастионах Южной стороны Севастополя. Однако из этих орудий лишь 409 были пушками среднего и крупного калибра, 57 — 2-й 5-пудовыми мортирами, а остальные орудия могли использоваться только лишь в качестве противоштурмовых. Залп всей осадной артиллерии союзников составлял 12 т. Залп русской контрбатареи артиллерии был около 9 т, то есть на 25 % меньше, чем у противника.

Можно без преувеличения сказать, что судьбу Севастополя решили тяжелые мортиры союзников.

Прошло 50 лет, и 11-дюймовые мортиры японцев решили судьбу Порт-Артура. И опять же, напомним, Ляодунский полуостров и Порт-Артур супостаты захватили с берега.

Наконец, в 1918 г. и 1920 г. немцы и красные также брали Крым с суши.

Увы, уроки истории не пошли впрок нашим военным. Представим на секунду, если бы на Перекопе была создана линия бетонных укреплений, как мог бы измениться ход войны на Черном море. Но, увы, до 22 июня

1941 г. никаких укреплений на перешейке не делалось.

С 1929 г. по 1941 г. в СССР были приняты три системы артиллерийского вооружения. Все системы были разработаны достаточно грамотно. Но руководство Артуправления регулярно срывало все пункты создания систем навесного огня. Неоднократно включавшиеся в план 122-мм полевые мортиры, 152-мм дивизионные мортиры и 203-мм корпусные мортиры так и не были приняты на вооружение из-за сопротивления «минометного лобби». Руководство считало, что навесной огонь должны вести только минометы. Надо ли говорить, какую роль могли сыграть 152-мм и 203-мм мортиры в борьбе за Севастополь!

Отвечая на вопрос, почему в 1941 г. корабельная артиллерия не могла остановить немцев на Крымском перешейке, как это сделали балтийцы у стен Ленинграда и на Ораниенбаумском пятачке, наши морские авторитеты сверху вниз смотрят на историков, не имеющих погон, — мол, дилетанты ничего не понимают, «что там нельзя пройти из-за глубин».

А вот белому флоту глубины не мешали. Так, в ходе боев за Перекоп в январе 1920 г. в Каркинитский залив прибыл отряд судов капитана 1 ранга В.И. Собоцкого. Отряд поддерживали огнем 120-мм и 152-мм пушки частей белых в районе Перекопа.

Опять же, в апреле 1920 г. мелководье не помешало белому флоту высадить Дроздовскую бригаду в составе 1600 человек при четырех пушках в Хорлах на севере Каркинитского залива. Причем вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» (водоизмещение свыше 2000 т, осадка 5,9 м) и тральщики «Скиф» и «Березань» подошли к самому берегу и вели огонь в упор по укреплениям красных.

В начале ноября 1920 г., несмотря на штормовую погоду и появление льда, в Каркинитский залив прибыли канонерская лодка «Альма» (водоизмещение 328 т, осадка 2,6 м), минный заградитель «Буг» (водоизмещение 1400 т, осадка 4,8 м), посыльное судно «Атаман Каледин», а также четыре баржи (с пятью пушками калибра 130–152 мм). Белая флотилия заняла позицию у мыса Кара-Казак (Карт-Казак) и открыла огонь по красным в районе села Ишунь.

Замечу, что с позиции у мыса Кара-Казак 130/ 55-мм пушки белых доставали не только до Ишуня, но и перекрывали весь перешеек, включая город Армянск, и на 100–500 м не доставали до Турецкого вала. А советские корабельные 130-мм пушки Б-13 с дальностью стрельбы 25 км накрыли бы и Турецкий вал, и большую часть северного побережья Каркинитского залива.

Но, увы, для адмирала Октябрьского Каркинитский залив оказался

слишком мелок.

В распоряжении Октябрьского были тысячи моряков в береговых частях, позже из них сформируют целый ряд частей и пошлют на фронт, причем ни один из кораблей не будет поставлен на прикол из-за отсутствия команд. На флотских складах имелись десятки 152-мм пушек Кане и 130-мм установок Б-13. Кроме того, можно было использовать 130-мм пушки строящихся и потопленных кораблей. Опять же, под рукой были сотни мелкосидящих судов и барж Днепровского и Азовского пароходств.

В годы Гражданской войны красные и белые устанавливали пушки калибра 130–203 мм на баржи, шаланды и шхуны за пару дней. И такие импровизированные крейсера ходили по Северной Двине и Белому морю, по Волге и Каспию, Азовскому морю и Днепро-Бугскому лиману.

За июль 1941 г. Октябрьский при желании мог создать целый флот из десятков мелкосидящих судов, вооруженных орудиями калибра 100–152 мм. Его можно было использовать вначале в Днепро-Бугском лимане^[32], а затем у Тендровского боевого участка и наконец в Каркинитском заливе. Почему это не было сделано — можно только гадать. Видимо, Филипп Сергеевич очень был занят подготовкой к бою с итальянскими линкорами.

К 1940 г. охрана Черноморского побережья от Одессы до Керчи была поручена 156-й стрелковой дивизии. Но после Критской операции начальство засуетилось.

Согласно директиве наркома обороны Тимошенко^[33], отправленной в войска 20 мая 1941 г., за противодесантную оборону Крыма от поселка Каланчак (в 30 км к северо-западу от Турецкого вала) до Керченского пролива отвечал командир 32-го стрелкового корпуса. В состав корпуса входили 46-я и 156-я стрелковые дивизии, а также 82-я мотострелковая дивизия^[34]. Штаб корпуса должен был располагаться в Симферополе. К сожалению, большинство документов того времени до сих пор хранится под грифом «Совершенно секретно», поэтому причины многих решений остаются загадкой. Во всяком случае, очевидно, что в наркомате правая рука не ведала, что творила левая. Так, к 20 мая 1941 г. 32-й стрелковый корпус вместе с 46-й стрелковой дивизией благополучно пребывал в Забайкальском военном округе в составе 16-й армии, а 156-я стрелковая дивизия находилась в Крыму в составе Одесского военного округа. Риторический вопрос: мог ли быть такой бардак у Гальдера?

В середине июня 1941 г. из Краснодара в Симферополь были передислоцированы Управление отдельного 9-го стрелкового корпуса, вновь сформированная на Северном Кавказе 106-я стрелковая дивизия, 73-

й отдельный батальон связи, 19-й отдельный саперный батальон. Там в состав корпуса вошли 156-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии. Командовать корпусом был назначен участник Первой мировой войны и боев в Испании генерал-лейтенант П.И. Батов.

Самолет с Батовым сел на Симферопольском аэродроме 20 июня. Как писал позднее Павел Иванович, на момент прибытия он не имел никаких инструкций от вышестоящего начальства.

9-й корпус предназначался главным образом для противодесантной обороны. 106-я стрелковая дивизия должна была оборонять район Евпатории, 156-я — район Феодосии, а 32-я кавалерийская дивизия находилась в резерве в районе Симферополя. Корпусных артиллерийских частей еще не было. В Симферополе находилось интендантское военное училище и в Каче — авиационное училище, которое готовило летчиков-истребителей.

После начала войны 23-я, 24-я и 25-я пограничные комендатуры (Евпаторийская, Севастопольская и Феодосийская) перешли в оперативное подчинение командиров стрелковых дивизий, оборонявших соответствующие районы побережья. Забегая вперед, скажу, что в августе 1941 г. из подразделений НКВД была сформирована 184-я стрелковая дивизия НКВД.

С самого начала войны НКВД проводил высылку из Крыма подозрительных лиц. В связи с приближением линии фронта с 15 августа по 9 сентября 1941 г. из Крыма в Ставропольский край было выселено около 50 тысяч немцев, а вместе с лицами, состоящими с ними в браке, 61184 человека.

Вопрос целесообразности и законности выселения немцев довольно спорный. С одной стороны, пострадали десятки тысяч невинных людей, в том числе стариков и детей. Так, например, из Тбилиси была выселена моя 80-летняя прабабушка, урожденная Генриетта фон Бастиан. Но, с другой стороны, немцы на занятых территориях немедленно проводили мобилизацию в вооруженные силы молодых этнических немцев, а женщин и мужчин пожилого Возраста активно использовали в оккупационных административных и экономических структурах. Стоит заметить, что аналогичные меры предпринимали и в так называемых демократических странах. Так, в Англии в концлагеря были отправлены все немцы и итальянцы, находившиеся там к началу войны. Там же оказались и все граждане Америки, имевшие 1/8 или больше японской крови.

К 4 июля мобилизация первой очереди личного состава в Крыму была завершена. Призвали около 10 тысяч коммунистов, то есть более трети

состава областной партийной организации. Из 153 тысяч трудоспособных колхозников было мобилизовано 43 тысячи (около 30 %).

В 1987 г. Академия наук выпустила претенциозный труд А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945». Там говорится: «Не было случаев уклонения от явки на призывные пункты или самовольных уходов. Все свидетельствовало об организованности населения, его патриотизме и высоком политико-моральном подъеме»^[35].

На самом же деле практически все мобилизованные крымские татары после вторжения немцев на полуостров попросту дезертировали.

К сожалению, не сохранились или хранятся в совершенно секретных архивах документы, показывающие реальную ситуацию в Крыму в июле — октябре 1941 г. Поэтому автору приходится пользоваться бравыми мемуарами наших военных и гражданских начальников.

24 июня 1941 г. Совнарком принял постановление «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» для борьбы с парашютным десантом и диверсантами противника в прифронтовой полосе. Организация этих батальонов, их вооружение, обучение и руководство боевой деятельностью возлагались на управление НКВД районов. Батальоны эти формировались только из надежных, проверенных людей из числа партийного, комсомольского и советского актива.

Всего в Крыму было создано 33 истребительных батальона^[36]. В каждом батальоне по штату должно было числиться 205 человек в составе двух стрелковых рот или кавалерийских эскадронов.

Так, например, 17-й истребительный батальон Старокрымского района обеспечивал город, 11 сельсоветов, 34 колхоза, где до войны проживало около 21 тысячи человек. Батальон имел общевойсковую организацию — стрелковую роту, кавалерийский эскадрон и взвод связи.

22-й истребительный батальон был создан в Кировском районе. Он состоял из двух стрелковых рот и взвода связи и имел на вооружении 220 винтовок старых образцов, ручной пулемет, три пистолета «ТТ», 100 гранат и пять автомашин. Штаб 22-го батальона находился во Владиславовке.

Основной задачей истребительных батальонов ставилась борьба с воздушным, а также морским десантом противника. (Везде мерещились жуткие призраки линкоров дуче!) В оперативном отношении истребительные батальоны подчинялись командирам соединений Красной Армии по территориальному расположению.

В конце августа 1941 г. личный состав батальонов с казарменного

положения был переведен на квартирное и снят с централизованного довольствия.

7 июля 1941 г. вышел приказ наркомата здравоохранения о массовой подготовке медицинских сестер и санитарных дружинниц. Около двух тысяч девушек, в основном комсомолок, окончили в Крыму курсы медсестер и были направлены на фронт. Почти шесть тысяч комсомольцев помогали ухаживать за ранеными и больными в бывших крымских здравницах, теперь превращенных в госпитали.

На предприятиях Севастополя, Симферополя и Керчи было срочно начато производство минометов. До ноября 1941 г. включительно предприятия Крыма выпустили две тысячи ротных 50-мм минометов и 70 тысяч мин к ним, более 800 батальонных 82-мм минометов и 60 тысяч мин. Было изготовлено 40 тысяч противотанковых гранат, 300 тысяч ручных гранат, 50 тысяч противотанковых мин и 150 тысяч противопехотных мин. В Керчи наладили производство зажигательной смеси.

Осенью 1941 г. в Крыму было создано семь бронепоездов. Три из них оборудовали на Севморзаводе («Орджоникидзевец», «Войковец» и «Железняков»). Бронепоезд № 74 был оборудован на заводе им. Войкова, бронепоезд «Смерть фашизму» — в железнодорожной мастерской станции Сараголь (сейчас станция Айвазовская), а «Горняк» — на Камыш-Бурунском железорудном комбинате. Установить название седьмого бронепоезда мне не удалось.

В первых числах сентября началось формирование дивизий народного ополчения. 1-я, 2-я и 3-я Крымские стрелковые дивизии создавались в Феодосии, Евпатории и Симферополе соответственно. 4-я Крымская дивизия формировалась на Южном берегу Крыма в районе Судак — Балаклава. В ее составе кроме трех тысяч ополченцев имелось некоторое количество пограничников. Позже эти дивизии народного ополчения были переформированы в стрелковые дивизии и получили номера 320-я, 321-я, 172-я и 184-я соответственно.

8 сентября 1941 г. Запорожский обком партии приказал начать переселение колхозов, в том числе из приграничных с Крымом Сивашского, Генического, Осипенковского и других районов» Переселение колхозов предполагалось завершить к 15 сентября.

А уже в середине июля началась частичная эвакуация крымского населения. Тот же Басов безбожно врал (и это в 1987-м почти «перестроечном» году!): «Анализ документов и обстановки того периода дает основание заключить, что население ориентировалось на эвакуацию или в случае необходимости на предстоящую борьбу с оккупантами. Разное

по национальному и социальному составу население Крыма — кто с горечью, кто более равнодушно — готовилось встретить этот удар судьбы»^[37].

Осенью 1941 г. из Крыма в организованном порядке было вывезено более 225 тысяч жителей, в том числе около 26 тысяч из Севастополя. С ноября 1941 г. по июль 1942 г. из Севастополя дополнительно эвакуировали 58 тысяч жителей. В мае 1942 г., во время второй эвакуации с Керченского полуострова, на Таманский полуостров перевезли около 12 тысяч человек гражданского населения. Всего же из Крыма эвакуировали около 300 тысяч жителей. Большинство эвакуированных расселили в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Закавказье и Средней Азии. И только небольшое число крымчан было эвакуировано в приуральские области.

К 3 августа 1941 г. в народное ополчение зачислено около 130 тысяч трудящихся Крымской АССР.

Стремительное наступление германской 11-й армии в Северной Таврии вызвало в середине августа бурный всплеск активности советского командования. 14 августа постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) в Крыму была создана 51-я отдельная армия, подчиненная непосредственно Ставке. Командующим был назначен генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Согласно директиве ГКО на 51-ю отдельную армию возлагались следующие задачи:

- а) не допускать врага на территорию Крымского полуострова с суши, моря и воздуха;
- б) удерживать Крымский полуостров в наших руках до последнего бойца;
- в) действиями Черноморского флота воспретить подход и высадку на Крымский полуостров десанта противника;
- г) в боевой состав войск вновь сформированной 51-й армии включить 106-ю, 156-ю, 271-ю и 276-ю стрелковые дивизии; 40-ю, 42-ю и 48-ю кавалерийские дивизии;
- д) командующему 51-й армией оперативно подчинить Черноморский флот для выполнения задач, касающихся обороны Крыма.

Военному Совету 51-й армии:

- а) за счет призыва людских ресурсов Крыма до 1895 г. рождения включительно сформировать две-три стрелковых дивизии и необходимое число бронеплощадок;
- б) немедленно развернуть с привлечением местного населения инженерные работы по усилению обороны территории полуострова, прочно закрыв в первую очередь пути на полуостров, фронтом на север, на

рубежах: Юзкуй, станций Ново-Алексеевка, Люблинка на Чонгарском перешейке; Перво-Константиновка и совхоз на Перекопском перешейке, северная оконечность Арабатской стрелки, Тюп-Джанкой, станции Сиваш, Таганаш, Джейтуган, Камышевка, Рулевка, Уржин и Ишунь;

в) очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей — немцев и других антисоветских элементов;

г) для организации обороны Крыма использовать все материальные средства территории полуострова; все ценное и ненужное для обороны эвакуировать [\[38\]](#).

К утру 19 августа в Крым прибыло восемь эшелонов с личным составом 40-й кавалерийской дивизии и девять эшелонов с личным составом 271-й стрелковой дивизии. В том же месяце прибыли в состав 51-й армии 276-я стрелковая дивизия, 42-я и 48-я кавалерийские дивизии.

Из местных резервистов в Феодосии, Евпатории и Симферополе были сформированы соответственно 1-я, 2-я и 3-я крымские дивизии. Кроме того, 1500 местных резервистов было влито в состав 156-й и 157-й стрелковых дивизий. За счет частей народного ополчения в конце августа были сформированы для 51-й армии мотополк, автобатальон и авторота, три рабочих и два строительных батальона по 435 человек каждый, пять самокатных батальонов по 200 человек и рота мотоциклистов.

В середине августа из ремонтировавшихся в Крыму танков был создан 5-й танковый полк, включенный в состав 172-й дивизии. Матчасть его состояла из 10 танков Т-34 и 56 легких плавающих танков Т-37 и Т-38, имевших лишь пулеметное вооружение. Командиром 5-го полка был назначен майор С.П. Борсков.

Следует заметить, что причиной создания 51-й армии стало не только наступление 11-й германской армии, но и очередной приступ «десантомании». 17 августа Военный Совет Черноморского флота получил из Москвы от наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова сообщение: «По агентурным данным, немцы готовят десант в Крым из румынских и болгарских портов, и десант будет поддержан авиацией, действующей из района Николаева» [\[39\]](#).

Из Крыма на Кинбурнскую косу для организации противодесантной обороны был переброшен батальон с четырьмя 76-мм и четырьмя 45-мм пушками. Для поддержки батальона выделен учебный корабль НКВД «Комендор», вооруженный одной 76-мм и четырьмя 45-мм пушками.

Двенадцать торпедных катеров было развернуто в Каркинитском заливе с пунктами базирования Ак-Мечеть и Скадовск. В Егорлычский

залив пересели четыре торпедных катера из Очакова.

Для противодействия десанту было создано три отряда кораблей, в составе которых были крейсера «Красный Крым», «Червона Украина», вспомогательный крейсер «Микоян», пять эсминцев и другие суда и корабли. В резерве, то есть для нанесения решающего удара по десанту, находился Отряд легких сил (крейсера «Ворошилов» и «Молотов» и эсминцы проектов 7 и 7У).

Стрелковые дивизии в Крыму занимали позиции на побережье. Пока что все это были очередные пустые хлопоты. Немцы, как и в начале войны, даже не планировали ни большого, ни даже разведывательного десанта.

14 августа из Москвы пришло лишь одно дельное указание: нарком Кузнецов потребовал от Октябрьского «немедленно приступить к созданию артиллерийского укрепленного района на Перекопском перешейке». И в той же директиве, начав за здравие, нарком кончил за упокой: «...ввиду наличия у противника самоходных мелкоосидающих барж, возможные места высадки на мелководье заградить минами типа "Рыбка"»^[40].

Следствием этого стала постановка мин в Каркинитском заливе, которые впоследствии помешали действиям там кораблей Черноморского флота.

16 августа Октябрьский представил Кузнецову на утверждение план установки на Перекопе четырех морских батарей. Для этого можно было использовать две вновь сформированные батареи (по четыре 130-мм пушки) и две севастопольские стационарные батареи: № 12 (четыре 152/45-мм пушки Кане) и № 13 (четыре 120/50-мм пушки).

Мера эта была правильная, но крайне запоздавшая. В августе — начале сентября 1941 г. на перекопских и чонгарских позициях на временных основаниях было установлено 31 орудие береговой артиллерии.

Состав береговой артиллерии, установленной для обороны перекопских и чонгарских позиций:

Батарея № 126 (деревня Средний Сарай) — три 130-мм орудия.

Батарея № 124 (Литовский полуостров) — четыре 130-мм орудия.

Батарея № 121 (Сиваш) — четыре 152-мм орудия.

Батарея № 727 (у города Армянск) — четыре 152-мм орудия.

Батарея № 122 (в 8 км на северо-запад от станции Таганаш) — четыре 100-мм орудия.

Батарея № 125 (Чонгарский полуостров) — четыре 100-мм орудия.

Батарея № 123 (у деревни Тюн-Джанкой) — четыре 130-мм орудия.

Батарея № 127 (у деревни Геническая горка, Арабатская коса) — четыре 100-мм орудия.

Этим пытались в какой-то степени компенсировать нехватку дальнобойных орудий в полевой артиллерии. Это была заманчивая идея. Однако из виду выпало одно очень важное обстоятельство. Высота орудия, поставленного на временное или железобетонное основание, составляла 1,95 м без щита и 2,45 м со щитом. Установленные на равнинной местности, почти не замаскированные от наземного и воздушного наблюдения, орудия хорошо просматривались с суши и воздуха и представляли прекрасную мишень для неприятельской артиллерии и авиации, особенно с учетом отсутствия у стационарных батарей хоть каких-то средств ПВО.

Кроме стационарных батарей, командование Черноморского флота отправило на Перешеек несколько передвижных батарей, в том числе № 725 (четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20).

На строительство укреплений на Перешейке было согнано несколько тысяч местных жителей. Крымский обком из ресурсов народного хозяйства выделил 3886 кубометров лесоматериалов, 108 т цемента и много других стройматериалов.

Глава 7. Трагедия Южного фронта

В советское время были изданы сотни книг и сняты десятки документальных и художественных фильмов, посвященных обороне Севастополя и Одессы, но, увы, грандиозные сражения на юге Украины остались вне поля зрения наших историков, писателей и кинорежиссеров. Ни одной книги и ни одного фильма! Только по официальным и явно заниженным сведениям^[41] в 1941 г. потери личного состава Южного и Юго-Западного фронтов убитыми и пропавшими без вести составили один миллион человек. Наши правители, как при развитом социализме, так и при недоразвитом капитализме каждую весну запевают одну и ту же песню: «Никто не забыт и ничто не забыто». Увы, у нас напрочь забыли миллион погибших солдат, подавляющее большинство которых даже не имеет могил.

К июню 1941 г. государственную границу СССР с Румынией прикрывали соединения Одесского военного округа (командующий генерал-полковник Я.Т. Черевиченко) и пограничные войска Молдавского пограничного округа (начальник генерал-майор Н.Н. Никольский). С ними взаимодействовала Дунайская военная флотилия под командованием контр-адмирала Н.О. Абрамова. В состав округа входили 9-й особый, 35-й, 14-й, 48-й и 7-й стрелковые, 2-й кавалерийский, 2-й и 18-й механизированные корпуса, 150-я и 116-я стрелковые дивизии, два укрепленных района (80-й и 82-й), а также три авиационные дивизии.

Согласно мобилизационному плану Одесский военный округ с началом войны часть сил должен был выделить для формирования полевого управления 9-й ар-вши, в которую входили все соединения, за исключением 9-го особого корпуса, дислоцировавшегося в Крыму, и 7-го корпуса, находящегося в резерве Главного командования. Армия разворачивалась по рекам Прут и Дунай в полосе 480 км от Липкан до Черного моря...

Войскам округа противостояли 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии, входившие в состав группы армий «Юг». По плану «Барбаросса» этой группировке надлежало обороняться вдоль Прута, обеспечивая южный фланг основных сил группы армий, наносивших главный удар на киевском направлении, где находились войска Юго-Западного фронта.

14 июня в связи с нарастанием угрозы нападения Одесский военный округ получил указание о выделении управления 9-й армии (командующий

генерал-полковник Я.Т. Черевиченко) с выводом его в Тирасполь. Утром 20 июня управление (начальник штаба генерал-майор М.В. Захаров) было поднято по тревоге и под видом командно-штабных учений к исходу дня развернуло командный пункт в заранее оборудованном на случай войны районе, установив связь с соединениями, включенными в состав армии.

В ночь на 22 июня начальник штаба получил от командующего округом, который оставался пока в Одессе, сообщение о том, что из Москвы ожидается телеграмма особой важности. Генерал М.В. Захаров вызвал к телеграфным аппаратам командиров стрелковых и кавалерийского корпусов и с разрешения командующего приказал занять частями прикрытия свои районы обороны. Как записано в журнале боевых действий 9-й армии, «в 24.00 21.06.1941 г. части армии, прикрывающие границу, телеграфным распоряжением приведены в боевую готовность по тревоге. Дан приказ занять районы по плану прикрытия».

Директиву наркома обороны о приведении войск в готовность к отражению агрессии Одесский военный округ получил уже после объявления боевой тревоги; Командующий армией и член Военного Совета корпусной комиссар А.Ф. Колобяков прибыли на командный пункт в девять часов 22 июня.

К четырем часам 22 июня части 176-й, 95-й, 25-й и 51-й стрелковых дивизий, а также 9-й кавалерийской первого эшелона 35-го, 14-го стрелковых и 2-го кавалерийского корпусов заняли подготовленную в инженерном отношении оборону вдоль Прута. В среднем на каждую дивизию приходилось около 100 км участка границы. Так как соединения заняли оборону в полосе 50–60 км, между ними остались промежутки. Особенно большим был разрыв между 176-й и 95-й стрелковыми дивизиями — более 70 км. Промежутки прикрывались только силами пограничников.

Вдоль Днестра на старой (1940 г.) государственной границе находились 80-й и 82-й укрепленные районы (УРы). Они имели оборонительные сооружения почти по всей полосе округа на глубину 4–6 км. Так, 82-й УР, обороняя фронт 150 км, имел 262 пулеметных и 22 артиллерийских долговременных сооружения", насчитывал более 10 тысяч человек личного состава, около 100 орудий, 632 станковых и 285 ручных пулеметов, а также другое вооружение.

22 июня противник «ударно-поисковыми группами», состоящими из румынских соединений, попытался захватить мосты и плацдармы и создать видимость общего наступления. Используя промежутки в обороне советских войск, его подразделения сумели захватить небольшие

плацдармы у Бранешт, Скулян, Унген, Вален. Однако уже к исходу дня контратакой выделенных подразделений плацдармы были ликвидированы. Только в районе Скулян отбросить врага за Прут не удалось. Для его ликвидации командующий силами 30-й горно-стрелковой дивизии (командир генерал-майор С.Г. Галактионов) предпринял контратаку, но успеха не добился. На других направлениях неоднократные попытки румынских войск захватить в июне переправы и плацдармы были отражены.

21 июня Политбюро ЦК ВКЦ(б) решило образовать Южный фронт. Формирование управления поручалось штабу Московского военного округа. Командующему войсками округа генералу армии И.В. Тюленеву, на которого возлагалось командование фронтом, об этом решении стало известно ранним утром 22 июня. 24 июня управление фронта прибыло в Винницу, где по указанию Ставки развернуло командный пункт. Его размещение в этом районе (в полосе Юго-Западного фронта) затрудняло связь с войсками и было вызвано тем, что здесь еще в 1939–1940 годах был оборудован фронтовой пункт управления. Как вспоминал И.В. Тюленев, о существовании пункта его «не поставили в известность ни в Генеральном штабе, ни в штабе Киевского военного округа». Узнал о нем Иван Владимирович от начальника инженерных войск фронта. Средств связи здесь не оказалось, и штабу пришлось использовать местные.

В состав фронта с 25 июня вошли 9-я и 18-я армии, 9-й особый, 55-й, 7-й стрелковые корпуса и части фронтового подчинения. ВВС фронта состояли из пяти авиационных дивизий, которые входили в состав армий. В распоряжении фронта оставалось лишь два истребительных и один разведывательный авиаполки.

Фронт имел 15 стрелковых, три кавалерийские, шесть танковых, три моторизованные дивизии, оборонял полосу шириной около 700 км от Карпат до устья Дуная.

Из-за бездействия вражеских войск войска Южного фронта получили десятидневную паузу, однако командование фронта не использовало ее должным образом.

Активные боевые действия шли лишь на Дунае. 22 июня 1941 г. в 4 ч 45 мин румынская артиллерия открыла огонь по советскому городу Измаил. Одновременно румынская и германская авиация бомбила наш город. Советская береговая артиллерия и артиллерия кораблей Дунайской военной флотилии открыла ответный огонь. При этом замечу, что если у Измаила ответный огонь был открыт немедленно, то в других местах наши орудия молчали от двух до трех часов. Видимо, командиры боялись стрелять —

«как бы чего не вышло».

С 24 июня Румыния начала высаживать десант на наш берег. Но он был не только отражен силами Дунайской флотилии и 14-го стрелкового корпуса (25-я и 51-я стрелковые дивизии), но советские десантники сами начали высаживаться на румынской территории.-

На рассвете 25 июня с наших бронекатеров и катеров-тральщиков высадилась рота пограничников на полуостров Сату-Ноу. Десант был поддержан огнем мониторов «Ударный» и «Мартынов». Румынский гарнизон сдался без боя. В плен было взято 70 солдат, а остальные разбежались по плавням. По показаниям пленных, гарнизон составляли две армейские роты, один взвод пограничников, один взвод жандармов с пулеметами и двумя замаскированными орудиями. Наши трофеи составили два орудия и десять пулеметов.

На следующее утро бронекатера и катера-тральщики переправили через Килийское гирло Дуная 23-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии. С нашего берега десант поддерживал огнем 99-й артиллерийский полк 25-й стрелковой дивизии.

Десантники стремительно атаковали румын и уже в 8 ч 28 мин городок Старая Килия был взят. Румыны потерпели полный разгром. 700 человек сдалось в плен, до 200 человек было убито, остальные в панике разбежались, и их с бреющего полета обстреливали самолеты 96-й эскадрильи. Десантники захватили восемь орудий, до тридцати пулеметов, около тысячи винтовок, много боеприпасов и снаряжения.

— Наши потери составили пять человек убитыми, семь ранеными. Три бронекатера имели незначительные повреждения.

Для охраны Старой Килии был оставлен батальон 23-го стрелкового полка. К исходу дня 26 июня частями Красной Армии и пограничниками без боя были заняты село Пардина и остров Татару.

С захватом полуострова Сату-Ноу, населенных пунктов Старая Килия и Пардина и острова Татару Дунайская флотилия овладела обоими берегами Дуная от села Периправа до устья реки Репида, получив, таким образом, маневренный плацдарм на протяжении 76 км и необходимую глубину, в которых она так нуждалась.

У румын в районе от Измаила до устья Дуная остался один сильно укрепленный пункт — село Периправа, в котором были хорошо укрепленные позиции и гарнизон до тысячи человек пехоты и до трех батарей артиллерии. Но на захват этого села командир 14-го стрелкового корпуса не давал сухопутных частей, а своих сил для успешного проведения этой операции у флотилии было недостаточно.

Странная сложилась ситуация. Где-то на севере немцы взяли Минск, а на Дунае война шла под старыми лозунгами: «На чужой территории малой кровью». Румыны, обладая мониторами с мощным вооружением и толстой броней, действовали очень осторожно. Их мониторы были тщательно замаскированы. Впервые они проявили себя 25 июня. В 21 час было получено донесение от командира батареи № 724 о выходе трех мониторов противника из Галаца по направлению к Измаилу. Мониторы Ренийской группы «Ростовцев», «Жемчужин» и «Железняков» построились в строй уступа и изготовились к бою. Командующий Дунайской флотилией выслал самолеты 96-й эскадрильи для поддержки отряда кораблей.

После нескольких залпов нашей батареи № 724 румынские мониторы, не приняв боя, повернули на обратный курс и ушли в Галац. Это была первая и последняя попытка румынских мониторов за все время боевых действий Дунайской флотилии прорваться из Галаца вниз по Дунаю.

Утром 27 июня румынские войска начали форсирование реки Прут в районе села Джуржулешт. Однако в 10 ч 52 мин из-за излучины реки появился Ренийский отряд кораблей в составе мониторов «Ростовцев», «Железняков» и «Жемчужин» и четырех бронекатеров. Румыны в панике разбежались по обоим берегам. На месте было убито свыше ста человек. Корабли флотилии потерь не имели.

Командующий Дунайской флотилией Н.О. Абрамов решил совершить рейд в тыл противника и торпедами уничтожить замаскированные румынские мониторы. По его просьбе командующий Черноморским флотом приказал отправить из Очакова на Дунай четыре торпедных катера типа Г-5. Катера прибыли в Кислицу только в шесть часов утра 28 июня. Но, увы, этому смелому рейду не суждено было сбыться.

Однако к 30 июня румынам удалось в двух местах прорвать фронт. На участке 35-го стрелкового корпуса противник занял город Бельцы и двинулся на Кишинев, а на участке 14-го стрелкового корпуса румыны форсировали реку Прут в районе Фельчиул — Цыганка и развивали наступление на город Болград.

В связи с этим командир 14-го стрелкового корпуса снял часть сухопутных сил с участка Рени — устье Дуная и перебросил их на угрожаемый участок фронта Фельчиул — Цыганка. В обороне города Вилков остался 30-й отдельный разведывательный батальон; в обороне Старой Килии — один батальон 23-го стрелкового полка; в обороне Измаила, Сату-Нюу, Парина, Большого и Малого Даллер и острова Татару — один батальон 287-го стрелкового полка и по одному дивизиону от 218-го стрелкового полка и 99-го артиллерийского полка. На один батальон

приходилось 50 км фронта.

С этого момента вся тяжесть обороны легла на Дунайскую флотилию.

Генеральное наступление германо-румынских войск началось лишь 2 июля. В ночь на 3 июля противник форсировал реку Прут в направлении Стефанешти силой до одной пехотной дивизии и развил наступление на Патрушени. В результате ожесточенных боев противник вклинился на бельцском и могилев-подольском направлениях.

Генерал-полковник Евгений Риттер фон Шоберт^[42] ко 2 июля сосредоточил семь дивизий против 9-й армии. А 18-й армии, находившейся на правом фланге советских войск, противостояли четыре венгерские бригады.

3 июля противник прорвал оборону 9-й армии на реке Прут и продвинулся на 8—10 км. Командующий фронтом Тюленев решил перебросить часть своих резервов на правое крыло фронта, по которому наносился главный удар. Пока войска сосредоточивались, противник передвинулся еще на 30 км.

9-я армия контрударами мехкорпуса и стрелковой дивизии пыталась уничтожить противника, наступавшего на Яссы, Бельцы, но безуспешно.

В последующие дни 18-я армия фронта, не имея достаточных сил для сдерживания противника, стала с боями отходить от границы.

3 июля генерал Тюленев решил отвести свои правофланговые силы на рубеж Хотин — Липканы.

Основываясь на ошибочных данных разведки, Тюленев сделал вывод: против фронта действует до 53 дивизий, в том числе 13 танковых и моторизованных. В действительности дивизий было в два раза меньше, а танковые и моторизованные соединения и вовсе отсутствовали. Оценив обстановку, командующий решил отвести войска за Днестр, доказывая Ставке, что против столь сильного противника фронт может вести боевые действия только «методом подвижной обороны, опираясь на УР на Днестре». Оставшиеся в нижнем течении Прута и Дуная левофланговые соединения 9-й армии (костяк составили дивизии 14-го стрелкового корпуса) решением Военного Совета Южного фронта 6 июля были объединены в Приморскую группу войск под управлением генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова. В состав группы вошли 14-й стрелковый корпус (25-я, 51-я, 150-я стрелковые дивизии), Тираспольский укрепрайон и 26-й погранотряд НКВД. Оперативно группе войск подчинялись Одесская ВМБ и Дунайская флотилия. 19 июля группа была реорганизована в Отдельную Приморскую армию под командованием генерал-лейтенанта Г.П. Сафронова. Эта армия получила задачу прикрыть одесское направление.

17 июля командование Южного фронта было вынуждено принять решение об отходе 14-го стрелкового корпуса и Дунайской флотилии, до этого прочно удерживавших рубежи на Дунае и Пруте. Такая необходимость была вызвана тем, что к этому времени войска противника форсировали Прут севернее Кагула и обходили правый фланг 14-го корпуса.

Дунайской флотилии ставилась задача: эвакуировать свои тылы, снять части Красной Армии с обороны, прикрыть отход 14-го корпуса, а потом прорваться самой в море для перехода в Одессу.

Дунайская флотилия выполнила приказ — части 14-го стрелкового корпуса были переброшены на левый берег Дуная. 19–20 июля корабли и катера флотилии перешли в Одессу. Всего пришли с Дуная свыше 100 вымпелов, в том числе пять мониторов, 17 бронекатеров, пять тральщиков, четыре сторожевых катера МО-4, десяток сторожевых катеров КМ.

Любопытно, что моряки эвакуировали с Дуная не только основной корабельный состав флотилии, но и обе принадлежавшие ей подвижные береговые батареи. Но по прибытии в Одессу 152-мм батареи № 724 и № 725 были переданы Одесской ВМБ.

Вечером 16 июля германско-румынские части овладели Кишиневом. К 25 июля Приморская армия с боями отошла за Днестр и заняла оборону на участке Дубоссары — Тирасполь.

Судьбу Южного фронта решил прорыв германских войск на соседнем Юго-Западном фронте. Германские 1-я танковая группа и 17-я армия в конце июля фактически расчленили Юго-Западный фронт. В результате находившиеся на левом фланге фронта 6-я и 12-я армии потеряли связь с командованием Юго-Западного фронта и были переподчинены Ставкой Южному фронту. В июле 1941 г. в состав 6-й армии входили 6-й и 37-й стрелковые корпуса, 4-й и 15-й моторизованные корпуса, 5-й кавалерийский корпус, а также личный состав 4-го и 6-го укрепрайонов. В состав 12-й армии входили 13-й и 17-й стрелковые корпуса, 16-й моторизованный корпус, 10-й и 11-й укрепрайоны.

Любопытно, что 26-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, находившаяся в начале июля 1941 г. между 6-й и 12-й армиями, каким-то образом оказалась севернее прорыва 1-й германской танковой группы и вела ожесточенные бои в районе Фастов — Канев. В сентябре 1941 г. она была уничтожена, а сам Костенко пошел на повышение. В декабре 1941 г. он уже командовал Юго-Западным фронтом.

А 6-я и 12-я армии к 30 июля оказались «в мешке» между Уманью, захваченной 1-й танковой группой, и Первомайском, взятым 17-й армией.

По версии Гальдера^[43] к 5 августа советские войска «в мешке» были в основном ликвидированы, хотя советские самолеты по-прежнему сбрасывали окруженцам боеприпасы и продовольствие. По советской версии, в ночь на 6 августа остатки 6-й и 12-й армий пошли на прорыв и пытались форсировать реку Синюху, но пробиться удалось лишь отдельным бойцам и командирам. Остальные сдались противнику вместе с обоими командующими армиями — генерал-лейтенантом И.Н. Музы-ченко и генерал-майором П.Г. Понеделеным. Увы, эта история до сих пор окутана тайной.

В октябре 1941 г. Понеделен был заочно приговорен к расстрелу. В 1945 г. его освободили союзники и репатриировали в СССР. Пять лет бывший генерал-майор провел в лагере. Оттуда он обратился с ходатайством лично к Сталину. Результатом стал второй суд, приговоривший 25 августа 1950 г. бедолагу к высшей мере.

Любопытно официальное освещение трагедии 6-й и 12-й армий. В вышедшей в 1985 г. помпезной энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» на странице 232 о 12-й армии сказано: «После выхода из окружения управление армии 10 августа расформировано, а ее войска переданы на укомплектование соединений и частей фронта». А о 6-й армии на странице 791 сказано: «10 августа расформирована, ее войска переданы в другие армии». Как говорится, «все хорошо, прекрасная маркиза...».

Забегая вперед, скажу, что в конце августа 1941 г. на Южном фронте были заново созданы 6-я и 12-я армии. 6-я армия — на базе 48-го стрелкового корпуса (первоначальный состав: 169-я, 226-я, 230-я, 255-я и 275-я стрелковые дивизии; 26-я и 28-я кавалерийские дивизии и 8-я танковая дивизия), а 12-я армия — на базе 17-го стрелкового корпуса (первоначальный состав: 270-я, 274-я стрелковые и 11-я танковая дивизии).

Новая 6-я армия тоже попала в окружение и была пленена в июне 1942 г. И в том же месяце была создана третья по счету 6-я армия.

Одновременно с прорывом на севере 17 июля германская 11-я армия и румынские части форсировали Днестр, и уже к вечеру 18 июля на левом берегу реки было пять дивизий противника. Возникла угроза окружения Южного фронта. С севера из зоны ответственности Юго-Западного фронта наступала немецкая 17-я армия, а с юга — 11-я армия. Отход Южного фронта превратился в бегство.

2 августа 1941 г. Гальдер записал в дневнике: «...отчетливого представления о противнике на этом участке фронта мы не имели», то есть части Южного фронта оторвались от противника и в полнейшем беспорядке (чем сильно дезориентировали германских генералов)

двинулись на восток. Согласно схеме в Издании «Вторая мировая война»^[44] остатки войск Южного фронта к 7 августа находились к югу от Вознесенска, какие-то части находились на реке Ингул в районе села Привольное, а остальные имели хоть какой-то фронт от Кременчуга до Кривого Рога. Части же Приморской армии отошли к Одессе.

6 августа 1941 г. за успехи в разгроме Южного фронта Гитлер наградил Антонеску рыцарским крестом, хотя особой роли румынские войска в операции не сыграли. Но Антонеску в письме от 14 августа попросил более существенную награду — земли за Днестром, и пообещал там поддерживать «порядок и безопасность». Гитлер дал согласие, и 19 августа 1941 г. генерал Антонеску издал декрет о присоединении Транснистрии к Румынии. Там говорилось: «Мы, генерал Йон Антонеску, верховный главнокомандующий армией, постановляем:

Территория, оккупированная между Днестром и Бугом, за исключением района Одессы, граничащая на севере по линии Могилев — Жмеринка, обозначенной на прилагаемой карте, входит в состав румынской администрации.

Назначаем нашим представителем в Транснистрии с предоставлением ему всех полномочий господина профессора Георге Алексяну.

Чиновники, назначенные на работу в Транснистрию, будут получать двойное жалование в леях и жалование в марках, не превышающее жалованья в двойном размере в леях.

РККС (марка) является единственной монетой, имеющей хождение на территории Транснистрии.

Назначаем резиденцию управления Транснистрией в г. Тирасполе.

Наш представитель непосредственно подчиняется нам и Президиуму Совета министров».

Понятно, что Антонеску сделал Тирасполь «столицей» Транснистрии не от хорошей жизни. Ею должна была стать только Одесса, и румыны буквально лезли из кожи вон, чтобы захватить город.

Но вернемся к ходу боевых действий. Еще в конце июля командование Южного фронта, находившееся в Воскресенске, вызвало к себе большую часть кораблей Дунайской флотилии. Корабли флотилии перешли из Одессы в Николаев и далее поднялись вверх по Южному Бугу до Воскресенска. Командование Южного фронта подчинило флотилию непосредственно себе. Вверх по реке Ингул был отправлен отряд бронекатеров флотилии.

3 августа немцы подошли к Воскресенску, а штаб фронта в ночь на 4 августа отправился в Николаев. В ту же ночь немцы заняли город

Кировоград на реке Ингул.

В ночь на 10 августа можно было отбить Воскресенск. Для этого монитор «Ударный» в полночь выпустил по городу за 15 минут 85 130-мм снарядов. Но командир находившейся рядом 9-й кавалерийской дивизии не сдвинулся с места «за отсутствием директив сверху».

11 августа частям германской 11-й армии удалось прорваться к Николаеву, наступая с севера в междуречье Южного Буга и Ингула. Поэтому кораблям Дунайской флотилии было приказано уходить, с рек Южный Буг и Ингул к Николаеву. Части 9-й армии не обороняли Николаев, а стали отходить на восток, в городе остались только моряки.

12 и 13 августа корабли Дунайской флотилии обстреливали германские части, подходившие к Николаеву, а в ночь на 14 августа ушли в Херсон. Большая часть личного состава Николаевской военно-морской базы была погружена на суда Черноморского флота и убыла в Севастополь. 15 августа немцы овладели Николаевым.

Согласно сводке Совинформбюро 12 августа 1941 г. все судостроительные заводы Николаева были взорваны. Но, увы, это была дезинформация, причем не для немцев, а для собственного населения и «британского союзника». Так, на заводе № 198 взорвали крытый эллинг со стапелями № 2 и № 3 и перемышку, отделявшую подводную часть стапеля «о» от лимана, затопили на рейде плавучий док. На заводе № 200 взорвали электростанцию и кислородную станцию. Корпуса ряда заложенных в 1938–1941 годах крупных и средних кораблей и судов остались на стапелях и были захвачены противником.

В годы оккупации Николаева недостроенные корпуса легких крейсеров «Орджоникидзе» и «Свердлов», четырех эсминцев проекта 30, четырех сторожевых кораблей проекта 29 и шести подводных лодок после их обследования немецкими специалистами разобрали на металл, который вывезли в Германию либо использовали для строительства десантных барж на частично восстановленных николаевских заводах.

К 15 августа части 9-й армии отходили за Днепр, переправляясь через него в районе Берислав и села Антоновка (близ Херсона). Немцы подошли к Очакову и стремились штурмом взять его.

Советские войска отступали в беспорядке. Даже в официальном издании Министерства обороны говорится: «В г. Херсон царили анархия, произвол. Протоки Днепра напротив Херсона были забиты судами и баржами речного флота, прибывшими сюда из района Киева и Днепропетровска. Там собрались: 18 пассажирских пароходов, 15 буксирных пароходов, 12 землечерпальных судов, до 40 несамоходных

барж, среди которых было много нефтеналивных, заполненных нефтью»^[45].

Сухопутное командование как утопающий за соломинку схватилось за корабли Дунайской флотилии.

15 августа монитор «Мартынов» и бронекатера БКА-211, 221, 222 и 223 были отправлены вверх по Днепру в район Запорожья в распоряжение командующего 18-й армией. Забегая вперед, скажу, что после отхода наших войск от Днепра утром 18 сентября «Мартынов» и четыре бронекатера были взорваны экипажами в протоке Конка.

С 18 августа остававшиеся у Херсона корабли Дунайской флотилии (монитор «Ударный» и десять бронекатеров) вели огонь по наступавшим германским войскам. Только «Ударный» с 7 ч 00 мин до 18 ч 40 мин сделал 260 выстрелов. Когда одно орудие вышло из строя, монитор продолжал вести огонь из оставшегося орудия.

С 10 часов немцы начали обстреливать город и порт Херсон из тяжелых орудий. К 19 часам немецкие танки прорвались к берегу в район элеватора, а к 20 часам — в район порта и пристани.

Далее началось отступление (бегство) на левый берег Днепра. Прикрывали посадку и переправу сухопутных частей пять бронекатеров Дунайской флотилии, которые также находились под обстрелом противника. От попадания крупнокалиберного снаряда БКА-201 взорвался, почти вся команда погибла. От нескольких прямых попаданий снарядов загорелся штабной корабль «Буг», он лишился хода, выбросился на берег, где и догорел.

В тот же день монитор «Железняков» обстреливал дорогу Ивановка — Дмитриевка (район Очакова).

К 21 ч 00 мин 19 августа последнее сопротивление советских войск в Херсоне прекратилось, и весь город перешел под контроль эсэсовцев из дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

После падения Херсона части Южного фронта, переправившись через Днепр, заняли оборону на его восточном берегу. 9-я армия заняла оборону по Днепру на участке Горностаевка — Каховка — Алешки — Старая Збруевка и далее на запад, до Еголицкого залива. Штаб армии находился в селе Колончак.

Части 9-й армии располагались в обороне следующим образом: 150-я стрелковая дивизия на участке Казачьи Лагери — Алешки; 15-я стрелковая дивизия — на участке Алешки — Бузовой; штаб 51-й стрелковой дивизии — в селе Костогрызово. 263-й полк 51-й стрелковой дивизии с приданными ему двумя дивизионами 218-го стрелкового полка (с неполным составом

материальной части) был расположен на участке Старая Збруевка — Голая Пристань.

Дунайская флотилия получила от командования Южного фронта задачу прочно оборонять участок фронта Цюрюпинск (включительно) — Новая Збруевка (исключительно) протяженностью 30 км и кораблями прикрывать участок Новая Збруевка — Прогной — остров Первомайский.

13 августа начались бои за Очаков, когда части немецкой 50-й пехотной дивизии, захватив Аннекрот, пытались с ходу взять город, но были отбиты советскими войсками. В течение последующих четырех суток на подступах к Очакову шли ожесточенные бои. Наши войска поддерживали огнем канонерская лодка «Красная Армения», а также мониторы «Ударный» и «Железняков».

Тем не менее 21 августа немецкие войска овладели Очаковым. Остатки очаковского гарнизона переправились на острова Первомайский и Березань, а также на Кинбурнскую косу, в Прогной и Покровский.

19 августа командование Черноморского флота по согласованию с командованием Южного фронта «для централизации обороны участка от побережья между Днепровско-Бугским лиманом и Каркинитским заливом создало Тендровский боевой участок в границах: на севере — Кинбурнская коса, южный берег Днепровского лимана; на востоке — Алешки, Б. Копани, Каланчак и Хорлы; на юге — Джарылгачская коса и Тендровская коса. В состав Тендровского боевого участка были включены два стрелковых батальона, 108-й подвижный артиллерийский дивизион, Тендровская маневренная база, учебное судно "Комендор"»^[46].

Вход в Днепро-Бугский лиман прикрывали две мощные 203/50-мм четырехорудийные батареи. Батарея № 15 находилась на правом берегу лимана у Очакова. Она участвовала в обороне города, но действовала крайне безграмотно. Вот, к примеру, донесение от 14 августа: «...батарея обстреляла шесть танков противника в районе села Новоселки». Как уже говорилось, стрельба из тяжелых орудий по танкам на дальность свыше 2 км была крайне неэффективной. Вместо этого можно было разместить замаскированных корректировщиков, которые бы обеспечивали стрельбу по ближним тылам противника на дальности до 20 км фугасными снарядами и до 18 км шрапнелью. Естественно, стрельба должна была вестись по площадным целям — скоплениям живой силы и техники, штабам, обозам, полевым госпиталям, а не по отдельным танкам.

По официальным данным, батарея № 15 была взорвана при подходе немцев, но фактически повреждения ее были невелики.

Другая же батарея, № 22, представляла собой твердый орешек для

немцев. Она была расположена на искусственном островке, возведенном еще при «проклятом царизме». Тогда его называли Николаевским островком, и на нем был возведен мощнейший форт из камня и бетона. В 1920 г. форт, переименованный большевиками в Первомайский, несколько раз вступал в артиллерийскую дуэль с кораблями белых, в числе которых были линкор «Генерал Алексеев» (бывший «Александр III») и крейсер «Генерал Корнилов» (бывший «Очаков»).

К 22 августа на батарее № 22 оставалось всего 24 снаряда. По острову немцы ежедневно выпускали десятки снарядов калибра до 15 см включительно, но они не наносили особых повреждений мощным стенам и перекрытиям форта.

30 августа к острову прорвалась парусно-моторная шхуна «Штепенко» (водоизмещением 120 т) и под огнем противника выгрузила 203-мм выстрелы для батареи № 22.

И после этого шхуна «Штепенко» совершила несколько рейсов на Первомайский, но 18 сентября, выходя из Днепро-Бугского лимана, она была потоплена дальнобойной артиллерией противника.

Забегая вперед, скажу, что батарея № 22 до 23 сентября обстреливала Очаков. И лишь 23 сентября наши моряки покинули этот героический остров. Любопытно, что если об обороне островов Осмуссар, Сухо и др., защитники которых нанесли куда меньший ущерб врагу, после 1945 г. десятки историков и писателей выпустили сотни статей и книг, то гарнизон Первомайского был напрочь забыт. Может, они чем-нибудь провинились? Увы, нет. Просто с 1961 г. на острове началась подготовка советских диверсантов, а с 1992 г. — украинских. И остров стал совершенно секретным. Правда, сейчас в украинской прессе появилась информация, что остров Первомайский будет вскоре продан какой-то частной фирме.

Существование Тендровского боевого участка помогло советскому командованию решить несколько за дач, главной из которых было недопущение прохода судов противника к портам Херсон и Николаев, а также обеспечение безопасности коммуникаций Севастополь — Одесса. На Тендре базировались истребители, прикрывавшие наши корабли на переходе морем.

Не имея кораблей, немцы не могли захватить Тендровский боевой участок. А румынский «гранд флит» тихо сидел в Констанце, «как мышь за веником». Германская авиация интенсивно бомбардировала Тендровский боевой участок и наши корабли в этом районе. Также было выставлено несколько десятков магнитных мин.

19 сентября самолетам противника удалось у Тендровской косы

потопить монитор «Ударный», а монитор «Железняков» был поврежден близкими разрывами бомб.

С 22 по 24 сентября пикирующие бомбардировщики Ю-87 в районе Тендры потопили эсминец «Фрунзе», канонерскую лодку «Красная Армения», морские буксиры «Тайфун» и «ОП-8», баржи Дунайской флотилии с боезапасами, топливом и с вещевым имуществом, а также большое количество мелких судов.

25 сентября по приказу командования Черноморского флота остатки кораблей Дунайской флотилии были отведены от Тендры и отправлены в Севастополь. По пути случился любопытный казус. «Не дошел до Севастополя буксирный пароход «Аккерман», вышедший 25 сентября. На буксире вышла из строя машина, и его сильным норд-остовым ветром придрейфовало к турецкому берегу вблизи г. Синоп. Корабль был интернирован турками»^[47].

По сему поводу у меня большие сомнения. Что, на судне не было рации? Нельзя было поставить импровизированный парус? и т. д.

В конце сентября наши войска были эвакуированы с Тендры. Оборона Тендровского боевого участка закончилась. Интересно, что энциклопедия Великой Отечественной войны оборону Тендровского боевого участка даже не упоминает. Там вообще нет статьи «Тендра». Зато на страницах 710–712 помещена большая статья о деятельности отечественных театров в годы Великой Отечественной войны с тремя иллюстрациями, включая сцену из спектакля «Царь Федор Иоаннович».

Глава 8. Явление Манштейна

21 августа, на 61-й день войны, Адольф Гитлер подписал директиву № 441412/41, которая фактически должна была стать для Верховного командования сухопутных войск планом ведения русской кампании. Там говорилось:

«Предложение Главного командования сухопутных войск от 18 августа о продолжении операции на Востоке расходится с моими планами. Я приказываю следующее:

Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа...

Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы»^[48].

К этому времени части 11-й армии стремительно двигались к Перекопу с севера. Но между ними и Перекопом существовала серьезная водная преграда — Днепр.

Ситуацию прекрасно понимали и в Москве. 26 августа Б.М. Шапошников потребовал от главкома Юго-Западного направления С.М. Буденного «не допустить прорыва противника в направлении Перекопа».

24 августа передовые подразделения 22-й пехотной дивизии под командованием подполковника фон Боддиена вышли к городу Бериславу, находящемуся на правом берегу Днепра. На следующее утро подвижная группа фон Боддиена получила подкрепление — 16-й пехотный полк и гаубичный дивизион. К вечеру 26 августа Берислав был взят.

В ночь с 30 на 31 августа немцы начали форсирование Днепра у Берислава, которое можно с полным основанием считать первым сражением в грандиозной битве за Крым.

Вот как это описал германский историк Пауль Карель: «Пришел великий момент для саперов. Ширина Днепра — второй по величине реки на европейской территории России — достигала в этом месте 750 метров. На противоположном берегу находились советские войска, знавшие о намерении немцев форсировать реку.

Полковник Риттер фон Хейгль, командовавший, 690-м инженерным

полком, отвечал за первую фазу операции — то есть за саму переправу. Два саперных батальона дивизии — 22-й и 46-й, — а также 741-й механизированный армейский инженерный батальон и 903-й батальон штурмовых лодок получили приказ переправить первую волну атакующих на противоположную сторону под огнем противника.

30 августа, еще до рассвета, пехотинцы 22-й пехотной дивизии — солдаты из Ганновера и из городов и сел Ольденбурга — заняли позиции у кромки воды. Батальоны 16-го пехотного полка находились на острове на реке, куда никто не мог попасть без хорошего знания местности. Дорогу туда им показал рыбак-украинец. Личный состав 47-го пехотного полка ожидал приказа об атаке возле виноградника, прижавшись вплотную к земле в месте, практически лишенном укрытий. Советские бомбардировщики и штурмовики вновь и вновь заходили в поисках цели, сбрасывая осветительные ракеты на парашютах. При их появлении любое движение внизу прекращалось. С рассветом от реки начал подниматься словно Богом посланный в помощь немцам молочный туман.

Было 04.27. Двигатели штурмовых лодок взревели разом. Одновременно заговорили артиллерия и тяжелое вооружение пехоты, обеспечивая огневое прикрытие десанту и сдерживая советскую оборону. Следом за штурмовыми лодками на воду спускались резиновые шлюпки всевозможных размеров.

С дальнего берега взлетали в небо белые ракеты: первые колонны атакующих достигли цели. Артиллеристы передвинули линию огня дальше на восток. Стучали пулеметы, звучали выстрелы карабинов. Пикировщики «Штука» и бомбардировщики 4-го воздушного флота, ревя моторами, проносились над рекой, сбрасывая бомбы на позиции противника. Десантные суда возвращались обратно за новой волной пехотинцев и снова уходили к дальнему берегу.

В течение трех часов солдаты в десантных лодках стояли у своих рулей. Река кипела от взрывов снарядов вражеской артиллерии. Лодки и шлюпки разносило на куски. Соседние — опрокидывались. Но у русских, по-видимому, не было корректировщика огня у реки, потому что орудия их били наугад.

Первая волна атакующей пехоты выбила с позиций советские передовые заграждения и захватила небольшой плацдарм. На саперных плотках начали перевозить тяжелое вооружение. Первая фаза форсирования реки завершилась успешно. Пехотинцы расширяли плацдарм. Двумя днями позже глубина его достигала уже четырех километров. Наступала пора переходить ко второй фазе операции — наведению моста для основных сил

дивизии и 30-го корпуса.

Полковник Циммер, командир 620-го горноинженерного полка, в оперативном подчинении которого находились саперные части 49-го горнострелкового корпуса, отвечал за техническую сторону при сооружении 8-тонного моста, состоящего из 116 понтонов. В наведении его участвовали 46-й и 240-й инженерные батальоны, а также 54-й горноинженерный батальон вместе с румынской 10-й мостовой ротой — всего свыше 2500 человек.

Понтоны хранились километрах в шести-семи вверх по течению от места переправы. Их соединили попарно, наподобие плота, а потом несколько таких плотов составили в мостовые конструкции. В соответствии с тщательно выверенной схемой действий эти звенья отправили вниз по течению и установили по обоим берегам. Далее обе части продолжали наращиваться навстречу друг другу, пока обе половины не встретились посередине реки. Этот момент всегда вызывал наибольшее напряжение. Только точный расчет офицеров-саперов мог обеспечить безукоризненную стыковку пролетов моста.

Работы начались в 18.00 31 августа. После полуночи, ближе к 01.00, оба конца конструкции разделяло всего 25 метров.

К 03.30 1 сентября мост стал единым целым. В 04.00 первые группы техники 22-й пехотной дивизии двинулись через реку к восточному берегу. Почти тут же поднялся сильный ветер, и на понтоны обрушились волны полутораметровой высоты. Технику на мосту начало бросать из стороны в сторону, некоторые понтоны дали течь.

Как раз в этот и без того трудный момент с воздуха атаковали советские бомбардировщики. Они спланировали низко. Прямое попадание. Два плота пошли ко дну, потери саперов составили 16 человек убитыми и ранеными. Ремонт в бурных речных потоках занял два с половиной часа. После чего движение восстановилось.

Но к тому времени советские бомбардировщики и штурмовики вернулись — на сей раз с истребительным сопровождением. Никто на мосту не мог найти укрытия, между тем глубина реки достигала 15 метров. Колонным оставалось только одно — двигаться, двигаться и надеяться на лучшее. Бомбы сыпались там и тут. Четыре понтона затонуло.

На сей раз ремонтные работы продолжались семь часов. Саперы промокли насквозь, они в кровь сбивали себе пальцы, их кости и суставы ныли от усталости и перенапряжения. Наведение моста на бурной реке шириной 750 метров, при наличии активного неприятельского противодействия, достойно места в военной истории.

Полковник Мёльдерс со своей 51-й истребительной эскадрильей взял на себя заботы по охране моста, который русские стремились уничтожить любой ценой. За два дня Мёльдерс и его летчики-истребители сбили семьдесят семь советских бомбардировщиков. Две батареи зенитчиков Люфтваффе — 1-й дивизион 14-го зенитно-артиллерийского полка и 1-й дивизион 64-го зенитно-артиллерийского полка — сбили еще тринадцать русских бомбардировщиков.

Но, несмотря ни на что, большое число саперов из 1-й и 4-й горнострелковых дивизий погибло за первые несколько дней на строительстве и ремонте моста. Бериславский мост стоил немцам больших потерь. Возможно, ни один понтонный мост на протяжении последней войны не наводился в столь трудных условиях и не подвергался столь яростным атакам неприятеля, как этот. Но благодаря ему 11-я армия создала плацдарм для решительного наступления на Крым и Кавказ»^[49].

А что говорят о переправе у Берислава советские историки? Да, собственно, ничего. Молчат как рыбы. Наши войска прос...ли форсирование Днепра. Точнее не скажешь, а кого сей глагол коробит, пусть «Войну и Мир» почитает. Там семейство Ростовых на охоте «прос...ло» волка, а тут 9-я советская армия — 11-ю германскую!

О форсировании немцами Днепра скороговоркой говорит П.И. Батов: «31 августа авиационная разведка Черноморского флота сообщила, что противник начал переправу через Днепр в районе Каховки; к 12.00 на левом берегу зафиксировано до батальона немецкой пехоты. Немецкие передовые отряды переправлялись также южнее Берислава, у хутора Казацкий. Наших частей в этих районах не было замечено. В архиве имеется донесение Южного фронта в Ставку за подписью тт. Рябышева и Запорожца, проливающее свет на события в районе Каховка — Берислав 31 августа — 2 сентября 1941 года. Оно составлено в крайне повышенном тоне — генералу Черевиченко и его начальнику штаба генералу П.И. Бодину досталось основательно. Но не ради этого обращаюсь к документу. Важен факт: "Ничем не оправданный отвод с берега у Каховки батальонов 296-й дивизии и несвоевременная замена их батальонами 176-й дивизии дали противнику возможность безнаказанно форсировать Днепр". Грубая ошибка, которой воспользовалось вражеское командование»^[50].

Корабли Дунайской флотилии, пусть ценой своей гибели, могли сорвать переправу на участке Берислав — Каховка. 24 августа, то есть в день, когда фон Боддиен подошел к Бериславу, там стояли монитор «Мартынов» и четыре бронекатера (всего четыре 102-мм, четыре 76-мм и

четыре 45-мм пушки). А у немцев было всего-то гаубичный дивизион и несколько 37-мм противотанковых пушек. Да и в Бериславе находилась наша артиллерия. Но, вместо того чтобы открыть огонь по наступающим немцам, наши корабли уходят вверх по течению в направлении Никополя. Одновременно командование 9-й армии, вместо того чтобы держать оборону на переправах, затевало высадку десанта в занятый немцами Херсон. Ситуация почти анекдотичная: в штабе оценивают гарнизон Херсона в тысячу человек, однако командование флотом представляет свои разведданные, где говорится о пяти тысячах человек. Лишь тогда командующий 9-й армией генерал-полковник Я.Т. Черевиченко унялся и отменил операцию. Корабли Дунайской флотилии уже были стянуты в Херсон, кроме монитора «Железняков», который зачем-то был послан в Скадовск.

Таким образом, монитор «Мартынов» с четырьмя бронекатерами был отправлен в распоряжение командования 18-й армии в район Никополя, а остальные корабли и катера Дунайской флотилии находились в районе Херсона. Итак, переправе немцев в районе Берислав — Каховка был дан зеленый свет.

Генерал Батов узнал о переправе немцев от морских летчиков, ведущих разведку в районе Каховки. Комдив Черняев вышел из себя:

— Как же... Как же отдали такой рубеж без боя?

— Летчики могли ошибиться, — ответил Батов. — Сейчас важно выяснить, каковы силы противника. Пошлите толкового командира-оператора в штаб 9-й армии.

На следующий день был отправлен начальник разведотделения штаба дивизии капитан Н.В. Лисовой. По возвращении он рассказал, что к командарму он «прорвался». Высказав мнение о том, что «наступление немецких и румынских войск на Крым маловероятно», и задав ряд вопросов по обстановке в Крыму и на Черном море, командующий 9-й армией Я.Т. Черевиченко направил капитана Лисового в оперативный отдел армии. Но и там данных о наступающем противнике капитану получить не удалось, поскольку обстановка на фронте менялась с невероятной быстротой.

Части 11-й армии быстро переправились через переправу у Берислава — Каховки и далее двигались по расходящимся направлениям на восток и на юг, а затем на запад вдоль Днепра. Так, к вечеру 10 сентября немцы заняли поселки Большая Маячка, Большие Копани (Великие Копани) и начали продвижение в направлении поселка Малые Копани — Скадовск.

Части 22-й и 73-й пехотных дивизий шли строго на юг в направлении

Чаплинка — Перекоп. Вместе с ними двигался усиленный разведывательный батальон моторизованного полка СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» под командованием штурмбаннфюрера Майера.

Советская 9-я армия отступала (или бежала, пусть каждый сам подбирает выражения). Драться никто и нигде не хотел. Небольшая часть войск, включая остатки 74-й дивизии, бежала к Тендре под защиту моряков.

Части Тендровского боевого участка, состоявшие из моряков, заняли оборону на линии Голая пристань — Бехтеры — Железный порт. Причем никакой связи у командования Тендровского участка и командования Дунайской флотилии не было.

12 августа немецкие части вторично форсировали Днепр, на сей раз в нескольких километрах выше Херсона в районе города Алешки^[51].

Подавляющее большинство частей 9-й армии бежало на восток. П.И. Батов писал: «С гребня Перекопского вала, особенно в ясную погоду после дождя, открывался хороший обзор на 15–20 километров. В сухое время проклятая крымская пыль кого угодно ввела бы в заблуждение — едет одна повозка, а в воздухе такая пылевая завеса, будто дивизия на марше. Но с 3 сентября пошли дожди, и в бинокль можно было видеть, как вдалеке мимо наших позиций движется с запада и уходит по северному берегу Сиваша бесконечный поток воинских частей. Это отходила 9-я армия. Ни одно подразделение не повернуло в Крым. И не могло сделать этого. У них была другая задача: прикрыть подступы к Донбассу»^[52].

Странная логика. Главной задачей 11-й армии был Крым, а затем Кавказ, но никак не Донбасс. Что такое Донбасс? Это не только шахты, а сгусток железных дорог. Туда без проблем за считанные дни можно было перебросить десятки дивизий. А вот переброска войск в Севастополь морем была крайне сложна даже без советских мин и германских бомбардировщиков. Да и из Севастополя дивизии шли до Перекопа дольше, чем дивизии с Урала до Донбасса по железной дороге. Казалось бы, что мешало уставшим дивизиям 9-й армии пройти Перекоп и, отдохнув несколько дней, влиться в ряды защитников Крыма?

Увы. Среди советских историков не нашлось Талейрана, который бы сказал об отходе 9-й армии на восток: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка».

Рано утром 12 сентября передовые отряды немцев подошли к Перекопу. Это хорошо описал Пауль Карея: «Во главе наступления следовали мотоциклисты и бронемашины разведки полка "Лейбштандарт

Адольф Гитлер". За ними следовали передовые соединения 73-й пехотной дивизии. Штурмбаннфюрер Майер, находившийся среди солдат своей головной роты, разглядывал горизонт в бинокль. Ничего — нигде никакого движения. Вперед. Мотоциклетный взвод фон Бюттнера двигался вдоль берега в направлении Адамани, откуда просматривалась территория слева и справа от Турецкого вала. Вдруг, точно духи ниоткуда, на горизонте появилось несколько всадников, которые мгновенно вновь исчезли, — советский дозор.

Требовалась бдительность.

— Рассредоточиться!

Тишина настораживала. Мотоциклисты встали на подножки с левой стороны своих машин, чтобы спешиться в любой момент, не теряя ни секунды. Стрелки в колясках перенесли тяжесть тела вправо и изготовились к прыжку на землю.

Был седьмой час утра. Мотоциклетная часть под командованием командира группы Вестфалья осторожно приближалась к первым домам Преображенки. Она располагалась поблизости от главной дороги из Берислава к Перекопу. Из села выходило стадо овец. Вестфаль помахал рукой пастуху:

— Убери стадо с дороги, парень. Мы спешим!

Но татарин, похоже, не понял. Или не захотел понимать? Вестфаль открыл дроссельную заслонку своего мотоцикла и под надсадный рев двигателя помчался прямо на стадо. Овцы перепугались, заблеяли и бросились врассыпную. Пастух что-то закричал и послал за ними собаку. Все без толку. Овцы бежали прочь от дороги. Через мгновение засверкали вспышки пламени, раздался грохот взрыва. Овцу разорвало на куски. Стадо выбежало на минное поле. Точно мало было рвущихся повсюду мин и жалобного предсмертного блеяния умирающих овец, внезапно открыла огонь вражеская артиллерия. Фугасы падали и рвались в деревне и около нее. Мотоциклисты спешили и побежали к Преображенке по дороге на Перекоп. Внезапно впереди путь им преградила настоящая стена огня. На противоположном конце села, всего в нескольких сотнях метрах от передовой немецкой части, стоял советский бронепоезд: он осыпал снарядами и поливал пулеметными очередями роты Майера и Штиффатера. Последствия были ужасны.

— В укрытие!

Солдаты лежали, прижавшись к земле. Пули свистели у них над головами. Но это стрелял, как скоро стало ясно, не бронепоезд: стреляли русские пехотинцы из хорошо замаскированных окопчиков и траншей

всего в каких-нибудь 50 метрах впереди.

Штурмбаннфюрер Майер приказал своим отступить из Преображенки. Бронемашины разведки открыли огонь по бронепоезду из 20-мм пушек, чтобы дать возможность другим отойти под прикрытием дымовой завесы. Тем временем солдаты из 2-й роты Майера выкатили 37-мм противотанковую пушку и тоже принялись обстреливать поезд. Но не успели они сделать и нескольких выстрелов, как орудие было поражено прямым попаданием. Полетели в разные стороны куски железа, и грохот металла заглушил крики людей.

Сам Майер тем временем вместе со связными перебежками прокрался к дальнему концу села. Отсюда он мог видеть основательно подготовленную оборону противника на Перекопе — окопы, колючая проволока, бетонные доты. Он понял, что осуществить внезапный прорыв здесь не удастся. Еще одна попытка, и от соединения ничего не останется. Группенфюрер Вестфаль, который пробрался вперед вместе с Майером, вдруг позвал санитаря. Вестфаль оторвало руку взрывом. Справа и слева от него валялись убитые и раненые солдаты его группы.

— Убираемся отсюда, — повторил штурмбаннфюрер Майер и дал сигнал к отходу.

Связные отправились передавать приказ. Заревели моторы приближавшихся сзади мотоциклов. Не задерживаясь, разведчики погрузили раненых и тела убитых товарищей в коляски и тут же умчались прочь. Бронемашины разведки поставили дымовую завесу на подходе к Преображенке, чтобы противник не видел их маневра. Под прикрытием дыма роттенфюрер^[53] Гельмут Бальке трижды отправлялся на передовую, чтобы забрать раненых. Последнего, унтерштурмфюрера^[54] Рерля, Майер притащил на себе. Снарядный осколок разворотил Рерлю спину. Он умер на руках командира.

Первая попытка 11-й армии ворваться в Крым с ходу передовыми частями 54-го корпуса провалилась. Часом позже генерал-лейтенант Билер, командир 73-й пехотной дивизии, прочитал донесение Майера и Штиффатера: "Взять Перекоп с ходу не получится. Подробный рапорт о боевом столкновении прилагается"^[55].

П.И. Батов писал о нескольких германских пленных, взятых у Перекопа. Зверства по отношению к пленным — тема особого исследования, но стоит заметить, что в этом повинны не только нацисты, но и советские комиссары. Тот же Батов писал: «Вокруг пленных — толпа. Их разглядывали, как разглядывали 22 июня осколки первой немецкой

бомбы. Недоуменно и с каким-то сожалеющим добродушием. Начподив Владимир Михайлович Гребенкин, быстро шагая, врезался в эту толпу, расталкивая бойцов.

Смотрите, что это за люди? Думаете, парни как парни, белобрысые, с засученными рукавами... Я вам покажу, что это за люди!

Он сунул в руки первому попавшемуся фотографию, изъятую у одного из пленных. Молоденький солдат, держа в руках снимок, смотрел, бледнея. "Такого не может быть!.." Гнусная фотография: один насилует девушку, другие с пьяными рожами ждут очереди.

Наших людей будто волной отхлестнуло от немцев. Ненависть к врагу-захватчику — священное и самое гуманное чувство»^[56].

Риторический вопрос: какова вероятность, что начподив Гребенкин подсунул нашим солдатам фальшивку, сфабрикованную в политуправлении? Спору нет, молодые городские парни любили фотографировать обнаженных девиц, хотя сельским ребятам в 1940-е годы это казалось дикостью. Мне самому в 9-м классе вполне благовоспитанные ребята прямо в школе показывали очень веселые фото. Да и наши многие девицы расставались с невинностью задолго до окончания школы. И бравый генерал вполне мог об этом знать, благо, его дочь училась со мной в параллельном классе.

Так что, вполне вероятно, что немцы снимали лихие фото, но вряд ли кто-либо стал бы носить их в нагрудном кармане, и уж тем более сдаваться с ними в плен.

После акций таких вот Гребенкиных немцы находили изуродованные тела своих пленных, что вызывало новые зверства.

Но вернемся к ходу боевых действий. На войне случайность часто определяет ход истории. В тот же день» 12 сентября, недалеко от Перекопа при посадке взорвался на русской мине маленький связной самолетик «Физилер Шторх»^[57]. На нем вместе с пилотом погиб командующий 11-й армией генерал-полковник фон Шоберт.

Через полчаса в палатке командующего 56-м танковым корпусом генерала-полковника Манштейна зазвонил телефон. Командующий армией генерал-полковник Буш без предисловий зачитал телеграмму ОКХ^[58]: «Немедленно направить генерала пехоты фон Манштейна в распоряжение группы армий "Юг" для принятия командования 11-й армией».

Эрих Манштейн родился в Берлине в 1887 г. Потомственный военный. В 1913–1914 годах учился в Военной академии, в 1914–1918 годах воевал на Восточном фронте, затем в Сербии, а закончил войну на Западном

фронте. В 1939 г. в ходе Польской кампании Манштейн — начальник штаба группы армий «Юг» (командующий фон Рундштедт). Затем группа армий была переброшена во Францию.

В русской кампании Манштейн отличился, командуя 56-м танковым корпусом, который совершил стремительный рейд из Восточной Пруссии через Двинск (Даугавпилс) до озера Ильмень.

17 сентября 1941 г. Манштейн прибыл в Николаев и принял командование 11-й армией.

К 1 сентября 1941 г. в составе 11-й германской армии находились: 30-й армейский корпус генерала Зальмута (22-я, 72-я, 170-я пехотные дивизии), 54-й армейский корпус генерала Ганзена (46-я, 50-я, 73-я пехотные дивизии), 49-й армейский корпус генерала Коблера (1-я и 4-я горнострелковые дивизии).

Командованию 11-й армии с 16 сентября была подчинена 3-я румынская армия в составе 5-й, 6-й и 8-й кавалерийских бригад^[59]. А 10 сентября прибыла моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»^[60].

Румынскими войсками Манштейн командовал впервые, поэтому небезынтересно узнать его первые впечатления. «Штаб 11-й армии составлял как бы связующее звено между маршалом Антонеску и командованием группы армий и консультировал Антонеску по текущим вопросам. Однако к моменту моего прибытия получилось так, что Антонеску сохранил в своем распоряжении только 4-ю румынскую армию, которая вела наступление на Одессу. 11-я армия, находившаяся теперь в непосредственном подчинении штаба группы армий, получила в свое распоряжение для дальнейшего движения на восток 3-ю румынскую армию...

Что касается румынской армии, то она, несомненно, имела существенные недостатки. Правда, румынский солдат, в большинстве происходящий из крестьян, сам по себе непритязателен, вынослив и смел. Однако низкий уровень общего образования позволял только в очень ограниченном объеме подготовить из него инициативного одиночного бойца, не говоря уже о младшем командире. В тех случаях, когда предпосылки к этому имелись, как, например, у представителей немецкого меньшинства, национальные предрассудки румын являлись препятствием к продвижению по службе солдат-немцев. Устарелые порядки, как, например, наличие телесных наказаний, тоже не могли способствовать повышению боеспособности войск. Они вели к тому, что солдаты немецкой

национальности всяческими путями пытались попасть в германские вооруженные силы, а так как прием их туда был запрещен, то в войска СС.

Решающим недостатком румынских войск было отсутствие унтер-офицерского корпуса в нашем понимании этого слова. Теперь у нас, к сожалению, слишком часто забывают, скольким мы были обязаны нашему прекрасному унтер-офицерскому корпусу.

Немаловажное значение имело далее то, что значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям к военным этого уровня. Прежде всего не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно не доставало "прусской школы".

Боевая подготовка из-за отсутствия опыта ведения войн не соответствовала требованиям современной войны. Это вело к неоправданно высоким потерям, которые в свою очередь отрицательно сказывались на моральном состоянии войск. Управление войсками, находившееся с 1918 года под французским влиянием, оставалось на уровне идей Первой мировой войны»^[61].

Сразу по прибытии в Николаев Манштейн понял невозможность выполнения 11-й армией планов верховного командования. Позже он писал: «Задача, поставленная перед армией Главным командованием, нацеливала ее на два расходящихся направления.

Во-первых, она должна была, наступая на правом фланге группы армий "Юг", продолжать преследование отходящего на восток противника. Для этого основные силы армии должны были продвигаться по северному берегу Азовского моря на Ростов.

Во-вторых, армия должна была занять Крым, причем эта задача представлялась особенно срочной., С одной стороны, ожидали, что занятие Крыма и его военно-морской базы — Севастополя — возымеет благоприятное воздействие на позицию Турции. С другой стороны, и это особенно важно, крупные военно-воздушные базы противника в Крыму представляли собой угрозу жизненно важному для нас румынскому нефтяному району. После взятия Крыма входящий в состав 11-й армии горный корпус должен был продолжать движение через Керченский пролив в направлении на Кавказ, по-видимому, поддерживая наступление, которое должно было развернуться со стороны Ростова.

У германского Главного командования, следовательно, в то время были еще довольно далеко идущие планы на кампанию 1941 года. Но скоро должно было выясниться, что эта двоякая задача для 11-й армии была

нереальной»[\[62\]](#).

Глава 9. Штурм Перекопа

Итак, попытка немцев с ходу ворваться в Крым провалилась. Манштейн решил собрать силы 11-й армии в кулак и 24 сентября прорвать оборону русских на перешейке.

Чтобы набрать достаточно сил для вторжения в Крым, Манштейну пришлось до минимума оголить свои войска на материке, перебросив на полуостров дивизию «Лейбштандарт» и 49-й горнострелковый корпус. 30-й корпус генерала фон Зальмута, в состав которого входили 72-я и 22-я пехотные дивизии, должен был держаться своими силами на позициях в Ногайской степи, поддерживаемый только румынской 3-й армией. Причем 22-я пехотная дивизия заняла северный берег Сиваша до Арабатской стрелки.

16 сентября немцы заняли Геничеськ и, по донесению командира расположенной там морской полевой батареи № 127, двинулись при поддержке танков по Арабатской стрелке. Однако в тот же день к стрелке подошли канонерские лодки Азовской военной флотилии «Дои», «Рион» (бывшие грязеотвозные шаланды, каждая имевшая на вооружении две 130/55-мм и две 45-мм пушки) и № 4 (вооружение: две 76-мм пушки 34К и две 45-мм пушки) и открыли огонь по германским войскам^[63].

17 сентября подразделения 275-й стрелковой дивизии окончательно очистили от немцев Арабатскую стрелку. В последующие дни у стрелки дежурили несколько кораблей Азовской военной флотилии, которые периодически поддерживали огнем наши войска.

Но Манштейна мало интересовали Арабатская стрелка и Сиваш, бросать своих солдат в «гнилое море» он не собирался. По плану Манштейна 54-му корпусу генерала Хансена предстояло первым делом прорвать оборону противника на Перекопском перешейке фронтальной атакой. Для достижения этой непростой цели Хансен получил в свое распоряжение всю армейскую артиллерию и части ПВО. В дополнение к двум его пехотным дивизиям — 73-й и 46-й — в оперативное командование Хансена поступила расположенная чуть глубже к тылу 50-я пехотная дивизия. Столь значительными ударными силами вполне можно было пробить фронт шириной всего в 7 км.

24 сентября в пять часов утра германская артиллерия и минометы открыли ураганный огонь по советским позициям на Перекопе. Одновременно самолеты люфтваффе наносили удары как по переднему

краю обороны, так и на десятки километров вглубь. В семь часов утра 46-я и 73-я пехотные дивизии перешли в наступление по всему фронту обороны 156-й стрелковой дивизии.

Все советские источники говорят о десятках или даже сотнях германских танков 11-й армии. В свою очередь Манштейн утверждает, что у него вообще не было танков, за исключением 190-го легкого дивизиона штурмовых орудий. В его составе было 18 StuG III Ausf C/D, то есть 7,5-см самоходных установок на шасси танка Т-III. И лишь 3 ноября 1941 г. в состав немецкой группировки в Крыму вошел 197-й дивизион штурмовых орудий в составе 22 StuG III Ausf C/D. Наши генералы любили преувеличивать силы противника, но и немцы столь же любили преуменьшать свои силы. Так что истина лежит где-то посередине.

А Манштейн действительно в какой-то момент мог остаться без танков, а позже получить их. Мало того, он говорил только о вермахте и не учитывал танки, находившиеся у СС («Лейбштандарт») и у румын.

Но вернемся к наступлению немцев на Перекоп. Наступление на правом фланге вдоль Сиваша быстро захлебнулось. Там заранее были размещены фугасы — морские мины типа КБ, управляемые по проводам. Взрыв фугасов нанес большой урон противнику. Много немцев погибло от огня морских батарей № 124 и № 725.

В ночь на 25 сентября передовые части 156-й стрелковой дивизии были отведены на основной рубеж обороны: дамба, в 4 км юго-восточнее деревни Перво-Константиновка, — отдельный дом, расположенный в 1,2 км юго-восточнее отметки 22. С рассветом немецкая авиация усиленно бомбардировала передний край нашей обороны, Турецкий вал и глубину обороны до села Ишунь. В 10 часов утра противник силой до четырех пехотных полков при поддержке более 50 танков и под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня перешел в наступление на основную оборонительную линию Перекопских позиций, нанося главный удар вдоль Перекопского залива. После упорных боев наши части оставили город Перекоп и отошли за Турецкий вал, за исключением третьего батальона 417-го стрелкового полка, саперной роты и двух батарей, которые продолжали вести бой севернее Перекопа в районе Кантемировки.

Контратака 14 танков Т-37 и Т-38, приданных 156-й стрелковой дивизии, не удалась. Все 14 машин были уничтожены.

По приказу Манштейна к Перекопу подошла 50-я пехотная дивизия, прибывшая из района Одессы.

Бестолковое командование Ф.И. Кузнецова и К° должен был признать и советский историк Басов. Правда, сделал это он весьма деликатно:

«Сложилась редкая в военной практике обстановка. Обороняющиеся в Крыму войска имели восемь стрелковых и три кавалерийских дивизии. Противник активно действовал только против одной из них (156-й на Перекопе), где он создал превосходящие силы по пехоте — более чем в 3 раза, по артиллерии — в 5–6 раз и абсолютное господство в воздухе. Две другие советские дивизии (106-я и 276-я) были скованы 22-й немецкой пехотной дивизией, которая демонстрировала готовность наступать по Чонгарскому перешейку и через Сиваш. Еще пять стрелковых и три кавалерийские дивизии были в глубине Крыма в готовности к отражению возможной высадки морского и воздушного десанта. И хотя эти дивизии были недостаточно вооружены и обучены, они могли успешно обороняться на заранее оборудованных рубежах»^[64].

Стоит заметить, что в эти отчаянные дни, когда решалась судьба Крыма, наших адмиралов по-прежнему лихорадил «итальянский синдром». Так, 17 сентября нарком ВМФ сообщил Военном Совету Черноморского флота «для сведения, что в Софии 15–16 сентября ожидалось решение турецкого правительства о пропуске в Черное море 10 военных кораблей, купленных Болгарией у Италии»^[65].

То есть Болгария должна была фиктивно купить итальянские линкоры, крейсера и эсминцы, и те под болгарским флагом должны были выйти в Черное море. Недаром говорят, что история повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй раз как фарс. В 1914 г. «Гебен» и «Бреслау» были фиктивно куплены Турцией, и это стало трагедией для русского флота, но в 1941 г. дуче не хотел и физически не мог продать свои корабли Болгарии. Любопытно, кто был автором нового фарса — сам нарком или его кто надоумил?

До весны 1942 г. в Черном море не было ни одного немецкого или итальянского военного корабля или даже торпедного катера, а румынские четыре эсминца и подводная лодка «Дельфиноул» ни разу не выходили на советские коммуникации. Так что конвоирование транспортов, которым занималась большая часть Черноморского флота от торпедных и сторожевых катеров до крейсеров включительно, было, как говорится, в пользу бедных. Зато адмирал Октябрьский постоянно жаловался в Москву и командованию фронта на занятость кораблей конвоированием транспортов: мол, некогда и нечем помогать сухопутным войскам.

Что же касается воздушного противника, то зенитное вооружение кораблей конвоев было довольно слабым, и чем гонять их, проще было поставить в дополнение к 45-мм пушкам по Четыре — шесть 37-мм

автоматов 7-К и дюжину 12,7-мм пулеметов на каждый ценный транспорт. А при необходимости можно было за пару часов переставить 37-мм и 12,7-мм установки с пришедшего в порт транспорта на другой, уходящий в море.

Десантобоязнь дошла до маразма. Так, 8 июля командование 157-й стрелковой дивизии, которая обороняла берега Кавказа от вражеского десанта, приказало артиллеристам обстрелять транспорт «Громов», совершавший обычный рейс по маршруту Туапсе — Новороссийск^[66].

В семь часов утра 26 сентября две немецкие пехотные дивизии, поддержанные 100 танками (о танках упоминают только советские источники), начали наступление на позиции 156-й стрелковой дивизии. К 11 часам утра немцы заняли Турецкий вал и вышли к Армянску. Тем временем генерал Батов, командовавший советскими войсками на перешейке, подтянул свежие силы: 383-й полк из 172-й стрелковой дивизии, 442-й полк из 106-й стрелковой дивизии и 865-й полк из 271-й стрелковой дивизий. Эти три полка контратаковали противника. В течение дня 26 сентября город Армянск четыре раза переходил из рук в руки. Немцы тоже сняли с побережья Сиваша какие-то части 22-й пехотной дивизии и ввели их в дело.

К вечеру Армянск остался за немцами. Но в ночь на 27 сентября в Армянск ворвалась 42-я кавалерийская дивизия. В ходе ночного боя из двух тысяч кавалеристов было убито 500. Рано утром конницу поддержал 442-й стрелковый полк и 5-й танковый полк 172-й дивизий под командованием майора С.П. Баранова. Неприятель был выбит из Армянска. 28 сентября 5-й танковый полк, преследуя врага, перешел Турецкий вал.

Успех контрудара советских войск на Перекопе ж значительной степени был обусловлен изменением ситуации в Северной Таврии, где 26 сентября войска 9-й и 18-й армии Южного фронта перешли в наступление севернее Мелитополя.

Как уже говорилось, Манштейн бросил на Перекоп лучшие части своей армии. 30-й немецкий корпус еще кое-как держался, а вот 4-я горная дивизия (немцы иногда именовали ее горной бригадой) румын бросилась бежать. В германском фронте образовалась 15-километровая ничем не прикрытая брешь. Несколько позже побежала и 6-я горная дивизия румын.

Манштейн срочно приказал повернуть назад германский 49-й горный корпус и «Лейбштандарт», двигавшиеся к Перекопу. Кроме того, из района Днепропетровска по 18-й и 9-й армиям был нанесен сильный удар 1-й танковой группой фон Клейста.

7—8 октября немецкие танки вышли к побережью Азовского моря в

районе Мариуполя. В окружении оказалась большая часть войск 9-й и 18-й советских армий. Командующий 18-й армией генерал-лейтенант Смирнов был убит 6 октября, немцы нашли его труп. По германским данным, в результате окружения 9-й и 18-й армий их трофеями стали 212 танков и 672 артиллерийских орудия, было взято 65 тысяч пленных. Советские данные об этой операции до сих пор засекречены.

Одним из результатов операции стал запрет командования вермахта на использование в Крыму единственной моторизованной части Манштейна — «Лейбштандарт Адольф Гитлер». «Лейбштандарт» был включен в состав 1-й танковой группы, которая двинулась на Ростов.

А теперь вернемся к событиям в Крыму. 26 сентября Военный Совет Черноморского флота доложил наркому ВМФ, что «командование 51-й армии и местные власти проявляют нервозность, непрерывно требуя помощи... Если противник прорвется через Перекоп или Чонгар, то наши наличные силы с их вооружением не смогут задерживать его дальнейшее продвижение, а все отойдут на Севастополь и Керчь. Военный Совет считал целесообразным положить, если потребуется, 50000 человек, но с Перекопа и Чонгара не отходить»^[67].

Утром 26 сентября части 51-й армии попытались перехватить инициативу у немцев. Рано утром 49-я кавалерийская дивизия выбила немцев из Армянска. К утру части 172-й стрелковой дивизии заменили остатки 156-й стрелковой дивизии и заняли линию обороны от Чулга (так в документе; видимо, речь идет о станции Чонгар) до Перекопского залива.

271-я стрелковая дивизия к 17 ч 30 мин вышла на рубеж: южная окраина деревни Щемиловка и 2 км севернее Армянска. Дивизия потеряла до 15 % личного состава, причем потери командного состава достигли 50 %. 42-я кавалерийская дивизия к 16 ч 00 мин вышла к валу в 2 км северо-западнее Армянска, но в 17 ч 30 мин под давлением немецкой пехоты, поддержанной сильным минометным и артиллерийским огнем и бомбовыми ударами авиации, отошла к северо-западной окраине Армянска. Дивизия потеряла до 20 % личного состава.

Военный Совет Черноморского флота приказал командиру Керченской ВМБ немедленно погрузить на железнодорожные платформы 54-й зенитный дивизион и направить его на Перекоп в распоряжение генерал-лейтенанта Батова.

В ночь на 26 сентября морская авиация в составе семи бомбардировщиков ДБ-2 и двадцати четырех гидросамолетов МБР-2 бомбила германские позиции на Перекопе и аэродромы Берислав, Шевченко и Чаплинка.

Днем 12 Пе-2 в сопровождении двадцати двух ЛаГГ-3 снова наносили удар по войскам противника на Перекопском перешейке. В районе Турецкого вала было выведено из строя четыре орудия, три автомашины, подавлена батарея и уничтожены три орудия полевой артиллерии и до двух взводов пехоты.

Фрайдорфская группа истребительной авиации бомбила и штурмовала войска противника на Перекопском перешейке и прикрывала наши войска, сделав 53 самолето-вылета. Были уничтожены 10 автомашин, батарея полевой артиллерии, две роты пехоты и сбит один Ю-87 противника. Наши потери 1 четыре самолета не вернулись с задания.

62-й авиаполк перебазировали с аэродрома Ейск на аэродром Кача.

С 13 ч 30 мин до 15 ч 00 мин авиация противника бомбила наши аэродромы Сарабуз, Кача и Евпатория. На аэродроме Сарабуз было убито 3 и ранено 12 человек, незначительно повреждены два ангара, выведены из строя три авиадвигателя и водомасляный заправщик, повреждены один У-2 и трактор. На аэродроме Кача поврежден один МиГ-3.

Писать о боях за Перекоп очень трудно. Немецкие источники, а также закрытые советские армейские источники и «Хроника...» дают три различные версии одних и тех же событий.

Вот, например, советская армейская версия. «С утра 28 сентября войска оперативной группы снова атаковали противника в районе Щемиловки и севернее Армянска. 5-й танковый полк своими боевыми порядками перевалил за Перекопский вал, перехватил дорогу Чаплинка — Армянск, имея задачей преследовать противника в направлении совхоза «Червоний чабан». Он вел там бой с тридцатью танками противника, препятствуя переходу вражеских резервов через Перекопский вал. Наши стрелковые части и подразделения захватили часть Перекопского вала к западу от старой крепости, но вынуждены были покинуть его. В ходе боев были зафиксированы свежие части немцев: пленные оказались из 65-го и 47-го полков 22-й пехотной дивизии, а также из 170-й дивизии 30-го армейского корпуса. В контратаках участвовали подошедшие средние танки противника. Войска оперативной группы (кавалеристы, части Торопцева) отходили опять к Армянску. Несколько часов шел бой в районе кирпичного завода и кладбища. Эти пункты переходили из рук в руки. В кавалерийской дивизии остались исправными всего два орудия»^[68].

Вариант морской: 28 сентября «в 17 ч 30 мин немецкая авиация произвела массовый налет на наступающие части 172-й стрелковой дивизии и причинила им большой урон. В 18 ч 00 мин противник контратаковал наши части свежими силами (до шести батальонов с

танками) в направлении Деде и вынудил их отходить. Командующий Оперативной группой приказал отвести 271-ю и 172-ю стрелковые и 42-ю кавалерийскую дивизии в район Пятиозерья и перейти там к обороне»^[69].

В воспоминаниях П.И. Батова постоянно фигурируют крупные танковые соединения. То он говорит о ста танках у Армянска на 6 октября, то «вечером 19 октября 170-я пехотная дивизия немцев, с которой действовало более шестидесяти танков поддержки пехоты, вырвалась к устью Чатырлыка»^[70].

Увы, Павел Иванович, везде указывавший номера германских пехотных дивизий, нигде не указал названия танковых частей. Понятно, что такая же картина наблюдается и в других источниках: у Г.И. Ванеева, А.В. Басова, в «Хронике...» и т. д. Получается, что немецкие танки ходят по Крыму сами по себе, без всякой организации, сбиваясь в стада по 50, 100 и более единиц.

Манштейн же утверждает, что танков у него не было. И действительно, к тому времени «Лейбштандарт Адольф Гитлер» был переброшен на Ростов, а для действий в Крыму Манштейн мог привлечь лишь два корпуса: 30-й в составе 22-й, 72-й и 170-й пехотных дивизий и 54-й в составе 46-й, 73-й и 50-й пехотных дивизий (треть 50-й пехотной дивизии еще была под Одессой).

У Манштейна в Крыму был лишь один дивизион штурмовых орудий. В составе 190-го дивизиона имелось 24 76-мм самоходные установки StuGIII, созданные на базе танка Т-III. В каждом взводе, состоявшем из двух орудий, имелся один бронированный транспортер боеприпасов Sd.Kfz.253 и одна машина передовых артиллерийских наблюдателей Sd.Kfz.252.

В сентябре в распоряжение войск 51-й армии прибыл дивизион гвардейских минометов. Первое применение «катюш» в Крыму состоялось 30 сентября между озерами Красное и Старое. Как писал П.И. Батов: «И вот "катюши" сработали. Мощный залп. Огненные струи. Взрывы. Немцы побежали. Наши — тоже. Редкое зрелище "атаки", когда обе стороны бегут друг от друга!

Пересекретничали. Надо было как-то оповестить людей переднего края, чтобы не пугались, если произойдет нечто неожиданное»^[71].

30 сентября советские войска покинули Литовский полуостров, а 130-мм батарея № 124 была взорвана.

В ночь на 1 октября 61 гидросамолет МБР-2 бомбил войска противника на Перекопском перешейке и два гидросамолета ГСТ

(советская копия летающей лодки «Каталина») — аэродром в Чаплинке.

Днем 12 Пе-2 в сопровождении четырнадцати ЛаГГ-3 снова бомбили войска противника на Перекопском перешейке. По советским данным, уничтожено свыше батальона пехоты, 33 автомашины, четыре танка, полевая батарея трехорудийного состава, зенитное орудие и три бензоцистерны.

С начала октября до 16 октября германское командование производило перегруппировку своих войск, и на Крымском полуострове установилось временное затишье.

Манштейну удалось выбить себе подкрепление а виде 42-го корпуса в составе 132-й и 24-й пехотных дивизий, а также две румынские бригады — горную и кавалерийскую. С 21 сентября Манштейн перенес штаб 11-й армии в здание правления колхоза «Аскания-Нова», которое находилось в 30 км к северо-востоку от Перекопа. Правление располагалось в центре огромного парка с ручьями и прудами, в которых гнездились цапли и фламинго. В парке паслись олени, лани, антилопы, зебры, зубры и т. д. Замечу, что этот райский уголок, созданный еще до революции, выбрал для размещения штаба и Фрунзе осенью 1920 г., готовясь к штурму Перекопа.

К началу октября состав советских войск изменился мало. Ишуньские позиции обороняла оперативная группа генерала Батова: справа 106-я и 271-я дивизии; в центре 156-я дивизия генерала П.В. Черняева, усиленная одним батальоном капитана С.Т. Руденко из 172-й дивизии и одним полком 321-й дивизии; на левом фланге — 172-я стрелковая дивизия.

3 октября маршал Б.М. Шапошников от имени наркома обороны приказал ускорить оборудование второго рубежа обороны по линии Новый Букеж — Томашевка — Воинка и далее по реке Чатырлык. Туда же, в район Воинки, была направлена первая прибывшая из Одессы 157-я стрелковая дивизия полковника Д.И. Томилова.

Начальник Генштаба предлагал приступить к строительству третьего тылового оборонительного рубежа по линии совхоз Тузлы-Шейх-Али — высота 27,7 — Менгермен — Саргил — Тайган — Ени-Крымчак — Андреевна — Камбары — Ашога-Джамин — Саки. По мнению многих инженеров-фортификаторов, предложенный рубеж через степную часть всего Крыма был очень невыгодным для обороны, Особенно против превосходящих наши войска по маневренности германских частей.

9 октября последовало указание об ускорении строительства укреплений и в горных проходах: Старый Крым, Карасубазар, Шумхай, Бахчисарай, Симферополь, Ак-Манай.

Северо-восточную часть Крыма Ф.И. Кузнецов хотел оборонять

войсками 9-го стрелкового корпуса (в составе 156-й, 271-й, 106-й, 277-й, 157-й стрелковых дивизий, 48-й кавалерийской дивизии и отдельного дивизиона гвардейских минометов капитана Небоженко) под командованием генерал-майора И.Ф. Дашичева.

Северо-западную часть Крыма должна была оборонять Приморская армия генерала И.Е. Петрова, в которую были включены 172-я, 25-я, 95-я стрелковые дивизии, 2-я, 40-я, 42-я кавалерийские дивизии, 51-й и 265-й артиллерийские полки и отдельный дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Черняка.

В непосредственном подчинении командующего войсками Крыма оставались 320-я, 184-я и 421-я (бывшая Одесская) стрелковые дивизии, 15-я бригада ПВО, 136-й запасный полк, 52-й гаубичный артиллерийский полк и другие мелкие части. ВВС армии состояли из шести полков — 182-й, 247-й, 253-й истребительные, 21-й, 507-й бомбардировочные и 103-й штурмовой. Командовал ВВС армии генерал-майор Е.М. Белецкий.

18 октября в пять часов утра германская артиллерия начала артиллерийскую подготовку на Перекопском перешейке. В дело были введены 21-см мортиры образца 18... 15-см тяжелые гаубицы и реактивные 15-см минометы Nb.W.41. Через полчаса в наступление пошла германская пехота. Ширина перешейка позволяла ввести в бой только три дивизии 54-го корпуса — 73-ю, 46-ю и 22-ю, а 30-й корпус ждал, пока в ходе наступления будет занято достаточное пространство.

На вспомогательном чонгарском направлении удар с целью сковывания советских войск наносил румынский горнострелковый корпус (1-я горнострелковая и 8-я кавалерийская бригады).

Первый удар немцы нанесли по 106-й стрелковой дивизии, но она отбила все атаки. Затем последовал удар вдоль Каркинитского залива, где оборону держал 361-й пехотный полк 156-й дивизии. За ним на второй позиции по реке Чатырлык занимала оборону на широком 20-километровом фронте 172-я дивизия полковника Ласкина численностью семь тысяч человек. Все три стрелковые полка 172-й дивизии были вытянуты в одну линию.

Группировка из пяти дивизий (106-я, 271-я, 157-я стрелковые, 48-я и 42-я кавалерийские), расположенная между Ишунем и Чонгаром, могла угрожать прорвавшемуся противнику на любом из двух направлений. В оперативной сводке за первый день боя Военный Совет 51-й армии доносил, что враг вклинился в передний край обороны, понес большие потери.

К исходу 18 октября немцы заняли бромовый завод, деревню Асс и

село «Участок № 8».

Флотская авиация делала все, что могла. В ночь на 18 октября 43 гидросамолета МБР-2 бомбили войска противника на Перекопском перешейке, шесть МБР-2 — аэродромы противника в селах Ново-Павловка, Чаплинка и Преображенка и три ГСТ — аэродром в селе Кульбакино, где предположительно был взорван минный склад и возникло восемь пожаров.

В первой половине дня 23 самолета Пе-2 в сопровождении десяти МиГ-3 снова бомбили немецкие войска на Перекопском перешейке. По советским данным, уничтожено 10 танков, до пяти взводов пехоты и одна автомашина. Германским истребителем был подбит флотский бомбардировщик Пе-2, который сел горящим в распоряжение своих войск. Экипаж машины остался невредим.

В тот же день, 18 октября, в районе Балаклавы истребитель МиГ-3 таранил До-215; видимо, разведчик. Оба самолета рухнули в море, но наш летчик успел выброситься с парашютом и был спасен.

Во второй половине дня шесть ДБ-3 и двенадцать Пе-2 в сопровождении пятнадцати МиГ-3, четырех ЛаГГ-3 и девяти Як-1 опять бомбили войска противника на Перекопском перешейке. По советским данным, в районе села Кара-Казак № 3 было «уничтожено предположительного двадцати танков и 30–40 автомашин. Наши истребители прикрытия в воздушном бою сбили два Ме-109. Прямыми попаданиями бомб уничтожены две батареи, 35-тонный танк^[72], два миномета и до трех взводов пехоты противника»^[73].

Фрайдорфская группа истребительной авиации сделала 124 самолето-вылета по войскам противника на перекопском направлении и по аэродрому села Чаплинка. В воздушном бою было сбито шесть немецких самолетов, из них три Ме-109. Наши потери — три ЛаГГ-3.

С 10 ч 55 мин до 12 ч 10 мин авиация противника совершила интенсивный налет на район села Ишунь и группами от 2 до 15 самолетов бомбила станцию Джанкой. Пятнадцать Хе-111 бомбили район села Джаба.

Утром 19 октября на всем фронте Ишуньских позиций завязались ожесточенные встречные бои. Советские 157-я и 156-я стрелковые дивизии перешли в наступление с целью восстановить утраченные позиции, а немцы пытались развивать успех, достигнутый ими 18 октября. К исходу дня немцы ввели в бой 46-ю пехотную дивизию, а со стороны нашей 51-й армии была введена 48-я кавалерийская дивизия.

В результате боев 19 октября войска 51-й армии загашали положение:

106-я стрелковая дивизия закрепились на рубеже северо-западной и

западной части мыса с населенным пунктом Уржин Северный.

271-я стрелковая дивизия — на перешейке между заливом Сиваш и озерами Киятское, Круглое и Красное и выдвинула один батальон к селу «Участок № 9»

для обеспечения правого фланга 157-й стрелковой дивизии.

157-я стрелковая дивизия к исходу дня удержалась на рубеже южное побережье озера Красное — южная окраина села «Участок № 9» — северная окраина села Ишунь.

48-я кавалерийская дивизия заняла рубеж, проходивший от северной окраины села Ишунь, по южной окраине села «Участок № 8» до Каркинитского залива.

156-я стрелковая дивизия, понеся большие потери, к исходу дня отступила разброшенными частями и собиралась в районе населенных пунктов Ишунь, Чигир и Ново-Павловка.

172-я стрелковая и 42-я кавалерийская дивизии оставались на южном берегу реки Чатырлык.

20 октября немцы ввели в бой 50-ю пехотную дивизию, доведя число дивизий на Ишуньских позициях до четырех. Наши источники трафаретно повторяют рассказ о ста германских танках. Видимо, танков у немцев не было, тем не менее, преодолевая упорное сопротивление наших 48-й кавалерийской и 157-й стрелковой дивизий, противник к 15 ч 00 мин подошел ко второй оборонительной линии, а к вечеру занял село Ишунь и вклинился во вторую линию Ишуньских позиций. Передовые немецкие части форсировали устье реки Чатырлык. К концу дня 156-я стрелковая дивизия была практически уничтожена.

В первой половине дня 20 октября девять МиГ-3 и девять ЛаГГ-3 звеньями бомбили позиции противника на Перекопском перешейке. Уничтожено два танка, девять автомашин, восемь повозок и до двух взводов пехоты.

Во второй половине дня восемь Пе-2 в сопровождении двадцать истребителей 51-й армии бомбили войска противника в районе села Ишунь. Уничтожены четыре танка, семь автомашин, до двенадцати повозок и до двух взводов пехоты.

Фрайдорфская группа истребительной авиации, действуя по войскам противника на Перекопском перешейке, произвела 104 самолето-вылета, в которых было уничтожено и выведено из строя до 18 автомашин и около 750 человек пехоты. В воздушных боях сбито пять Ме-109. Наши потери составили один МиГ-3 и один И-5.

21—23 октября на перешейке продолжались упорные бои.

23 октября в 16 ч 30 мин в командование войсками Крыма вступил вице-адмирал Г.И. Левченко, назначенный на эту должность решением Ставки Верховного Главнокомандующего от 23 октября 1941 г. Тем же решением Ставки заместителем командующего войсками Крыма по сухопутным частям был назначен генерал-лейтенант П.И. Батов. Заместителем командующего Черноморским флотом по вопросам обороны главной базы был назначен контр-адмирал Г.В. Жуков.

24 октября войска Крыма были разделены на две группы: первая — 9-й стрелковый корпус в составе 276-й, 106-й, 271-й и 156-й стрелковых дивизий и 48-й кавалерийской дивизии; вторая — Приморская армия в составе 157-й, 172-й, 95-й, 25-й стрелковых и 2-й, 40-й и 42-й кавалерийских дивизий.

В соответствии с приказом по войскам Крыма № 0019 от 23 октября и с вводом в бой 95-й стрелковой дивизии и одного полка 25-й стрелковой дивизии Приморская армия в девять часов утра 24 октября перешла в наступление по всему фронту, нанося главный удар в районе деревни Воронцовка. В задачу 9-го стрелкового корпуса входило прочно оборонять свои рубежи и контратаками содействовать продвижению Приморской армии.

Одновременно с наступлением наших частей противник также перешел в наступление. По всему фронту разгорелись ожесточенные встречные бои, протекавшие с неослабевающим напряжением в течение всего дня. Особенно ожесточенные бои происходили в районах отметки 18,2 и населенных пунктов Чигир, Берды-Булат-Немецкий и Воронцовка. Части 9-го стрелкового корпуса удерживали свои позиции.

К исходу дня правый фланг Приморской армии отошел к северной окраине деревни Берды-Булат-Немецкий и к южной окраине деревни Воронцовка.

Левый фланг Приморской армии, продвинувшись вперед, вышел на рубеж: мост в 1 км юго-западнее Воронцовки — 1 км южнее населенных пунктов Биюк-Кичкари, Бой-Казак-Татарский и на запад до Каркинитского залива.

25 октября наши части продолжали наступление. Немцы упорно оборонялись. В итоге к концу дня 172-я стрелковая дивизия осталась на прежних позициях, а части 95-й стрелковой дивизии правым флангом вышли к деревне Берды-Булат-Немецкий и до исхода дня вели бой за овладение Воронцовкой. 2-я и 40-я кавалерийские дивизии и два полка 25-й стрелковой дивизии вели бой на прежних рубежах.

О событиях этого дня Манштейн писал: «25 октября казалось, что

наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе. Это был час, который, пожалуй, всегда был в подобных сражениях, час, когда решается судьба всей операции. Час, который должен показать, что победит: решимость наступающего отдать все свои силы ради достижения цели или воля обороняющегося к сопротивлению»^[74].

К вечеру 25 октября Манштейн произвел перегруппировку войск 11-й армии: вместо обескровленных 73-й и 46-й дивизий бросил в наступление 72-ю, 170-ю и свежую 132-ю пехотные дивизии, из резервов был сформирован сводный отряд 54-го армейского корпуса. Манштейн хотел перебросить на свой правый фланг 22-ю пехотную дивизию, но она была скована боями на Сиваше и освободилась лишь 28 октября.

Утром 26 октября немцы вновь перешли в наступление. 172-я стрелковая дивизия сразу начала беспорядочно отступать к югу. 95-я стрелковая дивизия держалась до 15 часов, а затем медленно начала отступление. 25-я стрелковая дивизия отбила атаки немцев и осталась на прежних позициях.

27 октября немцы продолжали наступление. Наши части к 18 часам остались на рубеже южная окраина села Берды-Булат-Немецкий — село Мангит — деревня Дюрмен — деревня Каланчак — 1 км южнее села Виюк-Кичкары и на запад до Каркинитского залива. Все части Приморской армии понесли большие потери в личном составе. В полках насчитывалось от 200 до 500 человек. Управление войсками было нарушено. Появились блуждающие, разрозненные группы войск, не имевшие связи с командованием и потерявшие ориентировку.

Нависла непосредственная угроза прорыва фронта на левом фланге. По приказанию командования войсками Крыма части 9-го стрелкового корпуса, за исключением 276-й стрелковой дивизии, также начали отходить на новый рубеж обороны, проходивший по линии населенных пунктов Чучак Северный, Чучак Южный, Каранки, Керлеут Южный, Масниково, Воинка и Ново-Николаевка.

276-я стрелковая дивизия продолжала оставаться на прежних позициях, южнее города Геническ, южнее станции Сальков и по южному берегу залива Сиваш до хутора Пасурман.

28 октября советские войска начали повсеместно отступать. Уже утром Манштейну доложили, что на некоторых участках «противник исчез». Как писал А.В. Басов: «В это время командный пункт оперативной группы П.И. Батова находился в Воронцовке. Связь опергруппы со штабом армии в Симферополе часто нарушалась, С подходом Приморской армии

оперативная группа Батова перестала существовать. 172-я стрелковая дивизия перешла в подчинение генерала Петрова, а остальные дивизии — в подчинение командира 9-го корпуса генерала Дашичева. Какой-либо передачи командования от Батова Петрову не было. К тому же связь с дивизиями была нарушена...

Бывший командир 106-й дивизии генерал А.Н. Первушин восклицает в своих мемуарах: "Если бы в этот критический момент нам хотя бы одну свежую дивизию, хотя бы один танковый полк!.. тогда бы наступление немцев сорвалось"^[75]. У командующего войсками Крыма были, хотя и недостаточно боеспособные, 184-я, 320-я, 321-я, 421-я стрелковые дивизии. На правом фланге располагалась 276-я дивизия генерала И.С. Савина, по существу неатакованная и не связанная боями»^[76].

Во второй половине дня 29 октября немцы обошли левый фланг Приморской армии, и к исходу дня их моторизованные колонны вышли в район село Айбары — село Фрайдорф, в 17 км юго-восточнее высоты 52,7 (правого фланга) и в 40 км южнее высоты 11,5 (левого фланга Приморской армии).

7-я бригада морской пехоты, находившаяся в резерве командования войсками Крыма и занимавшая позиции на третьем оборонительном рубеже в районе населенных пунктов Старый Кудияр, Айбары, Аджи, Атман, Тотман и совхоз Тогайлы, неожиданно для себя очутилась в районе движения немецких моторизованных частей и не смогла задержать их.

Вечером командование войсками Крыма приняло решение об отводе войск на третий, частично подготовленный рубеж, проходивший по Крымскому предгорью, через населенные пункты Окречь, Таблды, Челле и Саки.

В тот же день заместитель командующего Черноморским флотом по сухопутной обороне главной базы и начальник Севастопольского гарнизона контр-адмирал Жуков приказом № 02 ввел в Севастополе и его окрестностях осадное положение.

Вечером 30 октября Манштейн приказал 30-му армейскому корпусу в составе 72-й и 22-й дивизий как можно скорее захватить Симферополь и затем прорваться к Алуште, чтобы лишить советские войска возможности занять оборону по северным отрогам гор. 54-й корпус (50-я, 132-я пехотные дивизии, моторизованная бригада Циглера) направлялся по западной части полуострова через район Евпатория — Саки, чтобы затем с ходу захватить Севастополь. 42-му армейскому корпусу в составе 46-й, 73-й и 170-й пехотных дивизий было приказано стремительно продвинуться на

Керченский полуостров с тем, чтобы упредить советские войска и не дать им возможность создать оборону на Ак-Манайских позициях и в конечном счете захватить порты Феодосия и Керчь. Горнострелковый румынский корпус в составе двух бригад двигался во втором эшелоне.

30 октября организованное сопротивление советских войск на севере Крыма прекратилось и началось повальное бегство. Кому мои слова покажутся слишком резкими, я отправлю к «Хронике...»: «По отдельным отрывочным сведениям, поступавшим в течение дня, было известно, что в 11 ч 40 мин 45 автомашин с немецкой пехотой подошли к станции Карагут (10 км севернее Саки). Около 13 часов в районе деревни Икар (12 км севернее Евпатории) противник выбросил воздушный десант, и 40 человек этого десанта двигались к железнодорожной станции Евпатория.

В 13 ч 10 мин по дороге вдоль западного побережья Крыма между деревнями Ивановка (16 км южнее Саки) и Николаевка было обнаружено движение четырех танкеток, а в 13 ч 30 мин по дороге из Евпатории в Симферополь прошли 12 танков противника. В 15 ч 10 мин немцы заняли город Саки. В 16 часов из деревни Бур-люк по дороге на восток показались бронемашины противника. В 16 ч 15 мин из штаба ПВО донесли, что противник перерезал шоссе между Симферополем и Евпаторией на 37-м км»^[77].

31 октября немцы установили две артиллерийские батареи: в 2 км севернее железнодорожной станции Альма и в 1,5 км восточнее ее. Германские пушки начали обстрел железной дороги и шоссе, прервав сообщение между Симферополем и Севастополем. В частности, эти батареи в ночь на 1 ноября расстреляли наши бронепоезда № 1 и № 2^[78], прорывавшиеся в Севастополь.

В связи с этим командование Приморской армии приказало своим частям пробиваться через горы. Узнав об этом, Манштейн приказал 132-й пехотной дивизии и моторизованной бригаде Циглера наступать на Севастополь, а 50-й пехотной дивизии повернуть на юго-восток и во взаимодействии с 30-м корпусом в горах севернее Ялты уничтожить Приморскую армию.

1 ноября передовые части 72-й пехотной дивизии вошли в Симферополь, а 124-й полк этой дивизии начал движение по шоссе к Алуште. Вскоре стала пробиваться в горы и далее к морю 22-я пехотная дивизия.

К исходу 3 ноября с занятием селений Шуры, Улу-Сала, Мангуш немцам удалось перехватить пути отхода советских войск. Штаб нашей

армии в это время находился в Балаклаве. Генерал И.Е. Петров по радио приказал командиру 25-й дивизии генерал-майору Т.К. Коломийцу возглавить отход соединений армии, продолжать движение к Севастополю кратчайшей дорогой через Керменчик, Ай-Тодор, Шули, разгромив части противника, если они преградят путь.

4 ноября в два часа ночи под проливным дождем части 95-й стрелковой дивизий и передовой 287-й стрелковый полк 25-й дивизии атаковали немцев в селении Улу-Сала. В упорном бою был полностью разгромлен моторизованный отряд и 72-й противотанковый артиллерийский дивизион, захвачено 18 орудий противника, 28 пулеметов, до 30 автомашин, 19 мотоциклов.

4 ноября 421-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник С.Ф. Монахов, была выбита из Алушты 124-м пехотным полком 72-й пехотной дивизии.

4 ноября командующий войсками Крыма приказом № 1640 в связи с новой оперативкой в Крыму создал два оборонительных района — Керченский (КОР) и Севастопольский (СОР).

В состав Севастопольского оборонительного района были включены все части и подразделения Приморской армии, береговая оборона главной базы, все морские и сухопутные части и части ВВС Черноморского флота.

Командование сухопутными войсками и руководство обороной Севастополя было возложено на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова, непосредственно подчиненного командующему войсками Крыма.

Заместителю командующего Черноморским флотом по сухопутной обороне главной базы контр-адмиралу Жукову было приказано вступить в командование главной базой.

В состав Керченского оборонительного района были включены все части и подразделения 51-й армии и сухопутные части Керченской военноморской базы. Командование частями, действовавшими на Керченском полуострове, было возложено на генерал-лейтенанта Батова.

4 октября в 15 ч 08 мин в Ялтинский порт вошел сторожевой корабль «Петраш», имея на буксире минный заградитель «Гидрограф» (бывшее гидрографическое судно водоизмещением 1380 т). Вообще-то они, согласно «Хронике...», шли в Туапсе, но зачем-то зашли в Ялту. Через 10 минут туда же пришел и транспорт «Черноморец». В тот же день «Петраш» вывел на буксире «Гидрограф», но вскоре суда были атакованы германской авиацией. «Гидрограф» получил пробоину и через некоторое время затонул в 19 милях на восток от Ялты.

К вечеру 6 ноября в Ялту вошли 1330-й полк 421-й стрелковой дивизии, 7-я бригада морской пехоты и батальон 172-й стрелковой дивизии. Генерал Петров приказал командиру Ялтинского боевого участка комбригу Киселеву немедленно отправить на автомашинах в Севастополь один батальон 7-й бригады морской пехоты, а остальной ее личный состав подготовить для переброски туда же морем. Людей иметь на причале в готовности к погрузке к 20 часам. В Ялту были направлены эсминцы «Бойкий» и «Безупречный».

25-я стрелковая дивизия (без 31-го и 54-го полков), 95-я и 172-я стрелковые дивизии частью сил сдерживали противника в районе села Коккозы, обеспечивая вывоз материальной части армии в Алупку, и частью сил продолжали движение на Южный берег Крыма. 40-я и 42-я кавалерийские дивизии находились на марше, чтобы занять в соответствии с приказанием Петрова оборону на рубеже деревня Саватка — высота 302,8 — гора Самналых и перекрыть все дороги, идущие в район Байдар.

54-й стрелковый полк 25-й дивизии оборонял высоту 1472,6 в 8 км северо-восточнее Ялты, не допуская прорыва противника к городу.

7 ноября в три часа ночи в Ялте была закончена погрузка войск 7-й бригады морской пехоты на эсминцы «Бойкий» и «Безупречный». Корабли приняли на борт около 1800 человек и в 3 ч 40 мин вышли из Ялты. На рассвете они прибыли в Севастополь.

Утром 7 ноября грузо-пассажирский пароход «Армения» (4727 брт) вышел из Ялты в Туапсе с пятью тысячами беженцев и раненых. Транспорт сопровождали два сторожевых катера. В 11 ч 25 мин в транспорт попала одна из двух торпед, сброшенных одиночным Хе-111. В течение четырех минут транспорт затонул, спасти удалось только восемь человек.

421-я стрелковая дивизия, сформированная из погранвойск НКВД, трое суток удерживала Алушту и отступила лишь 4 ноября. К этому времени 48-я кавалерийская дивизия была вынуждена отойти из района Карасубазара на побережье в районе Куру-Узень — Алушта. Ее командир решил выбить немцев из Алушты и приморской дорогой прорваться в Севастополь. Однако предпринятая 5 ноября внезапная атака на Алушту не удалась.

Говоря о захвате немцами Крыма, нельзя не отметить бездеятельность огромного Черноморского флота. Сравнительно слабые немецкие части с ходу занимают Евпаторию, а затем движутся вдоль побережья Каламитского залива к Севастополю — вот уж лакомый кусочек для нашего флота! Колонны немцев могли быть стерты с лица земли огнем линкора, шести крейсеров, десятков эсминцев и канонерских лодок! Но, увы, увы...

Как уже говорилось, несколько советских дивизий отошли к Южному берегу Крыма. С моря весь Южный берег как на ладони, все дороги расположены на расстоянии 1–5 км от береговой черты и прекрасно видны с моря. Немцы же практически не имели артиллерии, способной вести огонь по морским целям на дистанции свыше 4 км. Численное превосходство в истребителях было на нашей стороне, а немцы имели всего лишь одну авиагруппу торпедоносцев Хе-111.

Посмотрим на карту Крыма и в Таблицы стрельбы корабельных орудий. Вот дальность стрельбы фугасным снарядом образца 1928 года: 305-мм пушек линкора «Парижская Коммуна» — 44 км; 180-мм пушек крейсеров проекта 26—38,6 км; 130-мм пушек старых крейсеров и эсминцев — 25,7 км. Таким образом, линкор «Парижская Коммуна» (с 31 мая 1943 г. «Севастополь») мог обстреливать Севастополь как со стороны Каламитского залива, так и со стороны Алушты. Любая точка Крыма южнее Симферополя была в зоне досягаемости советской корабельной артиллерии. Наконец боевые и транспортные суда и катера Черноморского флота позволяли осуществлять за несколько часов переброску наших частей как из Севастополя на Южный берег Крыма, так и в обратном направлении.

Десятки торпедных и сторожевых катеров, буксиров, рыболовных сейнеров и т. д. могли без особых проблем брать людей прямо с необорудованного побережья Южного берега Крыма. Да и температура воды позволяла даже вплавь добраться до судов. Вспомним эвакуацию британской армии в Дюнкерке, когда англичане бросили к необорудованному побережью все, что могло плавать — от эсминцев до частных яхт. Пусть погибло несколько эсминцев, но армия была спасена. А у нас с 1 октября по 11 ноября 1941 г. не только не был потоплен, но даже не был поврежден ни один корабль.

Неужели нашим титулованным военным историкам не понятно, что уставшим солдатам куда труднее через горы пробиваться к Севастополю и побережью Южного берега Крыма, нежели быть принятыми на борт кораблей и катеров и через несколько часов прибыть в Севастополь. Почему же их бросили?

Сразу после прорыва немцев на Перекопе адмирал Октябрьский принимает важное решение. В 17 часов 28 октября он садится на эсминец «Бойкий», и через 10 минут эсминец под адмиральским флагом выходит в открытое море. Как не вспомнить адмирала Макарова, который поднял свой флаг на самом легком и быстроходном крейсере «Новик» (ненамного больше «Бойкого») и отправился на перехват японских крейсеров.

А куда же направился наш адмирал? В Потти! Для обхода портов Кавказского побережья с целью их подготовки к приему кораблей на базирование.

Вернулся адмирал в Севастополь лишь 2 ноября. Риторический вопрос: а не могли ли это сделать несколько штабных офицеров? Сели бы на гидросамолеты ГСТ или на сторожевые катера МО-4 и провели спокойно подготовку. Я уж не говорю о том, что это можно было сделать на несколько недель раньше.

И вот прямо из рубки «Бойкого» у берегов Кавказа Октябрьский шлет телеграмму начальнику штаба флота: «...вывести из Севастополя: линкор "Парижская Коммуна", крейсер "Ворошилов", учебный корабль "Волга" и дивизион подводных лодок — в Потти; крейсер "Молотов" — в Туапсе; лидер "Ташкент" и один-два эскадренных миноносца типа "Бодрый", эсминец «Свободный» и два сторожевых корабля с группой работников штаба Черноморского флота отправить на Кавказ.

В Севастополе приказано оставить охрану водного района главной базы, два эскадренных миноносца типа "Незаможник", два-три эскадренных миноносца типа "Бодрый", два старых крейсера и дивизион подводных лодок 1-й бригады; в Балаклаве оставить дивизион подводных лодок 2-й бригады»^[79].

И уже в 23 ч 32 мин 31 октября линкор «Парижская Коммуна» в охране крейсера «Молотов», лидера «Ташкент» и эсминца «Сообразительный» вышли из Севастополя и направились в... Батуми.

Итак, старый линкор, не сделав ни одного выстрела для защиты Одессы и Крыма, отправился в самый дальний угол Черного моря. Зачем? Может, для защиты столь важного порта?

3 ноября из Севастополя в Туапсе ушли крейсер «Красный Крым», эсминцы «Бодрый» и «Безупречный».

4 ноября начальник штаба Черноморского флота объявил по флоту, что побережье от Ялты до мыса Чауда занято противником. Ну, казалось бы, настало время для расстрела корабельной артиллерией немцев и румын, зажатых на 2—5-километровой полосе между морем и горами от Ялты до мыса Чауда? Вовсе нет. В объявлении об обстреле немцев ни слова. Далее следовало: «Ввиду этого всем судам запрещалось плавание между этими пунктами севернее широты 44°00'. Крупным кораблям и транспортам при плавании между портами Кавказского побережья и Севастополем надлежало отходить от берега вплоть до параллели 43°»^[80].

Напомню, что до 12 ноября 1941 г., когда наши войска уже были

выбиты с Южного берега Крыма, потерь от вражеской авиации наши корабли в Севастополе и у берегов Крыма не имели. В Севастополе к этому времени авиацией были потоплены 21 августа несамоходная баржа СП-81 (1021 брт) и 1 октября моторная шхуна «Декабрист» (100 брт). Так что нахождение кораблей в главной базе флота было вполне возможно.

Другой вопрос, что адмирала Октябрьского напугали события 27 октября в Керчи. Местное начальство собрало у мола Широкого 50 вагонов с боеприпасами для 51-й армии, с 1430 выстрелами корабельных 130-мм пушек, а также с имуществом ВВС (2000 бомб ФАБ-100, 3200 бомб ФАБ-50 и 2000 реактивных снарядов). Рядом еще поставили баржу с боеприпасами.

С 14 ч 22 мин до 15 ч 05 мин 13 германских самолетов бомбили Керчь. Одна из бомб попала в баржу с боеприпасами. От ее взрыва сдетонировали эти 50 злополучных вагонов. Широкий мол и рядом стоявшие корабли были уничтожены. Помимо боеприпасов погибло 3000 т зерна, большое количество угля и разных товаров. Погибло 30 гражданских лиц и ранено 65. Без вести пропали 13 краснофлотцев. Затонули тральщик ТЩ-507 «Делегат» (2010 т, две 45-мм пушки, три 12,7-мм пулемета), буксир «Володарский», болиндер «Енисей» (450 т), баржи «Туапсе», Б-37 и Б-52.

Надо ли говорить, что керченская трагедия стала результатом не столько действий люфтваффе, сколько следствием преступной халатности керченских властей.

Глава 10. Батов оставляет Керчь

Во время отступления наших войск с Перекопа генерал-лейтенант Батов был вызван в Севастополь, где на Военном Совете ему было приказано взять на себя оборону Керченского полуострова. Батову были подчинены генерал Дашичев и Керченская военно-морская база.

Для доставки Батова в Керчь был выделен эсминец «Незаможник».. Не хочется опять задавать риторический вопрос: почему бы генералу не слетать в Керчь на гидросамолете или не сплавить на катере МО-4, а эминцу «Незаможник» не пострелять бы по супостату на Керченском полуострове или Южном берегу Крыма?

Когда Павел Иванович прибыл в Керчь, доподлинно неизвестно. В своих мемуарах Батов писал: «Уже было темно, когда миноносец отошел от причала. Над Севастопольской бухтой — осветительные бомбы. Самолетов двадцать бомбят стоянку боевых кораблей. Метят и в "Незаможник". От взрывной волны в одном из отсеков появилась течь. Но вот мы в открытом море. Ночь. Ночь на 6 ноября 1941 года — канун великого праздника нашей Родины, нашей партии»^[81].

Но, согласно «Хронике...», эсминец «Незаможник» вышел из Севастополя в 17 ч 58 мин 4 ноября и прибыл в Керчь на следующее утро в 9 ч 00 мин. А 6 ноября «Незаможник» прибыл уже в Новороссийск.

После прорыва немцев в Крым к Керчи отступали войска 9-го стрелкового корпуса (156-я, 157-я и 271-я стрелковые дивизии). Эти дивизии понесли большие потери и были мало боеспособны. Но к Керчи отходили и свежие стрелковые дивизии (106-я и 276-я), однако командиры этих двух дивизий А.И. Первушин и И.С. Савинов потеряли связь с командованием корпуса и с соседями и отступали самостоятельно.

И командование 51-й армии, и командиры отдельных частей надеялись закрепиться на Ак-Манайском перешейке, соединяющем Керченский полуостров с остальным Крымом, Приказ о строительстве линий укреплений на Ак-Манайском перешейке был отдан командующим 51-й армией Кузнецовым еще 30 августа 1941 г.

18 октября с ходом работ познакомился А.Ф. Хренов, позднее вспоминавший: «Все делалось здесь основательно, в полном соответствии с требованиями военно-инженерного искусства. Ак-Манайский укрепрайон уже существовал, так сказать, вчерне»^[82].

Тыловая позиция поперек полуострова от селения Окречь до Саки в

оперативном отношении была невыгодной. Возведенные на ней кое-какие сооружения не были использованы. Оборонительные работы вокруг городов и на горных дорогах были далеки от завершения. Ак-Манайские позиции занимала 320-я стрелковая дивизия (бывшая 1-я Крымская).

В 19 ч 00 мин 3 ноября германская 170-я пехотная дивизия заняла Феодосию. А 4–5 ноября наши отступающие войска вышли на Ак-Манайские позиции. «На позиции их никто не встречал, не развертывал в боевой порядок; не было тут никаких запасов; не была проложена и связь. Несмотря на это, отошедшие дивизии развернулись на позиции в боевой порядок: 106-я, 271-я, 320-я, 157-я и на самом левом (южном) фланге 156-я стрелковые дивизии»^[83].

Замечу, что отдельные подразделения и группы красноармейцев уже с 31 октября пересекали Ак-Манайские позиции и бежали далее, прямо к переправе на Кавказ.

В середине дня 3 ноября советские войска без боя оставили Феодосию, куда после 19 часов вошли немцы.

7 ноября сухопутное и морское начальство в Крыму получило директиву Сталина за № 1882, где говорилось: «Главной задачей Черноморского флота поставить активную оборону Севастополя и Керченского полуострова всеми силами...

Все три старых крейсера и старые эскадренные миноносцы держать в Севастополе. Из этого состава сформировать маневренный отряд для действий в Феодосийском заливе по поддержке войск, занимающих Ак-Манайские позиции.

Отряду Азовской флотилии поддерживать войска на Ак-Манайских позициях с севера.

Линкор и новые крейсера базировать в Новороссийске, используя их для операции против берега, занятого противником, и для усиления отряда старых кораблей. Базирование эскадренных миноносцев установить по вашему усмотрению»^[84].

Действительно, узкий перешеек в районе Ак-Маная простреливался на всю ширину не только крупнокалиберными орудиями, но и 130-мм, и даже 100-мм корабельными пушками как со стороны Черного, так и со стороны Азовского моря. А линкор «Парижская Коммуна» и крейсера «Молотов» и «Ворошилов» могли обстреливать весь Керченский полуостров. Но, увы, этого сделано не было. Вместо того чтобы поддерживать свои войска на Керченском полуострове, линкор, крейсера и эсминцы Черноморского флота искали себе убежище в портах Кавказа или, в лучшем случае,

использовались в качестве транспортных средств.

В итоге германские войска задержались на Ак-Манайских позициях не более дня. 7–8 ноября на несколько часов нашим войскам удалось удержаться на промежуточной позиции у станции Семь Колодезей, где для обороны был использован старинный турецкий вал. К 17 часам противник занял железнодорожную станцию Семь Колодезей и село Каджалар.

8 ноября немецкая авиация ожесточенно бомбардировала переправы в Керченском проливе и керченский аэродром. Одна бомба попала в плавучий док, используемый в качестве парома. Аэродром был поврежден, на нем были подожжены два истребителя МиГ-3. В воздушном бою сбит один Ю-88.

Наша 63-я авиабригада бомбардировала войска противника на поле боя. Сброшено 252 авиабомбы ФАБ-100. Согласно донесению командира 63-й авиабригады уничтожено 48 танков. Здесь и далее подобные «охотничьи рассказы» я буду оставлять без комментариев, предоставив это сделать читателю.

К исходу 9 ноября немцы достигли пунктов: Большой Бабчик, станция Бегерово, отметка 127,7, село Чурубаш, Орта-Эти и северной части Тобечикского озера.

Авиация Черноморского флота содействовала частям Красной Армии на Керченском полуострове. 27 самолетов ДБ-3 бомбили немецкие мотомехвойска в районе села Марфовка. Уничтожено 53 автомашины, восемь танков, 20 повозок и значительное количество живой силы. В воздушном бою был сбит один Ме-109. Два бомбардировщика ДБ-3 не вернулись с задания и один ДБ-3 разбился при посадке.

Несколько слов стоит сказать о Керченской военно-морской базе, созданной 23 августа 1941 г. К концу сентября 1941 г. Керченский полуостров защищали 10 береговых стационарных батарей, в которых было 37 орудий. Это батарея № 29 (четыре 180-мм установки МО-1-180), батарея № 33 (три 203/50-мм орудия), батарея № 48 (четыре 152/45-мм пушки Кане, а также шесть 130-мм, восемь 100-мм, восемь 76-мм орудий и четыре 45-мм пушки 21К). Кроме того, девять батарей располагались по берегу от Феодосии до Керчи.

На Керченском полуострове дополнительно были установлены батареи 65-го зенитного артиллерийского полка: в районе Керчи — два дивизиона (54-й и 136-й — шесть батарей) и в районе Феодосии две батареи (56-й отдельный зенитный артдивизион).

В районе Керчи базировались три эскадрильи — 45-я и 46-я гидросамолетов и 93-я истребительная.

Оборону с моря Керченской ВМБ обеспечивали 5-й дивизион тральщиков и отряд торпедных катеров.

Вокруг города Керчь, являвшегося основным портом снабжения 51-й армии, силами населения и моряков было начато строительство оборонительных позиций» но закончить его не успели.

Керченская ВМБ имела свои стрелковые части: 9-ю бригаду морской пехоты (4500 человек), 8-й местный стрелковый батальон, отдельную саперную роту, батальон призывников-краснофлотцев (1426 человек, которых даже не вооружили). 4 октября в Керчь прибыл 14-й отдельный батальон морской пехоты (869 человек), сформированный в Москве.

Всего, таким образом, Керченская ВМБ насчитывала 7,5 тысячи бойцов и командиров.

9—10 ноября была произведена фактически единственная попытка поддержать гибнущие советские войска на Керченском полуострове огнем кораблей Черноморского флота. В 22 ч 25 мин 9 ноября крейсер «Молотов» вышел из Туапсе в район Феодосия — Чауда для оказания артиллерийской поддержки частям Красной Армии. С 4 ч 45 мин до 4 ч 53 мин 9 ноября он выпустил 110 снарядов, по пунктам скопления войск противника в районе селений Асун-Альчик, Марфовка, Новоселовка и совхоза «Кенегез».

На следующую ночь «Молотов», маневрируя южнее Эльчан-Кая, обстрелял скопления немецких войск в пунктах Султановка, Джеллькеджи-Эли и Марфовка. Обстрел был закончен в 5 ч 06 мин. Выпущено 100 снарядов.

Согласно донесению командира «Молотова» на обратном пути в Туапсе крейсер дважды безрезультатно был атакован германскими самолетами.

В ночь на 10 ноября береговая батарея № 29 впервые открыла огонь по немцам, а канонерские лодки «Рион», «Буг» и «Днестр» на Азовском море поддержали огнем наши части. На Черном море в районе Камыш-Буруна немцев обстреливал монитор «Железняков» (Дунайская флотилия). К исходу дня немцы все же заняли Камыш-Бурун, после чего монитор ушел в Керченский пролив.

11 ноября немцы предприняли решительное наступление на Керчь и к концу дня вышли на рубеж Кезы — Малый Бабчик — совхоз Туркмень — Александровка — Камыш-Бурун.

11 ноября авиация Черноморского флота произвела 73 самолето-вылета, из них 27 — ДБ-3, 23 — МБР-2 и 23 — истребителями. Уничтожено 90 автомашин, 15 танков и значительное количество живой силы противника. Не вернулся с задания один ДБ-3.

По распоряжению вице-адмирала Левченко из Новороссийска в Керчь была направлена 302-я горнострелковая дивизия. Но сделано это было с большим опозданием, и 11 ноября части еще только подходили к переправам через Керченский пролив.

12 ноября немцы овладели рядом командных высот, что позволило им обстреливать город и порт Керчь, в том числе Широкий мол. В 2–3 км от города в Солдатской слободе части моряков и 156-й стрелковой дивизии с трудом сдерживали противника.

Авиация Черноморского флота действовала по войскам противника на керченском направлении и произвела 58 самолето-вылетов. Было уничтожено до 100 автомашин, 10 танков, 30 повозок и до 500 человек немецкой пехоты, подавлены две огневые точки и две батареи полевой артиллерии. В воздушном бою самолетами ДБ-3 было сбито два немецких самолета Ме-109. Один ДБ-3 сделал вынужденную посадку.

13 ноября наше командование уже решило оставить Керчь. По приказу начальства в городе были взорваны склады горючего, завод им. Войкова, стройки, плавучий док, электростанция и водопровод.

В этот день через пролив на Кавказ было перевезено 15 тысяч красноармейцев и краснофлотцев.

14 ноября советское командование приняло решение провести окончательную эвакуацию Керчи в ночь с 15 на 16 ноября. Корабли Азовской флотилии продолжали оказывать огневую поддержку частям Красной Армии в районе Керчи.

10—14 ноября правый фланг наших войск поддерживали канонерские лодки «Днестр» и «Рион», а левый — бронекатера и плавбатарей № 4 Дунайской флотилии.

С 11 по 14 ноября канонерские лодки «Рион», «Днестр» и «Буг» неоднократно подвергались налетам авиации противника. В результате «Рион», получивший значительные повреждения, выбросился на берег у мыса Ахиллеон, но позже был снят и уведен. 13 ноября «Буг» получил две небольшие пробоины в борту, причем на нем было выведено из строя 130-мм орудие. На канонерке «Днестр» вышли из строя динамомашины.

13 ноября нарком Кузнецов приказал эвакуировать артиллерию с Керченского полуострова и установить ее «в районе мыса Тузла и в северо-западной части Таманского полуострова».

15 ноября линия фронта проходила между пунктами Булканак и Катерлез, до железной дороги на Керчь и по южной окраине Керчи до горы Митридат. Пристань Широкого мола в Керчи находилась под обстрелом немецких пулеметчиков. Противник установил полевую батарею в районе

крепости Керчь и обстреливал проходившие в проливе суда. На мониторе «Железняков» и транспорте «Шахтер» были раненые. Но монитор продолжал вести огонь. Получившие же повреждения канонерские лодки Азовской флотилии ушли, а кораблей Черноморского флота попросту не было видно. Лишь монитор «Железняков» поддерживая огнем левый фланг наших войск.

Стоит заметить, что в ходе боев шла непрерывно переброска свежих сил с материка. Так, 10 ноября на полуостров был переброшен 825-й полк 302-й стрелковой дивизии.

14 ноября началась эвакуация Керчи, которая продолжалась до 5 ч 30 мин 17 ноября. Переправа осуществлялась на нескольких десятках пароходов, сейнерах и различных гражданских плавсредствах.

Как писал А.В. Басов: «В документах Азовской флотилии имеется указание, что ее корабли снимали войска 51-й армии с северного берега полуострова с 17 по 23 ноября 1941 г. Архивные документы пока не раскрыли общее число эвакуированных войск. По нашим подсчетам, с Керченского берега было вывезено около 50 тысяч человек. В составе 106-й дивизии был 5481 человек, в 156-й дивизии — 2733 человека. Сохранили свою боеспособность 157-я, 271-я, 276-я, 320-я дивизии, а также 9-я бригада морской пехоты, которые развернулись для обороны Таманского полуострова»^[85].

В ходе эвакуации 15 ноября авиацией у косы Тузла был потоплен транспорт «Горняк» (965 брт), а 18 ноября там же — спасательный буксир «Силин».

В боях за Керченский полуостров и при эвакуации наши войска понесли огромные и в основном неоправданные потери. Полуостров можно было удержать, вовремя доставив свежие части с Кавказа и обеспечив огневую поддержку со стороны Черноморского флота. Сделано это не было. А вместо виновников — наркома Кузнецова, командующего Черноморским флотом Октябрьского и др. — Ставка нашла козлов отпущения помельче. За оставление Керчи вице-адмирал Левченко был отдан под суд, разжалован до капитана 1 ранга и назначен комендантом Кронштадта. Комкор Дашичев отдан под суд. Маршал Кулик по совокупности сдачи Керчи и Ростова разжалован в генерал-майоры и отправлен в распоряжение наркома обороны СССР.

Глава 11. Севастополь становится крепостью

Как уже говорилось, с 1854 г. по 1921 г. все наши военно-морские базы брались только с суши. Но, увы, в 1930-е годы ни сухопутное, ни морское начальство не интересовалось обороной военно-морских баз с суши. 16 декабря 1940 г. нарком ВМФ Кузнецов приказал организовать сухопутную оборону главных баз флота. Однако командующий Черноморским флотом Октябрьский, вместо того чтобы немедленно начать строить укрепления вокруг Севастополя, благо, уже полтора года шла Вторая мировая война, лишь 3 февраля 1942 г. удосужился назначить комиссию для рекогносцировки рубежа сухопутной обороны.

Комиссия эта под председательством П.А. Моргунова наметила рубеж обороны от побережья восточнее Балаклавы через Сапун-гору, гору Сахарная Головка до реки Кача (высота 145,1 — отметка 74,0 — Сапун-гора — Сахарная Головка — высота 120,1 — Камышловский овраг — отметка 71,9 — овраг Барак — по реке Кача до горы Тюльку-Оба). Фронт обороны, проходивший в 5–8 км от города, был разделен на три сектора и два самостоятельных боевых участка — Балаклавский и Городской (Севастопольский).

Фактически работы по сооружению укреплений у Севастополя начались 3 июля 1941 г., то есть уже после начала войны. К началу ноября система обороны Севастополя включала в себя три рубежа: передовой, главный и рубеж прикрытия эвакуации.

Передовой рубеж обороны Севастополя проходил в 16–17 км от города. Протяженность рубежа по фронту достигала 40 км, а полоса обороны на нем имела глубину в 1,5–2,5 км. Командные высоты перед этим рубежом находились в руках противника, незначительная же удаленность рубежа от города позволяла противнику вести обстрел города и аэродромов дальним артиллерийским огнем.

Главный рубеж обороны проходил в 12–14 км от города. Его протяженность равнялась примерно 30 км, глубина обороны — от 1,5 до 3 км. В случае отхода наших войск на этот рубеж основные командные высоты находились бы в руках противника.

Рубеж прикрытия эвакуации командовал лежащей впереди него местностью, но из-за отсутствия растительности хорошо просматривался

противником. Это облегчало задачу авиации и артиллерии противника наносить удары по рубежу, протяженность которого равнялась 27 км, а глубина обороны на нем — от 1 до 5 км. В рубеж прикрытия эвакуации включался и рубеж, непосредственно прикрывавший Севастополь (Стрелецкая бухта, хутор Дергачи, Инкерман).

Ни на одном из рубежей к началу боевых действий не было завершено строительство.

Таблица 1. Положение к 1 ноября 1941 г. на трех рубежах обороны Севастополя

Сооружения	Рубежи			
	Передовой	Главный	Тыловой	Всего
Артиллерийские доты, шт.	29	25	28	82
Пулеметные доты и дзоты, шт.	92	57	71	220
Стрелковые окопы, для отделения	232	66	91	389
Противотанковые рвы, км	1,7	—	31,5	33,2
Проволочные заграждения, км	8	8	40	56

Перед всем передовым рубежом обороны было установлено 1700 погонных метров противотанковых надолб, 8726 противотанковых мин, 850 противопехотных мин, 29 фугасов.

На танкоопасных направлениях Дуванкойского и Аранчинского опорных пунктов были подготовлены огневые завесы, для которых использовались трубопроводы, уложенные в железобетонных лотках перпендикулярно этим направлениям и снабженные на обоих концах напорными баками с горючей жидкостью. Жидкость могла выпускаться из труб и поджигаться при помощи бутылок с горючей смесью специальными командами.

Основу огневой мощи Севастополя составляли восемь стационарных береговых батарей и две подвижные батареи (№ 724 и № 725), оснащенные гаубицами-пушками МЛ-20. Из зенитных средств ПВО флота для обороны главной базы, кроме 61-го зенитно-артиллерийского полка, были вновь сформированы 62-й полк, 71-й и 92-й отдельные зенитные артдивизионы. Кроме того, из района Евпатория — Саки — Сарабуз отошли к Севастополю 25-й, 26-й и 114-й отдельные зенитные артдивизионы, а несколько позднее из района села Фрайдорф и села Ишунь — 122-й зенитно-артиллерийский полк. Таким образом, к началу обороны главной базы ее ПВО насчитывала 40 зенитных батарей (160 76-мм зенитных пушек образца 1915 года, 1928 года, 1931 года и 1938 года), семь батарей малого

калибра (45-мм пушки 21К и 37-мм автоматы), пулеметный и прожекторный батальоны, 215-й отдельный воздухоплавательный дивизион аэростатов заграждения, дымомаскировочный отряд, посты ВНОС и радиолокационные установки РУС-2.

После захвата Крыма немцами авиация Черноморского флота перебазировалась на аэродромы Северного Кавказа и Кавказского побережья Черного моря. В главной базе дислоцировалась специально созданная Севастопольская авиагруппа, на которую возлагалось прикрытие базы с воздуха и авиационная поддержка войск гарнизона. На 1 ноября 1941 г. в этой авиагруппе насчитывалось 82 самолета (51 колесный и 31 лодочный), в том числе 41 истребитель, 31 разведчик и 10 штурмовиков.

До подхода Приморской армии севастопольский гарнизон состоял из 7-й и 8-й бригад, 2-го и 3-го отдельных полков морской пехоты, одного стрелкового полка, батальона Дунайской военной флотилии, батальона военно-морского училища береговой обороны, школы НКВД и школы связи, батальона авиазенитной обороны. Общая численность гарнизона составляла 20 606 человек.

4 ноября 1941 г. был создан Севастопольский оборонительный район (СОР), подчиненный командующему войсками Крыма. Во главе СОРа был поставлен командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров, а затем — командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский.

После оставления войсками 51-й армии Керченского полуострова и ликвидации командования войск Крыма Севастопольский оборонительный район был подчинен непосредственно Ставке Главнокомандования.

Сколько солдат и боевой техники дошло до Севастополя из Приморской армии, установить невозможно. Командование СОРа в донесениях в Ставку намеренно занижало свои силы. Вышедшие к Севастополю части сразу же подвергались переформированию. Так, на базе 184-й стрелковой дивизии был сформирован сводный полк НКВД; из 421-й стрелковой дивизии — 1330-й стрелковый полк численностью 1200 человек. Вышедшие 40-я и 42-я кавалерийские дивизии были слиты в одну 40-ю кав дивизию.

В донесении Приморской армии от 16 ноября приводится следующий боевой и численный состав: 1-й сектор — 1700 штыков, 18 орудий; 2-й сектор — 3939 штыков, 41 орудие, из них четыре зенитных; 3-й сектор — 5730 штыков, 43 орудия, из них девять зенитных; 4-й сектор — 2789 штыков, 38 орудий, из них девять зенитных. Резерв — 1200 штыков (1330-й стрелковый полк) и 743 сабли (40-я кавалерийская дивизия).

9 сентября командующий Приморской армией объявил боевой приказ № 002, согласно которому вся территория СОРа во всю глубину обороны, от центра Севастополя до передних рубежей сухопутного фронта, была разделена на четыре сектора.

Первый сектор справа опирался на Южное побережье Крымского полуострова и слева граничил со вторым сектором по разграничительной линии, проходившей через высоты 253,9, 202,1 и 206,6, развилку дорог в 1 км севернее совхоза «Благодать», через высоты 113,2, 73,0 и хутор Делаярды.

Второй сектор граничил с третьим по линии, проходившей через высоты 193,2, 125,0, 79,4 и гору Суздальская.

Третий сектор граничил с четвертым по линии деревня Биюк-Отаркой, высоты 96,0, 82,4, деревня Камышлы и Трензина балка.

На 15 ноября 1941 г. первый сектор обороны был расположен на юге СОРа у Балаклавы и имел ширину 4 км. Сектор защищали 383-й^[86] и 1330-й стрелковые полки, 35-я башенная береговая батарея, а также 19-я и 8-я открытые батареи (всего восемь 152/45-мм пушек Кане). В составе полковой артиллерии были одна 76-мм полковая пушка образца 1927 года, две 45-мм противотанковые пушки, один 120-мм миномет и три 82-мм пушки. Кроме того, в дотах и дзотах было 14 морских орудий (один 100-мм, шесть 75/50-мм и семь 45-мм 21К).

Далее к северу шел 2-й сектор обороны шириной 12 км. Сектор защищали 172-я стрелковая дивизия, 31-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии^[87]. Кроме полковой артиллерии, в секторе находился отдельный минный дивизион 52-го артиллерийского полка, 1-й и 2-й дивизионы 134-го гаубичного артиллерийского полка, по одной батарее 57-го и 340-го артполков и 725-я (мобильная) береговая батарея. Всего имелось тринадцать 155-мм французских гаубиц^[88], восемь 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, четырнадцать 122-мм дивизионных гаубиц, четыре 76-мм дивизионные пушки, шесть 76-мм полковых пушек, одиннадцать 45-мм противотанковых пушек, один 120-мм миномет, восемь 107-мм горных минометов и тридцать три 82-мм миномета. Кроме того, в дотах и дзотах второго сектора было установлено 76-мм пушек: четыре полковые, семь дивизионных и пять зенитных, а также семь 45-мм пушек 21К.

В третьем секторе находились 25-я стрелковая дивизия в составе 278-го стрелкового полка и 3-го полка морской пехоты, а также 7-я бригада морской пехоты^[89]. Третьему сектору были приданы 69-й артиллерийский полк с шестью 76-мм орудиями, 99-й гаубичный артиллерийский полк с

одиннадцатую 122-мм гаубицами, 724-я береговая мобильная батарея с четырьмя гаубицами-пушками МЛ-20, батарея 134-го гаубичного артиллерийского полка, 164-й отдельный противотанковый артдивизион, 26-й и 323-й отдельные зенитные дивизионы. Всего четыре гаубицы-пушки МЛ-20, четыре 152-мм гаубицы, одиннадцать 122-мм гаубиц, двенадцать 76-мм зенитных орудий, десять 76-мм дивизионных пушек, восемь 76-мм полковых пушек, шестнадцать 45-мм противотанковых пушек, одиннадцать 120-мм минометов, шесть 107-мм горных минометов и 56 — 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находились: одна 100-мм морская пушка^[90], одна 76-мм дивизионная пушка и три 45-мм пушки 21К.

В четвертом секторе обороны находилась 95-я стрелковая дивизия в составе трех полков — 161-го, 241-го^[91] и «местного стрелкового полка». Кроме того, в четвертый сектор была включена 8-я бригада морской пехоты в составе пяти батальонов, из которых первые четыре были батальоны бригады и пятый — батальон Учебного отряда Черноморского флота.

Четвертому сектору были приданы 57-й артиллерийский полк с двенадцатую 76-мм пушками, 397-й артиллерийский полк с двенадцатую 76-мм пушками, 97-й отдельный противотанковый артдивизион, 928-я, 227-я и 271-я зенитные батареи, 30-я, 10-я и 12-я батареи береговой обороны (четыре 305/52-мм, четыре 203/50-мм и четыре 152/45-мм орудия). Итого без орудий береговой обороны имелось одиннадцать 122-мм гаубиц, девять 76-мм зенитных орудий, тринадцать 76-мм дивизионных орудий, девять 45-мм противотанковых пушек, два 120-мм миномета, семнадцать 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находилось шесть 100-мм морских пушек, четыре 76-мм дивизионные пушки, две 75/50-мм пушки Кане и восемь 45-мм пушек 21К.

Наконец, в резерве командования СОРа находился 265-й корпусный артиллерийский полк и 51-й артиллерийский полк. Всего четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 и двадцать три 107-мм корпусные пушки.

Глава 12. Первый штурм отбит

Официально первым днем обороны Севастополя считается 30 октября 1941 г. В этот день в 16 ч 25 мин самая северная береговая батарея Севастополя № 54 открыла огонь по немецкой мотоколонне бригады Циглера, двигавшейся по прибрежной дороге из деревни Ивановка на село Булганак. Батарея № 54 была расположена в 40 км к северу от Севастополя. На вооружении ее состояли 102/60-мм пушки образца 1912 года. Батарея выпустила 62 снаряда и рассеяла колонну. Командир батареи лейтенант И.И. Заика, как полагается, донес начальству, что уничтожил «колонну танков».

В 18 ч 25 мин с той же батареи донесли, что по той же дороге двигались до 90 вражеских танков и бронемашин, которые повернули в сторону села Булганак.

На следующий день, 31 октября, в 7 ч 25 мин из Севастополя вышел эсминец «Бодрый» (проекта 7). В районе Замрук — Николаевна он обстрелял немецкие колонны, приближавшиеся к Севастополю. Уже возвращаясь в базу, «Бодрый» подвергся нападению вражеской авиации. Далее процитирую С.А. Балакина: «В 16.25 на дистанции 60 кбт были обнаружены вражеские самолеты — девять "юнкеров" и шесть "мессершмиттов". "Бодрый" увеличил ход и через минуту открыл огонь. Пилоты люфтваффе (явно имевшие немалый опыт) действовали грамотно, заходя на цель выше облаков, а затем пикируя со стороны солнца. Всего немцы сбросили на советский эсминец 26 бомб и выпустили огромное количество пуль и снарядов. Причем если бомбардировщики, сбросив свой груз» ушли, то истребители продолжали обстреливать корабль в течение часа — вплоть до его входа в Севастополь».

Прямых попаданий бомб не было, но некоторые из них взорвались в опасной близости от корабля, на расстоянии 7—10 м от корпуса. Осколки буквально изрешетили эсминец: по возвращении в Севастополь в надстройках и надводном борту насчитали около двух тысяч пробоин! Еще 19 пробоин оказалось в подводной части — по левому борту в районе ватерлинии. Из топливных цистерн начала вытекать нефть — как за борт, так и внутрь корабля. Давление в котельных отделениях резко упало, что вызвало снижение скорости. Вышли из строя дальнометры, различные приборы, загорелись дымовые шашки и 37-мм снаряды в кранцах. Потери экипажа составили 4 человека убитыми и 49 ранеными (в числе последних

был и командир эсминца капитан 3 ранга В.М. Митин)»^[92].

Любопытно, что ни в «Хронике...», ни в «Потерях...» об этом инциденте даже не упомянуто. Там попросту сказано, что 31 октября в 17 ч 37 мин «Бодрый» прибыл в Севастополь. Видимо, дело свелось к атаке нескольких истребителей, расстрелявших моряков на палубе эсминца. А повреждения были столь незначительными, что эсминец даже не попал в списки поврежденных кораблей.

В ночь на 1 ноября немцы заняли деревню Мангуш в 8 км восточнее Бахчисарая, а в 11 ч 20 мин, выбив разведывательные части Севастопольского гарнизона, заняли Бахчисарай. Действуя вдоль побережья и обойдя батарею № 54, немцы заняли населенные пункты Альма-Тамак и Кача.

В районе деревни Николаевка батарея № 54 продолжала обстреливать противника. С 11 ч 20 мин до 11 ч 30 мин она обстреляла большое скопление моторизованных частей в районе деревни Джавджурек, в 14 ч 23 мин — немецкую батарею в районе деревни Дорт-Куль, с 14 ч 55 мин до 15 ч 10 мин — моторизованную колонну, двигавшуюся по дороге из Николаевки в Дорт-Куль. В течение дня батарея выпустила свыше 130 снарядов.

В 17 ч 10 мин батарею № 54 атаковали восемь немецких пикирующих бомбардировщиков. Потерь и повреждений в материальной части не было, и батарея полностью сохранила свою боеспособность.

В тот же день в 12 ч 40 мин впервые заговорили огромные 12-дюймовые пушки 30-й башенной батареи. Чтобы представить эффект действия этих орудий, достаточно сказать, что в винсовхозе им. Софьи Перовской в 400 м от батареи при первом же залпе вылетели все стекла, и в мирное время при учебных стрельбах население совхоза эвакуировалось.

Поскольку башенные батареи № 30 и № 35 представляли собой основные узлы обороны Севастополя, о них следует рассказать подробнее.

В феврале 1911 г. петербургский Металлический завод представил проекты одно- и двухорудийной башенных установок. ГАУ предпочло проект двухорудийной установки, имевшей лучший критерий «эффективность/стоимость». Кроме того, двухорудийная установка по многим частям и механизмам была унифицирована с трехорудийными 305/52-мм башенными установками, изготавливавшимися Металлическим заводом для линкоров типа «Севастополь».

Две башенные установки образовывали батарею, представлявшую собой подземный городок, укрытый толстым слоем бетона. По проекту расстояние между осями башен было 53,4 м, а фактически имелось

небольшое отклонение для каждой батареи. Вокруг каждой башни в виде ромба располагались погреба: два снарядных длиной 18,3 м и два зарядных длиной 17,4 м. Высота погребов составляла 3048 м, а толщина бетонного свода 2895 м. В каждом снарядном погребе размещалось 201–204 снаряда, а в зарядном погребе 402–410 полузарядов.

В подбашенном помещении была рельсовая железная дорога с ручными вагонетками, в которых боеприпасы доставлялись из погребов к заряднику. Подъем боеприпаса зарядником осуществлялся с помощью электропривода. Высота подъема зарядника 4650 мм, время подъема пять секунд.

В 1913 г. ГАУ выдало Металлическому заводу заказ на 14 двухорудийных башенных установок. Первые четыре предназначались для Кронштадтской крепости (фортов Ино и Красная Горка, названных в угоду царю «Николаевским» и «Алексеевским» фортами). Следующие четыре башни изготавливались для Севастопольской крепости, две — для Усть-Двинска и четыре — для Владивостока.

В начале 1914 г. в Севастопольской крепости приступили к строительству двух батарей — № 25 в районе бухты Казачья (у мыса Херсонес) и № 26 в районе реки Бельбек в 1 км от моря. Расстояние между башнями на обеих батареях было 64 м. Строительство шло довольно быстро. К августу 1914 г. на позицию батареи № 25 было доставлено два ствола 305/52-мм пушек.

Интересно, что даже недостроенные башенные батареи оказывали сдерживающее воздействие на противника. Так, линейному крейсеру «Гебен», обстрелявшему Севастополь 29 октября 1914 г., было приказано «держаться возможно дальше от 305-мм двухорудийных башен». Немцы и турки были уверены, что по крайней мере одна из батарей введена в строй.

Однако к 1917 г. закончить строительство батареи не удалось. В годы войн строительство батарей, естественно, не велось, и к достройке приступили лишь в 1924 г. Батарея № 35 вступила в строй в 1928 г., а батарея № 30 — в 1934 г.

Чтобы дать представление читателю об объеме работ, скажу, что для постройки батареи № 25 было выкопан котлован объемом 32,5 тысячи кубометров; и это в скальном грунте. Объем бетонных работ только на одной батарее приблизительно равнялся объему работ при строительстве Днепрогэса. По расчетам, бетонный блок должен был выдерживать прямые попадания 406-мм снарядов и 1000-кг бомб.

В конце 1930-х годов в боекомплект линкоров и береговых батарей был введен фугасный дальнобойный снаряд образца 1928 года.

Существенный прирост дальности стрельбы снарядом образца 1928 года по сравнению со снарядами образца 1919 года объяснялся меньшим весом снаряда и лучшей аэродинамической формой. Если снаряд образца 1911 года весом 470,9 кг при начальной скорости 762 м/с имел дальность стрельбы 28,7 км, то фугасный дальнобойный снаряд образца 1928 года весом 314 кг при начальной скорости 950 м/с имел дальность 44 км.

2 ноября 1941 г. с утра передовые части противника, скопившиеся в лесу у высот 204,6 и 259,5 и в районе Качи, курганов Маяк-Оба и Кара-Оба, перешли в наступление в направлении деревень Дуванкой и Аранчи. Весь день шли упорные бои. На северном участке атаки немцев были отбиты, и местный стрелковый полк к вечеру занял прежние позиции. Лишь к ночи противник, предприняв новую атаку, потеснил правый фланг этого полка и занял село Эфендикой.

Ожесточенные бои завязались в районе Дуванкой. 8-я бригада, 17-й батальон морской пехоты и батальон ВМАУ упорно сдерживали наступление врага. Бригада сохранила свои позиции, а батальоны отошли на рубеж хутор Кефели — деревня Дуванкой. К вечеру противник занял станцию Сюрень и отдельными мелкими группами в районе Дуванкой просочился в расположение нашей обороны.

Эффективную поддержку нашим войскам оказали артиллеристы 203-мм четырехорудийной береговой батареи № 10, расположенной на берегу обрыва у устья реки Кача, а также 724-й подвижной батареи. Только огнем 10-й батареи было уничтожено 20 повозок, 20 автомашин и около 200 гитлеровцев^[93].

В 10 ч 00 мин немцы с тыла (с юга) атаковали 102-мм батарею № 54. Атака была поддержана огнем трех тяжелых полевых орудий, установленных на высотах в 9–9,5 км юго-восточнее батареи № 54.

В 9 ч 57 мин все немецкие батареи открыли огонь, и до батальона вражеской пехоты на автомашинах и до 300 кавалеристов двинулись с рубежа село Новые Байдары — село Земрук на деревню Николаевка. Вскоре после обстрела противник нанес по нашей батарее бомбовый удар авиацией, затем вновь произвел продолжительный артобстрел. В результате батарея № 54 была подавлена. К 13 ч 20 мин на ней вышло из строя три орудия из четырех, но ее команда продолжала отражать атаки врага пулеметным и ружейным огнем и гранатами. В 16 ч 40 мин командир батареи № 54 донес: «Противник находится на позициях батареи. Связь кончаю. Батарея атакована». Это было последнее его донесение.

Для спасения команды батареи № 54 в ночь на 3 ноября из Севастополя были высланы тральщик «Искатель», сторожевые катера

№ 031 и № 061. Подойти к берегу они не смогли и спустили две шлюпки. На них были приняты, и доставлены на корабли 28 человек личного состава батареи, которые спустились с обрыва по скрученному телефонному проводу.

Возникает естественный вопрос, а не могло ли командование флота послать на помощь батарее № 54 еще утром пару эсминцев с 130-мм пушками? Замечу, что из полевых пушек, я уж не говорю о минометах, попасть в маневрирующий эсминец на дальности свыше 8 км шансов практически не было, за отсутствием соответствующих систем ПУС. А вот эсминцы могли разнести в клочья и полевые батареи, и пехоту противника.

Двоим краснофлотцам с батареи № 54 удалось пробиться в Севастополь. Командир батареи И.И. Заика позже попал к партизанам, а затем вновь служил на Черноморском флоте. Судьба остальных неизвестна.

Согласно «Хронике...» всего огнем батареи было уничтожено 15 немецких средних танков, тяжелый танк с 76-мм орудием, семь автомашин с пехотой, трактор с орудием, автоцистерна и радиостанция^[94]. По традиции сие оставляю без комментариев, замечу лишь, что тяжелые танки («тигры») впервые появились в вермахте в конце 1942 г.

В течение дня 2 ноября 305-мм батарея № 30 периодически обстреливала немцев в Бахчисарае и в селе Альма-Тархан.

3 ноября немцы наступали на Севастополь вдоль долины реки Кача. В 20 ч 00 мин, обойдя огневые точки Дуванкойского узла сопротивления, они заняли деревню Заланкой. В связи с усилившейся угрозой полного окружения наши батальоны, действовавшие в долине реки Кача, в районе железной и шоссейной дорог, были отведены за линию обороны.

Батареи № 10 и № 30 продолжали обстреливать скопления вражеских частей на подступах к Севастополю и уничтожили до 25 танков, до эскадрона конницы и до 300 человек пехоты.

Приморская армия после боев 1 и 2 ноября с наступавшим противником оставила рубеж высота Кизил-Коба — село Мамак — Кукурекровка и стала отходить по дорогам через деревни Мангуш, Бия-Сала, Ени-Сала, Кокковы и через хребет Яйла на Южный берег Крыма, в Ялту и Алушту.

Утром 3 ноября штаб Приморской армии вышел в район Балаклавы. К этому моменту 95-я стрелковая дивизия подходила к селу Бия-Сала, за ней следовали 25-я и 172-я стрелковые дивизии. Тяжелая артиллерия — 265-й корпусный артполк, 51-й и 52-й артполки — были на марше из района Ялты в Севастополь.

С 1 по 4 ноября батарея № 30 выпустила 142 12-дюймовых снаряда, а

батарея № 10 — 276 10-дюймовых снарядов. Огнем этих батарей было уничтожено 30 танков, 60 автомашин и до 650 человек пехоты противника.

5 ноября Октябрьский отправил телеграмму Сталину, где говорилось, что «... до сих пор Севастополь ни от кого не получил помощи. Крымская армия была рассеяна, а остатки Приморской армии бродили по горам. Для обороны главной базы флот бросил все, что имел, и больше нечего было дать. Единственная надежда оставалась на то, что через день-два подойдут свежие армейские части. Если этого не будет, противник прорвется к Севастополю»^[95].

Октябрьский доложил также, что, несмотря на тяжелое положение, он не получил руководящих указаний по новой дислокации кораблей и частей, эвакуации и размещению тылов, мастерских и по ряду других неотложных вопросов.

Тогда же командующий доложил, что руководство сухопутной обороной он передал согласно приказу командующего войсками Крыма генерал-майору Петрову и предполагал по окончании эвакуации имущества главной базы на Кавказ перевести свой фронтовой командный пункт в Туапсе и оттуда руководить боевыми действиями флота на Азовском и Черноморском театрах.

Сталин не ответил Октябрьскому, а нарком Кузнецов приказал Октябрьскому остаться в Севастополе.

В ходе боев к 18 часам 5 ноября части сухопутной обороны главной базы заняли рубеж: от берега моря на высоту 64,2 (курган Маяк-Оба), высота 79,4, деревня Аранчи, гора Азис-Оба, станция Бельбек, высота 158,1, высота 278,4, деревня Черкез-Кермен. Дальше на юг изменений не произошло.

Ночью и в первую половину дня 7 ноября противник продолжал накапливать силы восточнее деревни Черкез-Кермен и вплотную подошел к верховью долины Кара-Кобя, а значительные части его прошли дальше на юг и скопились в районе деревень Уппа, Узенбаш и Айтодор.

В 14 ч 30 мин немцы перешли в наступление в направлении хутора Мекензия и по долине Кара-Кобя. Два батальона немецкой пехоты при поддержке мощного артиллерийского и минометного огня в 14 ч 50 мин овладели хутором Мекензия.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено упорными боями частей 2-го и 3-го полков морской пехоты при огневой поддержке артиллерии береговой обороны главной базы.

Новый рубеж нашей обороны прошел в 0,5 км западнее хутора Мекензия. Наступление немцев по долине Кара-Кобя успеха не имело.

7 ноября в боях впервые принял участие бронепоезд «Железняков», построенный работниками Севморзавода в октябре 1941 г. Бронепоезд состоял из бронепаровоза типа «Э», двух бронеплощадок на базе 60-тонных платформ и двух контрольных платформ с балластом. На каждой бронеплощадке было установлено по одной 76-мм пушке ЗК и по одной 76-мм пушке Лендера. Таким образом, все четыре орудия бронепоезда могли вести огонь как по наземным, так и по воздушным целям. Эффективность огня обеспечивалась морским зенитным дальномером ДМ-1,5. В течение последующих восьми месяцев осады города бронепоезд «Железняков» сделал 140 боевых рейсов.

8 ноября огонь по противнику вели уже обе башенные батареи — № 30 и № 35.

Внимательный читатель уже заметил, что первые две недели боев за Севастополь я даю по советским материалам. Пора дать, слово и противнику. Манштейн писал об этих боях: «54-му армейскому корпусу, следовавшему вплотную за бригадой, была поставлена задача — прорваться через реки Бельбек и Черную и окончательно отрезать путь отступления на Севастополь частям противника, находящимся в горах. Однако корпус после активного преследования на подступах к крепости между реками Кача и Бельбек, а также при своем продвижении в горах к реке Черная натолкнулся на упорное сопротивление. Противник имел в крепости еще четыре боеспособные бригады морской пехоты, которые составили ядро группирующейся здесь армии обороны. Начала действовать крепостная артиллерия. Из оттесненных в горы частей Приморской армии довольно значительные силы добрались по горным дорогам до Севастополя, правда, без орудий и транспорта. Они сразу же получили пополнение по морю. Многочисленные рабочие батальоны, составленные из рабочих этой крупной военно-морской базы и вооруженные оружием из крепостных складов, также усиливали ряды обороняющихся. Благодаря энергичным мерам советского командующего противник сумел остановить продвижение 54-го армейского корпуса на подступах к крепости. В связи с наличием морских коммуникаций противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го армейского корпуса. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса. В этих условиях командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с хода — с востока и юго-востока. К тому же обеспечить наступление с востока не было никакой возможности ввиду

отсутствия дорог. Шоссейная дорога, обозначенная на захваченных нами картах, на самом деле не существовала. Ее начало обрывалось в труднодоступной скалисто-лесистой местности»^[96].

Отдел тыла 11-й армии расположился в Симферополе, а сам Манштейн с «первым эшелоном штаба» разместился в большом селе Сарабуз в 18 км севернее Симферополя. Как писал Манштейн: «Мы удобно расположили там наши штабные службы в большой школе-новостройке; такие школы были выстроены Советами почти во всех крупных селах. Я сам с начальником штаба и несколькими офицерами жил в небольшом здании правления плодового колхоза... На этой скромной квартире мы оставались до августа 1942 года, лишь дважды, в июне 1942 года, когда наш штаб находился под Севастополем, отлучаясь на КП на Керченском участке»^[97].

Почему Манштейн выбрал Сарабуз, а не, скажем, Бахчисарай, генерал-полковник нам не объясняет. Рискну высказать предположение, что немцы рассчитали, что Бахчисарай находится в радиусе действия батарей № 30 и № 35. Да и до окраины Симферополя «тридцатка» могла вполне достать, так что в Сарабузе было поспокойнее.

11 ноября немецкие войска нанесли удар в районе сел Варнутка — Кучук-Мускомья, где находилась 40-я кавалерийская дивизия. К исходу дня оба села были заняты противником.

Вместе с береговыми батареями интенсивный обстрел по скоплениям немецких войск вели крейсера «Красный Крым» и «Червона Украина»^[98], стоявшие в бухте Севастополя. За 10 и 11 ноября «Красный Крым» выпустил 105 снарядов, а «Червона Украина» — 148 снарядов.

12 ноября 23 бомбардировщика Ю-88 произвели налет на Севастополь. Бомбежка длилась с 11 ч 45 мин до 12 ч 24 мин. Главным объектом налета стал крейсер «Червона Украина», стоявший у Совторгфлотской пристани. В 12 ч 08 мин фугасная бомба взорвалась на расстоянии 5–7 м от правого борта корабля на траверзе 92—100 шпангоутов. Через несколько секунд вторая фугасная бомба взорвалась в районе 4-го торпедного аппарата на шкафуте левого борта (83 шпангоут). Взрывом торпедный аппарат сорвало с фундамента и сбросило за борт. На палубе возник пожар.

Через три минуты 500-кг бронебойная бомба замедленного действия изорвалась на грунте в непосредственной близости от правого борта корабля, в районе 9—12 шпангоутов. Взрывом перебило якорь-цепь правого якоря и перлинь, заведенный на бочку. Крейсер носом прижало к пристани. Лопнул кормовой швартовый конец с левого борта.

В 12 ч 12 мин взрыв такой же бомбы был зафиксирован под днищем корабля с левого борта, в районе 48–54 шпангоутов. От взрывов корпус корабля завибрировал. Крейсер кренился на левый борт, и возник дифферент на нос.

Борьба за живучесть крейсера длилась 16 часов, но в 4 ч 10 мин 13 ноября корабль затонул.

В ходе налета, кроме крейсера, пострадали два эсминца (проектов 7 и 7У), ремонтировавшихся в Севастополе. Эсминец «Беспощадный» 22 сентября под Одессой в результате попадания авиабомбы потерял носовую часть по 44-й шпангоут и был отбуксирован в Севастополь. И вот 12 ноября «Беспощадный», стоявший у Минной пристани, получил прямое попадание в районе 3-го котельного отделения. 2-е и 3-е котельные отделения были затоплены, машины исправны. Корабль остался на плаву, но требовал капитального ремонта.

Поздним вечером 17 ноября «Беспощадный» был взят на буксир эсминцем «Шаумян» и отведен в порт Потти.

Другой эсминец, «Совершенный», к началу войны достраивался у стенки Севморзавода. 30 сентября 1941 г. во время ходовых испытаний на Херсонесской мерной миле в 16 ч 42 мин он подорвался на нашем минном заграждении и получил пробоину в правом борту площадью 30 кв. м. В результате оказались затопленными 1-е и 2-е котельные отделения и 1-е машинное отделение. Корабль отбуксировали в Севастополь и поставили в док. А теперь «юнkersы» достали его в сухом доке Севморзавода. Бомба попала в 4-е машинное отделение.

В ходе этого налета было уничтожено два Ю-88, один из которых таранил истребитель МиГ-3, а другой сбит зенитным огнем.

Забегая вперед, скажу, что Октябрьский приказал к 20 ноября снять с крейсера «Червона Украина» артиллерию и установить ее на береговые батареи.

Таблица 2. 130/55-мм пушки и 100-мм спаренные установки Минизини, снятые с крейсера «Червона Украина» и установленные в декабре 1941 г. на сухопутных рубежах

№ батареи	Калибр	Количество орудий	Место батареи
701 (111) [99]	130	2	Малахов Курган
702(112)	130	2	Лагерь училища береговой обороны

703(113)	130	2	Английское кладбище
704(114)	130	2	Хутор Дергачи
705(115)	130	2	У поста Мекензиева городка
...	100	2	У поста Мекензиева городка
706(116)	130	2	Дача Максимова
2	100	2	Константиновский рavelин

Позже четыре пушки Б-13 были сняты с «Совершенного».

К исходу 12 ноября немцы заняли мыс Сарыч. Личный состав маяка и поста СНИС был вывезен, маяк Сарыч разрушен. При отходе огнем противника была потоплена шхуна. Потерь не было.

Как гласит статистика «Хроники...», повторенная позже Г.И. Ваневым и другими нашими историками, «противник, подтянув свежие силы, с утра 13 ноября возобновил атаки против подразделений 40-й кавалерийской дивизии и передовых подразделений первого сектора обороны. Два батальона немцев с 35 танками наступали от высоты 198,4 вдоль Ялтинского шоссе и далее на высоту 440,8 и один батальон с танками — вдоль горной дороги от деревни Кучук-Мускомья на деревню Кадыковка»^[100].

К исходу дня немцы овладели высотой 417,7, лесничеством, высотами 386,6 и 440,8, а часть сил 40-й кавалерийской дивизии, удерживавшая высоту 508,1, оказалась обойденной с флангов и окруженной.

С целью дезориентации противника и отвлечения части его сил от направления главного удара наше командование решило силами второго и третьего секторов нанести охватывающий удар и овладеть важным опорным пунктом — хутором Мекензия.

Опасаясь окружения своих частей в районе хутора Мекензия, а также считая, что советские войска переходят из северных секторов в общее наступление, командование 11-й немецкой армии срочно завершило переброску сюда 22-й пехотной дивизии. Это облегчило положение защитников южных секторов.

Из-за больших потерь 13 ноября 42-я кавалерийская дивизия была расформирована, и ее остатки влиты в 40-ю кавдивизию. Также была расформирована 421-я стрелковая дивизия, остатки которой были обращены на пополнение 1330-го стрелкового полка.

Бои за Севастополь 14 ноября и общее положение дел хорошо изложены в «Хронике...». «Утром 14 ноября с целью восстановления утраченных позиций на правом фланге части первого сектора обороны перешли в наступление. Весь день шли бои с противником, упорно

отстаивавшим захваченные рубежи. К 17 ч 00 мин после упорных боев части 40-й кавалерийской дивизии и батальон школы НКВД вышли на линию высот: 386,6 — 482,2 — 198,4 и 555,3. Но в 18 ч 00 мин батальон школы НКВД, будучи контратакован немецкими автоматчиками, вновь беспорядочно отошел, обнажив правый фланг 40-й кавалерийской дивизии...

В районе черкез-керменского плацдарма части третьего сектора перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление врага, 3-й полк морской пехоты, наступавший с севера, к 15 ч 00 мин перерезал дорогу и овладел безымянной высотой в 1,5 км западнее деревни Черкез-Кермен, и почти окружил группировку, немецких войск в районе хутора Мекензия, но вследствие недостаточной настойчивости частей 7-й бригады морской пехоты полностью окружить и уничтожить эту группировку не удалось. Противник, сосредоточив свыше пехотного полка, контратаками из хутора Мекензия и деревни Черкез-Кермен приостановил наше дальнейшее наступление и оттеснил части 3-го полка морской пехоты к югу от дороги, связывающей деревню Черкез-Кермен с хутором Мекензия...

Командующий Черноморским флотом доложил Сталину, что состояние обороны Севастополя продолжало оставаться исключительно напряженным. Противник имел на фронте 50-ю, 72-ю и 132-ю пехотные дивизии немцев, 32-ю егерскую дивизию, 36-й мотополк, 118-й мотоотряд и кавалерийскую бригаду румын.

14 ноября вновь подошедшая 72-й. пехотная дивизия врага начала наступать на г. Балаклава. Для восстановления положения на фронт были брошены все резервы. Но не все наши части оказались достаточно устойчивыми в бою. 13 ноября разбежался батальон войск НКВД, открыв тем самым противнику путь на Балаклаву.

За весь период боев у Севастополя потери наших частей достигли 5000 человек, то есть до 20 % всего состава войск.

Несмотря на просьбы, не было получено пополнения людьми, винтовками и пулеметами. Снарядов для полевой артиллерии оставалось на три дня»^[101].

Германская авиация ежедневно, в том числе и 14 ноября, бомбила Севастополь. Вспомним ущерб флоту, нанесенный 12 ноября. И какова реакция командующего флотом адмирала Октябрьского? Доставка с кавказских баз зенитной артиллерии в Севастополь? Просьба усилить флотскую ПВО за счет орудий, поступивших от промышленности и армейских подразделений?

По приказу командующего Черноморским флотом и СОР от 12 ноября закончилась передислокация из Севастополя на Кавказ значительной части ПВО флота. Убыли 73-й, 122-й и 62-й зенитные артиллерийские полки и 243-й отдельный зенитный дивизион, а также 11-й батальон ВНОС. На них возлагалась задача усиления ПВО баз и Кавказского побережья. Хотя в директиве Ставки от 7 ноября указывалось, что использовать для усиления ПВО Новороссийска следует зенитную артиллерию, вышедшую из оставленных районов, на Кавказ были переведены 62-й и 122-й зенитно-артиллерийские полки ПВО главной базы. В Севастополе оставался только 61-й зенитно-артиллерийский полк и два отдельных дивизиона. Это всего 80 орудий среднего калибра из 160, которыми располагала главная база. Кроме того, в Севастополе были оставлены 10 пулеметов М-1 и 15 пулеметов М-4. Такое сокращение зенитной артиллерии, несомненно, отрицательно сказалось на интенсивности огня при отражении налетов вражеской авиации и борьбе с сухопутным противником.

В 7 ч 40 мин 15 ноября в Севастополь прибыл транспорт «Абхазия» с войсками, переброшенными с Кавказа.

Севастопольский оборонительный район по-прежнему подвергался налетам вражеской авиации. 16 ноября с 12 ч 06 мин до 12 ч 44 мин двенадцать Ю-88 бомбили в районе Инкермана. В 12 ч 30 мин бомба попала в баржу СП-4 (396 т), которая была под погрузкой боекомплекта. Снаряды с детонировал и. В результате взрыва погибло 12 человек и ранено 29. Баржа и рядом стоявший катер затонули. Затем последовал второй налет. Цитирую «Хронику...»: «С 15 ч 30 мин до 20 ч 07 мин 27 самолетов Ю-88 и Ю-87 снова бомбили главную базу и войска на фронте. При отражении налетов на главную базу наши летчики сбили два немецких самолета и зенитчики — один Ю-88. Наши потери — один МиГ-3»^[102].

А вот что пишет по сему поводу Г.И. Ванеев: «Вражеская авиация дважды группами бомбила боевые порядки наших войск и город. Всего участвовало 39 самолетов. Авиабомбой у Сахарной балки была взорвана баржа с боезапасом. Убито 12 и ранено 29 человек. При отражении налетов на главную базу летчики сбили два немецких самолета и зенитчики — один. Вел бой с вражескими истребителями и младший лейтенант Я.И. Иванов. Он сбил "Ме-109", после чего заметил прорывающегося к Севастополю немецкого бомбардировщика. Иванов начал преследование, но кончился боезапас. Яков Матвеевич пошел на таран. "До-215" был уничтожен, но при этом погиб и отважный летчик»^[103].

Откуда взялись До-215 и таран Иванова и почему их нет в

«Хронике...», можно только гадать.

А 17 ноября произошел еще более загадочный случай. Согласно «Хронике...» в 20 ч 35 мин транспорт «Ногин», ледокол «Макаров», тральщик «Щит» и сторожевой катер вышли из Севастополя в Туапсе^[104].

А вот в «Справочнике потерь...» говорится, что ледокол «Макаров»^[105] 17 ноября вышел из Туапсе в Севастополь. Другие авторы, пишущие об обороне Севастополя, также путаются. Но интересно другое — ледокол бесследно исчез.

Германский автор Ю. Мейтер в книге «Советские корабли в Великой Отечественной войне» (Лондон, 1977) пишет: «Судьба ледокола «Степан Макаров» неизвестна, почти наверняка погиб. Согласно сообщениям, полученным от военнопленных, потоплен советскими самолетами западнее мыса Тарханкут в январе 1942 года при попытке уйти».

В газете «Флоту України» севастопольский историк Виталий Костриченко писал: «Откуда появились слухи о предательстве экипажа исчезнувшего ледокола? Возможно, что эти утверждения — плод фантазии «особистов», состряпавших в свое время не одно подобное дело об «измене». Интерпретации о судьбе исчезнувшего «Степана Макарова» можно было услышать самые разнообразные: дескать, на ледоколе был бунт, и часть экипажа хотела сдаться немцам. Капитан, комиссар и особо рьяные коммунисты были выброшены за борт. Однако радист ледокола успел открытым текстом выйти в эфир и сообщить командованию Черноморского флота о происшедшем. Затем то ли советская авиация, то ли наша подводная лодка перехватили и утопили мятежный ледокол... По другой версии — ледокол ушел к немцам и какое-то время служил у противника, курсируя между Констанцей и Одессой. После войны кто-то якобы видел «макаровские» краны в румынском порту Констанца. Клеймо предателей не обошло и семьи пропавших без вести моряков. Вплоть до середины пятидесятих годов им не выплачивались пенсии. В извещениях о гибели членов экипажа (подписанных заместителем начальника Черноморского пароходства А. Поликарповым) в качестве места гибели судна фигурировало Соленое озеро (Таманский полуостров). Датой гибели «Степана Макарова» называлось 26 сентября 1941 года (хотя в последний поход судно ушло 17 ноября). Бои в районе Соленого озера действительно проходили, но 26 сентября 1943(!) года... Долгие годы ледокол числился без вести пропавшим судном»^[106].

На самом же деле ледокол вышел из Севастополя. А наши «секретчики» в очередной раз довели дело до маразма и присвоили

«Степану Макарову» на время перехода название ледокол «Керчь». Накой это сделано — психически здоровому человеку не понять. А главное, никто, кроме «особистов» и командира ледокола, об этом не знал.

И вот утром 18 ноября 1941 г. радисты Севастопольской охраны водного района приняли радиограмму, повергшую командование в недоумение: «Ледокол "Керчь". Подорвался на mine. Тону. Вышлите катера». Больше таинственный ледокол «Керчь» на связь не выходил. Поскольку о кодовом переименовании «Степана Макарова» командованию Севастопольского оборонительного района никто не сообщил, то эту радиограмму приняли за очередную хитрость супостата, каким-то образом захватившего советские коды. Никаких катеров в условиях густого тумана, низкой облачности и интенсивного парения никто, естественно, посылать не стал.

Ледокол «Макаров» пошел ночью по фарватеру № 3 между минными полями, поставленными нашими мудрыми адмиралами в начале войны, хотя и был приказ торговым судам проходить фарватер лишь в светлое время суток. Видимо, ледокол погиб на собственной mine недалеко от мыса Фиолент.

Любопытно, что В. Костриченко пишет о каком-то секретном грузе на борту ледокола. Увы, никаких данных на этот счет нет. Попробуем выяснить характер груза методом исключения. Секретные документы или архивы? Маловероятно, это скорей бы вывезли на быстроходном эсминце — груз-то легкий и компактный. А ведь в это время проводился массовый вывоз боеприпасов из главной базы Черноморского флота на Кавказ. (Подробнее об этом будет рассказано ниже.) Тут, явно, «теплее». Но почему груз «секретный»? Секретили у нас лишь химические боеприпасы... Их-то, видимо, и вез «Макаров». Вот почему его не искали и искать не собираются. С помощью автоматических телекамер сейчас можно обследовать район бывшего фарватера № 3. Но ведь если найдут корабль с таким грузом, общественность всех причерноморских стран потребует его поднять. А кто будет платить гроши?

Командующий Черноморским флотом и СОР вице-адмирал Октябрьский получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 19 ноября за № 004973, которой командование войсками Крыма упразднялось, а командующий Черноморским флотом и СОР с 22 часов этого дня подчинялся непосредственно Ставке.

На суше 16–20 ноября бои шли с переменным успехом. Несколько слов стоит сказать об активности нашей авиации. Так, 17 ноября шесть МБР-2, шесть И-5, четыре У-2, пять Ил-2, один Пе-2 и четыре И-16

бомбили и штурмовали войска противника в районе Кучук-Мускомья и Варну тки. Было уничтожено и выведено из строя 15 автомашин.

На следующий день шесть И-5 и четыре У-2 бомбили ночью вражеские войска в районе села Шули. Один И-16 при посадке скапотировал и сгорел, летчик остался невредим.

Днем пять МБР-2, четыре И-5, четыре У-2, пять Ил-2, четыре И-16 и два МиГ-3 бомбили и штурмовали вражеские войска на подступах к Севастополю. Уничтожено и выведено из строя до двух рот пехоты противника. Один И-16 упал в воду и затонул, летчик спасся.

20 ноября корабли Черноморского флота впервые обстреляли населенные пункты Южного берега Крыма, занятые немцами. Какие же корабли решил использовать для этого Октябрьский? Линкор? Пять крейсеров? Эсминцы? Нет. Подводные лодки. В ночь с 19 на 20 ноября подводная лодка «С-32» обстреляла Ялту, а подводная лодка «Д-4» выпустила 36 100-мм и 45-мм снарядов по Алуште. В обоих случаях немцы не отвечали (видимо, отвечать-то было некому), а лишь выключили освещение.

21 ноября в 12 ч 30 мин в Севастополь с грузом боеприпасов прибыл лидер «Ташкент». Он быстро разгрузился и уже в 20 ч 10 мин вышел из главной базы. Маневрируя за внутренней кромкой советского минного заграждения (жаль, что нельзя даже в романе написать, что говорили моряки о милых адмиралах, приказавших учинить сие заграждение), лидер обстрелял пункты скопления войск противника — Кача, Голумбей и Тас-Тепе. Всего было выпущено 145 130-мм снарядов. Затем лидер полным ходом пошел к берегам Кавказа и 23 ноября в 11 ч 40 мин прибыл в Батуми.

Официальные советские историки считают временем окончания первого штурма Севастополя 21 ноября 1941 г. В этот день немцы силами одной пехотной дивизии перешли в наступление в направлениях на деревню Камары и деревню Нижний Чоргунь. Главный удар был нанесен в направлении на Камары.

Части первого и второго секторов оказывали упорное сопротивление и наносили вместе с артиллерией армии и береговой обороны главной базы большие потери наступавшему противнику. Но все же под нажимом превосходящих сил врага наши части первого сектора вынуждены были отойти на новые рубежи. К 10 часам немцы овладели деревней Камары. Однако коротким и сильным контрударом частей 514-й стрелковой дивизии деревня Камары была отбита, и полк закрепился на ее восточной окраине.

В результате этих боев части первого сектора к исходу дня обороняли рубеж: высота 212,1, западные скаты высоты 440,8 и восточная окраина

деревни Камары.

Неоднократные атаки немцев на участке второго сектора на Чоргунском направлении были отбиты с большими потерями для противника, который в итоге боев отошел на исходные позиции.

В 20 часов 21 ноября на фронте первого сектора обороны немцы прекратили наступление. В последующие три недели немцы особой активности под Севастополем не проявляли.

С 23 ноября по 16 декабря по морю в Севастополь было доставлено маршевое пополнение в количестве 21 стрелковой роты и семь специальных рот, всего 6500 человек. Для пополнения частей морской пехоты в тот же период было доставлено около трех батальонов 9-й бригады морской пехоты, а для частей береговой обороны и, ПВО — отдельные роты моряков (до 1000 человек).

Кроме того, 9—15 декабря в Севастополь была доставлена 388-я стрелковая дивизия (10817 человек, 35 орудий и минометов).

14 декабря П.И. Батов был снят с должности командующего 51-й армией, а на его место был назначен генерал В.Н. Львов.

В конце ноября 1941 г. адмирал Октябрьский впервые решился, надо полагать, из-за спада активности немцев, применить в боевых условиях 305-мм пушки линкора «Парижская Коммуна». 26 ноября в 18 ч 40 мин линкор покинул порт Поти, где он оставался с 4 ноября, и в сопровождении эсминца «Смышленный» направился к Севастополю.

В полночь на 28 ноября оба корабля прибыли в район главной базы и находились у кромки своего минного заграждения. С 00 ч 13 мин до 00 ч 30 мин 28 ноября линкор выпустил 100 305-мм и 300 120-мм снарядов, а эсминец — 120 130-мм снарядов. Стрельба производилась по площади на ходу по херсонесской мерной миле на пути к Балаклаве, внутри минного заграждения. Вспомогательной точкой наводки служил красный огонь, установленный в точке с координатами ш = 40°29',3 и д = 33°33',6. Обстреляны скопления немецких войск в районе деревень Варнутка, Кучук-Мускомья, Хайто и Байдары.

В два часа ночи 28 ноября линкор «Парижская Коммуна» и эсминец «Смышленный» вышли за внешнюю кромку минного заграждения и 29 ноября в 9 ч 20 мин вошли в порт Поти. При входе в порт линкор ухитрился потопить буксир «Красный Октябрь», который пытался его отбуксировать в порт. Сам линкор сел при этом на мель, но вскоре был снят. Погибли капитан буксира и два краснофлотца. Это был единственный корабль, потопленный нашими крупными кораблями (линкором и крейсерами) за всю войну.

В «Справочнике потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» о «Красном Октябре» написано: «29 ноября в 9 ч 20 мин буксир «Красный Октябрь» у входа в порт Поти в штормовую погоду перевернулся и затонул»^[107].

Глава 13. Борьба на море и в воздухе в августе — декабре 1941 г

До войны около половины экспорта и импорта Болгарии и Румынии шло морским путем через Проливы. Кроме того, большой объем грузов шел из Германии и Венгрии по Дунаю и далее также через Проливы. Итальянские танкеры как до, так и после начала войны циркулировали между Констанцей и итальянскими портами.

С мая 1941 г. немцы по морю могли перебрасывать кратчайшим путем личный состав и военные грузы из оккупированной Греции в Румынию и обратно.

Черноморский флот имел огромное превосходство в силах и удачно расположенные базы в Крыму и легко мог полностью парализовать судоходство, в западной части Черного моря. Но командование Черноморского флота вело действия на коммуникациях противника из рук вон плохо.

Так, с 1 августа по 31 декабря 1941 г. надводные корабли Черноморского флота не потопили ни одного военного или торгового судна противника. Речь, понятно, идет о подтвержденных потерях, а на бумаге, которая, как известно, все стерпит, было потоплено десятки эсминцев, подводных лодок, транспортов и других судов противника.

Единственным реальным успехом Черноморского флота было потопление 26 сентября тральщиком «Войков» двух мотоботов и трех шхун на Азовском море. Понятно, что это были свои же плавсредства. Причем в документах не указывается, были ли эти посудины с немцами, беженцами или пустыми.

Желобковые торпедные аппараты катеров Г-5 были очень удобны для постановки мин. Тем не менее в 1941 г. торпедными катерами было поставлено лишь 18 мин. Еще 84 мины поставили бронекатера Дунайской флотилии. Сторожевые катера постановки мин вообще не проводили.

Советское руководство, в том числе дипломаты, фиксировали проход каждого судна в Стамбуле. Что стоило отправить пару эсминцев к Босфору для перехвата транспортов противника? В этом случае для врага был бы важен не столько материальный, сколько моральный ущерб.

Почти ежедневно для обороны Севастополя с 23 июня выставлялись на дежурство эсминцы. Но на вражеские коммуникации эсминцы после

злополучного налета на Констанцу более не выпускались.

2 августа 1941 г. Военный Совет Черноморского флота утвердил план активных минных постановок на август. Предполагалось выставить эсминцами типа «Незаможник» в районе острова Фидониси — Сулина 120 мин образца 1912 года, в районе мыса Олинька 240 мин образца 1912 года; самолетами в районе Констанцы и Мидии — 15 мин; самолетами в районе Констанца — Тузла — 15 мин. В районе Тузла — Мангалия предполагалось выставить 160 мин подводными лодками «Л-5» и «Л-4».

Однако, чтобы отправить на минную постановку старые эсминцы, потребовалось разрешение наркома Кузнецова. Тот, естественно, побежал выше. И пока суд да дело, ситуация в районе Одессы и в Крыму ухудшилась, и эсминцы так на минные постановки и не отправились.

Многочисленные торпедные катера к действиям против вражеского судоходства не привлекались. Спору нет, убогие Г-5 не могли, базируясь на Крым, действовать у берегов Румынии, не говоря уж о Турции. Но их могли буксировать и дозаправлять в море катера МО-4. Наконец дозаправку торпедных катеров могли производить и гидросамолеты типа МБР-2, ГСТ и др., а их на Черноморском флоте было к 22 июня 167 единиц. Благо, погода на Черном море в июле-августе почти всегда позволяла это делать.

Сравнительно большую активность проявили подводные лодки Черноморского флота. «Всего за кампанию 1941 г. подводные лодки Черноморского флота совершили 103 боевых похода, выполнили 24 торпедные атаки, потопили пять транспортов противника (около 18 тысяч брт). Скромный (относительно) успех подводников объясняется, по-видимому, тем, что противник использовал в основном малотоннажный флот — баржи, паромы, шхуны, сейнеры. Из 550 обнаруженных в 1941 г. подводными лодками судов 498 оказались судами подобного рода. Встречи с крупными транспортами были очень редки»^[108].

Я намеренно привел цитату из официального издания Министерства обороны и замечу, что далее автор сразу переходит к деятельности подводных лодок в 1942 г. А вот сделать вывод автор и его рецензенты вице-адмиралы В.Д. Яковлев и Ф.И. Козлов не могут. А вывод более чем очевиден: для уничтожения всей этой мелочи (мелочи по тоннажу, но производившей очень важные перевозки) нужны были катера. Причем с большинством заданий могли справиться даже морские охотники. Их пары 45-мм установок 21К вполне хватило бы для расстрела шхун, паромов и т. д.

Малочисленность потопленных транспортов противника позволяет рассказать о каждом из них.

Подводная лодка «Щ-211» под командованием капитана-лейтенанта А.Д. Девятко вышла в свой первый поход 5 августа. 11 августа лодка высадила 14 болгар-диверсантов севернее мыса Карабурун. А 15 августа у мыса Эминэ были обнаружены два транспорта. «Щ-211» с дистанции 3 кабельтова (549 м) выпустила две торпеды. Согласно донесению командира, которое попало в «Хронику...», «один транспорт сразу же затонул, второй выбросился на берег с деферентом на корму и креном на левый борт. Выбросившийся транспорт волной развернуло лагом к берегу. На другой день подводная лодка транспорта не обнаружила»^[109].

На самом же деле торпеда попала только в одно судно, получившее тяжелые повреждения и позже затонувшее. Им оказался румынский транспорт «Пелес» (5708 брт).

«Второй боевой поход этой лодки [с 21 сентября по 9 октября 1941 г. — А.Ш.] тоже был успешным. Действуя к югу от Варны, "Щ-211" днем вела поиск транспортов вблизи берега, а ночью отходила мористее, где производила зарядку аккумуляторной батареи и одновременно вела поиск противника. 29 сентября в 8 ч 36 мин лодка, следуя курсом 0° на перископной глубине, заметила на горизонте пять шедших ей навстречу сторожевых катеров. Чтобы не быть обнаруженным, Девятко отвернул круто вправо, а затем, пропустив катера, взял курс почти прямо на юг. В 9 ч 48 мин показался вражеский караван из трех транспортных судов. В охранении миноносца, сторожевого катера и самолета он шел со стороны Варны в направлении пр. Босфор. Выбрав целью головной транспорт, командир начал маневрирование для выхода в торпедную атаку. Цель уже выходила на расчетный угол упреждения, когда находившийся в 1,5 кабельтовых сторожевой катер двинулся прямо на лодку. Командир успел убрать перископ, и катер проскочил мимо, но момент залпа был упущен. Теперь служить целью могло только второе судно. Увеличив ход, Девятко пересек курс конвоя и вышел с другого борта. Дистанция до цели не превышала 2 кабельтовых. В 10 ч 16 мин из кормового аппарата была выпущена торпеда, и через 20 с раздался сильный взрыв. Выполнив маневр погружения, "Щ-211" легла на грунт. Через полчаса лодка всплыла под перископ. Атакованное судно погрузилось так, что над водой виднелся лишь полубак. Торпедирован был итальянский танкер "Суперга" (6154 брт).

На следующий день, 30 сентября, по окончании зарядки аккумуляторной батареи "Щ-211" вернулась в этот район. Около полузатонувшего танкера находились миноносец, буксир и несколько катеров. Очевидно, они были заняты спасательными работами. Командир решил в повторной атаке добить танкер торпедами. Однако противник

заметил перископ и контратаковал лодку глубинными бомбами. Лодка отошла мористее и легла на грунт. Со стороны танкера акустик долго слышал шумы винтов. Когда они прекратились, лодка всплыла под перископ и, убедившись в безопасности, подошла ближе к остававшемуся на плаву судну. С дистанции 2 кабельтовых был дан двухторпедный залп. Через 50 с раздалось два сильных взрыва, окончательно решивших судьбу танкера»^[110].

Подводная лодка «Щ-214» в своем втором боевом походе (с 30 октября по 18 ноября 1941 г.) 3 ноября в точке с координатами ш = 41°45'; д = 28°16' огнем 45-мм пушки потопила шхуну «Калальтепе» (350 т). На следующий день у мыса Курумбарун с дистанции 15 кабельтовых лодка выпустила торпеду по транспорту, но промахнулась. А вот 5 ноября лодку ожидал большой успех. В том же месте «Щ-214» с дистанции 4 кабельтовых (732 м) потопила итальянский танкер «Торчелло» (3336 брт). Обратим внимание, что наше начальство запрещало стрелять залпами в целях экономии торпед, что резко уменьшало их эффективность.

Последним успехом советских подводных лодок в 1941 г. стало потопление 18 ноября у мыса Зейтин-Бурун (ш = 42°12'; д = 27°58') турецкого транспорта «Енидже» водоизмещением 1500 т. Подводная лодка «Щ-215» выпустила одну торпеду с дистанции 4 кабельтовых.

В книге «Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне» Л.А. Емельянов и у А.В. Платонова^[111] упоминается о повреждении подводной лодкой «М-35» германского транспорта «Лола», причем Емельянов утверждает, что его водоизмещение 4500 брт, а Платонов утверждает, что 3000 брт. В «Справочнике потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных от ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» о повреждении «Лолы» вообще не упомянуто.

Командование Черноморского флота, стремясь увеличить эффективность действия подводных лодок, грозило их командирам суровыми карами. Так, подводная лодка «Щ-205» вышла в первый свой боевой поход 22 июня 1941 г. и пробыла в море до 9 июля. При этом она находилась на самой восточной кромке отведенного ей района патрулирования. Контакт с противником «Щ-205» не имела. Хотя командир лодки капитан-лейтенант П.С. Дронин формально не нарушил приказ, по прибытии в Севастополь он был отдан под суд и расстрелян. Замечу, что новый командир «Щ-205» П.Д. Сухомлинов также не добился успехов в 1941 г., и лишь 18 мая 1942 г. севернее мыса Карабурун потопил

артиллерийским огнем турецкое суденышко «Дуатепе».

Кстати, действия советских подводных лодок против турецких торговых судов до сих пор являются весьма деликатной и закрытой темой.

Первоначально были какие-то ограничения, но 1 декабря командующий Черноморским флотом доложил замнаркома ВМФ адмиралу И.С. Исакову, что по сообщениям нашей печати, турецкое правительство запретило своим судам заходить в Черное море, а 30 ноября разведывательное управление ВМФ известило об отмене Турцией этого решения, и просил уточнить это положение. В связи с этим Октябрьский считал возможным дать разрешение подводным лодкам, находившимся на позиции, топить все суда без уточнения их национальности^[112]. Судя по всему, разрешение было получено.

До 1 января 1942 г. на коммуникациях противника погибло семь советских подводных лодок. О гибели «Щ-206» уже говорилось, а лодки «М-58», «М-59», «М-34», «С-34», «Щ-211» и «Щ-204» подорвались на минах.

6 января 1942 г. нарком Кузнецов указал Военному Совету Черноморского флота, что на Черном море итоги подводной войны за шесть месяцев совершенно неудовлетворительные. Итоги эти свидетельствуют о невыполнении Военным Советом флота указаний наркома по использованию подводных лодок.

Несмотря на то, что в начале войны в Черноморском флоте было 44 подводные лодки, а через полгода их было уже 54, они потопили только семь транспортов противника, и при этом погибло семь наших лодок. Таким образом, каждый транспорт противника стоил нам одной нашей подводной лодки.

Для сравнения, Кузнецов сообщил, что в Северном флоте, имевшем в начале войны 15 подводных лодок, а к началу 1942 г. — 21 подводную лодку, потоплено 48 транспортов противника и ни одной нашей подводной лодки не потеряно. Условия на севере хотя и отличны от черноморских, но не менее сложны и трудны.

Причинами срыва подводной войны на черноморских коммуникациях противника нарком Кузнецов считал:

- 1) Слабое напряжение в работе подводных лодок на коммуникациях противника: от Босфора до Одессы выставлялось только 5–6 лодок. 18 ноября 1941 г. было приказано увеличить число позиций до 14, а фактически число их было уменьшено до трех.

- 2) Бесцельное использование подводных лодок не по назначению. Например, обстрел подводной лодкой из одной пушки города Ялты, что

было наркомом запрещено, или высадка десанта в Коктебеле в количестве 20 человек, что с успехом мог бы сделать катер «МО».

3) Бесцельное несение подводными лодками дозора в районе Потти, где за шесть месяцев ни разу не появлялся ни один корабль и ни одна подводная лодка противника.

4) Плохая работа оперативного отдела штаба флота по планированию и организации операций подводных лодок без анализа обстановки, без помощи подводным лодкам в решении их главной задачи. Разведка обстановки в районе самих позиций не велась. Было очевидно, что подводные лодки «Щ-204» и «С-34» погибли, а подводная лодка «Л-24» подорвалась на позиции № 28, и все же туда продолжали посылать лодку одну за другой и 24 декабря 1941 г. была выслана подводная лодка «Щ-207».

Достаточно активно на коммуникациях противника действовали три подводных заградителя Черноморского флота. Подводная лодка «Л-4» с 12 августа по 24 октября 1941 г. семь раз ставила мины, каждый раз выставляя по 20 мин ПЛТ (интервал между минами 55 м, углубление 2,4 м). 15 сентября на этих минах подорвался и затонул транспорт «Шипк» (2304 брт), а 10 октября — румынский минный заградитель «Реджеле Кароль I» (2369 т). Наконец 25 октября (10 октября)^[113] затонул речной минный заградитель «Терезия Вальнер» водоизмещением 350 т. Правда, в последнем случае в месте гибели «Терезии» ставила мины подводная лодка «Л-5».

За пять походов (со 2 августа по 29 сентября 1941 г.) подводная лодка «Л-5» выставила 82 мины ПЛТ с тем же углублением и интервалом, что и «Л-4».

Третий подводный минный заградитель — «Л-6» — к началу войны находился в ремонте, который закончился лишь к концу октября. Тем не менее подводная лодка «Л-6» выставила 17 ноября 1941 г. минное заграждение из 20 мин ПЛТ у входа в бухту Ак-Мечеть, а 25 ноября такое же заграждение на входе в бухту Ярылгач.

Успехи авиации Черноморского флота в борьбе на коммуникациях противника были, мягко выражаясь, скромными. С 1 августа 1941 г. по 31 января 1942 г. подтверждено потопление лишь двух судов. Согласно «Хронике...» 1 августа в 14 ч 25 мин «шесть Пе-2 бомбили с пикированием плавучий док и корабли в Констанце. Дешифрованием фотоснимков установлено два попадания в корабль неустановленного типа, пять попаданий в мол и одно попадание ФАБ-250 в плавучий док, где находился

эскадренный миноносец»^[114].

По сему поводу в Москву отправили донесение о потоплении миноносца (далеко не первого по счету). На самом деле «пешки» потопили два судна: транспорт «Дурастор» (785 т) и буксир «Аморгенс» (103 т).

2 августа три бомбардировщика СБ из 63-й авиабригады бомбили речные корабли на Дунае в районе Вилкова. По нашим данным, был поврежден монитор «Катараджиу». Румынские источники этого не подтверждают.

3 августа авиация Черноморского флота произвела одну из самых сильных бомбардировок Констанцы. Удар был нанесен восемнадцатью ДБ-3, восемнадцатью СБ и шестью Пе-2. Было сброшено восемь бомб ФАБ-1000, 18 ФАБ-500, 18 ФАБ-250 и 102 ФАБ-100.

В результате удара, по данным фотоснимков, были разрушены голова южного мола, противокатерная батарея и повреждены: тральщик, три катера, надводный заградитель, четыре понтона, голова восточного мола, железнодорожные пути, до десяти вагонов и до пяти нефтебаков.

Противник оказал сильное противодействие огнем зенитной артиллерии и истребительной авиации. В воздушном бою было сбито пять Ме-109 и один Ме-110. Наши потери составили два ДБ-3 и один СБ.

По подтвержденным данным^[115], авиацией были повреждены судно «Констанца» (1820 т), надводный заградитель «Адмирал Мурджеску» (812 т), надводный заградитель «Кароль» (2309 т), эсминец «Р. Фердинанд» (1900 т), торпедные катера «Анджелия» (35 т), «Висколул» (35 т), «Вифорул» (35 т), канонерские лодки «Думитреску» (443 т) и «Стизи» (443 т), а также десантная баржа (350 т).

21 августа три СБ из 63-й авиабригады на Дунае между Вилковым и селом Периправа «по достоверным данным» повредили монитор «Ардял».

Кроме того, следуют потопления нескольких неизвестных транспортов и повреждения судов с указанием их названий, не подтвержденные румынской стороной. (После войны румынские архивы были затребованы и изучены советскими специалистами.)

К началу Великой Отечественной войны на Черноморском флоте имелось 165 авиационных мин. Первая минная постановка была произведена 30 июня в 4 ч 20 мин, когда четыре ДБ-3Ф из 1-й эскадрильи 2-го минно-торпедного авиаполка поставили четыре мины в Тулчинском рукаве устья Дуная.

За этим последовало еще несколько постановок в дельте Дуная. 25 июля 1941 г. на рассвете шесть ДБ-3 поставили шесть мин АМГ-1 в районе

мыса Мидия. 26 июля два ДБ-3 поставили две мины АМГ-1 в районе Тузминского озера. Всего в районе дельты было сброшено 45 мин. По германским данным, на этих заграждениях в 1941 г. погибли четыре румынских и два немецких судна: 24 июня — буксир «Серна» на 69-й миле Дуная, 25 июля — буксир «Гелидон» на 43-й миле Дуная, 27 июля — буксир «Биказ» на 61-й миле Дуная, 29 августа — баркас «Услин-Б» у Измаила, 6 сентября — два немецких катера-тральщика FR5 и FR6 в устье Потаповского канала.

Всего в 1941 г. авиация Черноморского флота выставила 51 мину, семь советских авиамины и две английские А-IV были утеряны.

Говоря о действиях авиации Черноморского флота в 1941 г., нельзя не отметить боевое применение двух интересных систем: тяжелой четырехмоторной летающей лодки МТБ-2^[116] и летающих авианосцев системы «Звено».

Самолет (АНТ-44) тяжелый морской бомбардировщик, был создан в КБ А.Н. Туполева в 1937 г. Через год после выпуска первой машины на летные испытания был передан второй экземпляр, называющийся еще ЦАГИ-44Д или АНТ-44Д. Он удачно прошел все испытания, а в 1940 г. экипаж летчика И.М. Сухомлина установил на нем ряд мировых рекордов высоты и скорости полета с грузом.

Взлетный вес МТБ-2 (АНТ-44Д) составлял 19–21 т, максимальная скорость 355 км/час, бомбовая нагрузка до 6 т, максимальное время полета 14 часов.

Самолет МТБ-2 (АНТ-44Д) встретил войну в составе 80-й отдельной авиаэскадрильи Черноморского флота. Гидросамолет несколько раз привлекался к ночным полетам на Бухарест. Любопытен одиночный полет МТБ-2 на столицу Румынии 16 октября 1941 г. Вылет состоялся с аэродрома в Донузлове в 18 ч 14 мин. На Бухарест было сброшено восемь ФАБ-250, после чего, набрав высоту 5200 м, МТБ-2 лег на обратный курс. Вскоре штурман потерял ориентировку.

«С метеоданными над противником во время войны было плохо, и по существу сам полет гидросамолета был разведывательным по погоде. Потом оказалось, что ветер был не встречным, а попутным с запада на восток, скорость до 120–140 км/ч. Над облаками "Чайка" [МБР-2. — А.Ш.] прошла над Черным морем, и Крым приняли за Приднестровье. А увиденное позже море было не Черным, а Азовским, а злополучный мыс — Казантип на Керченском полуострове.

Сухомлин [командир самолета. — А.Ш.] принял решение изменить курс на 90° вправо — прямо на юг. Немного пролетели, пока в одном месте

не попали под свой прожектора и зенитный огонь, и сразу ушли в сторону. Через некоторое время — очередная такая же «жаркая» встреча, но и здесь удалось уйти невредимыми.

Когда летающая лодка шла вдоль гористого берега, Сухомлин заметил слева большую бухту. И снова море света от прожекторов и плотный огонь зениток. Бросил гидросамолет вниз, и вывел его из пикирования почти над самой водой. По времени «Чайке» давно уже надлежало быть дома...

Сообща приняли решение: садиться в бухте. Сухомлин заметил, что в левом углу бухты стоят МБР-2. Свои, сомневаться не приходилось. «Чайка» зажгла бортовые огни и миганием попросила посадку. Земля молчала, а гидросамолет на высоте двести метров кружил над бухтой. И вдруг вспыхнули прожектора и стали бить зенитки... С трудом Сухомлин вывел машину из-под плотного огня.

В конце концов решили сесть на воду и дождаться рассвета.

Только через два дня попали они в Севастополь, где их уже считали сбитыми»^[117].

Еще в 1931 г. В.С. Вахмистров разработал конструкцию «авиамамки» — тяжелого бомбардировщика — носителя истребителей. Такая система получила название «Звено». В 1932 г. начались работы по использованию и «Звене» в качестве носителя четырехмоторного тяжелого бомбардировщика ТБ-3. Было создано и испытано несколько вариантов системы «Звено». В 1938 г. успешно прошла государственные испытания система «Звено — СПБ», состоявшая из носителя ТБ-3РН и двух истребителей И-16, несущих по две ФАБ-250. Система была принята на вооружение морской авиации.

В сентябре 1938 г. в присутствии наркомов обороны, ВМФ, оборонной промышленности и начальника ВВС состоялась демонстрация «Звена — СПБ». Истребители отделились от носителя и сбросили бомбы в нарисованный на летном поле силуэт корабля.

От обычных бомбардировщиков ТБ-3 самолеты ТБ-3РН отличались трубчатыми фермами подвески под консолями и сигнальными панелями с разноцветными лампочками, укрепленными на нижней поверхности крыла перед кабинами истребителей. Для облегчения верхние турели ТУР-8 на этих машинах снимались.

На Черноморском флоте для действий в составе системы «Звено» готовили экипажи 18-го транспортного отряда и 32-го истребительного полка.

Первое боевое применение «Звена» на Черном море состоялось 26 июля 1941 г. Два ТБ-3РН днем направились в Констанцу. Над морем в

40 км от города они выпустили четыре И-16, каждый из которых нес по две ФАБ-250. Истребители сбросили бомбы с пикированием до 800 м. В результате налета одной пары истребителей было отмечено попадание в нефтеперегонный завод и три попадания в нефтебаки. Бомбы второй пары истребителей в назначенную цель (док) не попали. Две бомбы упали в расположение мастерских и две бомбы разорвались в порту.

Налет оказался неожиданным для румын, и зенитный огонь был открыт лишь после сбрасывания бомб первой парой И-16. На перелете наши истребители были безрезультатно атакованы двумя Ме-109.

При возвращении в Одессу один И-16 скапотировал и разбился. Летчик получил легкие ушибы. Остальные самолеты сели благополучно.

Два обеспечивающих МБР-2 были атакованы звеном истребителей противника. В результате воздушного боя нашими самолетами были сбиты один Ме-109 и один Хе-112. Один МБР-2 был сбит противником.

Одной из важных целей на территории Румынии был Черноводский мост через Дунай, расположенный в 60 км западнее Констанцы. Мост представлял собой капитальное сооружение длиной 1660 м, максимальная высота мостовых конструкций над водой составляла 75 м. По мосту проходила нитка нефтепровода Плоешти — Констанца. Разрушение моста приводило к парализации сообщения между промышленным районом Бухареста и основным румынским морским портом Констанца.

Несколько попыток бомбардировщиков СБ-2 и ДБ-3 разрушить мост, бомбардируя его с горизонтального полета, оказались неудачными. Тогда командование Черноморского флота решило привлечь к делу систему «Звено».

10 августа, еще до рассвета, с крымских аэродромов взлетели шесть ДБ-3, шесть Пе-2, а также три ТБ-3РН, несшие по два И-16. Бомбовая нагрузка истребителей составляла по две бомбы ФАБ-250.

С половины маршрута одному носителю пришлось вернуться из-за технических неполадок. В 5 ч 10 мин самолеты находились на удалении 15 км от румынского берега. Истребители отцепились от маток.

Первыми наносили удары самолеты ДБ-3. Из шести вылетевших машин пять дошли до цели и бомбардировали мост с высоты 1500–3000 м. Шестой ДБ-3, потеряв ориентировку, вернулся на свой аэродром.

В 5 ч 25 мин четыре истребителя И-16 спикировали с высоты 1800 м до 300 м и сбросили бомбы на мост.

В семь часов шесть Пе-2 бомбили мост с высоты 3400–4000 м. Самолеты Пе-2 встретили слабое противодействие зенитной артиллерии и на отходе были безуспешно атакованы четырьмя Ме-109. Потерь наши

самолеты не имели.

Всего на мост было сброшено четыре ФАБ-500 и семнадцать ФАБ-250. По сделанным фотоснимкам удалось установить прямое попадание одной ФАБ-250 в виадук и прямое попадание двумя ФАБ-250 в ферму и второй бык. На мосту возник пожар — загорелась нефть из перебитого нефтепровода, шедшего из Плоешти в Констанцу. Все три бомбы, попавшие в цель, были сброшены с И-16, а бомбометание с ДБ-3 и Пе-2 результатов не дало.

Повторную операцию назначили на 13 августа. В тот день отказов на носителях не произошло, поэтому в ударе по мосту приняло участие шесть И-16. Всего было сброшено двенадцать ФАБ-250. В 5 ч 50 мин истребители добились пяти прямых попаданий бомб в Черноводский мост. Один пролет моста был полностью разрушен. На обратном пути самолеты еще проштурмовали позиции румынской пехоты в районе Сулины, а в 7 ч 05 мин все И-16 приземлились на одесском аэродроме. После заправки топливом они перелетели домой, в Евпаторию.

Успешный рейд возобновил интерес к «Звену — СПб» со стороны командования ВМФ. Результатом стал ввод в строй еще двух «звеньев». Общее количество боеспособных систем возросло до пяти. Рост численности ограничивала нехватка самолетов ТБ-ЗРН, оснащенных двигателями М-34РН. Серийные тяжелые бомбардировщики комплектовались моторами М-17, мощности которых не хватало для взлета с истребителями.

16 августа нарком ВМФ Кузнецов обратился к Сталину с просьбой о передаче из ВВС дополнительного количества самолетов ТБ-ЗРН с двигателями М-34РН. Учитывая высокие потери ВВС в первые военные месяцы, в удовлетворении просьбы было отказано.

17 августа три ТБ-ЗРН доставили шесть И-16 к Констанце. Истребители бомбили там плавучий док и корабли. Наблюдалось накрытие бомбами плавучего дока, однако он не затонул, а румынские корабли повреждений не имели.

Система «Звено» неоднократно привлекалась к атакам наиболее важных малоразмерных целей. Так, 8 сентября два ТБ-ЗРН были отправлены для атаки понтонного моста, наведенного немцами через Днепр в районе Берислава. На расстоянии 30 км от переправы четыре И-16 отделились от носителя и сбросили восемь ФАБ-250. Понтонный мост был разрушен.

На обратном пути И-16 и прикрывавшая их тройка истребителей Як-1 атаковали самолеты Ме-109. Один И-16 и один Як-1 были сбиты,

остальные машины благополучно вернулись на свой аэродром.

После вторжения немцев в Крым использование «Звена» было прекращено. А в конце сентября немецкие войска вырвались на просторы Северного Крыма. Все имевшиеся в наличии самолеты авиации Черноморского флота были перенацелены на нанесение ударов по наступающим механизированным колоннам противника. Последние боевые вылеты состоялись, видимо, в 1942 г. «Звенья» совершили в общей сложности не менее 30 боевых вылетов.

В заключение стоит рассказать о секретной операции по выводу ледокола «Микоян» и трех танкеров из Черного моря.

Линейный ледокол «Микоян» (до 1938 г. он назывался «О.Ю. Шмидт») был заложен в Николаеве в ноябре 1935 г. Его полное водоизмещение 11 242 т, скорость 15,5 узла, дальность плавания 6000 миль. Ледокол, естественно, строился не для Черного моря, а для Арктики. К 22 июня 1941 г. ледокол достраивался на плаву. 28 июня он был зачислен в списки Черноморского флота как вспомогательный крейсер. На нем установили пять 130-мм, четыре 76-мм пушки и четыре 7,62-мм пулемета. «Микоян» несколько раз обстреливая позиции германских войск под Одессой.

5 ноября 1941 г. в Потти началось разоружение вспомогательного крейсера «Микоян» и подбор личного состава для выполнения «специального задания». Задание состояло в том, чтобы «Микоян» вместе с танкерами «Сахалин», «Туапсе» и «Варлаам Аванесов» прошел Проливы и вышел в Средиземное море.

Танкеры были построены непосредственно перед войной. Водоизмещение их составляло около 10 тысяч т, а скорость хода 12–13 узлов. Руководство сочло, что ледокол и танкеры не нужны на Черном море, но могут принести большую пользу на Севере или на Тихом океане.

25 ноября в 3 ч 45 мин ледокол «Микоян», транспорты «Сахалин», «Аванесов» и «Туапсе» в сопровождении лидера «Ташкент», эсминцев «Способный» и «Сообразительный» вышли из Туапсе в море. Конвой шел в открытое море, взяв курс на Босфор. 30 ноября, выдержав в пути жестокий шторм, подошли к турецкому берегу. Здесь боевые корабли пожелали танкерам и ледоколу «счастливого плавания» и повернули назад.

Войдя в Босфор, суда стали на якорь. Вскоре на «Микоян» прибыл советский военно-морской атташе в Турции капитан 1 ранга Родионов, а с ним английский офицер капитан-лейтенант Роджерс. В каюте капитана 2 ранга Сергеева состоялось совещание. Родионов сообщил собравшимся о решении Государственного комитета обороны, в котором ледоколу и танкерам ставилась задача прорваться в порт Фамагусту на Кипре, где

танкерам предписывалось поступить в распоряжение союзного командования, а ледоколу следовать на Дальний Восток.

Задача была довольно сложной. Немцы и итальянцы заняли большую часть островов в Архипелаге, включая Крит и острова Додеканес. Однако, кроме катеров, боевых кораблей у них на островах не было. На борту же ледокола и танкеров было лишь личное оружие.

В ночь с 30 ноября на 1 декабря ледокол прошел Дарданеллы и двинулся вдоль турецкого берега. Под утро капитан почти вплотную приткнул судно к островку в Эдремитском заливе, а как стемнело, снова отправился в путь. Так и шли по ночам вплотную к берегам, а днем стояли, втиснувшись в какую-нибудь щель между скал.

Две ночи благоприятствовали советским морякам — были темными и пасмурными. Но на третью выглянула полная луна, как раз тогда, когда ледокол проходил между турецким мысом Карабурун и островом Родос, занятым немцами.

Дальнейшие события стали предметом мифотворчества. Так, И.В. Капустин пишет: «Первыми на "А. Микоян" налетели торпедные катера, за ними — бомбардировщики и торпедоносцы. Преследование и непрерывные атаки длились 23 часа, потребовав от личного состава ледокола максимального напряжения всех сил. Благодаря умелому маневрированию судно удалось уберечь от многочисленных торпед противника. Израсходовав весь боезапас, фашисты были вынуждены оставить советский корабль. Этому способствовала и резко ухудшившаяся погода. "А. Микоян", имея более 500 пулевых и осколочных пробоин, продолжал свой путь. Моряки быстро привели в порядок свое судно, заделали пробоины в дымовых трубах, обеспечив необходимую тягу и увеличив ход».

Представьте себе картинку — торпедные катера, самолеты-бомбардировщики и торпедоносцы, 23 часа непрерывно атакующие огромную (длина 107 м, ширина 23,2 м) и тихоходную, а главное беззащитную цель, не могут в нее попасть!

Некий Виталий Гройсман пишет: «Когда началась война, мне было всего четыре года. Мы тогда жили в городе Николаеве, это недалеко от Одессы. Мой отец, Александр Давидович Гройсман, служил на флоте, в Севастополе, на ледоколе "Анастас Микоян"...

Но в Средиземном море они встретили итальянское судно. А итальянцы, как известно, были союзниками немцев и наших арестовали. К несчастью, именно в тот момент мой отец, замполит и еще один их товарищ были в военной форме. Их взяли под стражу и поместили в

тюрьму, пытали. Отец, конечно, всего мне не рассказывал, но я помню, как он упоминал, что их помещали в бочку с водой так, что только голова оставалась наверху, и держали в таком положении по несколько недель. Словом, пока кто-то из высшего руководства Советского Союза не приехал в Италию и стороны не договорились об освобождении команды, моряки так и подвергались пыткам.

Удивительно, но команде ледокола помогло даже не то, что советская сторона убеждала итальянцев, что ледокол "Анастас Микоян" имел гражданское назначение, а то, что при постройке ледокола использовались немецкие технологии и немецкое оборудование!

Короче, команду удалось освободить, и где-то в июле ледокол продолжил свой путь к Северному Ледовитому океану».

Комментарии, как говорится, излишни. Читатель спросит, а зачем я пересказываю подобные анекдоты? К сожалению, в средствах СМИ стало модным брать интервью у пожилых деток о делах отцов, известных им в лучшем случае из семейных застолий, а в худшем — из брошюр и статей.

На самом деле «Микоян» был атакован какими-то итальянскими катерами, вооруженными в лучшем случае крупнокалиберными пулеметами. Потопить огромный ледокол они, конечно, не могли, идти на abordаж не решились, но постреляли вволю по корпусу и надстройкам.

Как только показалась Фамагуста, навстречу судну устремились английские эсминцы с наведенными орудиями. Оказалось, что итальянцы, подобрав несколько деревянных вещей и спасательный круг с надписью «А. Микоян», раструбили на весь мир об уничтожении советского судна, и англичане поначалу приняли ледокол за сторожевой корабль противника.

С Кипра ледокол отправился на ремонт в Хайфу, а затем через Суэцкий канал благополучно прибыл в Красное море. Из Адена корабль вышел 1 февраля 1942 г. и направился необычным маршрутом вдоль восточного побережья Африки, мимо мыса Доброй Надежды, через Атлантический океан и вокруг мыса Горн к Сан-Франциско... Спустя девять месяцев после выхода из Туапсе, 9 августа 1942 г., ледокол, пройдя 25000 миль, вошел в советские территориальные воды — Анадырский залив.

Танкеры в Проливах передали всю нефть туркам. Но, по некоторым данным, это было платой за проход по Проливам. Хотя юридически проход невооруженных судов через Босфор и Дарданеллы даже в ходе войны не противоречил конвенции, заключенной в 1936 г. в Монте. Далее танкеры простояли несколько дней в безлюдной бухте Мраморного моря, где команды закамуфлировали их под транспорты, установили ложные надстройки, трубы и т. д.

Прорывались танкеры поодиночке, так же как и «Микоян», прижимаясь к турецкому берегу. Танкеру «Варлаам Аванесов» не повезло. Он был потоплен подводной лодкой — итальянской или германской U-625 — у мыса Баба примерно в 70 км от Дарданелл и в 14 км от острова Лесбос. Танкер «Сахалин» обошел остров Родос по проливу Карпатос, а не у турецкого берега. «Сахалин» зашел в кипрский порт Фамагуста, а затем был вооружен англичанами в Суэце. Далее он отправился вокруг Африки и Южной Америки, а затем через Магелланов пролив вошел в Тихий океан. Танкеру «Туапсе» тоже удалось прорваться к англичанам. Он погиб позже в Атлантике. 4 июля 1942 г. в Юкатанском заливе его торпедировала подводная лодка U-129.

Глава 14. Второй штурм Севастополя

17 ноября 1941 г. Красная Армия начала Ростовскую наступательную операцию. Она проводилась войсками Южного фронта и 56-й отдельной армии (переданной 23 ноября Южному фронту). Всего к операции были привлечены 31 дивизия и восемь бригад, итого 349 тысяч человек. За 16 дней наши войска на фронте 140–180 км продвинулись на 60–80 км.

Ростовская операция стала первым серьезным поражением германских войск во Второй мировой войне.

В ночь на 1 декабря Гитлер приказал фельдмаршалу^[118] Рундштедту сдать командование группой армий «Юг» фельдмаршалу Рейхенау. Гитлер лично прилетел в Мариуполь, а затем в Полтаву, но существенно повлиять на обстановку не смог.

Советское наступление не могло не сказаться на ситуации в Крыму. Манштейн писал: «17 октября из-за обострившегося положения под Ростовом командование группы армий потребовало немедленно выделить в ее распоряжение 73-ю пехотную дивизию и 170-ю пехотную дивизию. Все объяснения командования 11-й армии относительно того, что этим будет сорвано наступление на Севастополь, привели только к тому, что нам была оставлена 170-я пехотная дивизия, двигавшаяся по прибрежной дороге на соединение с 30-м армейским корпусом. Она все равно слишком поздно прибыла бы под Ростов. Но тем не менее без 73-й пехотной дивизии мы оказались лишенными резерва, необходимого для наступления на северном участке»^[119].

Успех под Ростовом побудил Военный Совет Закавказского фронта составить план операции по освобождению Керченского полуострова, о чем 26 ноября доложили начальнику Генштаба. Предполагалось высадить 7–8 стрелковых дивизий с целью овладеть Керченским полуостровом, ослабить нажим на Севастополь, не допустить вывода войск противника из Крыма. Эту сложную операцию хотели подготовить за 10 дней. 30 ноября командующий войсками Закавказским фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов представил на имя Сталина план операции, предполагая привлечь к делу силы 51-й и 44-й армий.

Ряд наших историков, в том числе А.В. Басов, считают, что 44-я армия только создавалась. На самом деле она была сформирована в июле 1941 г. в Закавказском военном округе на базе 40-го стрелкового корпуса. Первоначально 44-я армия включала в себя 20-ю, 77-ю горнострелковые

дивизии, 17-ю кавалерийскую дивизию и ряд отдельных частей. 44-я армия предназначалась для прикрытия государственной границы СССР с Ираном. 23 августа 1941 г. 44-я армия была включена в состав Закавказского фронта, а с октября 1941 г. переброшена на Северный Кавказ.

Первоначально планировалось форсировать Керченский пролив и попросту выдавить немцев с Керченского полуострова, тем самым облегчив положение Севастополя.

6 декабря на запрос А.М. Василевского о возможности высадки десанта Октябрьский предложил центр операции перенести на южное побережье полуострова и главными пунктами высадки считать Феодосию и Керчь, а основным пунктом посадки — Новороссийск; скрывающее направление — Судак; одновременно начать наступление из Севастополя (после прибытия туда 388-й стрелковой дивизии).

9 декабря в 16 ч 09 мин Октябрьский на крейсере «Красный Кавказ» вышел из Севастополя в Новороссийск для подготовки совместно с командованием Закавказского фронта Керченско-Феодосийской десантной операции.

Нескромный вопрос: а слетать на МБР-2 нельзя было? Как помним, при вторжении немцев в Крым боялись послать на несколько часов крейсера пострелять по Южному берегу Крыма. А тут гонять крейсер, игнорируя и авиацию противника, и мины?!

Окончательный вариант плана десантной операции был составлен к 13 декабря. Его основной задачей ставилось окружение войск противника на Керченском полуострове. 44-я армия, высаженная в Феодосии, должна была перерезать коммуникации противника и совместно с 51-й армией, высаженной в районе Керчи, уничтожить его. С выходом частей 51-й армии на Ак-Манайскую позицию обе армии должны были наступать в направлении Карасубазар и далее на Симферополь, Джанкой. 51-я армия должна была высадить на восточное и северное побережье Керченского полуострова четыре стрелковые дивизии (224-ю, 302-ю, 390-ю и 396-ю), одну 12-ю стрелковую бригаду, батальон морской пехоты Азовской флотилии, четыре артиллерийских полка. 44-я армия в районе Феодосии должна была высадить 157-ю, 236-ю и 345-ю стрелковые дивизии, 79-ю отдельную морскую бригаду, 105-й и 251-й горнострелковые полки, один артиллерийский полк. В резерве командующего фронтом находились две стрелковые дивизии (398-я и 400-я) и 126-й отдельный танковый батальон.

Учитывая предложение Октябрьского одновременно провести наступление из Севастополя, Генштаб запросил сведения о численности и вооружении Приморской армии. 9 декабря Военный Совет Черноморского

флота ответил, что весь гарнизон Севастопольского оборонительного района насчитывает 62237 человек, в том числе на сухопутном фронте — 41 146 человек, резерв СОРа — 4884 человека. База для пополнения составляла 2799 человек, в том числе 146 человек — курсы комсостава, 624 человека — тыл фронта, 871 человек — тыл армии, 1158 человек — декабрьские призывники. Кроме того, по данным горвоенкомата, на предприятиях числилось 3408 военнообязанных. Гражданское население Севастополя на 1 декабря 1941 г. составляло 51244 человека, из которых 21513 рабочих и служащих и 29 731 иждивенец.

Пополнение частям с 7 ноября по 5 декабря из флотского экипажа и 136-го запасного стрелкового полка составило 12117 человек, 7105 винтовок, 43 пулемета. Из Северокавказского военного округа с 19 ноября по 4 декабря прибыли 4704 человека.

Таблица 3. Численный состав Приморской армии на 5 декабря 1941 г.
[\[120\]](#)

Название части	Всего людей		Автомашины	Танки	Винтовки	Пулеметы и	Пушки и гаубицы	М
Полевое укрепление армии	1337	121	—	—	623	25	—	11
Части 25-й стрелковой дивизии	5007	111	—	—	3543	51	35	94
Части 95-й стрелковой дивизии	3759	88	—	—	2044	48	45	10
Части 172-й стрелковой дивизии	9303	93	1	—	8063	198	13	10
Части 2-й кавалерийской дивизии	320	96	—	—	236	—	—	—
Части 40-й и 42-й кавалерийских дивизий	1493	7	—	—	973	7	2	—

765-й корпусный артиллерийский полк	1106	64	—	636	20	22	—
Отдельный танковый батальон	213	6	9	40	25	2	—
Части 421-й стрелковой дивизии	3438	111	—	2273	49	19	10
Местный полк	3494	—	—	3186	58	—	47
Части береговой обороны и главной базы	2878	49		1855	70	29	11
Части боевого обеспечения	2805	236	—	1846	21	14	—
Тыловые части	2599	98	—	473	6	—	—
Пересыльный пункт	1458	13	—	61	1	—	1
Маршевая рота флотского экипажа	2100	—	—	0	—	—	—
Итого	41389	1033	10	25852	574	181	29

В дополнение к данным, приведенным в таблице, следует сказать, что 2-я кавалерийская дивизия была переформирована во 2-ю стрелковую дивизию; 42-я кавалерийская, дивизия — в 40-ю кавалерийскую дивизию; 9-я бригада морской пехоты побатальонно роздана на пополнение дивизий; 7-я бригада морской пехоты находилась в резерве армии, а 421-я дивизия была уже расформирована.

К 15 декабря в Севастополь с Кавказа перебросили 388-ю стрелковую дивизию в составе 733-го, 778-го и 782-го стрелковых полков, 953-го артиллерийского полка, 667-го отдельного зенитного дивизиона, минометного дивизиона, 452-го мотострелковой разведывательной роты (без транспорта), 841-го отдельного батальона связи, 671-го саперного батальона, 486-й химроты, 505-й автороты (без транспорта). Общая численность дивизии составляла 10 817 человек и 30 орудий.

Всего с 23 ноября по 16 декабря Севастополь получил около 21 тысячи человек^[121].

Однако 17 декабря Манштейн начал наступление, опередив советское командование. Атака немцев оказалась внезапной как по времени, так и по месту нанесения главного удара.

Бывший комендант второго сектора обороны Севастополя генерал-лейтенант И.А. Ласкин писал: «Из высказываний командарма Петрова в беседах с нами в эти дни можно было заключить, что он ожидал главного удара врага на Ялтинском направлении, как это было в ноябрьском наступлении... Маршал Советского Союза Н.И. Крылов (в те дни начальник штаба Приморской армии) писал, что замысел Манштейна в тот момент нам был неизвестен, хотя о походе к Севастополю крупных сил врага в армии знали точно»^[122].

Манштейн же решил наступать к Северной бухте Севастополя. Позже он писал: «Для того чтобы сломить сопротивление крепости, необходимо было в качестве предварительного условия по возможности скорее поставить под свой контроль порт — бухту Северную. Пока крепость имела морские коммуникации, при нынешнем положении дел противник по технической обеспеченности, а быть может, и по численности постоянно сохранял бы превосходство над нами. Поэтому главный удар должен был наноситься с севера или северо-востока в направлении бухты Северной, следовательно, совсем не так, как наносили удар союзники в Крымской войне, когда они имели господство на море. Для нас важен был не город, а порт. Только на севере наша армия могла использовать свою мощную артиллерию для поддержки наступления. Организация же ее боепитания через горы на южном участке при данных возможностях транспорта была нереальна, тем более что прибрежная дорога в любой момент могла быть взята под огонь противником с моря. Если укрепления противника на северном участке и были более сильными и многочисленными, чем на южном, то местность на южном участке — крутые скалистые горы — была чрезвычайно труднодоступной. К тому же дорожная сеть на южном участке была совершенно недостаточной. Чтобы создать ее, нужна была еще длительная работа.

Исходя из этих соображений, командование армии приняло решение наносить главный удар с севера или северо-востока. На юге решено было вести вспомогательное наступление главным образом с целью сковывания и отвлечения сил противника.

На севере должен был наступать 54-й армейский корпус, которому для

этой цели были подчинены четыре дивизии (22-я, 132-я, 50-я пехотные дивизии и только подтянутая 24-я пехотная дивизия), а также большая часть тяжелой артиллерии.

Сковывающий удар на юге должен был наносить 30-й армейский корпус, имевший для этого в своем распоряжении кроме 72-й пехотной дивизии также переброшенную от Керчи 170-ю пехотную, дивизию и румынскую горную бригаду. Со стороны Керчи была подтянута также 73-я пехотная дивизия, которая должна была составить резерв войск, наступавших с севера. Таким образом, на Керченском полуострове остался только штаб 42-го корпуса с 46-й пехотной дивизией.

В горах Яйлы действовал штаб румынского горного корпуса с подчиненной ему 4-й горной бригадой, так как здесь с самого начала развернулось сильное, хорошо подготовленное партизанское движение. Партизанские отряды получили большое пополнение за счет рассеянных в горах частей Приморской армии и постоянно угрожали нашим коммуникациям как на дороге на Феодосию, так и на Севастопольском фронте южнее горной гряды.

Таким образом, охрана побережья обеспечивалась, помимо 8-й румынской кавалерийской бригады на восточном берегу, только немногими вновь созданными береговыми батареями да тыловыми подразделениями наших дивизий.

Конечно, если учесть, что советский флот имел господство на море, то этот фактор означал большой риск для командования армии. Но этот риск казался оправданным, если наступление на Севастополь начнется достаточно скоро, раньше, чем противник успеет на Кубани или на Кавказе сформировать новые силы для высадки с моря.

Момент начала наступления имел, следовательно, большое значение. По нашим расчетам, необходимая перегруппировка войск и снабжение артиллерии боеприпасами могли быть закончены к 27 или 28 ноября. На этот срок и было назначено начало наступления.

Но здесь-то нам и помешала русская зима, причем двояким образом, что было особенно плохо. В Крыму начались непрерывные дожди, которые в кратчайший срок вывели из строя все дороги без твердого покрытия. Сеть же дорог с твердым покрытием в Крыму начинается только от Симферополя. С материка к Симферополю ведет только часто встречающаяся в этой стране «проселочная дорога», у которой выровнена лишь проезжая часть и по бокам которой прорыты кюветы. В сухую погоду такие дороги на глинистой почве южной России очень хорошо проходимы. Но в период дождей их пришлось сразу же перекрыть, чтобы они не вышли

из строя совсем на долгий срок. Таким образом, с началом дождей армия практически теряла возможность обеспечивать свое снабжение автогужевым транспортом, во всяком случае, на участке от материка до Симферополя. К 17 ноября уже вышло из строя по техническим причинам 50 % нашего транспорта. На материке же, на севере, уже свирепствовал лютый мороз, который вывел из строя четыре паровоза из пяти, имевшихся тогда в нашем распоряжении южнее Днепра. Таким образом, снабжение армии ограничивалось теперь одним-двумя эшелонами ежедневно. Днепр покрывался льдом, но он был еще слишком тонок, навести же мост нельзя было из-за льда. Подготовка к наступлению из-за всего этого затягивалась. Вместо 27 ноября мы смогли начать артиллерийскую подготовку только 17 декабря»^[123].

Манштейн планировал окончательно взять Севастополь к 21 декабря, то есть на четвертый день наступления.

17 ноября рано утром немцы после короткой, но сильной артиллерийско-минометной подготовки перешли в наступление по всему фронту главной базы. Главный удар они наносили 22-й, 132-й и 24-й пехотными дивизиями на фронте хутор Мекензия — гора Азис-Оба, имея намерение выйти через село Камышлы и пост Мекензиевы горы к северо-восточной оконечности Северной бухты. Вспомогательный удар наносила 50-я немецкая дивизия в районе деревень Верхний и Нижний Чоргунь с целью прорыва по долине реки Черная к Инкерману.

На участке фронта от берега моря до деревни Камары действовали части 72-й немецкой пехотной дивизии и 1-й румынской горнострелковой бригады. На участке между деревней Верхний Чоргунь и высотой 269,0 действовала 4-я румынская горнострелковая бригада.

Наиболее напряженные бои развернулись южнее и севернее долины реки Бельбек, в районе гор Кая-Баш и Азис-Оба. Батальон немцев, усиленный танками, при поддержке концентрированного артиллерийского огня и авиации, прорвал фронт нашего 287-го стрелкового полка у горы Кая-Баш. Первый батальон этого полка, понеся большие потери от огня, не выдержал натиска противника и отошел к высоте 192,0.

Одновременно полк немецкой пехоты, поддержанный танками, атаковал подразделение 8-й бригады морской пехоты у горы Азис-Оба. Понесшие тяжелые потери подразделения бригады под натиском превосходящих сил немцев, после упорного боя, к исходу дня отошли на свою тыловую позицию в 0,5 км западнее горы Азис-Оба. Этим отходом было создано чрезвычайно тяжелое положение как для 241-го стрелкового полка, оборонявшегося в районе высоты 204,5, так и для остальных частей

третьего сектора, оборонявшихся южнее, на участке хутора Мекензия и высоты 264,1.

Используя достигнутый днем успех, немцы вечером начали охватывать оба фланга 241-го стрелкового полка, создавая для него угрозу окружения. Несмотря на это, полк, перейдя к круговой обороне, продолжал упорно оборонять занимаемый район.

Для восстановления положения в районе села Камышлы из резерва третьего сектора была подтянута 7-я бригада морской пехоты, а из общего резерва — 40-я кавалерийская дивизия и 773-й стрелковый полк 388-й дивизии. Кроме того, в целях предотвращения возможного прорыва немцев через Камышловский овраг, к кордону Мекензия № 1 из общего резерва был выдвинут 778-й стрелковый полк, который занял оборонительные позиции по западному берегу Камышловского оврага.

В районе хутора Мекензия утром батальон немцев атаковал позиции 3-го полка морской пехоты, а другой батальон напал на наши позиции между высотой 319,6 и горой Яйла-Баш. В результате упорного боя все немецкие атаки западнее хутора Мекензия были отбиты, и враг понес большие потери. Но батальону противника, наступавшему по долине между высотой 319,6 и горой Яйла-Баш, удалось немного потеснить наше боевое охранение с высоты 278,4, которое отошло на передний край передового рубежа обороны.

В районе селений Нижний и Верхний Чоргунь полк противника атаковал наши позиции в направлении высоты с итальянским кладбищем, и до батальона немцев наступало из района высот 287,4 и 181,4 в направлении Верхнего Чоргуна. Здесь в результате ожесточенных боев противник лишь незначительно потеснил подразделения нашего 2-го полка морской пехоты и к исходу дня овладел безымянными высотами в 1 км южнее и северо-восточнее Нижнего Чоргуна.

Авиация противника произвела несколько налетов на город и порт Севастополь. В Клеопиной балке разрушены шесть порожних нефтебаков, а на аэродроме Херсонесский маяк прямым попаданием бомбы поврежден капонир и самолет И-153. В городе имелись жертвы и разрушения. Всего в налетах участвовало 98 немецких самолетов.

Авиация главной базы утром и в течение всего дня 17 декабря бомбила и штурмовала вражеские войска на фронте СОРа, противодействуя наступлению их с севера и северо-востока. Семь МБР-2 бомбардировали вражеские войска в селениях Альма-Тамак и Бурлюк. Десять Ил-2, семь Як-1, девять И-16 и один МиГ-3 штурмовали войска противника в районе от отметки 2,7 до берега моря и на восточном склоне горы Азис-Оба.

Уничтожены три танкетки, один танк, три бронемашины, три автомашины, два штабных автобуса, четыре миномета и до двух взводов вражеской пехоты.

Всего за 17 декабря авиация главной базы провела 63 одиночных воздушных боя и сделала 115 самолето-вылетов, из которых на бомбоштурмовые действия — 30, на прикрытие штурмовиков — 28, на воздушную разведку — 7 и на прикрытие главной базы — 50 вылетов.

В воздушных боях наши летчики сбили пять и подбили три самолета противника. Огнем зенитной артиллерии было уничтожено два Ю-88. Наша авиация потерь не имела.

Береговые батареи вели интенсивный огонь по германским войскам. Так, 30-я батарея 17 декабря выпустила по врагу 117 305-мм снарядов общим весом более 50 т.

С рассветом 18 декабря немцы ввели в бой свежие силы и продолжили наступление. Германские части в районе горы Кая-Баш и по южному берегу долины реки Бельбек продолжали углублять прорыв на участке 287-го стрелкового полка и окружать 241-й стрелковый полк. Под ударами превосходящих сил противника 287-й полк к исходу дня отошел на линию Камышловского оврага. Южнее его 54-й и 2-й Перекопские стрелковые полки в течение дня успешно отразили многочисленные атаки противника, но в связи с отходом 287-го полка и создавшейся угрозой обхода слева и выхода противника в тыл к концу дня отошли на рубеж: 1 км западнее хутора Мекензия, перекресток дорог, что в 5 км северо-западнее этого хутора и западный берег Камышловского оврага.

Южнее хутора Мекензия немцам ценой больших потерь удалось оттеснить оборонявшиеся здесь части второго сектора на рубеж восточных скатов высоты 256,2 и высоты 287,6, где наступление противника было приостановлено. Наши войска продолжали упорно оборонять свои позиции в районе высот 193,8 и 269,0.

В районе селений Нижний и Верхний Чоргунь весь день шли упорные бои. Здесь наши части неоднократно переходили в контратаки, стремясь отбить захваченные неприятелем высоты, которые три раза переходили из рук в руки, но к исходу дня остались за противником.

Авиация главной базы продолжала содействовать нашим частям. Ночью шесть ДБ-3 бомбардировали деревню Черкез-Кермен и село Шули, сбросив десять бомб ФАБ-100. Отмечены сильный взрыв и разрывы бомб в районе цели. На рассвете два МБР-2 снова бомбили эти селения.

В первую половину дня четыре Ил-2 и четыре И-16 штурмовали немецкие войска у хутора Мекензия. Во вторую половину дня три Ил-2 в

сопровождении четырех И-16 снова штурмовали противника у хутора Мекензия. Штурмовики за день уничтожили танк, четыре автомашины и до трех взводов пехоты. Три Пе-2 бомбардировали Качу, сбросив 24 бомбы ФАБ-100.

Всего за 18 декабря авиация главной базы сделала 68 самолетовых вылетов, из них: на бомбардировочно-штурмовые действия — 19, на разведку — 10, на сопровождение штурмовиков — 12 и на прикрытие главной базы — 27.

Пулеметным огнем противника был выведен из строя один Ил-2. Немецкая авиация с 8 ч 26 мин до 10 ч 47 мин группами по пять самолетов сбрасывала бомбы в расположение наших частей у английского кладбища. Один До-215, производя разведку главной базы, в районе мыса Фиолент сбросил листовки.

Около 15 часов 18 декабря заместитель командующего СОРа контр-адмирал Жуков доложил командующему Черноморским флотом, что боезапаса осталось на один день и просил срочно выслать: мин 50-мм — 5000, 82-мм — 5000, 107-мм — 1000 и 120-мм — 1000 штук; выстрелов 76-мм дивизионных — 1000, 76-мм горных — 1000, 122-мм гаубичных дивизионных — 1000, 107-мм корпусных — 1000, 152-мм к гаубицам 1937 года — 500 штук. Этот боезапас требовалось доставить не позднее 12 часов 19 декабря на одном из военных кораблей.

19 декабря на фронте третьего сектора, в районе Камышловского оврага, все атаки противника были отбиты с большими для него потерями.

Тяжелая обстановка сложилась севернее долины реки Бельбек, на фронте четвертого сектора обороны. Здесь немцы нанесли основной удар из района высоты 190,1 по центру и правому флангу 8-й бригады морской пехоты. На левом фланге бригады под ударами превосходящих сил противника наши части оставили деревню Аранчи и укрепились западнее ее. В центре и на правом фланге части 8-й бригады под яростными ударами врага и под сильным артиллерийским и минометным огнем потеряли управление и отошли на запад. При этом они потеряли связь с соседом справа — 40-й кавдивизией, занимавшей с остатками 773-го стрелкового полка заранее подготовленные позиции на рубеже у шоссе.

К исходу дня 40-я кавдивизия контратаковала и восстановила связь с отошедшими частями 8-й бригады морской пехоты, задержав дальнейшее продвижение противника.

Южнее хутора Мекензия 19 декабря все атаки немцев были успешно отражены.

На рассвете 19 декабря пять МБР-2 бомбардировали Черкез-Кермен,

Биюк-Отаркой и Дуванкой. В первой половине дня три Пе-2 и пять Ил-2 в сопровождении восьми И-16 и пяти Як-1 бомбили и штурмовали ангары на аэродроме Саки, скопление до 150 автомашин у деревни Бурлюк, зенитную батарею в районе Старые Лезы и пехоту врага в долине Биюк-Джаланчик.

Шесть Пе-2, два ДБ-3 и пять Ил-2 в сопровождении четырех Як-1 и шести И-16 бомбардировали и штурмовали войска противника в долине реки Бельбек. Были отмечены попадания в большие скопления войск. В районе Камышловского моста уничтожены две автомашины и шесть повозок противника.

Четыре ДБ-3 бомбардировали неприятельские войска в районе высоты 158,7.

Во второй половине дня двенадцать Пе-2, два ДБ-3 и тринадцать Ил-2 продолжали наносить бомбовые и штурмовые удары по наступавшим немецким войскам.

Авиация противника группами от двух до шести самолетов бомбила и обстреливала боевые порядки наших частей в районе села Камары, Камышловского моста и на участке 8-й бригады морской пехоты.

Вечером 19 декабря Октябрьский сообщил контр-адмиралу Жукову, что 20 декабря на транспорте «Абхазия» будет выслан боезапас и до 1500 бойцов 9-й бригады морской пехоты. Кроме того, на транспорте «Чапаев», который прибудет в Севастополь утром 20 декабря, отправлено: снарядов 152-мм — 1400, 152-мм 1937 года — 2600, 75-мм — 5952, 76-мм 1927 года — 5080 штук и 50-мм мин — 27504 штуки. В Новороссийске больше боезапаса не осталось.

Около полуночи Военный Совет СОРa доложил Верховному Главнокомандующему Сталину (и в копиях — наркому ВМФ и командующему Черноморским флотом), что противник, сосредоточив крупные силы, при поддержке танков и бомбардировочной авиации, в течение трех дней вел ожесточенное наступление с целью овладеть Севастополем. Не считаясь с огромными потерями в живой силе и технике, немцы непрерывно вводили в бой свежие силы.

Наши войска упорно отстаивали оборонительные рубежи и за первые два дня боев понесли потери до трех тысяч человек. Также большие потери имелись в орудиях, пулеметах и минометах. Большинство батарей береговой обороны главной базы подавлены или расстреляны. Войска СОРa почти по всему фронту отошли на второй рубеж. Резервы израсходованы, нет снарядов наиболее нужных калибров: 107-мм корпусных, 122-мм гаубичных и 82-мм мин. Остальной боезапас также на исходе.

С 20 декабря в целях усиления войск, действовавших на фронте, будет введен в бой личный состав с кораблей, береговых батарей, зенитной артиллерии, аэродромной службы и др.

Если противник будет продолжать наступление в том же темпе, гарнизон Севастополя сможет продержаться не более трех суток.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генштаба Красной Армии маршал Шапошников передал командующему Закавказским фронтом и командующему Черноморским флотом директиву Ставки № 005898 от 20 декабря. Ставка приказывала:

1. Подчинить во всех отношениях Севастопольский оборонительный район командующему Закавказским фронтом.

2. Командующему Черноморским фронтом немедленно выехать в Севастополь.

3. Командующему Закавказским фронтом немедленно командировать в Севастополь крепкого общевойскового командира для руководства сухопутными операциями.

4. Командующему Закавказским фронтом немедленно отправить в Севастополь одну стрелковую дивизию или две стрелковые бригады.

5. Оказать помощь Севастопольскому оборонительному району авиацией Закавказского фронта силами не менее пяти авиаполков.

6. Немедленно отправить в Севастополь пополнение в количестве не менее трех тысяч человек.

7. Командующему Закавказским фронтом немедленно подать в Севастополь снаряды, учитывая, что снаряды 107-мм, 122-мм гаубичные и 82-мм мины совершенно израсходованы.

Нарком Кузнецов в телеграмме Военному Совету Закавказского фронта и Военному Совету Черноморского флота указал, что «Севастополь должен быть удержан во что бы то ни стало. Для Черноморского флота в данный момент это является главной задачей. Необходимо решительно использовать корабли и всю авиацию флота для разгрома противника под Севастополем. От редких эпизодических обстрелов врага надо перейти к систематической поддержке обоих флангов войск Севастопольского оборонительного района, а также из гавани воздействовать на войска противника перед вторым и третьим секторами обороны»^[124].

Далее нарком указывал, что он считает целесообразным использовать для действий в Севастополе также новые эсминцы и крейсера. Авиация Черноморского флота, помимо непосредственной помощи войскам обороны главной базы, обязана периодически бомбить аэродромы противника в Крыму с таким расчетом, чтобы обеспечить оборону главной

базы и корабли поддержки.

Согласно директиве командующего Закавказским фронтом Севастопольский оборонительный район (Приморская армия) с 20 декабря был включен в состав Закавказского фронта. 345-я стрелковая дивизия и 79-я особая стрелковая бригада исключались из состава 44-й армии и не позднее 20 декабря отправлялись в Севастополь. Дивизия должна была погрузиться на транспорты в Туапсе, а бригада — в Новороссийске.

Между тем немцы 20 декабря продолжали штурмовать Севастополь, но существенных успехов не добились.

Наша авиация активно поддерживала сухопутные силы. Всего за 20 декабря авиация главной базы сделала 143 вылета. Из них бомбардировочных — 28, штурмовых — 20, на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков — 45 и на прикрытие главной базы — 50 вылетов. Было сброшено четыре бомбы ФАБ-250, 158 ФАБ-100, 64 ФАБ-50, 60 АО-25, 1247 АО-2,5, 38 АО-8, выпущено 216 реактивных снарядов РС-82, израсходовано 30 350 патронов. Как сказано в «Хронике...»: «Только штурмовиками, по неполным данным, было уничтожено 12 автомашин, 2 автоцистерны, танк, 2 танкетки, 2 зенитных орудия и 5 зенитных автоматов противника. Бомбардировочная авиация результаты своих ударов не наблюдала»^[125].

Семь Ю-88 и шесть Ю-87 под прикрытием трех Ме-109 группами по 2–3 самолета утром 20 декабря бомбардировали боевые порядки наших частей в районе села Камышлы, станции Макензиевы горы и 30-ю батарею. Вечером семь Ю-88 и девять Хе-111 в районе английского кладбища бомбили наши части.

20 декабря в 17 часов крейсер «Красный Кавказ» под флагом командующего Черноморским флотом, крейсер «Красный Крым» и эсминцы «Бодрый» и «Незаможник» вышли из Новороссийска в Севастополь. На эти корабли была принята 79-я особая стрелковая бригада в полном составе (4000 человек) с вооружением.

Рано утром 21 декабря немцы возобновили атаки на фронте второго, третьего и четвертого секторов. Главный удар немцы наносили на фронте третьего сектора обороны, в направлении села Камышлы, высоты 192,0, Инкермана, и яростно атаковали высоту с итальянским кладбищем и деревни Верхний и Нижний Чоргунь, чтобы ворваться в долину реки Черная.

В районе Камышловского оврага в первой половине дня немцы не предприняли активных действий, а в 12 ч 30 мин два пехотных полка при поддержке танков перешли в наступления, нанося главный удар в стык

между 3-м полком морской пехоты и 54-м стрелковым полком. Завязался упорный бой в 1,5 км северо-западнее хутора Мекензия. Контратакой резервного 2-го батальона Черноморского флотского полуэкипажа, сформированного из личного состава 35-й батареи, а также 2-го и 3-го артдивизионов береговой обороны главной базы, противник был отброшен. На поле боя осталось до трехсот трупов немцев. Были захвачены трофеи: пять станковых и три ручных пулемета. 2-й Перекопский стрелковый полк захватил два противотанковых орудия и крупнокалиберный пулемет.

Части третьего сектора к исходу дня 21 декабря остались на прежних рубежах.

388-я стрелковая дивизия (без 773-го полка), перешедшая с 21 декабря в состав четвертого сектора, с утра вела упорные бои за высоту 192,0, которая четыре раза переходила из рук в руки. Обе стороны понесли тяжелые потери. Во второй половине дня немцы, подтянув свежий полк и одиннадцать танков, снова перешли в наступление и к исходу дня овладели этой высотой. 388-я дивизия, потеряв более половины своего состава, была вынуждена отойти на запад и заняла рубеж, проходивший от стыка дорог в 1,5 км юго-западнее села Камышлы, через безымянную высоту в 0,5 км северо-западнее того же стыка дорог и безымянную высоту на 1 км юго-восточнее деревни Бельбек.

Тяжелые бои развернулись в районе деревень Верхний и Нижний Чоргунь. Здесь немцы ввели в бой только что прибывшую с Керченского полуострова 170-ю пехотную дивизию, усиленную танками, и решили использовать ее для наступления вдоль реки Черная. Весь день 21 декабря здесь шли исключительно ожесточенные бои. Атаки противника следовали одна за другой и разбивались о стойкость 2-го полка морской пехоты. Только к наступлению темноты, после ввода в бой свежих резервов, немцам удалось потеснить наши части к северо-западу и занять высоту в 1,5 км северо-восточнее деревни Верхний Чоргунь.

Авиация главной базы продолжала активно действовать по боевым порядкам сил противника. Всего за 21 декабря наши самолеты на фронте главной базы сбросили 132 ФАБ-100, 62 ФАБ-50, 11 АО-25, 1872 АО-2,5, выпустили 284 реактивных снаряда РС-82, израсходовали 2045 снарядов ШВАК и БСС-23 и расстреляли 36 520 патронов. За день было сделано 152 самолето-вылета, из них: бомбардировщиками — 16, штурмовиками — 31, на их сопровождение — 27, на прикрытие кораблей и главной базы — 71 и на разведку — 7 вылетов.

К 11 ч 30 мин 21 декабря крейсер «Красный Кавказ» под флагом командующего Черноморским флотом, крейсер «Красный Крым», лидер

«Харьков» и эсминцы «Незаможник» и «Бодрый» подошли к мысу Фиолент, и с этого момента до подхода их к боновым воротам Северной бухты авиация противника несколько раз безрезультатно атаковала корабли, сбросив до 20 бомб. В 13 часов корабли вошли в главную базу.

Во вторую половину дня крейсер «Красный Крым», лидер «Харьков» и эсминец «Бодрый», стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по войскам противника на подступах к городу.

«Красный Крым» обстрелял дачу Торопова в 2 км юго-западнее села Алсу, выпустив 30 снарядов. Лидер «Харьков» сделал 29 выстрелов по долине реки Бельбек. Обе стрельбы велись по площади.

Эсминец «Бодрый» обстрелял скопление вражеской пехоты в 2 км северо-восточнее горы Маяк-Оба, выпустив 25 снарядов. Стрельбу корректировали с берега. В результате было рассеяно до батальона пехоты и подбит танк противника.

В четыре часа утра 21 декабря из Поты в Севастополь с грузом боезапаса вышел лидер «Ташкент». А в 4 ч 30 мин из Поты в Севастополь вышли: транспорт «Калинин», имевший на борту 1750 бойцов, четыре 76-мм и четыре 122-мм орудия; транспорт «Димитров» (1570 бойцов, четыре 122-мм и два 45-мм орудия) и транспорт «Серов» (1930 бойцов, семь 76-мм орудий 345-й стрелковой дивизии). Транспорт шёл в сопровождении эсминцев «Способный» и «Шаумян».

Кстати, в этот день, как в большинстве дней декабря, германская и советская артиллерия вела перестрелку через Керченский пролив. Причем несколько наших батарей дислоцировались на знаменитой ныне косе Тузла^[126].

22 декабря немцы ввели в бой резерв 170-й пехотной дивизии в районе села Чоргунь и резервы 132-й пехотной дивизии в районе села Камышлы, предприняли новые атаки с целью прорваться от Камышлы к Инкерману и от Чоргуни по долине реки Черная к Севастополю.

Критическое положение для всей обороны создалось в связи с прорывом фронта по южному краю долины реки Бельбек, на участке 288-й стрелковой дивизии. Здесь утром 22 декабря полк немцев с фронта и группы автоматчиков с флангов повели наступление. К 10 часам немецкие автоматчики обошли левый фланг дивизии и заняли безымянную высоту в 1,5 км северо-западнее высоты 192,0.

388-я стрелковая дивизия не выдержала атаки противника с фронта и тыла и начала беспорядочно отходить по направлению к посту Мекензиевы горы. Нависла непосредственная опасность прорыва немцев к морю в районе деревни Любимовка и к 30-й батарее, а также выхода их к Северной

бухте. Отдельные группы вражеских автоматчиков уже успели проникнуть в район Братского кладбища.

В этот момент наше командование бросило в контратаку прибывшую 21 декабря в Севастополь 79-ю особую стрелковую бригаду. Эффект контратаки был исключительный. Морская пехота нанесла сокрушительный удар и почти полностью восстановила позиции, оставленные 388-й дивизией. К исходу дня наши части вновь овладели высотами 192,0 и 104,5.

241-й стрелковый полк, вследствие отхода 388-й дивизии вновь оказавшийся в окружении, упорно отбивал атаки противника. С выходом к долине реки Бельбек подразделений 79-й особой стрелковой бригады этот полк коротким ударом прорвал кольцо и, вырвавшись из окружения, снова занял оборону в долине Бельбека в 0,5 км восточнее деревни Бельбек.

В общем, за пять дней непрерывных боев немцы продвинулись на ряде направлений на 5–7 км и приблизились к центру города на расстояние до 7 км, то есть в пределах дальности огня дивизионной артиллерии.

С 17 по 21 декабря части СОРа потеряли только ранеными шесть тысяч человек и не менее двух тысяч человек убитыми. Выведены из строя 22 орудия полевой артиллерии и 15 орудий береговой обороны главной базы. Большинство стволов корабельных и армейских орудий СОРа из-за частой стрельбы имели большой износ.

Прибывшая 388-я стрелковая дивизия в бою оказалась нестойкой и существенного влияния на состояние обороны не оказала. Прибывшая 79-я особая стрелковая бригада и прибывающие 345-я стрелковая дивизия и танковый батальон позволяли удержать Севастополь.

22 декабря в 00 ч 05 мин крейсер «Красный Кавказ» вышел из Северной бухты и, маневрируя между берегом и внутренней кромкой минного заграждения в районе Балаклавы, с 1 ч 20 мин до 1 ч 55 мин обстрелял пункты скопления войск противника у дачи Торопова и деревни Черкез-Кермен, выпустив 60 снарядов. Стрельба велась по площади. В 2 ч 45 мин «Красный Кавказ», имея на борту 500 человек раненых, направился в Туапсе.

В течение дня крейсер «Красный Крым», лидеры «Ташкент» и «Харьков», эсминцы «Бодрый», «Незаможник» и «Смышленный», стоя на якоре в Севастопольской бухте, обстреливали вражеские войска на подступах к городу. «Красный Крым» выпустил 136 снарядов, «Ташкент» — 464, «Харьков» — 355, «Бодрый» — 400, «Незаможник» — 140 и «Смышленный» — 189.

В 19 ч 30 мин «Красный Крым» и «Незаможник» вышли из главной

базы и, маневрируя в районе Балаклавы, с 20 ч 25 мин до 22 ч 05 мин вели огонь по скоплениям войск противника в районе деревни Верхний Чоргунь, дачи Торопова и деревни Кучук-Мускомья. Корабли стреляли по площади и выпустили по 100 снарядов каждый. В 22 ч 05 мин они вышли в Туапсе, причем «Красный Крым» имел на борту 400 человек раненых.

В 00 ч 05 мин 22 декабря из Туапсе в Севастополь вышли: транспорт «Курск», на борту которого находилось 1900 бойцов, два 45-мм, пять 76-мм и пять 122-мм орудий; транспорт «Фабрициус» (1700 бойцов и четыре 76-мм орудия), транспорт «Красногвардеец» (1220 бойцов) и 12 миноносцев. В охране их шли эсминец «Сообразительный» и тральщики «Щит» и «Взрыв».

В 6 ч 10 мин из Поти в Севастополь вышли крейсер «Коминтерн», эсминцы «Островский» и «Железняков», принявшие на борт 2773 бойца маршевых рот и 4,5 вагона боезапаса.

В 7 ч 30 мин в Севастополь в охране тральщика «Защитник» и двух сторожевых катеров прибыл транспорт «Абхазия».

22 декабря немецкие войска атаковали вяло и без особого успеха. Тем не менее командование СОРа решило сократить фронт между долинами рек Бельбек и Кача. В ночь на 23 декабря 1-й батальон 8-й бригады морской пехоты и 90-й стрелковый полк были отведены к долине реки Бельбек до деревни Любимовка. Отступление значительно сократило фронт и позволило вывести в общий резерв для переформирования и пополнения наиболее утомленные и понесшие значительные потери части: 8-ю бригаду морской пехоты, 773-й стрелковый полк и 40-ю кавалерийскую дивизию. Батарея № 10 была взорвана, а ее личный состав отошел на батарею № 30.

В Приморскую армию начали прибывать части 345-й стрелковой дивизии. К 23 декабря прибыли две бронетанковых роты 965-го стрелкового полка и 1165-й стрелковый полк, разместившийся в районе Инкерманской долины, два батальона 1163-го стрелкового полка, которые разместились в районе кордона Мекензия № 1, и штаб дивизии, расположившийся на восточной окраине Инкермана.

23 декабря корабли Черноморского флота вели огонь по войскам противника на подступах к Севастополю. Лидер «Ташкент» произвел 257 выстрелов, лидер «Харьков» — 234, эсминец «Смышленный» — 109 и эсминец «Способный» — 100 выстрелов.

24 декабря полк немцев, поддержанный десятью танками, атаковал наши части в направлении на пост Мекензиевы горы. Ему удалось прорвать фронт малочисленного и ослабленного в предыдущих боях 241-го стрелкового полка и начать продвигаться к югу. Чтобы восстановить

положение, из района кордона Мекензия № 1 был брошен в контратаку 1163-й стрелковый полк вновь прибывшей 345-й стрелковой дивизии, который заставил немцев отойти с большими потерями на исходные позиции.

За 23 и 24 декабря в Приморскую армию прибыло пополнение: 10 маршевых рот и две спецроты численностью 2764 человека, 201 человек моряков, 81-й отдельный танковый батальон (26 танков Т-26 и 180 человек) и 345-я стрелковая дивизия в полном составе, общей численностью 9955 человек.

24 декабря лидер «Ташкент», эсминцы «Способный», «Смышленный» и «Бойкий», стоя на якоре в Севастополе, в течение суток вели огонь по войскам противника на подступах к городу. «Ташкент» сделал 212 выстрелов, «Способный» — 190, «Смышленный» — 30 и «Бойкий» — 120 выстрелов.

25 декабря противник на фронте главной базы ограничился несколькими безуспешными атаками на участке второго сектора обороны в районе деревни Верхний Чоргунь и высоты с итальянским кладбищем.

Корабли флота в этот день, стоя на якоре в Севастопольской бухте, продолжали обстреливать скопления немецких частей на подступах к Севастополю в районах Шули, Алсу, Дуванкой, Мекензий и Мамашай. Лидер «Ташкент» выпустил 65 снарядов, эсминец «Смышленный» — 120, эсминец «Железняков» — 50, эсминец «Безупречный» — 148, тральщик ТЩ-11 — 70 снарядов.

К исходу дня 26 декабря немцы заставили отступить части 40-й кавалерийской дивизии, 241-го стрелкового полка и 8-й бригады морской пехоты. Они отошли в южном направлении и заняли оборону в 1 км севернее поста Мекензиевы горы и в 1 км северо-восточнее кордона Мекензия № 1. Еще две попытки противника наступать из района деревни Верхний Чоргунь были отбиты.

На следующий день боевые действия ограничились ленивой перестрелкой, авиация из-за плохих метеоусловий летала мало.

Вечером 27 декабря командование СОРа решило отбросить немцев от станции Мекензиевы горы силами 79-й стрелковой бригады.

Однако немцы рано утром 28 декабря упредили атаку бригады и сами перешли в наступление частью сил в направлении совхоза им. Софьи Перовской и частью — на пост Мекензиевы горы. Этому предшествовала полуторачасовая артиллерийская подготовка с применением тяжелой артиллерии и 15-см шестиствольных минометов^[127]. По советским данным, в наступлении участвовало до трех батальонов пехоты, усиленных 12

танками и поддержанных массированными ударами авиации.

К 11 ч 50 мин немцы прорвали оборону наших войск, и батальон противника с пятью танками начал развивать наступление на пост Мекензиевы горы. А в это же время другой немецкий батальон с пятью танками потеснил левофланговые части нашей обороны и подошел на 1 км северо-восточнее совхоза им. Софьи Перовской и 0,6 км северо-восточнее Любимовки. Под угрозой захвата оказалась 30-я батарея, которую уже обстреливали немецкие автоматчики.

С введением в бой двух полков 345-й стрелковой дивизии наступление противника было остановлено.

На других участках фронта в этот день противник активности не проявлял.

28 декабря эсминец «Безупречный», тральщики ТЩ-15 и ТЩ-22, стоя на якоре в Севастопольской бухте, обстреливали скопления войск противника на подступах к городу. «Безупречный» сделал 78 выстрелов, ТЩ-15 — 79, а ТЩ-22 — 40 выстрелов.

В 8 ч 10 мин 28 декабря крейсер «Молотов», приняв на борт 1200 бойцов 769-го стрелкового полка 386-й стрелковой дивизии и погрузив 15 вагонов боезапаса, вышел из Поти в Севастополь.

На действиях немцев под Севастополем уже начали сказываться последствия высадки советских войск на Керченском полуострове, произведенной 26 декабря. Тем не менее Манштейн не хотел прекращать наступления. Он писал: «Но можно ли было отказываться от наступления на Севастополь в такой момент, когда казалось, что достаточно только последнего усилия, чтобы, по крайней мере, добиться контроля над бухтой Северной? К тому же казалось бесспорным, что легче будет высвободить силы из-под Севастополя после успеха на северном участке фронта, чем в случае преждевременного ослабления нажима на противника.

Итак, командование армии приняло решение, даже после высадки десанта у Феодосии, все же идти на увеличивавшийся с каждым часом риск отсрочки высвобождения войск из-под Севастополя. Поэтому вначале был только отдан приказ прекратить наступление 30-му армейскому корпусу, а 170-я пехотная дивизия была направлена на находившийся под угрозой Керченский полуостров. На северном же участке фронта — по согласованию с командиром 54-го армейского корпуса и командирами дивизий — должна была быть предпринята еще одна, последняя, попытка прорыва к бухте Северной. Как и всегда, войска прилагали все свои силы, 16-му пехотному полку под командованием полковника фон Холтица, наступавшему на направлении главного удара 22-й пехотной дивизии,

удалось еще прорваться в полосу заграждения форта "Сталин"»^[128].

Утром 29 декабря советское командование отдало приказ частям третьего и четвертого секторов перейти в контрнаступление с целью полного восстановления позиций, утраченных накануне. В это же время и противник перешел в наступление на пост Мекензиевы горы и кордон Мекензия № 1с целью развития своего успеха, достигнутого 28 декабря. Разгорелись ожесточенные встречные бои.

В первую половину дня подразделения 1165-го стрелкового полка 345-й стрелковой дивизии, продвинувшись вперед, почти достигли своей цели, но, будучи контратакованы противником, подтянувшим свои резервы, отошли вновь на исходные позиции. С наступлением темноты немцы заняли пост Мекензиевы горы, но дальнейшее продвижение их на юг было остановлено.

На остальных участках фронта в этот день противник активности не проявлял.

Ночью в 1 ч 30 мин 29 декабря в Севастополь из Пота прибыл линкор «Парижская Коммуна». (Подействовал наконец на Октябрьского окрик из Ставки.) Затем «Парижская Коммуна», крейсер «Молотов», эсминцы «Безупречный» и «Смышленный» и тральщик ТЩ-22 вели огонь из Севастопольской бухты по войскам противника на подступах к городу. Линкор произвел главным калибром 135 выстрелов, противоминным калибром — 184 выстрела. «Молотов» — 204 выстрела, «Безупречный» — 58, «Смышленный» — 158, ТЩ-22 — 75 выстрелов.

Т.И. Ванеев, ссылаясь на «Морской сборник» № 1/1967 г., писал: «Только артиллерией линкора было уничтожено 13 танков, 8 орудий крупного калибра, 4 трактора-тягача, 37 автомашин и большое количество живой силы противника»^[129]. И ладно бы сие было написано в 1955 г. или даже в 1975 г., а то ведь в 1995 г.! Ведь стрельба велась по площади по расчету. А Платонов ехидно заметил: «...первая стрельба главным калибром проведена с ошибкой места корабля 30–40 кабельтовых [5556–7408 м. — А.Ш.], так как штурман выдал для расчетов свое место в Стрелецкой бухте, хотя корабль находился в Южной»^[130].

Поздно вечером 29 декабря, стоя на якоре в Севастопольской бухте, «Парижская Коммуна» и «Молотов» обстреляли войска противника на подступах к городу. Линкор главным калибром произвел 36 выстрелов и противоминным — 60, а крейсер выпустил 115 снарядов. В 00 ч 25 мин «Парижская Коммуна» и «Молотов» вышли из Севастополя и в 16 ч 00 мин 30 декабря прибыли в Новороссийск.

На сухопутном фронте 30 декабря весь день шли ожесточенные бои за овладение постом Мекензиевы горы и кордоном Мекензия № 1. Пост переходил из рук в руки несколько раз и к исходу дня остался в руках противника.

Манштейн писал: «Но на этом сила наступающих иссякла. 30 декабря командиры наступающих дивизий доложили, что дальнейшие попытки продолжать наступление не обещают успеха. Командование армии дало приказ окончательно приостановить наступление, после того как веские причины, приведенные им в докладе по телефону штабу фронта, убедили в необходимости этого и Гитлера. Более того, нам пришлось скрепя сердце отдать приказ об отводе войск с северного участка фронта на высоты севернее долины Бельбека. Без этой меры было бы невозможно высвободить необходимые силы. Нашим войскам, глубоко вклинившимся в расположение противника, трудно было бы долго держаться. То, что Гитлер был недоволен этим решением (хотя и не мог изменить его), так как оно противоречило только что отданному им строгому приказу, запрещавшему добровольно оставлять что-либо, ничего не значило в сравнении с ответственностью, которую я испытывал перед войсками, понесшими такие большие потери. Но, именно думая о своих войсках и о том, как сохранить людей, мне пришлось принять ЭТО решение.

Итак, первая попытка штурмом взять крепость Севастополь потерпела неудачу. За нами осталось преимущество более плотного окружения крепости, для которого требовалось меньше сил; мы также захватили удобные исходные позиции для последующего наступления. 30-й армейский корпус на юге также захватил важные пункты на местности, необходимые для последующего наступления. Но это было слабым утешением, если учитывать понесенные жертвы»^[131].

Тем не менее советские историки считают датой прекращения второго штурма Севастополя не 30, а 31 декабря 1941 г. В этот день немцы атаковали наши позиции в направлении деревни Буденновка. В 10 часов утра два батальона немцев с шестью танками атаковали наши части, находившиеся к югу от поста Мекензиевы горы. Огнем артиллерии и контратакой нашей пехоты к 12 ч 30 мин атака немцев была отбита.

В 12 ч 35 мин в том же направлении два свежих батальона немцев пошли во вторую атаку. Одновременно еще один немецкий батальон атаковал наши позиции в направлении кордона Мекензия № 1. Атаки эти так же были отбиты.

В 16 ч 00 мин немцы, перегруппировавшись, произвели третью атаку, но уже силами до полка. Разгорелся ожесточенный бой. Под давлением

превосходящих сил противника наши части немного отошли и закрепились на рубеже — южная окраина поста Мекензиевы горы и кордон Мекензия № 1.

Глава 15. Десант в Керчь

В советской военно-исторической литературе значение Керченско-Феодосийской операции сознательно преуменьшалось. Ее главной целью считалось ослабление немецкого давления на Севастополь и захват Керченского полуострова. На самом же деле планом операции предусматривался морской десант в Алуште, марш-бросок войск с Ак-Манайской позиции на Керченский полуостров к Перекопу и т. д., то есть планировалось вообще выбить немцев из Крыма. И, по мнению автора, такая возможность была. Другой вопрос, что позже наши историки стали задним числом подгонять первоначальные планы под результаты операции.

На начальной стадии операции командование Закавказского фронта поставило следующие задачи:

Керченской ВМБ, оперативно подчиненной командованию 51-й армии, обеспечить форсирование войсками 51-й армии Керченского пролива и действия высадившихся войск по овладению городом и портом Керчь.

Азовской военной флотилии, также оперативно подчиненной командованию 51-й армии, высадить десант в пунктах: Ак-Манай, Арабат, Новый Свет, Мама Русская и мыс Хрони.

Черноморскому флоту произвести высадку морского десанта в составе до трех пехотных дивизий 44-й армии в Феодосии и высадить тактический десант силой до полка в районе горы Опук. Огнем корабельной артиллерии подавить сопротивление врага в районах высадки и обеспечить высадку, оборону и наступление войск 44-й армии в глубь полуострова. Системой мелкого десанта и высадкой диверсионных групп в пунктах Сыпной пункт, Коктебель, Сарыголь и других не допустить движения противника по дорогам вдоль побережья Черного моря на участках Алушта — Феодосия и гора Опук.

Азовская военная флотилия должна была в соответствии с указаниями командующего 51-й армией в пять часов утра 26 декабря 1941 г. высадить десанты: в пункте Казантип — 500 человек, в районе мыса Зюк — 2900 человек, в районе мыса Тархан — 400 человек, в районе мыса Хрони — 2716 человек и в районе Еникале — 1000 человек.

Для выполнения этих операций командующий Азовской флотилией организовал пять отрядов высадки.

Первый отряд в составе тральщиков ТЩ-61 и «Акула» и двух сейнеров. Пункт высадки — Казантип.

Второй отряд в составе двух групп: западной и восточной. В западную группу входили канонерская лодка «Дон», транспорт «Красный Флот», самоходная шаланда «Фанагория» с минной баржей, буксир «Никополь» с баржей «Хопер», самоходная шаланда «Гардипия» и 11 сейнеров. Пункт высадки — западный берег мыса Зюк. В восточную группу входили транспорт «Пенай» и пять сейнеров. Пункт высадки — восточный берег мыса Зюк.

Третий отряд в составе катера-тральщика «Ураган» землесоса «Ворошилов», самоходной шаланды «Танаис» и двух сейнеров. Пункт высадки — мыс Тархан.

Четвертый отряд в составе двух групп: западной и восточной. В западную группу входили канонерская лодка «Днестр», транспорт «Ейск», буксир «Дофиновка» с баржей «Таганрог» и три сейнера. Пункт высадки — западный берег мыса Хрони. В восточную группу входили канонерская лодка КЛ-4, тральщики «Советская Россия» и «Белобережье» и три сейнера. Пункт высадки — восточный берег мыса Хрони.

Пятый отряд в составе тральщиков ТЩ-65 и «Кизилташ», буксира «Урицкий» с баржей «Должанка» и 10 сейнеров. Пункт высадки — Еникале.

В 12 часов 24 декабря 1941 г. командование Азовской флотилии получило приказ командующего 51-й армией о начале операции. В этот день с наступлением темноты в порту Темрюк начали сосредотачиваться войсковые части 224-й стрелковой дивизии, и в 20 часов началась посадка их на корабли, которая в основном завершилась к рассвету 25 декабря. Только незначительная часть войск закончила посадку к 10 часам. Всего на корабли первого отряда было принято 530 человек, второго отряда — 2883 человека, третьего отряда — 1070 человек, четвертого отряда — 2198, пятого отряда — 1000 человек.

Высадка у мыса Зюк происходила следующим образом. В семь часов утра 26 декабря корабли второго отряда под прикрытием дымзавесы, поставленной катером СКА-0123, подошли к мысу Зюк и, подавив две 47-мм батареи противника, начали высадку десанта. Ветер был западный силой 5–6 баллов.

Сейнеры из-за осадки не могли подойти близко к берегу, а спущенные с них шлюпки волной были выброшены на берег и разбиты. Поэтому как можно ближе к берегу была подтянута баржа «Хопер», к которой могли подходить сейнеры, а с нее в воду в сторону берега были спущены сходни. Высаживаясь через баржу, десантники по грудь в воде выходили на берег. С транспорта «Пенай» катера СКА-0123 и СКА-0128 перевозили войска на

берег.

В 10 ч 30 мин к берегу западнее мыса Зюк подошел первый отряд. В его задачу входило высадить десант в заливе Казантип, но из-за шторма отряд туда не попал, а оказался у мыса Зюк, где по приказу командующего флотилией начал высадку.

С 10 ч 50 мин начались налеты немецкой авиации на корабли и средства высадки десанта. На транспорте «Пенай» были убитые и раненые, осколками бомб разбиты шлюпки и повреждены надстройки. На транспорте «Красный Флот» близким разрывом бомбы был поврежден корпус, и образовалась течь. Шаланда «Фанагория» (295 т) была потоплена. На ней погибло до 100 бойцов. Один сейнер первого отряда при ударе о камни получил пробоину, и десант с него пришлось пересадить на тральщик ТЩ-61. Катера-тральщики «Акула» и КАТЩ-587 волной выбросило на берег.

В 13 ч 00 мин первый отряд, высадив у мыса Зюк 290 человек, перешел в бухту Чокрак, но там, встретив сильное противодействие артиллерии и авиации противника, не стал высаживать десант, а ушел к мысу Хрони.

Второй отряд продолжал высадку до полуночи, но она шла медленно из-за противодействия немецкой авиации. С наступлением темноты баржу «Хопер» удалось подтянуть еще ближе к берегу и через нее выгрузить танки и артиллерию.

К исходу суток командир второго отряда доложил командующему Азовской флотилии обстановку у мыса Зюк и просил разрешения остальную часть десанта высадить у мыса Хрони. Получив разрешение, отряд ушел к мысу Хрони.

Таким образом, у мыса Зюк 26 декабря было высажено только 1378 человек и выгружено три танка Т-26, два 37-мм и два 76-мм орудия и девять 120-мм минометов.

А теперь перейдем к высадке у мыса Тархан. К рассвету 26 декабря в район высадки подошел только землесос «Ворошилов» (980 т), а затем катер-тральщик «Ураган». Остальные корабли третьего отряда запаздывали.

Единственным средством высадки у землесоса оказались две шлюпки, и к 12 часам на них удалось высадить на берег только 18 человек. В 12 ч 45 мин «Ворошилов» был атакован самолетами противника и попаданием двух бомб потоплен. Погибло 450 человек. Подошедшие к этому времени другие корабли отряда подобрали только 200 человек. От дальнейшей высадки командир третьего отряда отказался и повернул в Темрюк. Таким

образом, высадка у мыса Тархан вообще сорвалась.

В 6 ч 30 мин 26 декабря к мысу Хрони подошли западная группа четвертого отряда. Буксир «Дофиновка» с баржей «Таганрог» и транспорт «Ейск» с сейнерами направились прямо в бухту Булганак и в 7 ч 30 мин приткнулись к берегу. Канонерка «Днестр» прикрывала высадку, оставаясь мористее.

Тут с мыса немцы начали минометный обстрел наших кораблей. Канонерка «Днестр», подойдя ближе, стала подавлять своей артиллерией огневые точки противника. Тогда немцы перенесли огонь на «Днестр».

К 10 ч 30 мин западная группа четвертого отряда без потерь высадила десант. «Ейск» отошел от берега и направился к косе Чушка за вторым эшелоном десанта, а буксир с сейнерами отошли к «Днестру». Баржу же оставили у берега в качестве пристани.

В это время к бухте подошли корабли восточной группы четвертого отряда, которым не удалось высадить десант в назначенном месте — восточнее мыса Хрони. Здесь они тоже без потерь высадили войска. Тральщик «Белобережье» отправился в Кучугуры за вторым эшелоном, а КЛ-4 присоединилась к «Днестру», и они стали вместе прикрывать артиллерийским огнем действия высадившихся десантных частей. При отражении налета немецкой авиации с «Днестра» был сбит один Ю-88.

В 16 ч 00 мин того же дня по приказу командующего флотилией для развития успеха четвертого отряда к мысу Хрони подошел пятый отряд, который сразу же попал под обстрел противником с берега. Командир отряда, вместо того чтобы начать высадку, отошел от берега на 3–4 мили и в 17 ч 00 мин стал на якорь, не используя наступавшую темноту для выполнения поставленной ему задачи.

В два часа ночи 27 декабря пятый отряд снялся с якоря и снова пошел к берегу для высадки десанта. Но из-за большой волны командир снова отказался от высадки и в шесть часов утра ушел в Темрюк, куда и прибыл к 17 часам того же дня.

Всего к 13 часам 26 декабря в бухте Булганак высадилось 1452 человека с двумя 76-мм и двумя 45-мм орудиями, тремя танками Т-26, штабом 143-го стрелкового полка и штабом 83-й особой стрелковой бригады.

В ночь на 27 декабря к мысу Хрони вторично прибыл тральщик «Белобережье» со вторым эшелоном десанта. Подойдя в темноте к барже, он начал через нее высаживать бойцов, но, высадив 250 человек (около 75 %), под воздействием огня противника был вынужден отойти.

Из-за отсутствия единого руководства в пункте высадки и слабой

огневой поддержки кораблей, подошедшие утром 27 декабря со вторым эшелоном и с остатками десанта первого и второго отрядов, не смогли произвести высадку и были вынуждены вернуться в Темрюк.

На переходе этих кораблей к месту высадки немецкая авиация потопила баржу № 59 (500 т) из второго эшелона. Погибло около 400 человек. При возвращении кораблей, в районе мыса Ахиллеон были сильно повреждены транспорт «Пенай» и тральщик «Кизилташ». «Пенай» (548 т) выбросился на берег, на нем погибло 110 человек. А «Кизилташ» был отбуксирован канлодкой «Днестр» к поселку Кучугуры.

Только к утру 28 декабря прекратился шторм. В семь часов в бухту Булганак прибыла шаланда «Танаис» с сейнерами и пришвартовалась к барже. Несмотря на артиллерийский, минометный и пулеметный огонь противника, корабли полностью высадили десант в количестве 400 человек, потеряв при этом убитыми 12 и ранеными 19 бойцов.

В тот же день с 15 ч 00 мин до 18 ч 00 мин из Темрюка вышел отряд кораблей в составе транспорта «Ейск», тральщиков ТЩ-65 и «Советская Россия», буксира «Дофиновка» с баржой, буксира «Шторм» с баржой, сторожевых катеров СКА-0123 и СКА-0128. На борту этих судов находились части десанта второго эшелона в количестве 2213 бойцов с тремя танками, пятнадцатью орудиями, минометами и боезапасом.

«Советская Россия», как самая быстроходная, во время перехода оторвалась от остальных кораблей и, допустив ошибку в счислении, оказалась на шесть миль западнее мыса Хрони, то есть в районе мыса Тархан. Здесь и был высажен десант, поскольку командир тральщика решил, что это и есть район мыса Хрони. Как в песне про матроса Железняка: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону...» Но, докладывая по радио в штаб Азовской флотилии, командир тральщика опять напутал и вместо мыса Хрони указал Еникале. В штабе тоже особо вникать не стали и передали информацию в штаб 51-й армии.

А остальные корабли продолжали идти к мысу Хрони. Тут канонерка КЛ-4 подобрала шлюпку с командиром и одиннадцатью бойцами, которые показали, что берег и район Хрони занят противником и что высаженные там 26 и 27 декабря части десанта уничтожены. Об этом тут же было доложено в штаб 51-й армии. Командующий армией приказал проверить это сообщение.

В час ночи 29 декабря отряд кораблей со вторым эшелоном десанта подошел к мысу Хрони. Разведка боем, произведенная на катере СКА-0128, подтвердила, что район высадки и все прилегающие высоты действительно заняты немцами. Об этом сообщили командиру 224-й стрелковой дивизии,

находившемся на ТЩ-61. При этом командир отряда высадки предложил все же десант высаживать, но командир дивизии решил ждать дальнейших распоряжений командующего 51-й армией, которому доложил обстановку.

А в это время комиссар Азовской флотилии доложил командующему флотилией, что корабли к высадке готовы. И командующий приказал начать высадку десанта у мыса Хрони, но в случае сильного противодействия противника перенести высадку в Еникале, и там высадить десант даже в светлое время суток.

Командир отряда высадки, находившийся в это время на СКА-0128 на разведке огневых точек в бухте Булганак, передал по радио полученное приказание на ТЩ-61 комдиву и направился к месту стоянки отряда. Но, прибыв туда, он обнаружил лишь транспорт «Ейск» и два сейнера. Эти корабли были направлены к берегу и под прикрытием огня СКА-0128, несмотря на плотный огонь немцев, начали высаживать десант. «Ейск» был сильно поврежден и не смог отойти от берега, но десант высадил полностью.

А командир 224-й дивизии, получив по радио приказ командующего флотилией, разрешавшего ему в случае невозможности высадки у Хрони произвести высадку в Еникале, ушел туда на тральщике ТЩ-61 с двумя баржами и двумя сейнерами, не удосужившись сообщить об этом командиру отряда высадки. Но и до Еникале комдив не дошел, приказав из-за усилившегося шторма вообще отказаться от высадки и возвращаться в Темрюк.

На следующий день, 30 декабря, к мысам Зюк и Хрони отправились СКА-0128 и два сейнера с продовольствием и боеприпасами для высаженных там частей, но из-за шторма они не смогли разгрузиться и 1 января 1942 г. вернулись в Темрюк.

30 декабря командование 51-й армии и Азовской флотилии подготовило еще один отряд для высадки у мыса Хрони или Еникале — как получится. В отряд вошли канонерка КЛ-4, тральщики ТЩ-65 и «Белобережье», буксир «Никополь» с баржой, самоходная шаланда «Гардипия», транспорт «Кузбасс» с баржой № 44 и 12 сейнеров. На корабли погрузили 1300 десантников, матчасть 11-го арtpолка, три танка Тг26 и автомашину. Но утром 31 декабря было получено сообщение о взятии нашим десантом Керчи, и армейские части, погруженные на эти корабли, были направлены в Керчь, куда и прибыли к утру 1 января.

К 1 января 1942 г. канал порта Темрюк и Азовское море замерзли, и выход кораблей из Темрюка был прекращен.

Таким образом, за всю операцию кораблями Азовской флотилии были

высажены: у мыса Зюк — 1373 человек, три танка, одна автомашина, два 76-мм и два 37-мм орудия, девять 120-мм минометов; у мыса Хрони — 2034 человека, три танка, два 76-мм и два 45-мм орудия; у мыса Тархан — 18 бойцов; перевезены в Керчь — 1300 бойцов, три танка и одна автомашина.

Авиация противника потопила пять кораблей и три сейнера. Авиацией и штормом были повреждены четыре корабля и 19 сейнеров. Погибло 1270 человек.

А теперь перейдем к действиям Керченской ВМБ. Базе была поставлена задача высадить десант в составе 302-й горнострелковой дивизии в районах: Камыш-Бурун, Эльтиген и коммуна «Инициатива».

Командир базы принял решение высаживать десант в пунктах Старый Карантин, Камыш-Бурун, Эльтиген, маяк Нижне-Бурунский и коммуна «Инициатива». Главное направление высадки — Камыш-Бурун. Первый бросок (по 325 бойцов) произвести в каждом пункте высадки с двух торпедных катеров и четырех сейнеров. Высадку произвести в темное время суток без предварительной артподготовки. Огневые точки противника, выявленные в период боя за время высадки, подавить огнем сторожевых и торпедных катеров, а также Керченской ВМБ и 25-го артполка с Таманского полуострова по заранее прострелянным рубежам и при помощи корректировочных постов. Днем высадку прикрывать дымзавесами с торпедных катеров. Для отвлечения внимания противника произвести демонстративные высадки небольших групп бойцов у завода им. Войкова и на мысе Ак-Бурун. С воздуха высадку должна была прикрывать авиация 51-й и 44-й армий.

В соответствии с этим решением было организовано три отряда кораблей. В состав первого отряда с первым броском десанта вошли восемь торпедных катеров, два сторожевых катера и четыре группы сейнеров, по пять сейнеров в каждой. Во второй отряд (с первым эшеломом) вошли шесть торпедных катеров, два сторожевых катера и три группы сейнеров по четыре сейнера в каждой. Третий отряд с первым эшеломом десанта составляли шесть торпедных катеров, два сторожевых катера и три группы плавсредств. В каждую группу входил буксир с баржой или болиндером и три сейнера.

24 декабря командир Керченской ВМБ получил приказание произвести высадку десанта в ночь на 26 декабря. К рассвету 25 декабря закончилось сосредоточение кораблей и средств высадки в селе Комсомольск и городе Тамань. В 16 ч 00 мин началась посадка десанта на корабли, которая должна была завершиться к часу ночи 26 декабря. Но к этому времени

успел загрузиться лишь первый отряд, а остальные отряды закончили посадку на час-два позднее. Всего на корабли было принято: первым отрядом — 1154 человека, вторым отрядом — 744 человека, третьим отрядом — 3327 человек, 29 орудий и три миномета.

В пять часов утра корабли первого отряда подошли к Эльтигену, Камыш-Буруну и Старому Карантину и начали высадку. У Камыш-Буруна первый бросок десанта высадился внезапно и, не встретив сопротивления немцев, захватил Камыш-Бурунскую косу и пристань судоремонтного завода, закрепившись там.

В селе Старый Карантин удалось высадить лишь 55 десантников во главе с командиром и комиссаром пункта высадки. В течение дня эта группа вела бой с численно превосходящим противником и, так и не дождавшись подкрепления, стала пробиваться к Камыш-Буруну. Только нескольким бойцам и комиссару удалось на случайно найденной шлюпке добраться до своих кораблей, а остальные погибли.

У Эльтигена высадилось только 19 бойцов во главе с командиром и комиссаром пункта высадки. Они были тут же окружены немцами и весь день вели упорный бой. Прорваться к своим в Камыш-Бурун удалось лишь командиру и одному бойцу.

В семь часов утра 26 декабря к Камыш-Бурунской косе, пристани судоремонтного завода и селению Эльтиген под прикрытием дымзавес подошел второй отряд кораблей — двенадцать сейнеров, шесть торпедных катеров и два сторожевых катера. Основная часть десанта высадилась в районе Камыш-Бурунской косы и пристани судоремонтного завода. Высадку поддерживали огнем 140-й отдельный артдивизион, 25-го корпусного арtpолка и сторожевые катера. Немцы оказывали сильное противодействие артиллерийским, минометным и пулеметным огнем.

У Эльтигена высадка снова сорвалась, так как немцы обрушили на наш десант шквал огня и удары бомбардировочной авиации. Часть десанта высадилась севернее Эльтигена, а остальные сейнеры, оставив попытки подойти к берегу, ушли к Тамани.

В 13 часов 26 декабря к Камыш-Буруну подошел третий отряд кораблей (девять сейнеров, три буксира, две баржи и болиндер). При поддержке огня 140-го отдельного артдивизиона и сторожевых катеров, прикрываясь дымзавесами торпедных катеров, под непрерывным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, под ударами бомбардировочной авиации противника отряд начал высадку десанта на пристань судоремонтного завода и Камыш-Бурунскую косу.

От попадания бомбы одна баржа загорелась и после ликвидации

пожара возвратилась в Тамань. Другая баржа затонула у места высадки, при этом часть десанта погибла, но все же 500 человек успели высадиться на Камыш-Бурунскую косу.

Таким образом, корабли Керченской ВМБ за 26 декабря высадили 2175 человек. Частям, высадившимся в Камыш-Буруне, удалось закрепиться на его южной окраине, в районе судоремонтного завода и на Камыш-Бурунской косе.

27 декабря резко ухудшилась погода, ветер усилился до 7–8 баллов. Поэтому в этот день переброску войск через Керченский пролив не производили. Но захваченный плацдарм в Камыш-Буруне наши десантники удерживали прочно, и возможность высадки вторых эшелонов десанта была обеспечена.

28 декабря ветер стих, погода наладилась, и в течение 28 и 29 декабря переброска новых эшелонов войск в район Камыш-Буруна производилась непрерывно. К вечеру 29 декабря средствами Керченской ВМБ в этот район было переброшено 11225 бойцов, 47 орудий, 12 автомашин, 229 пулеметов, 210 лошадей, 14 повозок и 198 минометов.

За время всей операции артогнем и авиацией противника были потоплены один сторожевой катер, пять торпедных катеров, один буксир, один болиндер и одна баржа. Потери в личном составе военно-морской базы и десантных отрядов составили убитыми и ранеными 350–400 человек.

В результате успешной высадки десанта Черноморского флота в Феодосии 29 декабря противник начал отходить от Керчи.

Ночью 29 декабря группа разведчиков во главе с начальником штаба Керченской ВМБ проникла в Керчь. Разведчики обнаружили, что немцы оставили город и отошли на запад. В 6 ч 30 мин 30 декабря начальник штаба донес об этом командиру Керченской ВМБ.

Почему немцы оставили Керчь, мы узнаем немного позднее, а пока перейдем к действиям отряда высадки «Б» (Черноморского флота), который предполагалось посадить у горы Опук.

В девять часов утра 25 декабря 1941 г. отряд высадки «Б» в составе канонерских лодок «Красная Абхазия», «Красная Грузия» и «Красный Аджаристан», сторожевого корабля «Кубань» и болиндера сосредоточились в Анапе для посадки десантных частей. Но посадка задержалась, так как 105-й стрелковый полк, назначенный в десант, опаздывал. После полудня погода резко ухудшилась, на море поднялась зыбь, и это еще больше замедлило посадку и задержало выход кораблей в море. К полуночи на канонерки было принято 2393 человека, четырнадцать 76-мм орудий и

шесть 120-мм минометов. Из-за большой зыби на корабль «Кубань» и болиндер посадку вообще не производили.

В 00 ч 38 мин 26 декабря отряд вышел в море. В четыре часа утра в море вышел СКР «Кубань». Буксир «СП-15» с болиндером остались на рейде, потому что капитан буксира в темноте не заметил выхода канонерок. Вышедшие же корабли в темноте вскоре потеряли ДРУГ друга и следовали к месту высадки каждый самостоятельно. Ветер в момент перехода был южный силой 8–9 баллов.

На рассвете 26 декабря командир отряда «Б» на канонерке «Красный Аджаристан» прибыл к месту высадки десанта и нашел там только шесть сторожевых катеров из группы высадочных средств. Не обнаружив кораблей своего отряда, командир решил вернуться в Анапу и вновь сосредоточить там отряд, чтобы высадить десант на рассвете 27 декабря. По радио он приказал кораблям своего отряда сосредоточиться у Анапы.

К 16 часам 26 декабря весь отряд — три канонерки, транспорт «Кубань» с 627 бойцами, пятью 76-мм и четырьмя 45-мм орудиями, сторожевой корабль «Кубань», шесть сторожевых катеров и буксир «СП-15» с болиндером — сосредоточился у Анапы и пошел в район высадки. Но вскоре после выхода командир отряда вернул СКР «Кубань» в Анапу, так как выяснил, что на нем нет десантных войск.

К 17 часам южный ветер сменился северо-западным, дувшим с прежней силой. Поднялась снежная пурга, видимость снизилась до полукабельтова. Командир отряда несколько раз просил у Военного Совета Черноморского флота разрешения отложить высадку до улучшения погоды. Но Военный Совет категорически приказал выполнить поставленную задачу, а в случае неблагоприятных метеорологических условий высадить десант в Керченском проливе. Но связь с командиром отряда была нарушена, так как он перенес свой флаг с «Красной Грузии» на «Красный Аджаристан», не поставив в известность об этом Военный Совет Черноморского флота. И поэтому последнего приказа командир отряда не получил. В два часа ночи 27 декабря он снова повернул к Анапе.

В 11 часов 27 декабря отряд высадки «Б» подошел к Анапе и здесь получил приказание Военного Совета флота следовать в Новороссийск. При подходе к Новороссийску командир отряда высадки «Б» получил новое приказание — на рассвете 29 декабря высадить десант в районе села Камыш-Бурун.

В 21 ч 17 мин отряд вошел в порт Новороссийск и начал приемку угля и продуктов. К 17 часам 28 декабря отряд вышел в море для выполнения поставленной задачи. К этому времени, как мы знаем, пристань

судоремонтного завода в селении Камыш-Бурун и Камыш-Бурунская коса были уже заняты частями десанта Керченской ВМБ и туда перевозились вторые эшелоны. Таким образом, отряд высадки «Б» вместо решения самостоятельной задачи по высадке десанта у горы Опук включился в операцию по переброске вторых эшелонов войск 51-й армии на Керченский полуостров.

По замыслу Военного Совета флота высадку отряда «Б» у горы Опук должен был обеспечивать отряд корабельной поддержки в составе крейсеров «Красный Кавказ», «Красный Крым» и эсминцев «Незаможник» и «Шаумян».

Для выполнения этой задачи отряд корабельной поддержки в ночь на 25 декабря вышел в море. В 4 ч 30 мин 26 декабря «Красный Кавказ» и «Незаможник» подошли к месту высадки в районе горы Опук, но отряда высадки «Б» там не обнаружили. В это время «Красный Крым», обстреляв Феодосию, в 7 ч 50 мин присоединился к «Красному Кавказу». Весь день, до 19 часов, отряд корабельной поддержки находился в море в районе горы Опук и города Анапа, тщетно пытаясь обнаружить отряд высадки «Б» и связаться с ним.

В 15 ч 31 мин крейсера были безуспешно атакованы немецкими торпедоносцами^[132]. В 20 ч 39 мин по приказанию начальника штаба Черноморского флота крейсер «Красный Кавказ» обстрелял район горы Опук и селения Дженки. Противник с берега не отвечал.

В 22 ч 58 мин 26 декабря в полутора милях от назначенного места высадки (пристань Дуранде) отряд корабельной поддержки стал на якорь. Погода в этом районе благоприятствовала операции: ветер стих до 3–4 баллов, низкая облачность мешала действиям авиации противника, наката волны на берег не было.

В 7 ч 02 мин 27 декабря отряд корабельной поддержки, не дождавшись отряда высадки «В», снялся с якоря и ушел в Новороссийск, куда и прибыл в тот же день в 13 ч 43 мин.

Глава 16. Десант в Феодосию

По приказу командующего Черноморским флотом была создана следующая организация отряда высадки «А» (командир отряда капитан 1 ранга Басистый):

Отряд корабельной поддержки в составе крейсеров «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцев «Незаможник», «Шаумян» и «Железняков». Отряд дислоцировался в Новороссийске.

Первый отряд транспортов в составе транспортов «Зырянин», «Ташкент», «Жан-Жорес», «Красный Профинтерн», «Ногин», «Шахтер» и «Азов» с дислокацией в Новороссийске.

Отряд охранения первого отряда транспортов в составе эсминцев «Бодрый» и «Бойкий», а также двух базовых тральщиков, с дислокацией в Новороссийске.

Второй отряд транспортов в составе транспортов «Калинин», «Димитров», «Курск», «Красногвардеец», «Серов», «Фабрициус» и «Березина».

Отряд охранения второго отряда транспортов в составе лидера «Ташкент», эсминцев «Способный» и «Сообразительный» и двух базовых тральщиков, с дислокацией в Туапсе.

Отряд высадочных средств в составе двух базовых тральщиков, двух буксиров, 15 сторожевых катеров и 6—10 самоходных барж.

План по захвату Феодосии заключался в следующем: до рассвета 29 декабря в Феодосийском порту высаживались специальные штурмовые отряды, а также десантники первого броска, доставленные из Новороссийска на боевых кораблях отряда корабельной поддержки и сторожевых катерах отряда высадочных средств. Этим создавалась возможность в условиях оборудованного порта быстро высадить с транспортов десант в составе трех стрелковых дивизий.

В 13 ч 00 мин 28 декабря в Новороссийске началась посадка первого броска десанта (251-го и 633-го стрелковых полков) на суда отряда корабельной поддержки, включая транспорт «Кубань». К 19 часам посадка закончилась. На суда было принято 5119 человек, 72 лошади, 14 76-мм и четыре 45-мм орудия, шесть минометов, 30 автомашин, 19 повозок, 100 т боезапаса, 56 т продовольствия и фуража и 12 т других грузов.

В 17 ч 00 мин на 12 сторожевых катеров отряда высадочных средств было посажено 300 бойцов штурмового отряда.

В 15 ч 00 мин первым из Новороссийска вышел транспорт «Кубань» в охранении двух сторожевых катеров отряда высадочных средств.

В 17 ч 20 мин вслед за «Кубанью» вышел отряд высадочных средств в составе сторожевых катеров СКА-013, 0131, 054, 061, 032, 097, 098, 0141 и 0146 и тральщики ТЩ-14 и ТЩ-16.

В 18 ч 20 мин из Новороссийска вышли эсминцы «Шаумян», «Незаможник» и «Железняков», а в 19 ч 00 мин крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым».

Отряд корабельной поддержки и отряд высадочных средств следовали к пункту высадки (в Феодосию) совместно в одном походном порядке, а транспорт «Кубань» шел самостоятельно в охранении сторожевых катеров.

Погода в начале перехода благоприятствовала: ветер южный 3 балла, море 2 балла, видимость хорошая. Отряд шел со скоростью 16 узлов. Но ночью ветер усилился до 6–7 баллов и сменился на юго-западный. Сторожевые катера начали отставать, и эскадренный ход уменьшили до 14 узлов.

Меры навигационного обеспечения перехода полностью гарантировали точность движения отрядов, а подход к Феодосии был обеспечен буями, выставленными с подводных лодок, и огнями прожекторов подводных лодок «Щ-201» и «М-51».

В 3 ч 05 мин 29 декабря отряд корабельной поддержки, подойдя к Феодосии, перестроился в строй кильватера, имея в голове эсминец «Шаумян». Отряд высадочных средств, шедший в двух колоннах на траверзе крейсеров, уменьшил ход и вступил в кильватер отряду корабельной поддержки, готовясь к прорыву в порт.

В 3 ч 45 мин отряд корабельной поддержки лег на боевой курс и, уменьшив ход до 5–6 узлов, в 3 ч 50 мин открыл огонь по порту Феодосия и селению Сарыголь. Эсминцы «Железняков» и «Шаумян» вели огонь осветительными снарядами для освещения порта. Через несколько минут немцы начали отвечать артиллерийским огнем также с применением осветительных снарядов, но попаданий в наши корабли не было.

С открытием огня сторожевые катера из отряда высадочных средств начали движение мимо феодосийского мыса ко входу в порт, следуя под берегом в темноте.

В 4 ч 03 мин по сигналу с «Красного Кавказа» огонь был прекращен, и сторожевые катера начали прорыв в порт, а отряд корабельной поддержки по сигналу «всем вдруг» повернул на обратный курс.

За время с 3 ч 50 мин до 4 ч 03 мин было выпущено 26 180-мм, 81 130-мм, 25 100-мм, 27 осветительных и 320 45-мм снарядов.

К моменту сигнала о прорыве командир отряда высадочных средств подвел сторожевые катера к Феодосийскому маяку и с получением сигнала прорвался в гавань в проход между маяками и боном.

Сторожевой катер СКА-0131 первым ворвался в Феодосийскую гавань и под огнем немецких автоматчиков высадил группу штурмовиков на защитный мол, захватил маяк и взял трофеи — две противотанковые пушки, стрелковое оружие и боезапас.

Вслед за ним в гавань вошел СКА-013с командиром отряда высадочных средств на борту. Он «прочесал» артиллерийским огнем все причалы и подошел к бонам, чтобы проверить, как СКА-0146 и СКА-0147 выполнили задачу по открытию боновых ворот. Эти сторожевые катера не были обнаружены, но было установлено, что боновые ворота открыты. В 4 ч 12 мин командир отряда высадочных средств дал сигнал отряду корабельной поддержки: «вход в гавань соблюден» и, стоя у ворот, зелеными проблесками обозначал вход в гавань для эсминцев. С подходом последних он осветил им проход ракетами. После этого СКА-013 подошел к Широкому молу, высадил 13 разведчиков и трех краснофлотцев для приема концов с крейсера «Красный Кавказ».

В 4 ч 09 мин 29 декабря СКА-051 и в 4 ч 15 мин СКА-052 высадили в порту штурмовые группы по 43 человека каждый и в дальнейшем перевозили десант с крейсеров «Красный Крым» и «Красный Кавказ».

Сторожевой катер СКА-032 вошел в порт и высадил штурмовую группу лишь в 5 ч 30 мин, СКА-061 — в 5 ч 40 мин, а СКА-097 — в 6 ч 15 мин. На первом катере испортилось рулевое управление, и он вошел в гавань, управляясь ручным рулем и оборотами моторов. Второй катер опоздал из-за перебоев мотора. Командир третьего катера, не бывавший ранее в районе Феодосии, долго не мог найти входа в гавань.

Катер СКА-098 со штурмовой группой, командир которого также ни разу не был в Феодосии, по невыясненным причинам выбросился на берег в районе селения Сарыголь.

Таким образом, только первые четыре сторожевых катера выполнили боевую задачу, высадив 145 бойцов штурмовых групп.

В 4 ч 40 мин 29 декабря эсминец «Шаумян» прошел боновые ворота и первым из крупных кораблей вошел в Феодосийскую гавань. Вслед за ним в 4 ч 56 мин вошел эсминец «Незаможник», а в 5 ч 00 мин — «Железняков».

«Шаумян» под огнем противника подошел к широкому молу и в 5 ч 51 мин закончил высадку десанта. Попаданием снаряда на нем была сбита грот-мачта, убито два и ранено семь человек. Одновременно эсминец вел

огонь по огневым точкам противника. После высадки десанта «Шаумян» вышел на рейд и оттуда продолжал периодически обстреливать по указаниям корректировочных постов батареи и огневые точки немцев.

«Незаможник», подойдя к стенке в юго-западной части гавани, в 5 ч 10 мин начал высадку десанта и в 5 ч 35 мин закончил ее. При швартовке он повредил форштевень выше ватерлинии и в 9 ч 15 мин был направлен в порт Новороссийск, куда и дошел 7-узловым ходом.

«Железняков», подойдя к стенке в южной части гавани, в 5 ч 40 мин приступил к высадке десанта и закончил ее в семь часов. В момент подхода к пристани в кают-компанию эсминца попала мина, в результате чего было убито семь бойцов корректировочной группы. После высадки десанта «Железняков» вышел на рейд.

В 4 ч 35 мин крейсер «Красный Крым» стал на якорь в двух кабельтовых от феодосийского широкого мола и в 4 ч 48 мин начал высаживать десант сначала с помощью четырех барказов, а затем — шести сторожевых катеров и ТЩ-14. Высадка была закончена в 9 ч 15 мин, за это время в крейсер попало восемь снарядов и три мины. Были выведены из строя 130-мм орудия № 3, 7 и 12. Убито 18 и ранено 46 человек из команды и десанта.

Одновременно «Красный Крым» сделал несколько одиночных выстрелов по огневым точкам противника в порту и на мысе Илья по скоплениям германских войск прямой наводкой с дистанции 4—12 кабельтовых. После высадки десанта крейсер снялся с якоря и отошел к югу.

В 5 ч 02 мин «Красный Кавказ» под артиллерийским и минометным огнем противника подошел к внешней Стороне феодосийского широкого мола и начал швартоваться, одновременно высаживая десант с помощью барказов. Швартовке мешал сильный отжимной юго-западный ветер силой до 6 баллов. Буксиров в этот момент не оказалось. И лишь к 7 ч 15 мин крейсеру удалось поджаться кормой к молу и подать на берег сходни. После этого высадка пошла успешнее, но выгрузить артиллерию и автомашины было невозможно, так как причал был очень загроможден.

В 8 ч 08 мин высадка десантников была закончена. К этому времени немцы еще более усилили огонь по крейсеру, и было решено отойти от мола, не разгружая матчасти артиллерии и автомашины. В 8 ч 10 мин «Красный Кавказ» отошел от мола, и только в 16 ч 00 мин ему удалось перегрузить артиллерию и автомашины десанта на подошедший транспорт «Азов».

Крейсер получил несколько повреждений от артиллерийского и

минометного огня противника. В 5 ч 08 мин ему в район первой трубы попали две мины, вызвавшие пожар, который был ликвидирован через семь минут. В 5 ч 21 мин в переднюю часть второй башни попал артиллерийский снаряд, пробил броню и разорвался внутри башни. Загорелись заряды, но благодаря быстрым и умелым действиям личного состава зарядного отделения и этот пожар через четыре минуты был ликвидирован.

Видимо, немцы пристрелялись по «Красному Кавказу», так как начались попадания снарядов в мостик. Были ранены военком корабля и начальник Медико-санитарного управления ВМФ. На сигнальном мостике были убиты флагманский связист штаба высадки, командир БЧ-IV и почти все сигнальщики.

Всего за время высадки десанта в «Красный Кавказ» попало 12 немецких снарядов и пять мин, вызвавших восемь пожаров. Было убито и умерло от ран 27 человек и ранено 66 человек.

Одновременно с высадкой десанта крейсер самостоятельно подавлял огневые точки противника, делая одиночные выстрелы по вспышкам.

Всего боевые корабли отряда корабельной поддержки высадили 4512 человек, из которых «Красный Кавказ» — 1586 человек, «Красный Крым» — 2000 человек, «Шаумян» — 330 человек, «Незаможник» — 289 человек, «Железняков» — 287 человек. Кроме того, «Шаумян» выгрузил два 76-мм орудия, два 107-мм горных миномета, а «Незаможник» — одно 76-мм орудие и 17 ящиков мин.

В 7 ч 20 мин в охранении двух сторожевых катеров в гавань Феодосии вошел транспорт «Кубань». Подойдя к пристани, он начал высадку десантных войск и в 11 ч 30 мин закончил ее. Было высажено 627 человек и выгружено пять 76-мм и четыре 45-мм орудия, шесть 107-мм минометов, 72 лошади, 15 автомашин, 19 повозок, 65 т боезапаса, 38 т продовольствия и фуража и 12 т разного груза.

Окончив высадку, «Кубань» вышла в море в охранении ТЩ-14. При выходе транспорт был обстрелян артиллерийским огнем противника. Прямым попаданием снаряда в ходовой мостик был убит капитан «Кубани» и пять человек команды.

Таким образом, к 11 ч 30 мин первый бросок десанта был высажен за исключением артиллерии и автомашин, остававшихся к этому времени на «Красном Кавказе».

В ходе высадки «Красный Кавказ» выпустил 12 180-мм, 429 100-мм и 472 45-мм снаряда, «Красный Крым» — 318 130-мм и 430 45-мм снарядов, «Железняков» — 151 102-мм и 12 76-мм снарядов, «Незаможник» — 54

102-мм снаряда.

После высадки частей первого броска десанта отряд корабельной поддержки вышел на Феодосийский рейд и, поддерживая связь высаженными частями с помощью офицеров связи с корректировочных постов обеспечивал дальнейшие действия этих частей по занятию города. В тот же день, 29 декабря, Феодосия была очищена от противника.

С 9 ч 25 мин корабли отряда начала непрерывно бомбить вражеская авиация, а наши самолеты стали прикрывать их только с 10 ч 50 мин, и то лишь пятеркой ЛаГГ-3 7-го авиаполка.

«Красный Кавказ» был атакован немецкими самолетами 14 раз, а «Красный Крым» — 11 раз, но ни одна бомба в корабли не попала. От близких разрывов бомб крейсера получили незначительные повреждения: кое-где вылетели заклепки, появилась течь, лопнули электролампочки, водомерные стекла в котлах и т... д.

С наступлением темноты, около 18 часов, атаки немецких самолетов прекратились.

В 23 ч 05 мин 29 декабря отряд корабельной поддержки в составе крейсеров «Красный Крым» и «Красный Кавказ», эсминцев «Железняков» и «Шаумян», не получив дальнейших задач на стрельбу, стал на якорь в глубине Феодосийского залива. Погода не улучшалась, дул северо-западный ветер силой до 7 баллов, продолжалась пурга, волнение на море достигало 4–5 баллов.

29 декабря в 22 ч 00 мин к порту Феодосия подошел первый отряд транспортов с первым эшелоном десанта. Пришвартовавшись к причалам, транспорты начали высаживать войска и выгружать матчасть, боезапас и продовольствие. Выгрузка продолжалась сутки, до 22 часов 30 декабря. В дневное время по порту неоднократно наносила удары немецкая бомбардировочная авиация, действуя практически безнаказанно, так как средств ПВО у десантников почти не было.

Первоначально планировалось захватить немецкий аэродром в районе железнодорожного узла Владиславовна и перебазировать туда несколько истребителей ВВС Закавказского фронта, но сделать этого не удалось. А поддерживать десантников в районе Феодосии, базируясь на аэродромы Кавказа, то есть на расстоянии 180–200 км, нашим истребителям было практически невозможно.

Зато германская авиация проявляла большую активность. В 13 ч 30 мин 29 декабря немцам удалось потопить транспорт «Ташкент» во время отхода его от пристани. Это был самый крупный транспорт первого отряда, водоизмещением 13000 т.

К восьми часам утра 30 декабря наши десантные части заняли гору Лысая и близлежащие высоты вокруг Феодосии. Правый фланг наших десантных войск продвинулся на 5–6 км, а левый фланг на 3–5 км за город. В самом же городе производилось уничтожение «кукушек».

Отряд корабельной поддержки прикрывал зенитным огнем высадку частей второго эшелона десанта и вел артиллерийский огонь по указаниям корректировочных постов для поддержки десантников, уже действовавших на берегу.

В три часа ночи 30 декабря эсминец «Железняков», имея соленость в котлах, не дождался транспортов, которые он должен был конвоировать по окончании ими высадки, и ушел в Новороссийск. В 19 ч 05 мин ушли в Новороссийск «Красный Крым» и «Шаумян».

В 1 ч 30 мин 31 декабря командир высадки «А» со своим штабом перешел на эсминец «Сообразительный», а крейсер «Красный Кавказ» был отправлен в Туапсе.

В это время к Феодосии подошел второй отряд транспортов с частями второго эшелона десанта и немедленно начал выгрузку, которая закончилась через 12 часов.

В девять утра 31 декабря немецкая авиация снова начала интенсивную бомбардировку Феодосии и транспортов десанта. Прикрытие кораблей нашими истребителями по-прежнему отсутствовало, на наших кораблях имелись убитые и раненые.

В 10 ч 15 мин в носовую часть транспорта «Красногвардеец» (2719 брт) попало две бомбы. Через минуту транспорт затонул, не закончив выгрузку. В то же время на транспорте «Димитров» от попадания бомбы возник пожар, который был быстро ликвидирован. На транспорте «Калинин» осколками бомбы повредило кормовую стрелу.

В 13 ч 00 мин 31 декабря выгрузка с транспортов закончилась, и к 14 часам все они вышли в море. Транспорты «Димитров», «Фабрициус» и «Курск» ушли в Туапсе, а «Калинин» — в Новороссийск.

На этом закончилась высадка десанта в порту Феодосия. В дальнейшем Черноморский флот перевозил и обеспечивал перевозку войск, боеприпасов и снабжения 44-й армии.

Высадка диверсионной группы в районе селения Коктебель, произведенная подводной лодкой «Д-5», оказалась неудачной. Этой группе была поставлена задача перехватить дорогу между Феодосией и Алуштой. Группа была высажена лишь в три часа ночи 31 декабря, но на берегу вскоре ее обстрелял противник. Скорей всего, это были не немцы, а крымские татары. Из 21 человека этой группы уцелело лишь пять бойцов,

которые затем вышли к нашим частям.

В заключение стоит сказать, что именно десант в Феодосии обеспечил нашим войскам захват всего Керченского полуострова.

Верховный Главнокомандующий поздравил части и корабли, участвовавшие в Керченско-Феодосийской операции, следующей телеграммой:

«Командующему Кавказским фронтом генерал-лейтенанту тов. Козлову.

Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу тов. Октябрьскому.

Поздравляю Вас с победой над врагом и освобождением города и крепости Керчь и города Феодосии от немецко-фашистских захватчиков. Приветствую доблестные войска генерала Первушина и генерала Львова и славных моряков группы военных кораблей капитана 1 ранга Басистого, положивших начало освобождению Советского Крыма.

Крым должен быть освобожден от немецких захватчиков и их румынско-итальянских прихвостней.

И. СТАЛИН

Москва, 30 декабря 1941 г.»^[133]

Глава 17. Освобождение Керченского полуострова

К 20 декабря 1941 г. группировка противника на Керченском полуострове имела части 42-го армейского корпуса 11-й немецкой армии, куда входили 46-я пехотная дивизия, 8-я кавалерийская бригада румын^[134], два танковых батальона, два арtpолка и пять зенитных арtdивизионов. Общая численность немецких войск на Керченском полуострове составляла от 20 до 25 тысяч человек. Командовал ими генерал-лейтенант граф фон Шпонек.

Высадка советского десанта в Керчи была неожиданностью как для Шпонека, так и для Манштейна. Но даже в первые дни высадки они не сумели разглядеть реальной опасности, считая это акцией, направленной на отвлечение сил от Севастополя.

Предоставлю слово самому Манштейну. «Командование 42-го армейского корпуса (генерал граф Шпонек), имевшее в своем распоряжении для обороны полуострова только одну 46-ю пехотную дивизию, оказалось, конечно, в незавидном положении. Граф Шпонек поэтому запросил у командования армии разрешения оставить Керченский полуостров, имея в виду запереть выходы из него у Парпачского перешейка. Но командование армии не разделяло его мнения. Если бы противнику удалось укрепиться в районе Керчи, то на полуострове возник бы еще один участок фронта и обстановка для армии, пока не был еще взят Севастополь, стала бы чрезвычайно опасной. Поэтому командование армии приказало 42-му армейскому корпусу, используя слабость только что высадившегося противника, сбросить его в море.

Для того чтобы целиком высвободить для выполнения этой задачи 46-ю пехотную дивизию, командование армии направило в район Феодосии стоявшую под Симферополем 4-ю румынскую горную бригаду и обеспечивавшую охранение восточного побережья Крыма 8-ю румынскую кавалерийскую бригаду с задачей ликвидировать возможный десант противника на этом критическом участке фронта. Одновременно туда был направлен из-под Геническа и Феодосии последний из полков отводимой из Крыма 73-й пехотной дивизии (усиленной 213-м пехотным полком).

46-й пехотной дивизии действительно удалось к 28 декабря ликвидировать плацдармы противника севернее и южнее Керчи, за

исключением небольшой полосы земли на северном побережье. Тем не менее граф Шпонек вторично запросил разрешения оставить Керченский полуостров. Командование армии категорически возражало против этого, так как мы по-прежнему придерживались мнения, что после оставления Керченского полуострова сложится такая обстановка, справиться с которой нашей армии будет не по силам.

Тем временем 54-й армейский корпус 28 декабря перешел в последнее наступление под Севастополем.

Противник же готовился к нанесению нового удара. 24 декабря мы получили донесение из Феодосии, что ночью противник там под прикрытием значительных сил флота высадил десант»^[135].

К началу советской высадки в Феодосии в городе находился германский 147-й дивизион береговой артиллерии, вооруженный четырьмя 10,5-см пушками. Кроме того, в порту были установлены две полевые гаубицы (одна чешского, а другая — германского производства). В Феодосии находились саперный взвод и противотанковый взвод с одним 3,7-см противотанковым орудием. Кроме того, 46-й саперный батальон, находившийся на марше в западном направлении, остановился для ночевки в Феодосии. Граф Шпонек приказал подполковнику фон Альфену выступить против высадившихся русских сил. Подполковник бросил в бой всех: счетоводов, персонал мастерских, складских снабженцев, строительную роту и роту связи. Но удержать Феодосии не удалось.

В 10 часов утра 29 декабря в штаб германской 11-й армии пришло шифрованное сообщение из корпуса Шпонека. Содержание его было тревожным: «Командование корпуса выводит войска с Керченского полуострова. 46-я пехотная дивизия начинает продвижение в направлении Парпачского перешейка»^[136].

Манштейн заколебался. Несколько дней назад, в Рождество, Шпонек предлагал оставить полуостров. Манштейн решительно отверг это предложение и приказал оборонять эти жизненно важные подступы к Крыму. Теперь командир 42-го корпуса действовал без разрешения и даже вопреки строгому приказу. Манштейн распорядился передать в корпус: «Немедленно остановить отход». Но штаб корпуса больше не отвечал — Шпонек уже приказал демонтировать рацию.

Пауль Карель писал: «Впервые со времени начала кампании на Востоке командир такого высокого ранга не подчинился приказу начальника... Генерал-лейтенант граф Ганс фон Шпонек, наследник дюссельдорфского рода кадровых офицеров, родившийся в 1888 г.,

служивший еще в Императорской гвардии, был человеком исключительной личной храбрости и прекрасным боевым командиром. Командуя 22-й воздушно-десантной дивизией, которая в 1940 г. в результате смелого рейда захватила "крепость Голландию", Шпонек получил за Западную кампанию "Рыцарский крест". В 1941 г., уже как командир 22-й пехотной дивизии, в которую преобразовали воздушно-десантную дивизию, он также отличился во время форсирования Днепра.

Значение произошедшего состояло в том, что граф Шпонек стал первым немецким командиром в звании генерала на Восточном фронте, который, когда две советские армии атаковали его единственную дивизию, оказавшись перед альтернативой держаться насмерть или отступить, выбрал последнее. Он отреагировал на советскую угрозу не в соответствии с гитлеровскими принципами руководства войсками, а в соответствии с правилами, воспитанными в нем прусским генштабом. Они требовали от командира холодно и беспристрастно взвешивать каждую ситуацию, проявлять гибкость, принимать решения в соответствии с обстановкой и не бросать солдат в мясорубку без какой-то очень веской на то причины. Шпонек такой причины не видел»^[137].

Далее, по Каролу, события развивались следующим образом: «В 08.00 29 декабря граф Шпонек приказал 46-й пехотной дивизии выйти из боевого соприкосновения с неприятелем под Керчью, форсированным маршем выступить к Парпачскому перешейку, "атаковать противника в Феодосии и сбросить его в море". Он послал в штаб армии сообщение о предпринятом шаге и тут же распорядился демонтировать рацию...

При температуре минус 40 градусов в ледяную метель батальоны 46-й пехотной дивизии, части ПВО, саперы и артиллеристы выступили в поход. Им предстояло покрыть расстояние в 120 километров. Только раз, и то случайно, объявили пятнадцатиминутную остановку, чтобы дать солдатам по кружке горячего кофе. Они шли маршем сорок шесть часов. Люди обмороживали носы и пальцы рук и ног. Большинство коней не имело зимних подков и выбивалось из сил. Они падали от изнеможения. Артиллеристам приходилось бросать орудия на обледеневшей дороге...

Утром 31 декабря 1941 г. передовые батальоны 46-й пехотной дивизии вышли к Парпачскому перешейку. Но головные части советской 63-й стрелковой дивизии оказались там раньше их и овладели Владиславовой, что к северу от Феодосии. Так что же, выходит, дивизия напрасно осуществила свой маневр, чтобы оторваться от противника?

— Атаковать, прорваться и взять Владиславовну! — приказал генерал Гимер 46-й пехотной дивизии. Войска быстро построились для атаки на

ровном заснеженном плато. Ледяной ветер, дувший с Кавказа, пронизывал их тоненькие шинельки и заставлял кровь стечь в жилах. Слезы слабости и беспомощности стекали по небритым щекам.

Измотанные полки продвинулись еще на шесть с половиной километров. Потом остановились. Солдаты просто рушились в снег.

Под прикрытием темноты батальоны в конце концов обошли расположения русских по правому краю и, устремившись через все еще открытую часть перешейки, "заняли позиции" на промерзшей земле, развернувшись к югу и востоку. Последние арьергардные части подтягивались к рубежу обороны, наскоро созданному 1-й ротой 88-го инженерного батальона.

Русские атаковали на следующий день в полдень. Немцы смогли сдержать натиск. К западу от Феодосии на пути советской 157-й дивизии тоже возник прозрачный заслон, образованный подтянувшимися в последний момент 213-м пехотным полком 73-й пехотной дивизии и румынскими частями из состава горного корпуса.

Когда русские бросили вперед танки, три уцелевших самоходных орудия из "Львиной бригады" спасли положение. Капитан Пайтц перебросил их на фронт от Бахчисарая, где они обеспечивали прикрытия от действий партизан. Лейтенант Дамманн, командир батареи, сумел подобраться к вражеским танкам на холмистой местности к юго-западу от Владиславовки на расстояние 600 метров и только тогда открыл огонь. Завязалась ожесточенная дуэль. Шестнадцать советских Т-26 остались на поле битвы сгоревшими или потерявшими ход. Острие танкового наступления советской 44-й армии было сломлено. Опасность русского броска в глубокий тыл действовавшим под Севастополем частям удалось предотвратить. Противник был остановлен»^[138].

Отход войск графа Шпонек был, безусловно, грамотным маневром, но генерал-полковник Манштейн «пошел на принцип» и отстранил Шпонек от командования. Л военный трибунал ставки фюрера, проводившийся под председательством рейхсмаршала Геринга, приговорил Шпонек к лишению всех званий, орденов и наград и к смертной казни. Но Гитлер, видимо, все же сомневался в справедливости этого приговора, поскольку по ходатайству командующего 11-й армией заменили смертную казнь семью годами заключения.

А в 1944 г., после провала генеральского заговора, граф фон Шпонек будет расстрелян без суда и следствия.

К исходу дня 1 января 1942 г. части 51-й армии имели стычки с немецкими войсками на линии Семь Колодезей — Каджанка. На

Феодосийском участке фронта противник оборонялся на рубеже Дальние Камыши — Владиславовна — Ново-Покровка — Дальняя Байбуга.

Корабли Керченской ВМБ в это время продолжали переброску войск и техники 51-й армии из Тамани в Керчь. Движению судов мешал усиливавшийся ледяной покров. В Таманском заливе образовался сплошной лед толщиной до 10 см.

Через три часа после наступления Нового 1942 года крейсер «Молотов», лидер «Ташкент», транспорты «Абхазия» и «Белосток» с войсками и боезапасом прибыли в Севастополь. На транспортах были доставлены части 386-й стрелковой дивизии и маршевые роты.

Днем 1 января крейсер «Молотов» и эсминец «Смышленный», стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по вражеским войскам, действовавшим против третьего и четвертого секторов обороны Севастополя. «Молотов» выпустил 94 снаряда, а «Смышленный» — 56 снарядов.

В то же время эсминец «Сообразительный» оказывал огневую поддержку советским войскам на Феодосийском участке фронта.

К вечеру 2 января 1942 г. передовые части 51-й армии вышли на рубеж Киет — Сент-Асан — Ново-Покровка. Части 44-й армии, действовавшие в районе Феодосии, продолжали закрепляться на достигнутых рубежах.

Эсминец «Сообразительный», маневрируя в районе Феодосийского залива, вел артиллерийский огонь по противнику, находившемуся в Старом Крыму и Изюмовке. Крейсер «Красный Крым» огнем своей артиллерии поддерживал левый фланг наших войск на Феодосийском участке фронта.

Ночью 2 января транспорты «А. Серов», «Жан-Жорес», «Зырянин», «Ногин» и «Шахтер» в охранении эсминцев «Бойкий» и «Шаумян», а также базового тральщика «Трал» вышли из Новороссийска в Феодосию с войсками и техникой 44-й армии.

2 января Ставкой был утвержден план наступления войск Кавказского фронта в направлении Джанкой — Чонгар — Перекоп (51-я армия) и частью сил — на Симферополь (44-я армия), 9-го корпуса 44-й армии — вдоль Южного берега Крыма с одновременной высадкой десанта в Алуште, Ялте и Евпатории.

3 января в Керчь-Еникальском проливе и в Таманском заливе образовался сплошной ледяной покров толщиной 10–15 см. Плавсредства Керченской ВМБ были скованы льдом, и перевозка войск из Тамани на Керченский полуостров прекратилась.

Глава 18. Забытый Десант — Евпатория, Судак, Алушта

Бои в Крыму с 25 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г. вошли в историю как «Керченско-Феодосийская десантная операция». В чем-то это справедливо, ведь основные боевые действия происходили на Керченском полуострове. Но в тени этого сражения остался небольшой десант в Евпаторию, Судак и Алушту.

По первоначальному замыслу советского командования войска 51-й и 44-й армий должны были объединиться и развить наступление в направлении Карасу-базара. Одновременно должны были наступать войска Приморской армии из Севастополя в направлении Бахчисарай — Симферополь. По ходу наступления должен быть высажен десант: с Кавказа — в район Судака и Алушты, из Севастополя — в районы Евпатории и Ялты.

План наступления был составлен грамотно. Легко предположить, что даже небольшому числу немецких войск будет нетрудно удержать узкий керченский перешеек, а затем, подтянув резервы, контратаковать советский десант. Можно ли было надеяться, что части СОРа, не имея достаточного количества гаубиц и мортир, да и боеприпасов к имевшимся орудиям имелось крайне мало, без тяжелых танков быстро прорвут глубокоэшелонированную со сложным рельефом местности оборону немцев и выйдут на оперативный простор?

И тут важную роль должен был сыграть десант в Судак, Алушту, Ялту и Евпаторию. Там было сосредоточено мало войск противника, да и в основном не немцы, а румыны. Благодаря этому десанту противник в Крыму мог оказаться практически в кольце. Десантники, высаженные у Евпатории и Судака, могли быстро перерезать дороги, связывавшие Севастополь с Симферополем, Феодосией и Керчью. Но, увы, командования Черноморского флота выделило для десанта ничтожные силы, да и те высаживались с большим интервалом времени. Везде даже малым силам десанта сопутствовала удача, но затем из-за отсутствия подкреплений и должной огневой поддержки кораблей десантники погибали, не сумев решить поставленных задач.

3 января 1942 г. адмирал Октябрьский сообщил находившемуся в Новороссийске начальнику штаба флота для доклада командующему

Кавказским фронтом, что в Севастополе был подготовлен десант для высадки в районе Евпатории в составе одного батальона в качестве первого эшелона и одного батальона в качестве второго эшелона. Высадку намечалось произвести, как только позволит погода.

Район Евпатории благоприятствовал высадке десанта, что в свое время показала Крымская война. Но вот высаживать туда два батальона было по меньшей мере глупостью, если не преступлением. Нетрудно догадаться, что немцы могли перебросить туда значительные силы и легко уничтожить десант. Высаживать следовало как минимум дивизию. И командование СОРа могло выделить для десанта в Евпатории достаточно сил, благо, немцы в начале января и не помышляли о штурме города, тем более что к 4 января в Севастополь прибыла 386-я стрелковая дивизия.

Первый эшелон десанта в Евпатории состоял из усиленного батальона морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта Г.К. Бузинова. В батальон была включена рота войск НКВД (100 человек) из 24-й погранкомендатуры. Всего в десанте было более 700 человек.

Для высадки первого эшелона был сформирован отряд кораблей в составе быстроходного тральщика «Взрыватель», буксира «СП-14» и семи сторожевых катеров типа МО-4 (МО-041, МО-081, МО-062, МО-0102, МО-0195, МО-0125, МО-036) из состава 1-го и 2-го дивизионов ОВР главной базы. Командиром отряда кораблей и командиром высадки был назначен уроженец Евпатории, начальник штаба Новороссийской военноморской базы капитан 2 ранга Н.В. Буслаев, военкомом — военком ОВР главной базы полковой комиссар А.С. Бойко.

На буксир «СП-14» погрузили три танкетки (видимо, Т-38 или Т-39), а также три 45-мм противотанковые пушки.

В 23 ч 30 мин 4 января соединение скрытно вышло из Севастополя. В 2 ч 41 мин 5 января корабли с десантом подошли к точке тактического развертывания и по сигналу с флагмана направились к заранее условленным пунктам высадки у Евпатории. Часть сторожевых катеров МО с ходу подошла вплотную к берегу без всякого противодействия со стороны противника. В три часа ночи началась высадка с катеров на причалы Хлебной и Товарной пристаней. С левой стороны пассажирской пристани швартовался буксир «СП-14». Удачно причалил и тральщик «Взрыватель».

Высадка была произведена быстро и закончилась к шести часам. Вместе с первым эшелоном десанта были высажены работники оргбюро обкома партии во главе с Я.Н. Цыпкиным и Ф.А. Павловым, чекисты во главе с капитаном госбезопасности Л.М. Полонским, работники милиции

под руководством майора С.И. Иванова и капитана П.В. Березкина и работники особого отдела Черноморского флота во главе с майором А.И. Галушкиным. Они должны были «восстановить в Евпатории советскую власть, а в случае неудачи десанта остаться в тылу врага для разведывательной и диверсионной работы».

Видимо, на помощь десантникам пришли местные жители, что дало повод Манштейну написать: «Одновременно в городе вспыхнуло восстание, в котором участвовала часть населения, а также просочившиеся, по-видимому, извне партизаны. Незначительные силы охранения, выделенные для обороны города и порта, не смогли помешать высадке и подавить восстание. Румынский артиллерийский полк, предназначенный для береговой обороны, оставил свои позиции»^[139].

А теперь обратимся к «Хронике...»: «Корабли и десант подверглись обстрелу артиллерийским и минометным огнем противника и непрерывной бомбардировке с воздуха. Ведя уличные бои, десант нес большие потери, и в 9 ч 00 мин продвижение его было приостановлено. Около 10 ч 30 мин радиосвязь с десантом прекратилась.

Около 14 ч 00 мин тральщик «Взрыватель» расстрелял весь боезапас своего 100-мм орудия. К этому времени он имел серьезные повреждения и большие потери в личном составе. Вскоре накатом волны «Взрыватель» был выброшен на мель в районе соляных промыслов.

Высланные из главной базы в Евпаторию торпедные катера № 91 и № 111 с боезапасом в районе Качи были атакованы авиацией и обстреляны береговой батареей противника, в результате чего катер № 91 затонул, личный состав его погиб, а катер № 111 возвратился в главную базу. Вторично посланные в Евпаторию два торпедных катера с боезапасом задание не выполнили; № 111 сел на мель в районе Евпатории, а второй катер вернулся в базу, не найдя тральщика «Взрыватель». Немцы сняли катер с мели и ввели в строй под названием S-47.

В 23 ч 32 мин поврежденный морской буксир «СП-14» и пять сторожевых катеров МО возвратились из Евпатории в Севастополь. Связь с высаженным в Евпатории десантом отсутствовала»^[140].

Создается впечатление, что евпаторийский десант умышленно послали на убой. Авиация СОРа занималась всем, чем угодно, только не помощью десанту. Цитирую «Хронику...» за 5 января: «В первую половину ночи четыре И-153, четыре И-15 и два У-2 бомбардировали и штурмовали вражеские войска в районах селений Дуванкой, Гаджикой и Биюк-Отаркой. В Гаджикой было уничтожено девять автомашин и пять построек, а в

Дуванкой возникли два пожара.

Два ДБ-3 и семь МБР-2 бомбили немецкий аэродром Сарабуз. Бомбы были сброшены в расположение восьми самолетов, стоявших в северо-западной части аэродрома. Противник не оказывал противодействия.

Во второй половине ночи два ДБ-3 бомбили селение и аэродром Карасубазар, но немецких самолетов на этом аэродроме не обнаружили; в селении; были отмечены три сильных взрыва. Один ДБ-3 снова бомбил аэродром Сарабуз. Два И-15бис нанесли удар по вражеским автомашинам в селении Гаджикой, уничтожив три машины.

В первой половине дня один МБР-2 опять бомбил аэродром Сарабуз; разрывы бомб были отмечены в расположении десяти вражеских самолетов. Пять МБР-2, один ГСТ, три Пе-2, два Ил-2, четыре И-16 и два Як-1 бомбардировали войска противника в селениях Дуванкой, Биюк-Отаркой, Гаджикой, Орта-Кесек, Карасубазар и др.

Во второй половине дня четыре Пе-2, два Ил-2, три И-16 и два Як-1 нанесли удар по немецким автоколоннам на дороге Симферополь — Курман-Кемельчи, на дороге Николаевна — Саки — Евпатория и на дороге Мамашай — Кача.

[И лишь] два Пе-2 в сопровождении четырех Як-1 бомбардировали вражеские войска в Евпатории (в районе Курзала)»^[141].

Какой прок от ночных штурмовок истребителями «вражеских автомашин»? У них что, приборы ночного виденья были? А вот помочь десантникам авиация могла, да заодно и корректировать огонь корабельной артиллерии.

4 января в 5 ч 07 мин крейсер «Молотов» вошел в главную базу. А в Евпатории уже два часа шел бой. Посмотрим на карту. «Молотову» потребовалось бы пройти всего 12 км на север от Севастополя, чтобы Евпатория оказалась в зоне огня его 180-мм пушек, то есть потребовалось бы всего 20–25 минут полного хода.

Разумеется, десант могли поддержать и эсминцы огнем своих 130-мм орудий. Вместо этого 5 и 6 января крейсер «Молотов» и лидер «Ташкент», стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по вражеским войскам на фронте главной базы. «Молотов» сделал 251 выстрел, а «Ташкент» — 68 выстрелов.

Понятно, что Манштейн, в отличие от наших гениальных адмиралов и не менее гениальных генералов, сообразил, что потеря Евпатории может привести к потере всего Крыма. Он писал: «Хотя обстановка на феодосийском участке была очень серьезной, командование армии вынуждено было все-таки решиться на то, чтобы повернуть первый же

направлявшийся туда на автомашинах с южного фронта из-под Севастополя полк (105-й пехотный полк) и послать его в Евпаторию с задачей возможно скорее уничтожить высадившиеся здесь войска и поддерживающие их вооруженные элементы из населения. Находившиеся в распоряжении командования армии разведывательный батальон 22-й пехотной дивизии, несколько батарей и 70-й саперный батальон уже ранее были направлены в Евпаторию»^[142].

6 января в 2 ч 15 мин эсминец «Смышленный» и базовый тральщик № 27 вышли из Севастополя в Евпаторию для высадки десанта. Но погода не благоприятствовала операции — дул семибалльный юго-западный ветерана море было волнение до 5 баллов. Все это помешало выполнению задания, и корабли ушли в главную базу. «Смышленный» в районе Евпатории был обстрелян немецкой батареей.

В тот же день в 20 ч 26 мин из Севастополя в Евпаторию для высадки десанта вышел еще один отряд кораблей в составе лидера «Ташкент», тральщика № 27 и двух сторожевых катеров МО. Но погода не улучшалась, по-прежнему дул юго-западный ветер силой до 7 баллов, волнение на море усилилось до 6 баллов, и от высадки пришлось отказаться.

6 января авиация СОРа наносила интенсивные удары по врагу. Цитирую «Хронику...»: «В первую половину дня четыре Ил-2 в сопровождении четырех И-16 нанесли удар по войскам противника в лощине, что севернее отметки 35,7; были уничтожены две автомашины, три повозки и подавлены три минометные батареи.

Шесть Ил-2 в сопровождении восьми И-16, двух Як-1 и двух МиГ-3 нанесли штурмовой удар по десяти вражеским минометам в лощине к северу от отметки 37,5 и по орудиям у отметки 48,68.

Во второй половине дня четыре И-153 бомбардировочными и штурмовыми ударами уничтожили немецкую полевую батарею в районе высоты 133,3.

Шесть Пе-2, вылетая поодиночке, последовательно бомбили, а два Ил-2 в сопровождении четырех И-16 штурмовали скопление пехоты и минометные батареи противника в районе высоты 103,9»^[143].

А в 60 км от Севастополя погибал евпаторийский десант, но туда не было направлено ни одного самолета. На следующий день ВВС СОРа произвели 61 самолето-вылет, но Евпаторию опять не бомбили.

7 января в 1 ч 27 мин лидер «Ташкент», базовый тральщик № 27 и два сторожевых катера МО, вышедшие накануне в 20 ч 27 мин в район Евпатории для высадки десанта, прибыли в Севастополь и в 20 ч 00 мин

снова вышли в море с той же задачей.

В тот же день в 20 ч 40 мин из Севастополя в район Евпатории для высадки диверсионной группы вышла подводная лодка «М-33».

Рано утром 8 января недалеко от маяка подводная лодка «М-33» высадила 13 разведчиков во главе с батальонным комиссаром У.А. Латышевым, которые проникли в город и передали по радио о гибели десанта. Из-за шторма подводная лодка не смогла подойти к берегу и принять разведчиков. И 14 января наши разведчики были обнаружены в Евпатории немцами. В 15 ч 49 мин Латышев передал открытым текстом: «Мы подрываемся на своих гранатах. Прощайте!»

8 января в 1 ч 45 мин лидер «Ташкент» обстреливал батареи противника и прожектор в порту Евпатории. Немцы отвечали артогнем и светили прожекторами. Высаженная на берег разведгруппа донесла, что все пристани в порту были заняты немцами, причем на одной из пристаней находился прожектор, а на другой — батарея. Боя в городе не было. У вокзала горели дома. Не установив связи с ранее высаженным десантом и встретив сильное огневое сопротивление противника, отряд кораблей в составе «Ташкента», базового тральщика № 27 и двух сторожевых катеров МО в восемь часов утра вернулся в главную базу.

В Евпатории же тральщик «Взрыватель», выброшенный на берег, был расстрелян в упор германскими танками, вышедшими на пляж.

Манштейн писал: «Посланным в Евпаторию частям, находившимся сначала под командованием полковника фон Гейгля, а затем полковника Мюллера (командира 105-го пехотного полка), удалось в тяжелых уличных боях одержать верх над противником. Особенно упорное сопротивление оказывали повстанцы и партизаны, засевшие в большом здании. Не оставалось наконец ничего другого, как подорвать это здание с помощью штурмовых групп саперов. В боях в Евпатории наряду с многими храбрыми солдатами пал смертью героя и командир разведывательного батальона, подполковник фон Боддин, один из храбрейших наших офицеров и горячо любимый солдатами командир. Он был застрелен партизанами, находившимися в засаде.

7 января бой в Евпатории был кончен. Высадившиеся войска русских были частично уничтожены, частично взяты в плен. Было убито около 1200 вооруженных партизан»^[144].

Десант в Судак планировалось провести одновременно с евпаторийским десантом. Первоначально намечалось высадить в ночь на 6 января усиленный батальон 226-го полка 63-й стрелковой дивизии 44-й армии. Доставку и высадку десанта должны были осуществить эсминец

«Способный» и сторожевой катер.

5 января капитан 3 ранга Е.Л. Козлов (командир «Способного») получил от начальника штаба Черноморского флота приказание в 20 ч 00 мин 5 января выйти из Новороссийска совместно со сторожевым катером СКА-0111 и к шести часам утра 6 января высадить десант в районе Судак, в случае противодействия противника прикрывать высадку артиллерией корабля. После высадки десанта обстрелять Судак и Биюк-Кучук. По выполнении задания вернуться в Феодосию.

Приняв на борт десант морской пехоты в количестве 218 человек из 226-го горнострелкового полка (из которых 35 человек с автоматами были посажены на СКА-0111 для первого броска), боезапас и продукты, корабли в 21 ч 00 мин 5 января вышли из Новороссийска. Но сторожевой катер не мог дать более 16 узлов, а затем из-за усилившейся волны и неисправности мотора его ход уменьшился до 10 узлов. Поэтому командир эсминца решил взять с катера десантников и выполнить задачу самостоятельно.

В 4 ч 53 мин 6 января «Способный» подошел к Судаку. Дул семибалльный ветер, море было до 5 баллов. Прямо на берег бил сильный накат волны. Пройдя вдоль берега до мыса Чеканный, командир эсминца решил произвести высадку в этом месте, так как мыс был прикрыт от ветра и бурунов.

В 5 ч 40 мин с эсминца спустили катер с двенадцатью автоматчиками. Высадившись на берег, десантники вблизи не обнаружили противника и закрепились. После этого переброска десанта производилась одновременно катером и шлюпкой, которые брали по 35 человек с вооружением и сделали по семь рейсов.

В 8 ч 50 мин, подняв на борт катер и шлюпку, «Способный» снялся с якоря и с 9 ч 21 мин до 9 ч 50 мин обстреливал Судак и Биюк-Кучук, а затем пошел в Феодосию, куда и прибыл в 0 ч 30 мин 7 января.

Десантники попытались захватить германскую комендатуру^[145] в поселке Новый Свет. Нападение было отбито, командир группы и несколько бойцов убито. Остальные десантники ушли в лес, на гору Перчем. Группа держала под наблюдением дорогу Алушта — Судак до прихода основных сил полка.

Замечу, что адмирал Октябрьский и Военный Совет Черноморского флота всеми силами противились высадке десанта, мотивируя это тем, что противник, учтя опыт Керчи и Феодосии, усилил оборону отдельных пунктов Южного берега Крыма и что поэтому малочисленный десант успеха иметь не будет, так как не сможет соединиться со своими войсками в течение нескольких дней и будет уничтожен противником.

Кроме того, флот имел большие потери в корабельном составе. В связи с этим, а также учитывая дальнейшие операции флота и большие перевозки по обеспечению войск Крыма, Военный Совет флота просил командующего флотом не организовывать в данное время дополнительного десанта, а ограничиться лишь действиями кораблей флота по поддержке фланга армии огнем корабельной артиллерии в ночное время.

Командующий фронтом в уточнение директивы от 8 января предложил: высадить небольшой десант в районе Мамашай — Кача и в южной части Евпаторийского залива с целью воздействовать на тылы противника, а через день-два соединиться со своими частями, наступающими на Дуванкой — Бахчисарай; в южной части Крымского полуострова, на участке Форос — Алушка — Ялта, в ночь на 12 января провести набеговую операцию с одновременной высадкой десанта в районе Судак; действия этого десанта поддерживать огнем корабельной артиллерии.

10 января начальник штаба Черноморского флота доложил Военному Совету Кавказского фронта план десантной операции в районе Судак, утвержденный Военным Советом флота. План этот состоял в следующем:

1. Десант в районе Судак высадить с боевых кораблей (крейсера «Красный Крым», канонерской лодки «Красный Аджаристан», эскадренного миноносца «Сообразительный» и четырех сторожевых катеров МО) в составе 226-го горнострелкового полка (1750 бойцов при четырех 76-мм горных орудиях).

Начало высадки — в 1 ч 00 мин 13 января. Артиллерийская подготовка — по обстановке. Задача 226-го горнострелкового полка — во взаимодействии с Коктебельской группировкой наших войск овладеть районом Судак — Кутлак и действовать в направлении селения Салы для удара во фланг Сальской группировки противника.

После высадки десанта крейсер «Красный Крым» и эсминец «Сообразительный» с двумя сторожевыми катерами отходят в Новороссийск, а канлодка «Красный Аджаристан» и два сторожевых катера остаются в районе Судак для огневой поддержки высаженного десанта. Эти корабли должны прикрываться истребительной авиацией 44-й армии. Бомбардировочная авиация флота будет действовать по войскам противника на дороге Ялта — Судак.

2. Одновременно с высадкой десанта в Судак на сторожевых катерах МО произвести высадку десанта в Алуште в составе 35 человек. Задача диверсионного десанта — отвлечь внимание противника от десанта в районе Судак. С рассветом диверсионная группа будет снята теми же сторожевыми катерами МО.

3. Линкор «Парижская Коммуна» в охранении трех эсминцев будет обстреливать селение Салы, а крейсер «Красный Крым» — селение Старый Крым с 2 ч 00 мин до 3 ч 00 мин 12 января.

Как видим, план был составлен неплохо.

Замечу, что линкор «Парижская Коммуна» в январе 1942 г. действовал довольно интенсивно. Так, 5 января линкор в сопровождении эсминца «Бойкий» в 16 ч 15 мин вышел из Новороссийска в район Феодосии для обстрела позиции противника в районе селений Старый Крым и Салы. 6 января в 6 ч 55 мин линкор выполнил стрельбу, израсходовав 168 снарядов главного калибра, и возвратился в Новороссийск.

7 января «Парижская Коммуна» и «Бойкий» ушли из Новороссийска в Потю и прибыли туда 8 января в 10 ч 30 мин. В семь часов утра 11 января «Парижская Коммуна» в охранении эсминца «Свободный» вышла опять для обстрела позиций противника в районе селений Старый Крым и Салы. Уже в море «Свободный» повернул на Потю, а его место заняли эсминцы «Бодрый» и «Железняков». 12 января с 2 ч 32 мин до 2 ч 59 мин линкор выполнил стрельбу главным калибром по позициям противника в районе селений Старый Крым и Салы, израсходовав 139 снарядов, и 8 ч 35 мин 13 января возвратился в Потю.

В 16 ч 40 мин 14 января канонерка «Красный Аджаристан», приняв на борт 580 человек десанта, совместно с отрядом высадочных средств, на которые также было принято 136 десантников, вышли из Новороссийска в район Судака.

В 13 ч 00 мин 15 января отряд корабельной поддержки (линкор «Парижская Коммуна» и эсминцы «Безупречный» и «Железняков») и отряд высадки (крейсер «Красный Крым» с 500 десанниками и эсминцы «Сообразительный» и «Шаумян», также с бойцами десанта) вышли из Новороссийска. В 14 ч 00 мин эти корабли обстреляли появившийся самолет-разведчик и, чтобы обмануть неприятеля, легли на курс 260°, который вел значительно южнее Севастополя.

В пути выяснилось, что подразделения десанта при посадке перепутали названия кораблей. Поэтому подразделение, которое должно было погрузиться на «Шаумян», оказалось на «Сообразительном». Выяснив это, командир 226-го горнострелкового полка по семафору поставил частям десанта, шедшим на эсминцах, новые задачи соответственно их новым местам высадки.

С наступлением темноты отряд изменил курс и в 22 ч 30 мин пришел в точку рандеву, но ни канонерки «Красный Аджаристан», ни сторожевых катеров не обнаружил. Не задерживаясь, отряд пошел к району высадки

десанта, а канонерке и сторожевым катерам по радио было приказано следовать к месту высадки самостоятельно.

Навигационное обеспечение перехода осуществляли подводные лодки «Щ-201» и «М-55». Одна стояла на якоре в 25 кабельтовых от Судака, а другая — в пяти милях к югу от первой. В назначенное время они включали огни, дальность видимости которых составляла 5–7 миль.

В 23 ч 00 мин «Сообразительный» и «Шаумян» пошли к своим местам высадки, а остальные корабли — к местам артиллерийских позиций. С 23 ч 45 мин 15 января до 0 ч 25 мин 16 января корабли обстреливали район высадки главных сил десанта.

15 января в 13 ч 00 мин линкор «Парижская Коммуна» вышел из Новороссийска и в ночь на 16 января обстрелял район Судака, выпустив 125 305-мм и 585 120-мм снарядов, причем часть из них была осветительными.

В полночь на 16 января эсминцы «Свободный» и «Шаумян» начали высадку десанта. Первый — в бухте Новый Свет, а второй — восточнее мыса Эльчан-Кая.

В 0 ч 44 мин 16 января началась высадка десанта с канонерки «Красный Аджаристан», которой удалось в назначенном месте удачно приткнуться носом к берегу, а в час ночи началась высадка с «Красного Крыма». К пяти часам утра катера отряда высадки закончили переброску десанта с крейсера на берег, а в шесть часов закончила высадку и канонерская лодка. После чего корабли пошли в свои базы.

В 15 ч 25 мин 16 января в Новороссийск прибыл «Красный Крым», в 17 ч 22 мин — «Шаумян», а ровно в полночь — «Сообразительный». 17 января в 11 ч 25 мин в Новороссийск пришла канонерка «Красный Аджаристан».

В девять часов утра 17 января «Парижская Коммуна» в охране эсминцев «Безупречный» и «Железняков» прибыла в Потти.

Дальнейшие действия десанта не ясны. О них молчит «Хроника...», а Г.И. Ванеев пишет коротко и неясно: «Противник не оказал существенного сопротивления десанту. Это объясняется тем, что его 30-й и 42-й корпуса в это время наступали на Феодосию. Войска Кавказского фронта отошли на Керченский полуостров и заняли оборону в самом узком его месте — на Ак-Манайских позициях. В сложившейся обстановке 226-й горнострелковый полк не мог повлиять на обстановку и вынужден был перейти к обороне. Полк героически удерживал занятый в Судаке прибрежный плацдарм»^[146].

То есть войск противника вроде бы и не было, но полк вел с кем-то

упорные бои. Надо ли говорить, что этим противником могли быть только татары.

В ночь на 23 января эсминец «Бодрый» доставил боеприпасы и продовольствие 226-му горнострелковому полку, действовавшему в районе Судака. Несмотря на то, что в ночь на 23 января шторм достигал 9 баллов, эсминец выпустил по берегу 273 снаряда.

22 января командующий Черноморским флотом приказал в ночь на 23 января высадить десант в районе Судак — Новый Свет в составе 544-го горнострелкового полка 138-й горнострелковой дивизии. 544-му полку после высадки надлежало войти в подчинение командиру 226-го горнострелкового полка.

Для проведения этой десантной операции был выделен отряд кораблей в составе крейсера «Красный Крым», эсминцев «Сообразительный», «Безупречный» и «Шаумян» и отряд высадочных средств в составе базового тральщика № 412 и шести сторожевых катеров типа МО. Для обеспечения подхода кораблей к берегу в районе Судака находились подводные лодки «Щ-201» и «М-55». Корабли отряда находились в Туапсе, а отряд высадочных средств — в Новороссийске.

«Красный Крым» и «Шаумян» приняли на борт личный состав 554-го горнострелкового полка (1576 человек), после чего «Красный Крым» с эсминцами «Сообразительный» и «Безупречный» в 16 ч 00 мин 23 января вышли из Туапсе в Новороссийск. «Шаумян», получивший в Туапсе во время шторма незначительные повреждения, шел самостоятельно. К семи часам утра 24 января все корабли, участвовавшие в операции, сосредоточились в Новороссийске.

В тот же день в 10 ч 40 мин отряд высадочных средств вышел из Новороссийска, а в 12 часов вышли и корабли с десантом.

В 22 ч 15 мин с «Красного Крыма» заметили огонь с подводной лодки «Щ-201», а вскоре обнаружили и отряд высадочных средств. «Красный Крым» и «Шаумян», став на якорь, спустили шлюпки и барказы, и в 23 ч 30 мин начали высадку десанта.

В это время «Безупречный» и «Сообразительный» отошли, первый — к западу, а второй — к востоку от места высадки, чтобы немедленно подавить огневые точки противника, если они откроют огонь по десанту с флангов. С «Безупречного» были спущены две шлюпки и отосланы к «Шаумяну» для помощи в высадке десанта.

Сторожевые катера МО, переправив отряд моряков с тральщика № 412 на берег, тоже подошли к «Шаумяну» и к «Красному Крыму» для помощи в высадке десанта. Катера в первую очередь перевозили с крейсера боезапас

и продовольствие, а барказы высаживали личный состав десанта. Противник помех не оказывал.

Но высадочных средств не хватало, погодные условия осложняли перевозку десанта — на море было довольно сильное волнение, шлюпки быстро обледенялись, разгрузка на берегу шла медленно, так как там имелась лишь одна небольшая пристань, у которой катера разгружались только по одному. Все это сильно затянуло высадку.

В 23 ч 45 мин с берега прибыл представитель 226-го горнострелкового полка и сообщил, что бои идут в районе селения Большой Таракташ. Он просил поддержать полк огнем корабельной артиллерии. Для более точного выяснения обстановки на берег был послан представитель флота, который возвратился в 3 ч 30 мин 25 января. А в 5 ч 17 мин «Сообразительный» открыл огонь по противнику.

К шести часам утра 25 января высадка десанта в основном закончилась, лишь на крейсере «Красный Крым» оставалось еще 250 десантников. При усилившемся волнении моря для Их высадки потребовалось еще более часа, а близость рассвета не позволяла кораблям задерживаться у места высадки. Поэтому в 6 ч 05 мин десантный отряд кораблей снялся с якоря и пошел в Новороссийск. Сторожевым катерам МО было приказано выгрузить с тральщика № 412 весь боезапас, принять с берега раненых и с рассветом отходить в Новороссийск.

В 16 ч 30 мин десантный отряд кораблей прибыл в Новороссийск. А тральщик № 412, полностью выгрузив боезапас и приняв на борт 200 раненых, в 8 ч 30 мин вышел из района Судака и в 17 ч 05 мин благополучно прибыл в Новороссийск. В 22 ч 00 мин в базу вернулся последний сторожевой катер из отряда посадочных средств.

О судьбе второго и третьего судакского десанта известно немного. В ночь на 17 января удалось высадить 1750 человек с четырьмя 76-мм полковыми пушками образца 1927 года под командованием майора Селихова. Румынский гарнизон бежал из Судака, не дожидаясь подхода десантников.

К вечеру 17 января десантники захватили Кучук-Таракташ и Биюк-Таракташ. Майор Селихов поставил по роте солдат на Алуштинскую и Грушевскую дороги. Для охраны Судака он оставил часть бойцов и две пушки и с главными силами приступил к решению основной задачи, поставленной перед полком, — соединиться с феодосийским десантом.

Передовая группа судакского десанта вошла в селение Оттузы и столкнулась с врагом. Ни один человек из этой группы не вернулся.

Видимо, как и при первом десанте, активное участие в боях

принимали татарские отряды самообороны, что по идеологическим причинам не афишировалось ни в советское время, ни сейчас, при «самостийной» власти в Крыму.

В ночь на 26 января в Судакe был высажен 554-й горнострелковый полк под командованием майора Забродоцкого. Всего высадилось 1376 десантников и 150 морских пехотинцев. Высаженный полк также был не обстрелян и слабо вооружен. Высадка проходила под огнем артиллерии и танков противника. Десантники понесли большие потери. В районе Малого Таракташа были окружены и уничтожены около 800 человек. Уцелевшим десантникам пришлось уйти в лес на соединение с партизанами. В первый партизанский район с Селиховым пришло около 350 человек.

Одновременный с евпаторийским и судакским десант в Алушту провалился, так и не начавшись. Первый алуштинский десант был погружен на корабли в Новороссийске. В 17 ч 00 мин 5 января крейсер «Красный Крым», базовый тральщик № 13 и четыре сторожевых катера МО вышли из Новороссийска в район Алушты для высадки десанта. Однако из-за «метеоусловий» командир крейсера А.И. Зубков решил вернуться обратно. В 13 ч 30 мин соединение благополучно прибыло в Новороссийск.

Глава 19. Борьба с переменным успехом (январь — апрель 1942 г.)

Немецкое командование было серьезно озабочено ситуацией в Восточном Крыму, и с Южного фронта под Феодосию был срочно переброшен 30-й армейский корпус. Кроме того, Манштейн перебросил туда две дивизии из-под Севастополя.

15 января в восемь часов утра немцы силами двух дивизий и механизированного полка при поддержке бронепоезда и авиации перешли в контрнаступление на фронте 51-й и 44-й армий в районе населенных пунктов Кейт, Семт-Асан, Кулеча-Мечеть и Капусталык. К 14 ч 00 мин немцы заняли рубеж: высота 236,4 — Коктебель.

Восемь ДБ-3 и пять СБ бомбили войска противника на Феодосийском участке фронта, уничтожив 14 автомашин и 265 солдат и офицеров. В воздушном бою был сбит один Ме-109. Наши потери: один ДБ-3 был поврежден и один Як-1 не вернулся на свой аэродром.

Немецкая авиация в течение дня бомбила пристани в Керчи, Камыш-Буруне, на косе Чушка, в Тамани и Комсомольске, а также транспорты на переходе в Керченский пролив.

16 января командующий Кавказским фронтом поставил 51-й армии задачу: ударом на юг танками и моточастями, при поддержке пехоты из района Владиславовки в направлении Петровки и во взаимодействии с частями 44-й армии уничтожить противника, прорвавшегося к району Аджигол. В дальнейшем на рубеже Тулумчак — Владиславовна — Тамбовка прикрыть отход 44-й армии на Ак-Манайские позиции. С выходом 44-й армии на рубеж Владиславовна — Ближние Камыши начать отход на Ак-Манайские позиции.

44-й армии, удерживая рубеж Дымовка — Ближняя Байбуга — Дальняя Байбуга — Джанкой, ударом в направлении Аджигол и Овцевка уничтожить противника, прорвавшегося к Аджиголу, и обеспечить выход левого крыла армии на Ак-Манайские позиции. В дальнейшем под прикрытием 51-й армии в ночь на 17 января начать отход на Ак-Манайские позиции.

В тот же день (16 января) в 21 ч 00 мин транспорт «Жан-Жорес» (3978 брт), вышедший в 16 ч 45 мин 14 января из Новороссийска, при входе в Феодосийский порт подорвался на магнитной mine и затонул. Погибло

около 40 человек, 40 автомашин, шесть орудий и боезапас.

17 января немцам удалось захватить Феодосию. По данным Манштейна, с 15 по 18 января советские войска в восточном Крыму потеряли 6700 человек убитыми, 10 тысяч пленными, а также 177 орудий и 85 танков. Наши данные о потерях отсутствуют.

В конце февраля корабли Черноморского флота начали интенсивный обстрел немецких войск в восточном Крыму, пытавшихся помешать нашим войскам войти на Керченский полуостров.

25 февраля в 17 ч 15 мин лидер «Ташкент», эсминцы «Бойкий» и «Бдительный» вышли из Новороссийска в район Феодосии с задачей обстрелять берег, занятый противником. В ночь на 26 февраля все три корабля произвели огневой налет по скоплениям частей противника в селениях Ближние Камыши, Сарыголь и в Феодосии. Каждый корабль израсходовал по 60 снарядов. В 7 ч 50 мин отряд прибыл в Новороссийск.

В 17 ч 00 мин 26 февраля эскадра флота в составе линкора «Парижская Коммуна», лидера «Ташкент», эсминцев «Безупречный» и «Бдительный» вышли из Новороссийска для обстрела германских сил на Феодосийском направлении. В ночь на 27 февраля эскадра обстреляла позиции противника под Феодосией. Линкор выпустил 50 305-мм и 20 120-мм снарядов, «Бойкий» и «Бдительный» не стреляли, а были заняты охраной линкора. Зато лидер «Ташкент» выпустил 60 снарядов по Судаку, эсминец «Безупречный» — 60 снарядов по селениям Сарыголь и Ближняя Байбуга. Выполнив задачу, эскадра отошла в квадрат дневного маневрирования.

В ночь на 27 февраля Отряд легких сил Черноморского флота, вышедший в 15 ч 35 мин 26 февраля из Туапсе, тоже обстрелял скопления неприятельских войск на Феодосийском участке фронта. Крейсер «Молотов», маневрировавший в охранении эсминца «Смышленный», сделал 40 выстрелов по селению Дальние Камыши, лидер «Харьков» — 30 выстрелов по Алуште, эсминец «Сообразительный» — 60 выстрелов по селениям Ближние Камыши и Аджигол. В это же время «Сообразительный» был безуспешно обстрелян вражеской батареей. Выполнив задачу, отряд отошел в квадрат дневного маневрирования.

В 23 ч 35 мин 27 февраля Отряд легких сил снова обстрелял пункты скопления войск противника на том же участке фронта. Крейсер «Молотов» в охранении лидера «Ташкент» и эсминца «Сообразительный» произвел 40 выстрелов по Феодосии, эсминец «Смышленный» — 30 выстрелов по селению Сарыголь и 30 выстрелов по селению Ближняя Байбуга.

В тот же день (27 февраля) в 3 ч 43 мин эсминец «Железняков» сделал 40 выстрелов по Евпатории и еще до рассвета вернулся в Севастополь. Тем

же способом, то есть выйдя поздно вечером из Севастополя и вернувшись до рассвета, эсминец «Шаумян» сходил на обстрел Ялты, по которой выпустил 78 102-мм снарядов.

А тем временем эскадра, проведя светлое время 27 февраля в квадрате дневного маневрирования, поздно вечером вернулась к берегам Крыма. В ночь на 28 февраля линкор выпустил 50 305-мм снарядов по городу Старый Крым, а эсминец «Бдительный» — по селу Оттузы. В 9 ч 30 мин 28 февраля эскадра возвратилась в Новороссийск.

В 2 ч 45 мин 28 февраля по дополнительному приказанию командующего Крымским фронтом Отряд легких сил в составе крейсера «Молотов», лидера «Харьков», эсминцев «Смышленный» и «Сообразительный» обстрелял селения Дальние Камыши, Ближние Камыши и Кокорель. В 11 ч 00 мин отряд прибыл в Туапсе, а в 19 ч 00 мин того же дня в прежнем составе вышел в район Феодосии для обстрела скоплений вражеских войск на берегу.

Между 18 ч 10 мин и 18 ч 40 мин 28 февраля базовые тральщики «Мина» и № 27 и четыре сторожевых катера вышли из Севастополя в море, имея задачей высадить демонстративный десант в районе Алушты. Крейсер «Красный Крым» и эсминцы «Шаумян» и «Железняков» вышли в тот же район для огневой поддержки демонстративного десанта.

Несмотря на сильный огонь противника (этот район занимали румыны), в ночь на 1 марта десант был высажен. Крейсер «Красный Кавказ» выпустил по Алуште и окрестностям 82 180-мм снаряда. «Шаумян» и «Железняков» выпустили соответственно 55 и 52 102-мм снаряда. Десантники пробыли на берегу до четырех часов утра, а затем вернулись на корабли. 1 марта в 12 ч 00 мин десантный отряд возвратился в Севастополь, а отряд корабельной поддержки отошел в квадрат дневного маневрирования.

В тот же день в 23 ч 05 мин Отряд легких сил Черноморского флота в составе крейсера «Молотов», лидера «Харьков», эсминцев «Смышленный» и «Сообразительный» обстрелял войска противника в селениях Владиславовна, Дальние Камыши и в районе высоты 56,5. Крейсер выпустил 81 180-мм снаряд. 2 марта отряд без потерь прибыл в Туапсе.

С конца февраля 1942 г. увеличились потери советских кораблей и судов. Основных причин две — действия германской авиации и собственные оборонительные заграждения.

В конце февраля подорвался на своих минах в районе Севастополя транспорт «Коммунист» (1941 брт). Никто из членов экипажа не спасся. Через несколько дней транспорт «Восток», следуя в Севастополь, встретил

шлюпку с двумя обледеневшими трупами членов экипажа «Коммуниста».

1 марта транспорт «Чапаев» (3566 т) подорвался на своем минном заграждении и затонул, и тоже у Севастополя. И наконец 6 марта в 5 ч 05 мин подорвался на своем минном заграждении по пути в Новороссийск эсминец «Смышленный». Команда самоотверженно боролась за живучесть, но через сутки, 7 марта в 8 ч 07 мин, эсминец затонул. Весь экипаж погиб.

25 февраля германские торпедоносцы впервые в 1942 г. атаковали советские, корабли. В 19 ч 15 мин при подходе к Севастополю три Хе-111 сбросили четыре торпеды на конвой в составе танкера «Москва», транспорта «Г. Димитров» и базового тральщика «Щит». Все торпеды прошли мимо, а немцы потеряли один Хе-111, видимо, по эксплуатационной причине, поскольку советские источники не упоминают о его сбитии.

Затем 2 марта в 3 ч 55 мин одиннадцать Хе-111 у мыса Утриш атаковали транспорт «Фабрициус» (3721 брт), шедший из Новороссийска в Камыш-Бурун. Одна торпеда попала в правый борт. Получив серьезные повреждения, транспорт выбросился на берег и был полностью разрушен штормом.

В тот же день германские Ю-88 потопили в Керченском порту тральщик ТЩ-491 «Кизылташ». 21 марта германские бомбардировщики потопили в Севастопольском порту транспорт «Г. Димитров» (3689 брт).

23 марта одиночный Хе-111 атаковал в 40 милях южнее мыса Херсонес транспорт «Чапаев» (4760 брт)^[147], шедший из Поти в Севастополь. В 19 ч 55 мин «Чапаев» получил попадание торпеды и в 20 ч 09 мин затонул. На транспорте находилось 233 бойца, восемь 122-мм, три 107-мм и десять 47-мм орудий, шесть автомашин, 195 т чугунного литья, 25 т обмундирования и 276 лошадей. Корабли охранения (эсминец «Шаумян» и два сторожевых катера) подобрали 173 человека. Погибло 86 красноармейцев и 14 человек из команды транспорта.

В тот же день, 23 марта, в 16 ч 00 мин германские бомбардировщики бомбили порт Туапсе. В результате был потоплен минный заградитель «Островский» и гидрографическое судно ГС-13. На следующий день немцы повторили налет на Туапсе и потопили в порту транспорт «Ялта» (611 брт). А на плавбазе «Нева» (в других документах «Нева» именуется учебным кораблем) близким разрывом бомбы был разрушен корпус между 111-м и 112-м шпангоутами, и она села на грунт на глубине 8 м.

Из-за мартовских штормов погибли буксир «Гарпун», шхуны «Краб» и «Украина».

Но вернемся к событиям на Керченском полуострове. Еще 28 января

1942 г. Сталин приказал реорганизовать Кавказский фронт, разделив его на Крымский фронт и Закавказский военный округ.

В состав Крымского фронта были включены войска бывшего Кавказского фронта, расположенные на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Краснодара (44-я, 51-я и 47-я армии). Кроме того, командующему Крымским фронтом были подчинены войска Севастопольского оборонительного района, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская военно-морская база. Командующему Крымским фронтом генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову был подчинен также Северо-Кавказский военный округ с правом использования его войск и формирований лишь с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования.

В состав Закавказского военного округа были включены территории Грузинской, Армянской, Азербайджанской союзных республик и Дагестанской автономной республики со всеми войсками, расположенными на территории этих республик/Командующему Закавказским военным округом были подчинены также войска, расположенные на территории Иранского Азербайджана.

Одной из причин неудач в ходе боев на Керченском полуострове в январе 1942 г. стало стремление советского командования перебрасывать на захваченные плацдармы дивизии в уменьшенном составе, оставляя на Таманском полуострове артиллерию, танки и другую тяжелую технику.

Ситуацию спасла суровая зима. Вся северная часть Керченского пролива между косой Чушка и Еникале была скована льдом. Прочный лед и мастерство саперов позволили устроить ледовую дорогу, которая действовала 27 дней — с 28 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г. и с 20 января по 11 февраля 1942 г. По ней в Крым переправили шесть стрелковых дивизий, одну кавалерийскую дивизию, две стрелковые бригады, 15 зенитных дивизионов, один артиллерийский полк, три автомобильных батальона, три дорожно-эксплуатационных полка, 11 батальонов аэродромного обслуживания. Всего по ледовой дороге с Таманского полуострова в Крым было переправлено 96618 человек, 23903 лошади, 6519 автомашин, 30 122-мм орудий, 103 76-мм орудия, 122 зенитных орудия, 45 45-мм орудий, 46 тракторов, 10 танкеток, 8222 повозки, 103 кухни.

1 февраля представители Ставки на Крымском фронте Козлов и Мехлис отправили в Ставку на утверждение план нового наступления на Керченском полуострове.

К этому моменту в состав 51-й армии входили: 224-я, 390-я и 396-я

стрелковые дивизии, 302-я и 138-я горнострелковые дивизии, 105-й горнострелковый полк, 12-я и 83-я стрелковые бригады, 25-й и 547-й артиллерийские полки. В состав 44-й армии входили: 157-я, 404-я и 398-я стрелковые дивизии, 63-я горнострелковая дивизия, 126-й отдельный танковый батальон, 457-й артиллерийский полк и дивизион гвардейских минометов. 47-я армия находилась во втором эшелоне. В ее состав входили 400-я стрелковая дивизия, 77-я горнострелковая дивизия, 72-я кавалерийская дивизия, 143-я стрелковая бригада, 13-й мотострелковый полк и 229-й отдельный танковый батальон. Две стрелковые дивизии (156-я и 236-я) и 126-й отдельный батальон (33 танка Т-26) составляли резерв фронта и находились на Таманском полуострове. А 24-й танковый полк (46 танков Т-26) прибыл на Крымский фронт в начале февраля 1942 г.^[148].

Немецкое командование также усиливало свои войска. По просьбе Манштейна маршал Антонеску отправил в Крым еще две пехотные дивизии. Из них 10-я пехотная дивизия развернулась на западном берегу Крыма в районе Феодосии для обеспечения противодесантной обороны, а 18-ю дивизию Манштейн отправил на северный фланг фронта на Керченском полуострове. Он считал, что, упираясь флангом в Азовское море, эта дивизия сможет удержать свою позицию, тем более что болотистая местность перед ее фронтом делала маловероятным использование противником крупных сил.

Кроме того, фронт на Керченском полуострове держали германские 170-я, 132-я и 46-я пехотные дивизии.

Наступление советских войск началось 27 февраля. Группировку из четырех дивизий 51-й армии поддерживало всего 170 орудий, а три дивизии 44-й армии 62 орудия. Главный удар наносили войска 51-й армии в районе селения Кой-Асан.

Для прорыва немецкой обороны были использованы танки 39-й, 40-й и 55-й танковых бригад и 229-го отдельного танкового батальона. Фронт атаки этих соединений не превышал 5 км, то есть плотность достигала 34 танка на 1 км. Наши танковые соединения и часта двигались тремя эшелонами. Каждой танковой бригаде и отдельному батальону было придано по саперной роте. Личный состав рот предполагалось везти за танками на специальных волокушах, но из-за размокания грунта от этой идеи пришлось отказаться и посадить саперов на танки первого эшелона. В задачу саперов входило разминирование проходов для техники и пехоты. Но, несмотря на все предпринятые меры, все же семь танков подорвались на минах.

Немецкие пехотные дивизии сражались насмерть, а вот румыны

традиционно побежали. Румынскую 18-ю пехотную дивизию поддерживали два германских артдивизиона, расчеты которых бросили орудия и подались вслед за союзниками.

Командование Крымского фронта доложило в Москву, что к 13 часам 28 февраля 1942 г. части 51-й армии захватили до 50 орудий, много минометов и свыше 100 пленных. А вот 44-я армия не продвинулась ни на шаг с начала наступления.

Корабельная артиллерия, как уже говорилось, осуществляла огневую поддержку наступлению Крымского фронта в куда больших масштабах, чем в 1941 г.

Чтобы поддержать Крымский фронт, войска СОРа в семь часов утра 27 февраля начали наступление в третьем и четвертом секторах обороны, нанося главный удар в направлении селения Заланкой. За день упорных боев нашим войскам удалось продвинуться на расстояние от 100 до 400 м.

На следующий день, 1 марта, немцы подтянули резервы, и в третьем секторе обороны СОРа велся уже встречный бой. В последующие дни в обороне Севастополя особых изменений не происходило.

Но вернемся к боям на Керченском полуострове. Румыны добежали до Киета, но там наши войска были остановлены германским 213-м пехотным полком, а также собранными «с бору по сосенке» солдатами тыловых резервных подразделений, включая штабы. А румынскую 18-ю пехотную дивизию отправили в тыл на переформирование. Советские источники сообщают о появлении на фронте 73-й германской пехотной дивизии.

2 марта немцам удалось закрепиться по всей линии фронта, а советские войска понесли большие потери в личном составе и потеряли 93 танка. Поэтому командарм Козлов приказал: «В связи с плохим состоянием грунта на Керченском полуострове и невозможностью вследствие этого вести наступательные действия... прочно закрепиться на выгодных рубежах и до особого распоряжения наступление прекратить»^[149].

Новое советское наступление было назначено на 13 марта. К этому времени Крымский фронт имел 8 танков KB, 13 Т-34, 32 Т-60 и 172 Т-26.

Л.З. Мехлис, вместо того чтобы применить танки массированно на направлении главного удара, распылил их между стрелковыми частями. Так, 229-й отдельный танковый батальон (четыре танка KB) был придан 77-й стрелковой дивизии, 39-я танковая бригада (2 KB, 6 Т-34, 11 Т-60) — 236-й стрелковой дивизии, 56-я танковая бригада (90 Т-26) — 12-й стрелковой бригаде, а 40-я танковая бригада (2 KB, 7 Т-34, 21 Т-60) — 398-й стрелковой дивизии. Командиры танковых бригад были подчинены командирам стрелковых дивизий и бригад.

На Керченском полуострове в девять часов утра 13 марта пошел мокрый снег. Командование испугалось потерять последние восемь тяжелых танков на размокшем грунте (из-за поломок коробок передач) и приказало не вводить их в бой. Но сей приказ до 229-го отдельного танкового батальона не дошел, и его четыре танка КВ все-таки пошли в атаку.

В ходе многочисленных атак с 13 по 19 марта советские войска понесли большие потери, но прорвать немецкую оборону не смогли. Хотя и силы противника были на исходе. Манштейн писал: «18 марта штаб 42-го корпуса вынужден был доложить, что корпус не в состоянии выдержать еще одно крупное наступление противника»^[150].

Тут же Манштейн пишет, что в течение первых трех дней наступления немцам удалось подбить 136 танков. На самом же деле с 13 по 19 марта 56-я танковая бригада потеряла 88 танков (56 подбито, 26 сгорело и шесть подорвались на минах), 55-я танковая бригада потеряла восемь танков, 39-я танковая бригада — 23 танка, 40-я танковая бригада — 18 танков, 24-й танковый полк — 17 танков, 229-й отдельный танковый батальон — три танка. Всего 157 танков.

В итоге Крымский фронт к 25 марта располагал 54 танками. Из них в 39-й танковой бригаде было четыре танка (два КВ и два Т-60), в 40-й бригаде — 13 танков (все Т-26), в 56-й бригаде — 31 танк (все Т-26), в 24-м танковом полку — четыре танка Т-26 и в 229-м отдельном батальоне — два танка КВ.

Зато германская 11-я армия впервые получила танковую дивизию. В конце марта в Крым начали прибывать подразделения 22-й танковой дивизии. В апреле в Крым прибыла 28-я легкая пехотная дивизия, а также 7-й румынский армейский корпус в составе 19-й пехотной дивизии и 8-й кавалерийской бригады.

20 марта немцы предприняли контратаку из района поселка Ново-Михайловка в район поселка Кормечь. Пехоту поддерживали 50 танков 22-й танковой дивизии. Бой шел до вечера. Нашу пехоту поддерживали 39-я и 40-я танковые бригады. По советским данным, немцы потеряли до 35 танков, из которых 17 остались на поле боя. Причем восемь танков после осмотра нашими танкистами оказались в полной исправности.

Несколько слов скажу и о действиях на море. 20 марта 1942 г. нарком Кузнецов издал приказ, где говорилось: «Перерыв коммуникаций противника есть часть борьбы за Крым»^[151]. Далее следовало: «Для увеличения радиуса действия применять буксирование и лидирование

торпедных катеров и сторожевых катеров. [Интересно, а ранее ни он, ни Октябрьский до этого додуматься не могли, особенно когда Одесса и Измаил были в наших руках? — А.Ш.]

Немедленно приступить к оборудованию части сторожевых катеров МО под приемку мин, используя опыт бронекатеров Дунайской военной флотилии; базой развертывания катеров иметь Севастополь.

Минные постановки авиацией производить с аэродромов в районе Анапы, а в случае необходимости использовать для подскока Херсонесский аэродром; выделение для этой цели трех самолетов недостаточно, количество их для минных постановок необходимо увеличить...

Военный Совет Черноморского флота доложил Военному Совету Крымского фронта, что в связи с усилением активности вражеской авиации на море дневной обстрел противника кораблями может немедленно привести к потере этих кораблей. Прикрывать же корабли достаточным количеством истребителей (не менее шести самолетов) в течение всего времени пребывания их в море невозможно вследствие ограниченного количества самолетов и малого радиуса их действия. Поэтому Военный Совет флота просил разрешения продолжать использование кораблей для обстрела берега только ночью...

Так как эскадренные миноносцы были заняты охранением транспортов и кораблей, Военный Совет флота считал невозможным выделить постоянный отряд кораблей для артиллерийской поддержки армии»^[152].

Опять же, риторический вопрос: зачем нужно было выделять эсминцы, а то и крейсер для охранения транспортов? Может, от того же «призрака супермарине»? Ведь на март 1942 г. у немцев по-прежнему не было на Черном море ни надводных кораблей, ни подводных лодок, кроме паромов «Зибель». А может, для отражения воздушных атак супостата? Так у наших эсминцев к тому времени средства ПВО были, мягко выражаясь, слабоваты. А кто мешал ставить на транспорты 12,7-мм пулеметы ДШК или Виккерса, 20-мм пушки Эрликон, 37-мм пушки 70К и Кольт? Благо, они с начала 1942 г. стали поступать в большом количестве как от промышленности, так и по ленд-лизу.

Между прочим, 30 марта 1942 г. Октябрьский указал командирам военно-морских баз, соединений и кораблей, что корабли конвоя при движении с караванами уходят от транспортов на дистанцию до 10 кабельтовых. Командующий предупредил всех командиров кораблей, что подобные действия граничат с преступлением и что задача конвоя — охранять транспорты от надводного противника и прежде всего от его авиации — невыполнима, если корабль охранения будет находиться не в

двух, а в 10 кабельтовых от транспорта.

В ночь на 20 марта крейсер «Ворошилов» и эсминец «Свободный», маневрируя в районе Феодосийского залива, обстреляли пункты скопления вражеских войск перед Крымским фронтом. «Ворошилов» выпустил по селению Дальние Камыши 60 снарядов, по Владиславовке — 80 снарядов, по селению Ближние Камыши — 40 снарядов и по селению Аджигол — 40 снарядов. «Свободный» сделал 50 выстрелов по селению Корокель и 40 выстрелов по Сарыголь. В 4 ч 30 мин обстрел был закончен, и в 11 ч 43 мин корабли прибыли в Туапсе.

В ночь на 21 марта линкор «Парижская Коммуна» и лидер «Ташкент», маневрируя в Феодосийском заливе, в охранении эсминцев «Бойкий», «Безупречный» и «Бдительный», обстреляли скопления войск противника в селениях Владиславовна и Ново-Михайловка. Линкор сделал 131 выстрел, а лидер — 120 выстрелов. По окончании обстрела корабли отошли в квадрат дневного маневрирования.

На следующую ночь линкор «Парижская Коммуна» и лидер «Ташкент» вновь обстреляли войска противника перед Крымским фронтом. Линкор сделал 164 выстрела главным калибром по скоплению вражеских войск во Владиславовке, а лидер — 100 выстрелов по селению Корокель. Во время стрельбы вокруг «Парижской Коммуны» было замечено 12 разрывов вражеских снарядов. После стрельбы корабли пошли в Поти.

После этих стрельб расстрел орудий главного калибра на линкоре достиг 100 и более процентов по дореволюционным нормам. Поскольку 305-мм орудия корабля не были лейнированы, пришлось провести в Поти замену всех двенадцати тел. Все работы были завершены к 12 апреля 1942 г. 19 апреля «Парижская Коммуна» вышла из Поти на пробу орудий и, удачно отстреляв их, через два дня вернулась.

Командование Черноморского флота было обеспокоено большой потерей транспортов, потопленных германской авиацией и погибших на собственных минах. 24 марта Военный Совет Черноморского флота обратился к наркому ВМФ с просьбой о посылке на Черное море «самолетов Пе-2» (не ясно, о чем идет речь: о бомбардировщиках или истребителях Пе-3, поскольку на Черном море периодически бомбардировщики Пе-2 использовались в качестве истребителей, видимо, командование Черноморского флота не видело особой разницы между Пе-2 и Пе-3). Одновременно был поднят вопрос о закупке транспортов в Турции. 28 марта Кузнецов сообщил, что в апреле Черноморский флот получит Пе-2 и истребители, а также «что за границей свободного тоннажа, который бы нам продали, сейчас нет».^[153]

Но вернемся к борьбе на коммуникациях. В 12 ч 30 мин 28 марта транспорт «Ворошилов», имея на борту 2650 раненых, в охранении базовых тральщиков «Искатель», «Взрыв» и трех сторожевых катеров, вышел из Камыш-Буруна в Новороссийск. В 19 ч 05 мин в районе мыс Утришонок — мыс Мысхако «Ворошилов» был атакован четырьмя торпедоносцами Хе-111. Одна торпеда попала в район второго трюма, не повредив механизмы. Транспорт выбросился на берег в районе устья реки Озерейка. Люди с него были сняты.

По приказу командующего Черноморским флотом для ПВО транспортных судов на переходах с конца марта 1942 г. начали привлекаться пикирующие бомбардировщики Пе-2, поскольку радиус действия наших старых истребителей И-16 и новых Як-1 и МиГ-1 был крайне мал. Это был естественный выход из положения, который применялся и в других странах. Так, англичане переделали бомбардировщик «Блейнхейм I» в тяжелый истребитель «Блейнхейм IF», а немцы на базе бомбардировщика Ю-88 создали тяжелые истребители Ю-88С и Ю-88Г.

Перед войной в СССР было испытано несколько типов тяжелых истребителей и, кстати, неплохих. Но командование ВВС буквально придиралось к конструкторам, в результате чего советская авиация осталась вообще без тяжелых истребителей. В конце концов на базе пикирующего бомбардировщика Пе-2 были созданы истребители Пе-3 и Пе-3бис. Несколько сотен их были изготовлены в 1941 г. Однако Пе-3 использовали не по назначению, а для прикрытия транспортных самолетов с начальством средней руки, в качестве истребителей и бомбардировщиков в битве за Москву и т. д. Допускаю, что битва за Москву имела большее значение, чем битва за Черное море, но там куда более эффективно действовали бы Як-1 и МиГ-3, чем Пе-3. А вот использование бомбардировщиков Пе-2 в качестве тяжелых истребителей было малоэффективным из-за слабого наступательного вооружения, отсутствия должного опыта у летчиков и т. д.

2 апреля в 18 ч 58 мин танкер «Куйбышев» (4629 брт), шедший из Новороссийска в Камыш-Бурун, у мыса Железный Рог был атакован пятью торпедоносцами Хе-111. Танкер шел в сопровождении эсминца «Незаможник» и двух сторожевых катеров. С воздуха его прикрывали два МиГ-3. Танкер вез 2500 т бензина, 1000 т керосина, 250 т лигроина и 120 т масла. Одна из торпед попала в кормовой танк судна. Возник сильный пожар, танкер сдрейфовал в район банки Мария Магдалина, где переломился от взрыва и затонул на мелководье. 24 человека из команды

погибло, 34 спасено. Пожар на полузатопленном корабле продолжался в течение недели.

3 апреля в 3 ч 45 мин крейсер «Ворошилов» и лидер «Ташкент» обстреляли войска противника на Феодосийском участке фронта. «Ворошилов» выпустил 76 снарядов по селению Владиславовка, а «Ташкент» — 50 снарядов по селению Дальние Камыши и 50 снарядов по высоте 56,5.

В 8 ч 55 мин эти корабли вместе с эсминцем «Бойкий», вышедшим в 2 ч 05 мин к ним навстречу, прибыли в Новороссийск, а в 21 ч 00 мин «Ташкент» вышел в Батуми с заходом в Потти.

В 20 ч 35 мин эсминец «Шаумян» вышел из Новороссийска в Потти. Из-за грубейших нарушений правил штурманской службы «Шаумян» на 18-узловой скорости выскочил на каменную гряду в районе Тонкого мыса. На помощь ему из Новороссийска были высланы ледоколы № 7 и «Торос», морской буксир «Симеиз» и сторожевой корабль «Петраш». Однако, несмотря на все усилия спасателей, снять эсминец с мели не удалось. Брошенный корабль в течение последующих недель был разрушен штормами и несколькими налетами германской авиации.

Утром 9 апреля войска Крымского фронта при поддержке танков и авиации перешли в наступление, имея задачей овладеть Кой-Асанским узлом сопротивления. Однако из-за сильного огневого противодействия противника это наступление успеха не имело.

Утром 11 апреля войска Крымского фронта вновь перешли в наступление, имея целью овладеть Кой-Асанским узлом сопротивления. Однако из-за интенсивного артиллерийского огня противника наступление захлебнулось.

17 апреля в 7 ч 24 мин транспорт «Сванетия» (4125 брт), шедший из Севастополя в Новороссийск в охранении эсминца «Бдительный», был обнаружен немецким самолетом, и в 14 ч 00 мин восемь Хе-111 и четыре Ю-88 его атаковали, но безуспешно. В 16 ч 10 мин в атаку на «Сванетию» вышли девять торпедоносцев Хе-111 и сбросили шесть торпед, две из которых попали в носовую часть судна. Спустя 20 минут «Сванетия» затонула. При этом погибло 535 человек (по другим данным — 750 человек) из числа экипажа, а также гражданских лиц, эвакуируемых из Севастополя.

В 16 ч 47 мин эсминец «Бдительный» был также атакован немецкими торпедоносцами, но безрезультатно. В 17 ч 05 мин «Бдительный» начал спасать людей со «Сванетии», но из 143 спасенных 17 человек умерло.

21 апреля директивой Ставки были произведены кардинальные

организационные изменения. Ставка приказала:

1. Создать Северо-Кавказское направление, включив в его состав войска Крымского фронта, Севастопольского оборонительного района и Северо-Кавказского военного округа в границах: справа — река Дон от устья до Верхне-Курмоярской и далее по восточной границе Северо-Кавказского военного округа; слева — Лазаревская, Грачевка, Красная Поляна и далее по южной и восточной границам Северо-Кавказского военного округа.

Черноморский флот и Азовскую военную флотилию включить в состав Северо-Кавказского направления.

2. Главнокомандующим Северо-Кавказского направления назначить маршала Советского Союза Буденного, заместителем Главнокомандующего по морской части и членом Военного Совета — адмирала Исакова, начальником штаба направления — генерал-майора Захарова, освободив его от должности заместителя командующего Западным фронтом.

Любопытно, что Донской речной отряд кораблей Азовской военной флотилии был подчинен командующему Южным фронтом. Этот отряд вел боевые действия с 5 октября 1941 г. К 21 апреля 1942 г. в его составе были четыре речные канонерские лодки^[154] и шесть сторожевых катеров.

21 апреля с 8 ч 20 мин до 8 ч 30 мин 12 Ю-88 бомбили порт Новороссийск, сбросив на него 30 бомб. Двумя прямыми попаданиями были потоплены у причала транспорт «Калинин» (4156 брт), шхуна «Мечта», сейнер № 05, плавучий кран и буксир «Партизан». На крейсере «Коминтерн» были два убитых и шестнадцать раненых, выбыли из строя два 76-мм зенитных орудия и пулемет М-4. Правда, транспорт «Калинин» через пять дней подняли и после ремонта вновь ввели в строй.

Может, не к месту, но скажу здесь о береговой батарее № 661 (три 130-мм пушки) на косе Очаковской в Азовском море. (Иногда ее называли Павлово-Очаковская.) Батарея постоянно гвоздила немцев в порту и городе Таганроге. Первое упоминание о ней в «Хронике...» относится к 23 февраля 1942 г., когда батарея в честь Дня Красной Армии выпустила по Таганрогу 24 снаряда. Далее стрельбы велись регулярно. Так, 24 и 25 апреля батарея сделала по 10 выстрелов по порту Таганрог. В ответ германские бомбардировщики 25 апреля в 21 ч 55 мин сбросили на батарею № 661 три бомбы, однако разрушений и жертв не было. Батарея вела огонь аж до 1 августа 1942 г.

На Крымском фронте атаки наших штурмовых отрядов, проведенные в ночь на 25 апреля с целью захвата опорных пунктов восточнее селения Кой-Асан Русский, были отбиты сильным артиллерийским и минометным

огнем противника. Все части фронта продолжали оборонять прежние рубежи.

В 6 ч 20 мин 26 апреля торпедоносец Хе-111 атаковал брошенный на мели у мыса Тонкий эсминец «Шаумян». Из двух сброшенных торпед одна взорвалась на берегу, а другая затонула, не дойдя до цели. А командир, небось, доложил о потоплении эсминца.

В апреле 1942 г. произошло существенное усиление бомбардировочной авиации немцев. Результатом этого стали постоянные бомбардировки советских портовых городов. Так, только 28 апреля между 16 ч 00 мин и 17 ч 14 мин 43 Хе-111 бомбили город и порт Керчь, сбросили 131 бомбу. Корабли повреждений не имели, в городе разрушено 32 здания, четыре нефтяных бака, убито 168 и ранено 48 человек.

С 14 ч 20 мин 28 апреля семь Ю-88 произвели налет на Новороссийск, сбросив до 30 бомб, которые упали в районе вокзала, элеватора и цементного завода «Октябрь». Было разрушено два амбара элеватора, два жилых дома и железнодорожные пути на вокзале, имелись жертвы. Корабли не пострадали.

С 16 ч 20 мин до 16 ч 40 мин немецкие самолеты двумя волнами бомбардировали Новороссийск. Первая группа в составе девяти Ю-88 сбросила 50 бомб, которые упали в воду и на пустыри, не причинив вреда. Вторая группа в составе двенадцати Ю-88 была встречена нашими истребителями на подходе к городу. Зенитная артиллерия и истребительная авиация сбили девять самолетов противника. На зенитных батареях было выведено из строя три орудия, убито четыре и ранено 13 человек из состава оружейных расчетов. Повреждений и жертв в городе не было.

С 18 ч 40 мин до 18 ч 50 мин пять Ю-88 сбросили несколько бомб в районе Мысхако, но безрезультатно. Наши истребители сбили один Ю-88.

С 20 ч 25 мин до 22 ч 00 мин до 30 немецких самолетов группами по 4–5 машин вновь налетали на Новороссийск, сбросив 70 бомб. На заводе «Красный Двигатель» возник пожар — горели два цеха. Корабли от бомбардировки не пострадали.

«В течение дня 28 апреля конвой в составе транспорта "А. Серов", эсминца "Железняков", базовых тральщиков "Щит", "Якорь", "Взрыв" и двух сторожевых катеров, следовавший из Севастополя в Новороссийск, был трижды безуспешно атакован немецкими самолетами. В 11 ч 20 мин он был атакован в ш = 43°30', д = 35°07' (в 70 милях к югу от мыса Меганом) тремя торпедоносцами, в 11 ч 55 мин шестью бомбардировщиками, сбросившими 24 бомбы, и в 16 ч 45 мин пятью бомбардировщиками Ю-88, сбросившими 20 бомб. Для прикрытия конвоя с воздуха из Новороссийска

вылетели два ДБ-3, два СБ и два МБР-2»^[155].

Как видим, наших истребителей то не хватало, то им малая дальность полета не позволяла прикрыть конвой. К сожалению, мне не удалось восстановить подробности воздушного боя между нашими и германскими бомбардировщиками. Но доподлинно известно, что наши корабли повреждений не получили, за исключением того, что маневрировавший эсминец «Железняков» слегка задел тральщик и помял себе форштевень. Тральщик же существенных повреждений не получил. Убитых и раненых на кораблях не было.

В начале 1942 г. крайне пассивно вела себя Азовская военная флотилия. Ее действия ограничивались конвоированием судов и выставлением дозоров. Лишь в ночь на 29 апреля канонерская лодка «Буг» в сопровождении катера-тральщика обстреляла «скопление судов противника» (трофейные, бывшие советские сейнеры) в гавани Мариуполя, выпустив 29 снарядов. При отходе наших кораблей артиллерия противника открыла по ним беспорядочный огонь. В 8 ч 00 мин корабли без повреждений и потерь возвратились в Ейск. Их отход прикрывала 87-я авиаэскадрилья.

3 мая командующий Крымским фронтом сообщил командующему Черноморским флотом, что согласно директиве Ставки за № 170302 от 21 апреля 1942 г. и указанию Главнокомандующего Северо-Кавказского направления Крымский фронт с 27 апреля перешел в непосредственное подчинение Главкома Северо-Кавказского направления. Главкомом Северо-Кавказского направления назначен маршал Советского Союза Буденный, а его заместителем по морской части — адмирал Исаев.

Черноморский флот, Севастопольский оборонительный район с Приморской армией и Азовская военная флотилия исключены из оперативного подчинения командованию Крымским фронтом. Керченская военно-морская база оставалась в оперативном подчинении Крымскому фронту.

Охрана побережья Азовского и Черного морей передана Северо-Кавказскому направлению. Оборона Керченского полуострова со стороны Азовского моря возложена на Крымский фронт совместно с Азовской военной флотилией.

Глава 20. Керченский погром

28 марта 1942 г. на совещании высшего командного состава Гитлер объявил о плане новой летней кампании. Первое германское наступление в 1942 г. было решено провести в Крыму сразу после того, как просохнет почва. В начале должен был быть захвачен Керченский полуостров, а затем Севастополь. Уроки кампании 1941 г. были учтены. В Крым отправлялись танки и авиация. Судьбу Севастополя должна была решить тяжелая германская артиллерия. На Черное море направлялись германские подводные лодки и надводные корабли, а также легкие силы итальянского флота (о них будет рассказано в отдельных главах).

В апреле 1942 г. Крым посетил маршал Антонеску. Диктатор вел себя очень важно. Как писал Манштейн: «Высшие румынские офицеры, казалось, боялись его как самого Господа Бога»^[156]. Антонеску пообещал прислать в Крым еще две румынские дивизии.

Штаб Манштейна составил план операции по уничтожению советских войск на Керченском полуострове, получивший кодовое название «Охота на дроф». Согласно этому плану войска Севастопольского оборонительного района должны были сдерживать 54-й германский корпус и вновь прибывшая румынская 19-я пехотная дивизия. Весь Южный берег Крыма должна была защищать одна румынская 4-я горная бригада.

На Керченском же перешейке должны были наступать пять германских пехотных дивизий (170-я, 182-я, 186-я, 46-я и 50-я), 26-я легкая пехотная дивизия, 22-я танковая дивизия, а также румынские 19-я пехотная дивизия и 8-я кавалерийская бригада. На сей раз у немцев было до двухсот танков и самоходных установок. К 20 апреля на Крымском фронте у немцев имелось: 123 миномета, 15 7,5-см, 132 10,5-см и 62 15-см орудия, а также 16 21-см мортир.

Советские войска располагались уступом, вытянутым на севере. Численно они превосходили противника в полтора раза. К 8 мая в частях Крымского фронта имелось: 41 танк КВ, 7 Т-34, 111 Т-26, 79 Т-60. Итого 238 танков, не считая 79-го учебного танкового батальона, имевшего пять танков Т-26, один ХТ-133 и один трофейный Т-IV.

К 4 мая 1942 г. в составе артиллерии Крымского фронта имелось: минометов 50-мм — 1340, 82-мм — 817, 107-мм — 41 и 120-мм — 168; 45-мм противотанковых пушек — 175; 76-мм полковых пушек — 70; 6-мм дивизионных и корпусных пушек — 330; 122-мм гаубиц — 191; 152-мм

гаубиц — 5; 107-мм пушек — 21; 122-мм пушек А-19 — 24; 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 — 109; пусковых установок реактивных снарядов М-8 — 24; пусковых установок реактивных снарядов М-13 — 29.

В 1987 г. А.В. Басов писал: «6 мая Буденный предупредил о возможном переходе противника в наступление против войск Крымского фронта.

Однако требование об усилении обороны оказалось невыполненным. Оборонительной группировки войск для отражения ожидаемого наступления врага не было создано. Все три армии (47-я, 51-я и 44-я, всего 21 дивизия) находились в одном эшелоне фронта. Дивизии и бригады, входившие в состав армий, были вытянуты в одну линию, а их боевые порядки до предела уплотнены. Стрелковые дивизии действовали в чрезвычайно узких полосах (в среднем по 2 км). Небольшие резервы, так же как и пункты управления, располагались близко к переднему краю, что ставило их под угрозу ударов вражеской артиллерии. Главная полоса протяженностью 27 км не имела необходимой глубины (она не превышала 4 км), а вторая была создана лишь на правом фланге. Левый приморский фланг не обеспечивался со стороны моря. Там не было кораблей, которые поддерживали бы фланг сухопутных войск. Артиллерийские противотанковые резервы во фронте и в армиях не были созданы, противовоздушная оборона войск также не была организована должным образом. Фронтной тыловой рубеж — позиции Турецкого вала и керченского оборонительного обвода — в инженерном отношении не были завершены и войсками не занимались»^[157].

Таким образом, Басов все валит на командование Крымского фронта. Попробуем разложить все по полочкам. Директивой № 2/оп от 6 мая 1942 г. Буденный не предупредил, а дезинформировал командование Крымского фронта. Там говорилось: «...неприятель сосредоточил переправочные средства по азовскому побережью на участках Таганрога, Мариуполя и транспортную авиацию в Днепропетровске, Запорожье, Кировограде и Николаеве.

По данным разведки Южного фронта и Азовской военной флотилии, в районе Мариуполя и Таганрога противник имел транспорты, мотоботы и другие мелкие суда, позволявшие ему поднять одновременно до 7000 человек с личным вооружением. В порт Мариуполь прибыло до 2000 и ожидается прибытие еще до 300 немецких моряков. На участке Мариуполь — Таганрог было сосредоточено до двух пехотных дивизий немцев и до бригады румын.

По данным опроса пленного офицера германской армии, немцы

сосредоточили транспортную авиацию в районах Николаева и Запорожья, имея до 150 самолетов (Ю-88 и Хе-111) в Николаеве и до 100 самолетов в Запорожье. В Крыму было сосредоточено до 200 бомбардировщиков и до 150 истребителей»^[158].

Таким образом, по Буденному, немцы собирались высадить морские и воздушные десанты на северное побережье Керченского полуострова, то есть со стороны Азовского моря.

А теперь дадим слово Манштейну: «Успех операции зависел от двух предварительных условий. Во-первых, от того, удастся ли нам держать противника в заблуждении относительно направления главного удара, а именно что он наносится якобы на северном участке, до тех пор пока для противника не будет упущена возможность выйти из окружения или перебросить свои резервы на южный участок. Во-вторых, от того, с какой скоростью будет проходить наступление на север 30-го армейского корпуса, а в особенности 22-й танковой дивизии»^[159].

Таким образом, Буденный подыграл немцам. И командование Крымского фронта по приказу маршала сосредоточило свои основные силы на севере, а не на юге, где Манштейн планировал нанести свой главный удар.

А вот командование флота почему-то проигнорировало директиву Буденного и попросту занималось охраной транспортов (от кого?), выставив охранение из кораблей и подводных лодок у кавказских баз.

Риторический вопрос: как могло командование Крымского фронта ждать вражеский десант со стороны Черного моря, когда там у немцев еще не было боевых кораблей, а боевая мощь Черноморского флота за счет поступления новых кораблей почти не уменьшилась по сравнению с 22 июня 1941 г.?

А рано утром 8 мая немцы, погрузили в Феодосии батальон пехоты на штурмовые лодки и высадили десант у горы Ас-Чалуле в тылу у наших войск. Батальон перешел в наступление и вызвал панику среди наших войск. Представим на секунду, если в Феодосийском заливе дежурили... нет, не крейсера, а хотя бы звено торпедных катеров или пара сторожевых катеров или бронекатеров? (Их-то у нас было с избытком.) Ведь ни одна бы немецкая лодка не ушла бы. Но Манштейн за 1941 г. хорошо изучил манеры наших адмиралов.

Одновременно с десантом 30-й корпус, поддержанный 150 танками и САУ, прорвал позиции 63-й горнострелковой и 276-й стрелковой дивизий на южном участке фронта. На остальных же участках фронта 42-й

германский корпус поначалу лишь проводил демонстрацию наступления.

Всего 8 мая люфтваффе произвело 900 самолето-вылетов над Керченским проливом.

А в это время адмирал Октябрьский отдал приказ: готовиться кораблям к обстрелу побережья противника и... «при использовании кораблей флота учитывать исключительно большое число самолетов противника в Крыму и еще раз доложить высшему командованию о невозможности использования крейсеров и линейного корабля для обстрела войск противника в районе Феодосии днем и нежелательности держать эти корабли в Новороссийске»^[160].

Каково подстраховался: и к бою готовился, и Москву предупредил, что лучше в драку не лезть!

Тут же Октябрьский приказал крейсеру «Красный Крым» в охранении двух эсминцев после погрузки в Новороссийске боезапаса и маршевого пополнения не позже 10 мая выйти в Севастополь. А что, нельзя было отправить маршевое пополнение на транспорте в сопровождении двух-трех катеров МО-4? Наш адмирал только что боялся вражеских самолетов, а тут еще и мины у Севастополя поставили по его же приказу. Тут почему-то можно было рисковать крейсером и двумя эсминцами.

К исходу 8 мая 404-я стрелковая дивизия была разгромлена. Немцы прорвали фронт на южном участке шириной в 5 км и на глубину 8 км. На остальных участках фронта советские войска отбили все атаки и удержали занимаемые позиции.

9 мая германские войска продолжали наступление. В этот день люфтваффе произвело 1400 самолето-вылетов по войскам Крымского фронта. Вечером того же дня германские бомбардировщики сбросили в Керченский пролив несколько неконтактных донных мин. Советское командование объявило о закрытии входа в Керчь со стороны Черного моря.

9 мая Манштейн ввел в дело 22-ю танковую дивизию, атаковавшую 56-ю танковую бригаду и 229-й отдельный танковый батальон (11 танков КВ, 15 Т-26 и 11 Т-60). В ходе упорного боя наши части потеряли пять танков КВ и девять танков Т-26. По советским данным, немцы потеряли 50 танков. Понятно, что это преувеличенные данные, хотя, вообще говоря, немецкие танкисты не особенно любили встречаться с танками КВ^[161].

К исходу 9 мая в полосе 44-й армии уже не имелось сплошного фронта. Остатки занимавших оборону стрелковых дивизий мелкими группами отходили на восток. 72-й кавалерийской дивизии была

поставлена задача остановить отступление, но безрезультатно.

На левом крыле 51-й армии из-за отступления 236-й стрелковой дивизии с ночи на 10 мая также образовался не занятый нашими войсками прорыв от селения Пять Курганов до города Кайман.

Глубина прорыва немцев на некоторых участках Крымского фронта достигала 30 км, и 10 мая в 2 ч 55 мин командующий фронтом с представителями Ставки были вызваны к прямому проводу для переговоров с Верховным Главнокомандующим. Мехлис, Козлов и Колосов доложили, что левый фланг они отводят за Ак-Манайские позиции. Задержать противника они надеются силами 12-й и 143-й стрелковых бригад и 72-й кавдивизии. 156-я стрелковая дивизия ставилась на Турецкий вал. Они просили разрешения перебросить с Тамани 103-ю стрелковую бригаду и из-за непрерывных бомбежек перенести командный пункт фронта на северную окраину Керчи.

Ответ Сталина был лаконичен: «Всю 47-ю армию необходимо немедленно начать отводить за Турецкий вал, организовав арьергард и прикрыв отход авиацией. Без этого будет риск попасть в плен.

103-ю бригаду дать не можем.

Удар силами 51-й армии можете организовать с тем, чтобы и эту армию постепенно отводить за Турецкий вал.

Остатки 44-й армии тоже нужно отводить за Турецкий вал...

Примите все меры, чтобы вся артиллерия, особенно крупная, была сосредоточена за Турецким валом, а также ряд противотанковых полков.

Если вы сумеете и успеете задержать противника перед Турецким валом, мы будем считать это достижением. Все.

Мехалис: Сделаем все в точности по вашему приказу...

Сталин: Скоро придут три полка авиации в Ейск и в Новороссийск в распоряжение Буденного. Можете их взять для вашего фронта. Торопитесь с исполнением указания, время дорого, вы всегда опаздываете»^[162].

Как видим, в разговоре Черноморский флот даже не был упомянут. Между тем Октябрьский сумел напугать вражеской авиацией Кузнецова; и тот решил тоже подстраховаться и запретил использовать для артиллерийской поддержки Крымского фронта не только линкор, но и крейсер «Ворошилов». (Крейсер «Молотов» с 19 марта по 10 июня 1942 г. находился в Поти на «планово-предупредительном» ремонте.)

В ночь на 9 мая эсминцы «Бдительный» и «Сообразительный» обстреляли войска противника в пунктах Дальние Камыши и Корокель и по прибрежной дороге между ними. В 7 ч 30 мин эсминцы возвратились в Новороссийск.

Понятно, что обстрел велся без корректировки, по площадям, а в переводе на русский язык — «куда Бог пошлет».

На следующую ночь лидеры «Ташкент» и «Харьков», прибывшие в Феодосийский залив с целью обстрела балки Песчаной, района горы Ас-Чалуле и селения Дальние Камыши, задания выполнить не могли из-за отсутствия береговых огней и невозможности при видимости не более двух кабельтов определить по берегу, а также из-за неуверенности в точности счислимого места после 330-мильного перехода. В 8 ч 30 мин лидеры возвратились в Новороссийск.

Опять же риторический вопрос: что, командиры лидеров не знали прогноз погоды? Не знали такую вещь, как радиомаяки? Не могли с собой взять пару морских охотников или торпедных катеров, которые могли подойти непосредственно к берегу и помочь точно определить место?

Да и вообще, поражает нежелание армейских и флотских чинов наладить взаимодействие. Почти четыре месяца Крымский фронт занимал вытянутый в длину Керченский полуостров. На левом фланге — мелководный Феодосийский залив, на правом — совсем мелкий Арабатский залив. Неужели нельзя было на флангах создать соединения быстроходных катеров (морских охотников, торпедных катеров, бронекатеров, в крайнем случае, разъездных, прогулочных катеров и т. д.)? Для защиты от авиации их можно было замаскировать на берегу. Благо, я знаю местность не понаслышке, сам с 14 лет почти ежегодно бывал в Крыму и облазил почти все побережье от Керчи до Евпатории.

Не немцы, а советские войска должны были высадить десант на флангах немецких войск на Керченском перешейке. А кто мешал уже после 8 мая высадить тактический десант на Южном берегу Крыма от Алушты до Коктебеля? Ведь, как уже говорилось, весь этот район занимала одна 4-я румынская горная бригада, а как румыны воевали, наши генералы и адмиралы уже знали. Тем не менее флот практически ничего не делал для спасения Крымского фронта.

Линкор «Парижская Коммуна» 19 апреля вышел из Поти под охраной эсминца «Бойкий», четырех сторожевых катеров и трех торпедных катеров в море для отстрела новых стволов. Испытания прошли удачно, и 21 апреля в 14 ч 10 мин линкор в сопровождении эсминцев «Бойкий» и «Дзержинский» прибыл в Поти. После этого линкор не сделал ни одного выстрела по врагу. Он вообще ни разу не выходил в море, если не считать путешествия в Батуми с 13 сентября по 25 ноября 1942 г., когда советское командование не было уверено, что Поти удастся отстоять. Риторический вопрос: зачем он в этом случае нужен был в Батуми? Потом линкор опять

вернулся в Потти, где его так хорошо замаскировали, что немцы с 19 апреля 1942 г. так и не узнали, существует ли еще он или нет. Так нашим адмиралам удалось сохранить сей музейный экспонат до конца войны.

Всего за время войны линкор «Парижская Коммуна» израсходовал 1145 (по другим данным — 1159) снарядов главного калибра, то есть менее одного боекомплекта. А 8 июля 1945 г. линкор, переименованный 31 мая 1943 г. в «Севастополь», был награжден орденом Красного Знамени.

Лишь в ночь на 12 мая 1942 г. лидерам «Ташкент» и «Харьков» удалось обстрелять побережье Феодосийского залива (понятно, что без корректировки огня). Аналогичные обстрелы эти два лидера проводили и в последующие две ночи.

Любопытным примером, доказывающим, что мощь люфтваффе была не безграничной, служит история канонерской лодки «Рион». 14 ноября 1941 г. канонерка «Рион» (бывшая грязеотвозная шаланда) получила в Керченском проливе прямое попадание авиабомбы и выбросилась на берег в районе поселка Ильча на Таманском полуострове. Снять ее не удалось, но зато два 130/55-мм орудия остались целы, и «Рион» использовалась как стационарная батарея. Итак, открыто стоящая на берегу крупная цель (длиной 51,2 м и шириной 9,64 м) вела огонь по германским позициям на берегу Керченского пролива почти полгода, и лишь 11 мая 1942 г. ее корпус был разрушен германской авиацией.

Крейсер «Красный Крым» и эсминцы «Незаможник» и «Дзержинский», попавшие 13 мая в сплошной туман, около полуночи 14 мая застопорили машины у подходной точки военного фарватера № 3 главной базы и ожидали улучшения видимости. Около полудня 14 мая, еще при плохой видимости, крейсер и эсминцы начали движение в главную базу. «Дзержинский», шедший головным, вышел на свое минное заграждение и в 12 ч 27 мин подорвался на mine. Из 170 человек экипажа и 125 человек маршевой роты было спасено только 35 человек, остальные погибли.

«Начиная с 11 мая, — писал Манштейн, — операция протекала уже без существенных задержек, 22-я танковая дивизия броском вышла на северное побережье. Примерно восемь дивизий противника оказалось в созданном ею котле. Командование армии могло теперь отдать приказ преследовать противника»^[163].

Советские войска пытались закрепиться на Турецком валу. Но 13 мая немцы овладели большей частью вала. На правом фланге Крымского фронта противник к исходу дня занял селения Султановка и Аджиели. На левом фланге днем части Крымского фронта отходили на Сараймин.

В 23 ч 30 мин 13 мая с Юго-Западного направления немцы начали артобстрел Керчи, крепости и Керченской бухты. Немецкая авиация непрерывно бомбила город и порт. 13 мая было сброшено около 1780 бомб. В городе произведены большие разрушения и начались пожары.

В Еникале был разрушен причал № 7, убито 60 человек, потоплен сейнер, на котором погибло 50 человек. При отражении атак немецкой авиации наша зенитная артиллерия сбила три Хе-111, наши потери составили два И-153.

46-й зенитно-артиллерийский дивизион отошел в крепость Керчь. Тылы Керченской ВМБ начали эвакуироваться в Тамань. Плавсредства были направлены в Комсомольск.

Главком Северо-Кавказского направления Буденный приказал прекратить на Керченском полуострове отправку морем грузов для Крымского фронта; весь свободный тоннаж, пригодный для переправы через Керченский пролив, немедленно направить в Керчь в распоряжение командира Керченской ВМБ и дать усиленный конвой из сторожевых катеров МО и тральщиков.

Лидеры «Ташкент» и «Харьков», вышедшие в район Феодосии из Новороссийска в 21 ч 30 мин 12 мая, в ночь на 13 мая обстреляли войска противника в селениях Таш-Алчин, Харджи-Бие, Кипчак и совхозе Кенегез, а также вели огонь по дороге Керлеут — Сарылар — Харджи-Бие — Кипчак — перемычка у озера Узунларское. Закончив в 2 ч 30 мин обстрел, лидеры в 16 ч 00 мин возвратились в Новороссийск.

На следующую ночь «Ташкент» и «Харьков» обстреляли скопления моторизованных частей противника в селениях Таш-Алчин, Харджи-Бие, Кипчак и совхозе Кенегез. В 7 ч 50 мин 14 мая лидеры вернулись в Новороссийск.

14 мая войска Крымского фронта продолжали отход на Керчь. На левом фланге наших войск противник занял селение Чурубаш и двигался на Камыш-Бурун. К исходу дня Камыш-Бурун был оставлен нашими частями. Радиосвязь с постами службы наблюдения и связи Такиль и Тобечик прервалась в 11 ч 31 мин. Части Керченской ВМБ заняли оборонительные рубежи города Керчь. Частей Крымского фронта впереди их не оказалось.

В тот же день Буденный приказал командованию Черноморского флота в связи с выходом противника непосредственно к подступам города Керчь оказать артиллерийскую поддержку кораблям флота на участке мыс Такиль — мыс Камыш-Бурун с целью не допустить расположения вражеской артиллерии на побережье пролива и движения частей противника вдоль

прибрежной дороги.

Однако командование Черноморского флота фактически ничего не делало. Старые крейсера и эсминцы использовались в качестве транспортов и конвойных судов, а линкор и новые крейсера оставались в базах. О действиях крейсера «Красный Крым» 14 мая уже говорилось. А крейсер «Коминтерн» 13–15 мая зачем-то вояжировал по маршруту Новороссийск — Туапсе — Поти. Эсминец «Свободный» и тральщик № 412 конвоировали транспорт «Абхазия», и т. д., и т. п. Как будто бы на Керченском полуострове ничего и не происходило.

15 мая немцы объявили о падении Керчи. На самом же деле в этот день шли ожесточенные бои на рубеже Тархан — железнодорожная станция Керчь 2 — Горком. Лишь к вечеру немцам удалось ворваться в город.

Немецкая авиация исправно бомбила переправу Еникале — Чушка. В середине дня налеты производились через каждые 5—10 минут. На порт и аэродром Тамань был произведен налет 33 германских самолетов. Были жертвы в воинских частях и среди гражданского населения. При отражении налетов нашей зенитной артиллерией сбито три Хе-111 и один Ю-88.

Все средства Керченской ВМБ были привлечены к эвакуации войск Крымского фронта. 15 мая работали 50 сейнеров, все баржи, буксиры, паромы и бронекатера базы. Из Новороссийска и Туапсе в Тамань прибыло 40 сейнеров и катеров. К району переправ прибывали также и плавсредства Азовской флотилии. Канонерки Азовской флотилии «Днестр» и № 4, действуя у северного берега Керченского полуострова, оказывали поддержку правому флангу Крымского фронта. Но вот канонерка «Дон» и монитор «Железняков», вместо того чтобы поддерживать канонерки «Днестр» и № 4, направились в Темрюк.

16 мая немцы заняли Эльтиген и Камыш-Бурун. 132-я пехотная дивизия немцев вела бой на юго-восточной окраине Керчи, 22-я танковая дивизия вышла севернее деревни Баксы, 170-я пехотная дивизия — севернее Аджим-Ушкай, 28-я легкая пехотная дивизия — севернее селения Булганак, 50-я пехотная дивизия вышла к мысу Тархан и к мысу Зюк и 17-я пехотная дивизия вышла к мысу Зюк и селению Большой Бабчик.

В ходе наступления бестолково вело себя не только руководство Крымского фронта, но и значительная часть средних командиров. Вот характерный пример: «Командиры артиллерийских полков РВГК, состоявшие в армейских артиллерийских группах (456-й, 457-й, 537-й, 25-й и 53-й артиллерийские, 19-й и 25-й гвардейские минометные), потеряв связь с командующим артиллерией армии, не пытались с 8 по 15 мая установить связь и взаимодействие с какими-либо стрелковыми дивизиями

по собственной инициативе. В свою очередь и командиры стрелковых дивизий, озабоченные поисками способов восстановления управления подчиненными стрелковыми полками, не решались взять в свое подчинение отступавшие вместе или параллельно с ними артиллерийские части и подразделения РВГК, огонь которых способствовал бы выигрышу времени для организации сопротивления противнику стрелковыми подразделениями. Это сделать было тем более возможно, что немцы с 8 по 15 мая наступали весьма осторожно и относительно медленно»^[164].

Все средства Керченской ВМБ были заняты эвакуацией войск Крымского фронта. На переправе в Керченском заливе работало 80 сейнеров, шесть шхун, девять барж, два буксира, три катера-тральщика и паромы. Переправу непрерывно обстреливала артиллерия противника и бомбила авиация. Утром 16 мая на Таманский полуостров было переправлено 18 тяжелых орудий и 22 пусковые установки реактивных снарядов.

Лидер «Харьков», вышедший в 20 ч 45 мин 15 мая из Новороссийска к южному берегу Керченского полуострова, в ночь на 16 мая обстрелял скопления войск противника в районах селений Узунлар, Марьевка и Дуранде. По окончании обстрела лидер возвратился в Новороссийск, но из-за тумана в порт не вошел, а остановился на якоре в районе мыса Идокопас.

К 17 мая в районе Керчи оборонялись 1800–2000 красноармейцев из различных частей, командование которыми принял капитан (армейский) Барабанов. (К сожалению, инициалы капитана установить не удалось.) Они заняли Керченскую крепость, построенную еще в 80—90-х годах XIX века. Старая крепость находилась в 3–4 км южнее города Керчь.

18 мая в 23 ч 00 мин поступило указание от маршала Буденного последним защитникам Керчи эвакуироваться на Таманский полуостров.

Каковы же потери советских войск на Керченском полуострове? А.В. Басов, ссылаясь на Центральный военно-морской архив (Ф. 10. Д. 17716), утверждает:

Таблица 4. Перевозки на Керченский полуостров с 29 декабря 1941 г. по 22 мая 1942 г.

Объект перевозки	Ввезено	Вывезено
Бойцов и комсостава	261506	175434 ^[165]
Орудий и минометов	1596	99
Танков	629	108
Тракторов	1022	9

Бронемашин	217	нет
Автомашин	6035	158

Согласно изданию «Гриф секретности снят» за 111 суток существования Крымского фронта было убито и умерло на этапах санитарной эвакуации 31051 человек. Пропало без вести 161 890 человек. Небоевые безвозвратные потери составили 1866 человек. Итого 194807 человек.

В свою очередь Манштейн писал: «18 мая сражение на Керченском полуострове было закончено. Только небольшие отряды противника под давлением нескольких фанатичных комиссаров еще несколько недель держались в подземных пещерах в скалах вблизи Керчи. По имеющимся данным, мы захватили около 170000 пленных, 1133 орудия и 258 танков, пять немецких пехотных дивизий и одна танковая дивизия, а также две румынские пехотные дивизии и одна кавалерийская бригада уничтожили две армии, в состав которых входило 26 крупных соединений»^[166].

После эвакуации остатков трех советских армий на Таманский полуостров у 11-й германской армии были развязаны руки, и Манштейн смог приступить к решению своей главной задачи — взятию Севастополя, которая получила кодовое название «Лов осетра».

Глава 21. Запоздалое явление германского флота

Переброска германских ВМС на Черное море не предусматривалась планом «Барбаросса». Но уже в первые месяцы войны германские генералы осознали, что захватить Крым и Кавказ без кригсмарине им не удастся.

Пройти через Босфор итальянские линкоры и германские подводные лодки могли только в воспаленных головах советских адмиралов. Поэтому для переброски подводных лодок и надводных судов немцам пришлось искать иные пути.

Проект переброски малых подводных лодок серии IIB немцы закончили в декабре 1941 г. В основу проекта был положен опыт германо-американской нефтяной компании DAPG (Deutsch-Amerikanischen Petroleum Gesellschaft), которая водно-шоссейным путем перевезла в Румынию несколько небольших танкеров для снабжения нефтепродуктами германских войск.

Переброска лодок начиналась в Киле. Оттуда на специальных понтонах с малой осадкой подводные лодки предполагалось буксировать по каналу «Кайзера Вильгельма» до Гамбурга, далее по Эльбе до Дрездена. Там лодки с понтонов перегружались на сухопутные трейлеры. Затем трейлеры двигались 450 км по шоссе до Ингольштадта на Дунае. Там лодки перегружали в такие же понтоны с малой осадкой и буксировали по Дунаю до города Линца (первая группа подводных лодок) или до города Галаца (вторая группа лодок). В этих городах лодки отсоединялись от понтонов и на буксире, а то и своим ходом доставлялись в порт Сулина. Оттуда, уже по Черному морю, лодки шли к месту базирования — в Констанцу.

Для проведения этой операции была создана специальная группа численностью 600 человек. В нее входили инженеры, водители, связисты, представители дорожной полиции и другие подразделения. Транспортные и вспомогательные средства включали тяжелые тягачи, специальные многоосные 60-тонные платформы, грузовые автомашины — топливозаправщики, машины связи, походные мастерские и др.

Для переброски предназначались шесть подводных лодок типа ПВ. Их разделили на две группы. В первую группу входили лодки U-9 (командир

Клапдор), U-19 (Оленбург) и U-24 (Ландт-Хайсн); во вторую — U-18 (Фляйге), U-20 (Графен) и U-23 (Арсендт).

Водоизмещение подводных лодок типа IIВ составляло 279/329 т (в надводном положении / в подводном положении), максимальная скорость хода 13/7 узлов. Дальность плавания 1800 миль (12 узлов) / 43 мили (4 узла). Глубина погружения 80 м. Экипаж 25 человек. Торпедное вооружение: два носовых и один кормовой 53-см торпедный аппарат, боекомплект шесть торпед. Артиллерийское вооружение с начала 1942 г. — спаренный 2-см зенитный автомат.

Переброска первой группы лодок началась в конце марта 1942 г., после схода льда на Эльбе и Дунае. В Киле лодки были максимально разгружены. С них сняли прочные рубки и их ограждения, дизели и другое крупногабаритное оборудование энергетических установок, выгрузили аккумуляторные батареи, торпеды, твердый балласт, откачали все жидкие грузы.

Для уменьшения общей высоты корпуса лодки были положены на борт. К каждой лодке прикрепили по десять соединенных между собой специальных понтонов (по пять с каждой стороны). Общая, грузоподъемность понтонов была рассчитана таким образом, чтобы при ширине каждого понтона 3,1 м и высоте 1,4 м предельная осадка после загрузки лодки не превышала 1,23 м.

В Дрездене каждую лежащую на понтонах лодку перегружали на две специальные платформы для перевозки по шоссе. Две платформы с лодкой буксировались четырьмя тягачами мощностью по 150 л. е., сцепленными цугом либо попарно. Заправка тягачей и смена водителей производились на ходу для исключения возникающих с остановками проблем — начала совместного движения и обеспечения синхронности работы машин. Самыми сложными были проходы по мостам и виадукам, тут от водителей тягачей требовалась ювелирная точность управления. Все мосты и виадуки перед проходом автопоезда были обследованы и при необходимости реконструированы. Путь в 450 км от Эльбы до Дуная автопоезд проходил за 50 часов со средней скоростью 8 км/ч.

В Ингольштадте лодки вновь перегружали на мелкосидящие понтоны, которые буксировались вниз по Дунаю.

Первая группа лодок прибыла в город Линц. Там начались восстановительные работы. Каждую лодку ставили на ровный киль, затем вводили в док, где через монтажный люк позади ограждения рубки устанавливали на место ранее снятое оборудование энергетической установки. Грузили аккумуляторы, твердый балласт, крепили на штатное

место прочную рубку и ее ограждение, навешивали гребные винты. Такие же восстановительные работы проводились со второй группой лодок в Галаце. Затем лодки своим ходом шли по Дунаю до Сулины, а оттуда — в Черное море.

С момента начала демонтажа оборудования и до ввода в строй подводной лодки проходило 10 месяцев. Последняя лодка (U-20) пришла в Констанцу в июле 1943 г.

В декабре 1941 г. командование кригсмарине решило отправить на Черное море 1-ю флотилию торпедных катеров под командованием корветтен-капитана Хейнца Бирнбахера. Флотилия состояла из шести катеров (S-26, S-27, S-28, S-40, S-102, построенных в 1940–1941 годах, и S-72, вступившего в строй 3 февраля 1942 г.).

С катеров сняли вооружение и дизели и на буксире отвели вверх по Эльбе до Дрездена. Там катера перегрузили на большегрузные четырехосные платформы. Каждая платформа буксировалась тремя мощными тягачами. Получившийся поезд весил 210 т и мог передвигаться со скоростью не более 5–8 км/ч. 450-километровый путь до Ингольштадта поезд должен был пройти за пять дней.

В Ингольштадте катера спускались на воду и буксировались по Дунаю до Линца. Там на местной верфи с помощью специалистов фирмы «Люрссен» устанавливалась часть оборудования. А на верфи в Галаце на катера монтировались моторы. Затем катера уже своим ходом шли в Констанцу, где на них устанавливались вооружение и приборы.

Переброска катеров прошла без происшествий, и к 1 июня 1942 г. в Констанце уже находилось два полностью боеспособных катера — S-26 и S-28.

На Черном море немцы использовали исключительно торпедные катера типа S-26. Катера эти начали строиться в 1938 г. фирмой «Люрссен». Стандартное водоизмещение катеров 93 т, полное 112–117 т; длина 35 м, ширина 5,28 м, осадка 1,67 м. Три дизеля фирмы «Даймлер Бенц» общей мощностью от 6000 до 7500 л. с. позволяли развивать скорость 39–40 узлов. Дальность плавания 700 миль при 35-узловом ходе. Вооружение: торпедное — два трубчатых 53-см торпедных аппарата; артиллерийское — два 2-см зенитных автомата с боекомплектом 6000 выстрелов, а с катера S-100 начали устанавливать по одной 4-см пушки Бофорс (4 cm Flak.28) с боекомплектом 2000 выстрелов и по одному 2-см автомату (3000 выстрелов). Экипаж катера от 24 до 31 человека.

Катера имели высокий полубак, что обеспечивало им хорошую мореходность. Конструкция корпуса была смешанная — металл и дерево.

Начиная с катера S-100, рубка и рулевой пост получили броню толщиной 10–12 мм. РЛС германские катера, действовавшие на Черном море, не имели.

В конце 1942 г. — начале 1943 г. на Черное море также были переброшены германские торпедные катера S-42, S-45, S-46, S-47, S-49, S-51 и S-52, которые были построены в марте-августе 1941 г.

Весной 1942 г. немцы приобрели у румын судно «Романия», которое было введено в строй 6 декабря 1942 г. в качестве плавбазы германских торпедных катеров.

Для борьбы с минной опасностью на Черном море и Нижнем Дунае немцы в 1942–1944 годах по Дунаю доставили туда 20 катерных тральщиков типа R (R-30, 35, 36, 37, 163, 164, 165, 166, 196, 197, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 216, 248 и 251).

Водоизмещение катерных тральщиков составляло 110–125 т. Два дизеля общей мощностью 1836 л. с. позволяли развивать максимальную скорость хода 20–21 узел. Запас топлива Ют обеспечивал дальность плавания 1000–1100 миль при 15-узловом ходе. Катера-тральщики R-248 и R-251 представляли некоторое исключение. Они имели водоизмещение 140 т и один мощный дизель (2550 л. с.). Артиллерийское вооружение катеров-тральщиков состояло из одного 3,7-см автомата и от двух до шести 2-см зенитных автоматов. Экипаж 34–38 человек.

Катера-тральщики типа R, помимо прямого назначения, использовались в качестве сторожевых и противолодочных судов.

По заказу германского командования в Болгарии на верфи в Варне было заложено 29 катеров-тральщиков типа KFK. Их водоизмещение составляло 103 т; длина 23 м, ширина 6 м, осадка 1,2 м. Дизель мощностью 120 л. с. позволял развивать скорость до 12 узлов. Вооружение состояло из одного 3,7-см автомата и четырех 2-см зенитных автоматов. Однако до занятия Варны Красной Армией в строй удалось ввести только пять катеров-тральщиков (KFK-1 ÷ KFK-5). Остальные находились в различной степени готовности. Позже все эти катера в качестве катеров-тральщиков были включены в состав Черноморского флота.

Первыми же германскими судами, появившимися на Черном море еще в начале осени 1941 г., были паромы типа «Зибель», названные в честь полковника люфтваффе Зибеля, спроектировавшего эти плавсредства. В документах их именовали SF (Sicbel-Fahren).

Десантные корабли типа «Зибель» начали строиться с 1940 г. Они представляли собой паром, состоявший из двух стальных барж, соединенных деревянной платформой. Каждая баржа состояла из восьми

отдельных секций (отсеков), что обеспечивало их перевозку по железной дороге и повышало живучесть» В центре парома размещались боевая рубка и помещения для офицеров, защищенные 10-мм броней.

Таблица 5. Данные паромов типа «Зибель»

№ серии	I–III, VI	IV, VII, X	V	VIII, IX
Водоизмещение, т	130	150	230	90
Длина, м	25	26,6	32,3	27,3
Ширина, м	13,9	14,06	14,7	14,15
Осадка, м	1,2	1,2	1,75	1,2
Мощность двигателей, л. с.	420	500	420	280
Скорость хода максимальная, уз.	6,6		11,0	7,4
Запас топлива, т	3,0		3,3	4,6
Дальность плавания, миль / скорость, уз.	116/6,6		334/10	285/10
Полезная нагрузка	60 т	65 т, или 300 чел.	36 т, или 30 мин	65 т, или 300 чел.

Вооружение паромов типа «Зибель» постоянно менялось. Обычно в транспортном (десантном) варианте на них стояло от двух до шести зенитных автоматов калибра 1,5 см, 2 см и 3,7 см. Наиболее сильное вооружение было на пароме SF V серии: три 8,8-см универсальные пушки, восемь 2-см автоматов.

В советское время с легкой руки наших историков за грязеотвозными шаландами, обращенными в 1941 г. в канонерские лодки, закрепилось название «линкоры Ладоги». А вот германские быстроходные транспорты типа F (или как их часто называли MFP) стали на Черном море и линкорами, и охотниками за подводными лодками, и транспортами, и десантными кораблями, и сторожевыми кораблями, и минными заградителями, и т. д. Водоизмещение их составляло 240–280 т, скорость хода 8—10 узлов. Имелось несколько модификаций вооружения от двух 2-см автоматов до одной 8-см пушки и двух 3,7-см автоматов. Транспорты могли перевозить 105 т груза, или 200 человек. В годы войны им приходилось перевозить даже трофейные танки KB. В случае же использования в качестве минного заградителя транспорты могли ставить 52 мины.

Это был крайне удачный тип судна. Свыше 140 судов F оказали

большое влияние в битве за Черное море. В советских источниках быстроходные транспорты F называли большими десантными баржами.

Особенно интересно то, что транспорты типа F, имея малую осадку, без проблем ходили по Дунаю (по крайней мере, до Линца), а сравнительно хорошая мореходность позволяла им ходить по всему Черному морю. Турки их свободно пропускали через Проливы, хотя это были суда военной постройки, и на всех морях они ходили под военно-морскими флагами. Поэтому многие транспорты типа F, построенные в Варне и Линце, воевали в Эгейском и Средиземном морях, а построенные в Палермо — на Черном море.

Глава 22. Королевский флот в Форосе

Участие итальянцев в боевых действиях на Черном море не изменило общей картины войны, но имело столь «экзотический» характер, что я решил выделить это в отдельную главу.

Неудачи немцев в Крыму заставили их обратиться к итальянцам. 14 января 1942 г. итальянский адмирал Рикарди подписал с ними соглашение, в соответствии с которым «легкие итальянские силы» будут привлечены к содействию немецким ВМС на Ладоге и Черном море. И действительно, на Ладогу были переброшены итальянские катера MAS-526 ÷ 529.

На Черное море было решено послать шесть торпедных катеров MAS, пять торпедных катеров типа MTSM, пять взрывающихся катеров MTM и шесть сверхмалых подводных лодок типа СВ. Командующим этими силами на Черном море был назначен капитан 1 ранга Милебелли.

Почему же дуче не отправил на Черное море крупные надводные корабли? Адмирал Марк-Антонио Брагадин утверждает, что из-за уважения к конвенции Монтрё^[167]. Но это лишь полуправда. Конечно, проход итальянских линкоров через Проливы мог вызвать большие проблемы с Турцией. Но турок можно было бы и надуть, послав в Черное море невооруженные быстроходные суда, ну, к примеру, продав их подставным турецким и болгарским фирмам. А те попросту перепродали бы их Румынии, там бы суда вооружили и т. д.

Но, как уже говорилось, супермарине в конце 1941 г. не справлялся со своими задачами на Средиземном море и физически не мог выделить хоть сколько-нибудь полноценных боевых кораблей на другие театры военных действий.

Совсем другое дело — штурмовые средства. В предвоенное время им в Италии уделялось гораздо больше внимания, чем в любой другой стране. Что же представляла из себя итальянская экзотика?

В Италии, как и в СССР, в 1930-х годах увлеклись созданием малых скоростных катеров реданного типа. И, как и у нас, «сапоги начал тачать пирожник». Только в роли Туполева выступил генерал авиации Амедео д'Аоста. По его мнению, сразу же после начала военных действий следовало на летающих лодках доставить к базам противника маленькие быстроходные катера, несущие заряд взрывчатого вещества. Эти катера после спуска их на воду должны были проникать в порт и производить атаку кораблей противника. Атаку следовало прикрывать ударом авиации,

отвлекающей внимание средств обороны.

По проекту герцога в 1936 г. на верфи «Baglietto» были построены два экспериментальных реданных глиссера МАТ водоизмещением около одной тонны, длиной 5 м, имевших скорость 32 узла. По результатам их испытаний проект был доработан и получил название МТМ. В 1938–1941 годах итальянцы построили 28 взрывающихся катеров этого типа.

Катер МТМ имел водоизмещение 1 т, размер 5,6 х 1,9 м. Корпус катера представлял собой деревянный набор, обтянутый плотным брезентом. Катер снабжался бензиновым мотором мощностью 95 л. с., который позволял развивать скорость до 33 узлов. Топлива хватало на пять часов полного хода. Комбинированный винт-руль составлял внешний блок, как у подвесного мотора. При преодолении заграждений, чтобы не задеть их, он легко поднимался. В передней части катера находился заряд взрывчатого вещества весом в 300 кг с ударным и гидростатическим взрывателями.

Катером управлял один человек. Осторожно преодолев препятствия и противоторпедные сети, он определял курс к объекту атаки и наводил на него катер. Затем давал полный ход, закреплял руль и тотчас выбрасывался в море. Чтобы не быть в воде в момент взрыва, он быстро взбирался на спасательный деревянный плотик, служивший на катере заспинной доской. Плотик этот водитель катера выбрасывал в море поворотом рычага, перед тем как покинуть катер.

Катер, продолжая свой путь, ударялся о цель, в результате чего взрывались пороховые заряды, расположенные кольцом вокруг корпуса катера, разрезая катер надвое. Кормовая часть отделялась от носовой и быстро тонула. В то же время носовая часть с основным зарядом, достигнув установленной глубины, равной осадке корабля, взрывалась под действием гидростатического давления. От взрыва в подводной части корабля образовывалась большая пробоина.

В ночь на 26 марта 1941 г. шесть катеров МТМ атаковали британские корабли в бухте Суда на острове Крит. Все катера успешно преодолели три ряда боновых заграждений и взорвали английский тяжелый крейсер «Йорк» и три торговых судна (водоизмещением 32 тысячи т). Любопытно, что английские адмиралы, как позже и советские, попытались скрыть от собственного населения причины гибели крейсера, заявив, что его-де потопила 22 мая 1941 г. германская авиация. На самом деле германские бомбардировщики лишь разворотили корпус «Йорка», лежавшего на грунте на небольшой глубине. Интересно и то, что все шесть водителей взрывающихся катеров сумели вовремя выброситься за борт и взобраться на плотики. Затем все они попали в плен к англичанам.

На базе взрывающихся катеров МТМ фирмы «Baglietto» итальянцы в 1941–1942 годах приступили к строительству сверхмалых торпедных катеров МТSM. Водоизмещение катера возросло с 1 т до 3 т, а длина достигла 7 м, ширина 2,3 м и осадка 0,6 м. Два бензиновых мотора общей мощностью 190 л. с. позволяли развивать скорость до 32 узлов. Дальность хода достигала 200 миль. Экипаж два человека. В кормовой части катера находился желобковый 45-см торпедный аппарат, из которого торпеда выбрасывалась назад, как в английских торпедных катерах Первой мировой войны и советских катерах Ш-4 и Г-5. При необходимости вместо торпеды в желобе можно было разместить две глубинные бомбы.

Итальянские торпедные катера типа MAS и подводные лодки типа СВ, посланные на Черное море, некоторые морские историки также относят к штурмовым средствам. Но на самом деле они занимали какое-то промежуточное положение между штурмовыми средствами и нормальными (например, германскими) торпедными катерами и подводными лодками.

Торпедные катера MAS-555 ÷ 576 были построены той же фирмой «Baglietto» в 1941 г. Их стандартное водоизмещение составляло 27,8 т. Корпуса катеров были деревянные. Габариты: длина 18,7 м, ширина 4,6 м, осадка 1,4 м. Двухвальный бензиновый мотор «Изотто-Фраскини» мощностью 2300 л. с. позволял развивать скорость до 43 узлов. Запас бензина 1,25 т. При 42-узловом ходе дальность составляла 350 миль. Но на катерах были размещены и два бензиновых мотора «Альфа-Ромео» экономического хода мощностью по 80 л. с. Благодаря им при 6-узловом ходе дальность возрастала до 1100 миль, что было особенно важно в условиях Черного моря.

Вооружение состояло из двух 450-мм торпед, размещенных на торпедных аппаратах бугельного типа, как на наших катерах Д-3 и СМ-3. На корме имелся один 20/65-мм итальянский зенитный автомат. Вместо торпед катер MAS мог взять 10 глубинных бомб. Экипаж катера 13 человек.

Сверхмалые подводные лодки СВ-1 ÷ 6 были построены в 1941 г. фирмой «Капрони Талиедо» в Милане. Их надводное водоизмещение составляло 36 т, а подводное 45 т. Длина 15 м, ширина 3 м, а осадка 2,05 м. Надводный ход в 7,5 узла обеспечивал дизель «Изотто-Фраскини» мощностью в 80 л. с., а подводный ход в 6,5 узла — электромотор «Враун Бовери» мощностью 50 л. с. Дальность надводным 5-узловым ходом составляла 1200 миль, а подводным при 3-узловом ходе — 50 миль. Автономность 10 суток. Глубина погружения до 55 м. Экипаж 3–4 человека.

Понятно, что всему этому «мини-флоту» не нужен был проход через Проливы. Наоборот, морем они из Италии до Крыма вряд ли бы вообще дошли.

Все шесть подводных лодок типа СВ были погружены на железнодорожные платформы и с 25 апреля по 2 мая 1942 г. переправлены из Специи в Румынию в порт Констанца. Там их спустили на воду и в течение месяца ввели в боевой состав. А уже из Констанцы они своим ходом перешли в Ялту.

5 июня 1942 г. в ялтинский порт прибыли подводные лодки СВ-1 (командир — капитан-лейтенант Лезен д'Астен), СВ-2 (лейтенант Руссо) и СВ-3 (лейтенант Соррентино). 11 июня в Ялту пришла вторая группа лодок: СВ-4 (капитан-лейтенант Суриано), СВ-5 (капитан-лейтенант Фаророли) и СВ-6 (лейтенант Галлиано). Вся эскадра итальянских сверхмалых подводных лодок была размещена во внутреннем ковше порта и тщательно замаскирована.

Шесть торпедных катеров типа MAS были перевезены из Италии по шоссе в Вену на специальных трейлерах. Из Вены их отбуксировали по Дунаю до Черного моря, а там катера своим ходом пошли к берегам Крыма.

А вот для транспортировки пяти торпедных катеров MTSM и пяти взрывающихся катеров MTM была организована специальная колонна Моккагатта 10-й флотилии. 6 мая 1942 г. адмирал-инспектор герцог Аймоне д'Аоста (родной брат Амедео — изобретателя взрывающихся катеров) лично проводил автоколонну Моккагатта. Катера MTSM разместили на специальных автоприцепах, буксируемых тягачами «666». Всего в колонне было 20 автомашин и тягачей, включая кран для подъема катеров. ПВО колонны осуществляли два 20-мм автомата, буксируемых автомобилем.

В штаты колонны вошли: капитан 3 ранга Ленци, командир колонны и водитель штурмовых средств; капитан-лейтенанты Романо и Массарини и старшие лейтенанты Куджа и Пелити — водители штурмовых средств; 14 унтер-офицеров, из которых восемь водителей штурмовых средств (Паскело, Дзане, Грилло, Мон-танари, Феррарини, Лаваратори, Барбьери и Берти) и 29 младших специалистов и рядовых — всего 48 человек.

Поначалу переброска колонн шла по железной дороге по маршруту Специя — Верона — Вена — Краков — Тернополь — Днепропетровск — Симферополь. 19 мая 1942 г. колонна выгрузилась из вагонов и своим ходом двинулась в Ялту, а оттуда — в Форос.

Итальянцы разместились на диком побережье, где через 50 лет будет построен дворец «Заря», известный по спектаклю, устроенному четой Горбачевых в августе 1991 г.

В помощь итальянцам немцы прислали роту саперов, и через несколько дней была оборудована оперативная база, а катера MTSM и МТМ спущены на воду.

31 мая генерал-полковник Манштейн решил осмотреть итальянскую флотилию, дислоцированную в Ялте и Форосе. Начал он с Фороса. Манштейна сопровождал Мимбелли и адмирал, командовавший германскими силами на Черном море. Главнокомандующему понравилась прекрасная погода и красивейшие дворцы Южного берега Крыма. Проинспектировав базу в Ялте, Манштейн 4 июня (по другим данным — 3 июня) решил проехаться оттуда на катере MAS до Балаклавы и с моря осмотреть красоты Крыма. Но морская прогулка генерал-полковника была основательно испорчена капитаном М. Авдеевым и старшим лейтенантом С. Данилко — летчиками 6-го гвардейского истребительного авиаполка.

Предоставлю слово самому Манштейну: «На обратном пути у самой Ялты произошло несчастье. Вдруг вокруг нас засвистели, затрещали, защелкали пули и снаряды: на наш катер обрушились два истребителя. Так как они налетели на нас с солнечной стороны, а солнце было слепящим, мы не заметили их, а шум мощных моторов торпедного катера заглушил гул их моторов. За несколько секунд из шестнадцати человек, находившихся на борту, семь было убито и ранено. Катер загорелся, это было крайне опасно, так как могли взорваться торпеды, расположенные по бортам. Командир катера, молодой лейтенант итальянского флота, держался прекрасно. Не теряя присутствия духа, он принимал меры к спасению катера и людей. Мой адъютант Пепо прыгнул в воду, доплыл, несмотря на мины, до берега, задержал там — совершенно голый — грузовик, помчался на нем до Ялты, вызвал оттуда хорватскую моторную лодку, которая и отбуксировала нас в порт. Это была печальная поездка. Был убит итальянский унтер-офицер, ранено три матроса. Погиб также и начальник ялтинского порта, сопровождавший нас, капитан 1 ранга фон Бредов»^[168].

С начала июня «почти каждую ночь в море для патрулирования на подступах к вражеским портам выходили 2–3 катера, а целыми днями приходилось заниматься ремонтом материальной части, исправляя повреждения, полученные в плавании и в частых столкновениях с противником. Люди занимались скромной и неприметной, но плодотворной деятельностью, достойной восхищения за ту самоотверженность, которая составляла отличительную черту всех членов этого боевого коллектива. Я ограничусь тем, что припомню наиболее примечательные эпизоды, в которых проявились твердая воля и боевой дух наших водителей штурмовых средств.

6 июня пять наших торпедных катеров вышли в море на поддержку немецких штурмовых катеров, действующих против русского конвоя...»^[169]

Тут явно ошибка переводчиков. Никаких «штурмовых катеров» у немцев тогда в Крыму не было, видимо, имелись в виду германские самолеты. Советские же источники за 5–7 июля не содержат даже упоминаний об итальянских катерах. Видимо, они выходили в море, но не были обнаружены советскими кораблями или самолетами.

Опять даю слово князю Боргезе: «10 июня Массарини выпустил торпеду по русскому легкому крейсеру "Ташкент" в 3 милях к югу от Херсонесского мыса»^[170]. А в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре» за 9—11 июня отмечены интенсивные атаки германской авиации, но ни слова не говорится ни об итальянских, ни о каких-либо других вражеских катерах. Что же касается лидера «Ташкент», то он 7 июня в 12 ч 00 мин прибыл в Батуми из Новороссийска, а убыл из Батуми лишь 18 июня в 9 ч 33 мин.

Вновь цитирую Боргезе: «11 июня Тодаро атаковал русский миноносец; 13 июня торпедный катер, управляемый Массарини и Грилло, дерзко атаковал с короткой дистанции большой теплоход водоизмещением 13000 т, шедший под охраной миноносца и двух сторожевых катеров; выпущенная торпеда попала в цель, и поврежденный корабль выбросился на берег, где с ним покончили самолеты. Теплоход был гружен боеприпасами, предназначавшимися для Севастополя. Это была последняя попытка противника доставить осажденным то, в чем они так нуждались»^[171].

Сравним с «Хроникой...» за 13 июня: «В 3 ч 40 мин транспорт "Белосток", в охране базовых тральщиков "Трал" и "Взрыв" и трех сторожевых катеров, возвратился из Севастополя в Новороссийск.

На переходе в Севастополь эти корабли были неоднократно безрезультатно атакованы бомбардировщиками, торпедоносцами и торпедными катерами неприятеля. Между 19 ч 25 мин и 20 ч 50 мин 10 июня в 35 милях к зюйду от мыса Кикенеиз эти корабли были атакованы восемью Ю-88. Базовый тральщик "Трал" получил несколько осколочных пробоин. Между 23 ч 49 мин 10 июня и 0 ч 30 мин 11 июня на военном фарватере № 3 главной базы транспорт "Белосток" был атакован торпедными катерами противника, которые одновременно вели огонь по мостику базового тральщика "Взрыв".

При стоянке в Севастополе на этот транспорт было сброшено

безрезультатно более 200 бомб.

На переходе из Севастополя в Новороссийск при выходе из военного фарватера № 3 главной базы транспорт "Белосток" был снова безуспешно атакован вражескими торпедными катерами. В 10 ч 45 мин 12 июня, в 90 милях к зюйду от мыса Меганом, он был атакован шестью торпедоносцами, сбросившими на него безрезультатно 12 торпед. В 12 ч 08 мин в 95 милях по пеленгу 165° от маяка Меганом был обнаружен перископ подводной лодки противника. Базовый тральщик "Взрыв" и сторожевой катер № 0135 атаковали ее глубинными бомбами; на поверхности появились масляные пятна и воздушные пузыри»^[172].

Добавлю: тральщик № 413 16 июня находился в районе мыса Фиолент для встречи и проводки по фарватеру № 3 подходящих к Севастополю кораблей и судов. В 11 ч 15 мин тральщик был атакован двумя группами самолетов Ю-87 (по 15 самолетов в каждой группе). В корабль попали три бомбы. Тральщик перевернулся и затонул.

Как видим, наши адмиралы, наставив мин у Севастополя, создали почти идеальные условия для действий германской авиации и итальянских катеров. Странно, почему они не получили соответствующих наград и пенсий от правительств ФРГ и Италии?

Но, несмотря на идеальные условия, итальянские катера 13 июня не попали ни в «Белосток», ни в другой советский корабль. Чью же лодку забросал глубинными бомбами «Взрыв», выяснить не удалось. То ли это была итальянская СВ, то ли плод воображения командира тральщика.

По версии Боргезе: «18 июня катер под командованием Романо во время патрулирования у Балаклавы подвергся нападению двух русских сторожевых катеров, погнавших за ним. Чтобы уйти от противника, он был вынужден все дальше и дальше уходить от берега. Так продолжалось до тех пор, пока не показались турецкие берега. Только когда русские по непонятным причинам отказались от преследования, катер смог вернуться в базу. В ту же ночь "были замечены две русские военно-морские шлюпки к югу от мыса Кикенеиз, с которыми экипажи двух катеров, т. е. Ленци — Монтанари и Тодаро — Пасколо, завязали бой, обстреляв их из ручных пулеметов. Русские на шлюпках были вооружены пулеметами и автоматами. Бой на дистанции 200 м длился около 20 мин. Наши катера получили небольшие повреждения, а сержант Пасколо потерял при этом левую руку. В 5 ч 45 мин торпедные катера вернулись в базу"»^[173].

Об этих инцидентах в советских источниках упоминания нет.

«29 июля пять торпедных катеров снова вышли в море, чтобы во

взаимодействии с шестью немецкими десантными судами произвести демонстрацию высадки десанта на берегу между мысом Фиолент и Балаклавой с целью отвлечь внимание русских от настоящего десанта, который должен был высадиться в другом месте.

Чтобы привлечь к себе внимание противника, наши моряки кричали и стреляли, стараясь наделать как можно больше шума, катера маневрировали, наконец один взрывающийся катер, управляемый старшиной Барбьери, был направлен прямо на берег и своим ужасающим взрывом еще больше усилил желаемую суматоху»^[174].

На самом деле в три часа ночи 29 июня посты наблюдения береговой обороны засекли 12 моторных шхун с десантом и пять итальянских торпедных катеров, шедших из Ялты мимо мыса Айя к Георгиевскому монастырю и Мраморной балке. Батарея № 18 (четыре 152-мм пушки Кане) открыла по ним огонь с дистанции 35–40 кабельтовых (6,4–7,3 км). В течение 15–20 минут девять шхун было потоплено, а трем шхунам вместе с торпедными катерами удалось уйти.

Князь Боргезе, видимо, «слышал звон, да не знал, откуда он». Действительно, в 2 ч 35 мин 19 июня немцы предприняли десант на шлюпках и катерах в Северной бухте Севастополя. Но зачем отвлекать советские батареи и корабли в 15 милях по прямой и примерно в 30–40 км по морю от места десанта? На самом же деле утром 19 июня немецкие сухопутные части обошли укрепления Балаклавы, прорвали оборону 9-й бригады морской пехоты и двинулись к мысу Фиолент. И немецкий морской десант на шхунах должен был нанести синхронный удар по защитникам мыса Фиолент (456-й пограничный полк), а не имитировать десант, как утверждает князь.

Далее Боргезе пишет: «1 июля во время штурма Балаклавы румынами, в результате которого город пал, пять наших торпедных катеров вошли в порт, предотвратив отход противника морем.

"В Балаклаве мы были встречены румынским полковником Димитреску и двумя ротами в полном вооружении. Нас угостили шампанским и луком"»^[175].

На самом деле наши войска сами отступили из района Балаклавы, и никаких кораблей или даже катеров в Балаклавской бухте не было.

30 июня в Форосе состоялась церемония награждения итальянских водителей катеров. Ленци, Романо, Куджа, Барбьери и Монтанари были награждены орденами (германскими Железными крестами 2-й степени) за проведенные боевые действия в море.

13 августа части колонны Моккагатта покинули Форос и направились в порт Феодосия для борьбы с советскими надводными кораблями и подводными лодками. И уже в ночь на 15 августа три итальянских катера вышли на патрулирование в Феодосийский залив.

Утром 1 сентября оставшаяся часть колонны отправилась из Фороса в Ялту, где отдыхала в ожидании нового назначения.

Днем 21 сентября лейтенанты Массарини и Куджа загорали на ялтинском пляже недалеко от порта. Бархатный сезон был не хуже, чем на Апенинском полуострове. В 13 ч 02 мин страшный взрыв разворотил пляж. Оба итальянца были засыпаны землей, а загоравшие рядом пять немецких офицеров разорваны в клочья. В Ялте заревела «воздушная тревога», но в безоблачном небе не было ни одного самолета.

Оказывается, командир подводной лодки «С-31» старший лейтенант Н.П. Белокуров подошел к ялтинскому порту и из подводного положения с дистанции 10 кабельтов (1830 м) пустил две торпеды по транспорту водоизмещением 1500 т, стоявшему у пирса. Но, увы, то ли перископ был кривой, то ли глаз, но торпеды пошли в другую сторону, и одна из них долбанула по пляжу с «курортниками»^[176].

23 сентября колонна Моккагатта была отправлена в город Мариуполь на Азовское море, а далее предполагалось «итальянских путешественников» доставить на Каспийское море. «С 24 по 27 сентября [1942 г. — А.Ш.], — писал Боргезе, — колонна двигалась по следующему маршруту: Ялта — Симферополь — Мелитополь — Мариуполь. "Часто во время марша наши машины по каким-то непонятным причинам переезжают гусей и кур, которых мои люди подбирают и затем варят вечером на отдыхе. Приглядевшись внимательно, я замечаю, к своему удивлению, что такая судьба уготована бедным птицам заранее, так как все они попадали под машины, уже будучи предварительно застреленными".

В Мариуполе начались обычные трения с союзниками, которые не хотели отвести приличного помещения для наших людей. Безрезультатные переговоры с немецким контр-адмиралом Конт — "человеком в летах, не отличавшимся особыми качествами в интеллектуальном отношении, и, кроме того, тугим на ухо".

В конце концов последовал ультиматум Ленци, который угрожал немедленным возвращением всей колонны в Италию. Вскоре итальянским морякам было отведено одно из лучших зданий города, откуда выселили командование противотанковой артиллерией.

Группа, ослабленная наличием многих больных и гибелью рулевого Берти, умершего в госпитале от тифа, была пополнена прибывшими из

Италии новыми водителями штурмовых средств — Волонтери и Чиравенья. Несколько месяцев она находилась в Мариуполе, ожидая того момента, когда немецкие войска займут Кавказ. Время передышки было использовано на приведение в порядок материальной части, на которой сказались результаты предшествовавших напряженных действий, и на другие дела.

"25 октября. Организовав несколько налетов на окрестные кукурузные поля к величайшему неудовольствию сторожей, нам удалось обеспечить полентой [каша из кукурузной муки (мамалыга). — А.Ш.] нашу колонну на всю зиму. Немного странно видеть, как наши моряки-водители штурмовых средств сидят в комнате и лущат кукурузу, как молодые крестьянские парни. Но ничего не поделаешь. Раз надо — так надо. Ходили мы и на ночную охоту за зайцами. За один раз мы добывали их от 13 до 17 штук. Полента и зайчатина стали официальной пищей колонны. Эти "операции" позволяют нам пополнять запасы продовольствия и не дают притупить способности... хорошо ориентироваться ночью".

С наступлением зимы военное счастье перешло на сторону русских. Немцы начали отступление по всему фронту. Это было то самое отступление, во время которого была уничтожена итальянская армия в России.

"Колонна Маккагатта" теперь уже под командованием Романо (Ленци в декабре вернулся на родину в связи с новым назначением) оставила Мариуполь и морем отправилась в Констанцу. Исколесив всю Восточную Европу, преодолев трудности, которые легко себе представить, она в марте 1943 года снова вернулась в Специю, не потеряв ни одной машины и ни одного катера»^[177].

Понятно, что речь здесь идет о катерах MTSM и МТМ. Как видим, итальянцам ни разу не удалось применить взрывающиеся катера МТМ по назначению.

Что же касается катеров MAS, то они непрерывно несли службу на Черном море. Всего в боевых действиях участвовало 10 катеров MAS № 566 ÷ № 575. Только с мая по июль 1942 г. катера MAS сделали 65 боевых выходов.

В ночь на 3 августа крейсер «Молотов» и лидер «Харьков» произвели набег на Крымское побережье в районе Феодосии. При отходе советские корабли подверглись атаке итальянских катеров MAS-568, 569 и 573 и десяти германских торпедоносцев Хе-111 из авиагруппы 6/KG26. Всего немцами было сброшено 20 торпед. В 1 ч 26 мин 3 августа крейсер «Молотов» получил попадание торпедой в корму. В результате взрыва

кормовая часть крейсера отвалилась по 262-й шпангоут. Тем не менее «Молотов» сумел пройти своим ходом до порта Поти. Другие советские корабли повреждений не имели.

По итальянской версии, в крейсер попала торпеда, выпущенная капитаном Легиани с MAS-568. Германские же авторы Ровер, Хюммельхен и другие приписывают повреждение «Молотова» торпеде, сброшенной с Хе-111.

В советское время в официальных изданиях говорилось о торпеде, попавшей в крейсер, без упоминания о ее «национальности». Но в настоящее время ряд авторов, в том числе А.В. Платонов, однозначно считают злополучную торпеду германской.

Днем 9 сентября 1942 г. восемь советских бомбардировщиков ДБ-3 бомбили порт Ялта, который продолжал оставаться главной базой катеров MAS. Жертвой фугасок ФАБ-250 стали катера MAS-571 и MAS-573, а MAS-502, 504 и 572 получили повреждения.

12 мая 1943 г. к югу от банки Марии Магдалины торпедный катер MAS-572, уклоняясь от атак советских самолетов, столкнулся с MAS-566 и затонул.

20 мая 1943 г. действовавшая на Черном море итальянская 4-я флотилия была расформирована, и ее личный состав отправлен в Италию. Катера MAS-566, 567, 568, 569, 570, 574 и 575 были переданы немцам и получили названия S-501, 502, 503, 504, 505, 506 и 507 соответственно. Из них сформировали германскую 11-ю флотилию торпедных катеров под командованием капитан-лейтенанта Меера. Флотилия занималась в основном охраной конвоев между Анапой и Крымом и базировалась в Анапе.

Летом 1943 г. катер S-505 был потоплен. 27 мая 1943 г. затонул в феодосийском порту в результате столкновения торпедный катер S-507, позже он был поднят и 10 октября 1943 г. исключен из списков флота. 20 августа 1943 г. катера S-502, S-503 и S-504 переданы Румынии. 10 октября 1943 г. в порту Феодосия немцы передали румынам оставшиеся катера S-501 и S-507. Бывшие итальянские катера 25 августа 1944 г. были затоплены в Констанце.

Итальянские сверхмалые подводные лодки базировались первоначально на Ялту и использовались как обычные подводные лодки против советских кораблей, пытавшихся прорваться в Севастополь. Так, 26 июня 1942 г. подводная лодка «С-32» в ходе очередного рейса Новороссийск — Севастополь в районе мыса Айтодор была потоплена подводной лодкой «СВ-3». Всего с мая по июль 1942 г. подводные лодки

«СВ» сделали 24 боевых выхода.

В ночь на 13 июня 1942 г. торпедный катер Д-3 (командир старший лейтенант О.М. Чепик) подошел к молу ялтинского порта и выпустил одну торпеду по барже водоизмещением 600 т, которая была принята за брандвахтенное судно. Затем катер поставил дымовую завесу и лег на циркуляцию для повторной атаки. Однако из-за сильного огня немцев вторая торпеда выпущена не была, и Д-3 ушел полным ходом.

Вместе с баржей была потоплена и подводная лодка «СВ-5». На лодке погиб ее командир капитан-лейтенант Фаророли. О гибели лодки советские моряки и историки узнали лишь после 1959 г.

С конца 1942 г. итальянские подводные лодки «СВ» базировались на Севастополь.

Между июнем и августом 1943 г. итальянские подводные лодки из Севастополя сделали 21 выход в море.

В ночь на 26 августа 1943 г. итальянская подводная лодка «СВ-4» под командованием капитан-лейтенанта Армандо Сибилле южнее мыса Тарханкут в Каламитском заливе потопила советскую подводную лодку «Щ-203». История сия довольно запутанная. «Щ-203» последний раз вышла на связь с базой 24 августа. По итальянской версии, «СВ-4» находилась в надводном положении, когда в 400 м была обнаружена всплывшая советская подводная лодка, которая, запустив дизеля, начала движение в сторону «СВ-4». Сибилле застопорил ход, и советская лодка прошла от итальянской буквально в 50–60 м. На мостике ясно был виден человек, вглядывавшийся в даль. Оставшись за кормой у советской подводной лодки, «СВ-4» описала циркуляцию и, заняв выгодную позицию, с 800 м выпустила торпеду, но торпеда прошла левее. Немедленно была выпущена вторая торпеда, и она через 40 секунд опустилась перед рубкой советской подводной лодки. Поднялся высокий столб воды, раздался взрыв, и подводная лодка исчезла.

Однако в «Справочнике потерь...» приводится иная версия: «По румынским данным, в 20 ч 45 мин 29 августа западнее мыса Лукулл катерами-охотниками "Ксантен" и "UG-2303" была обнаружена находившаяся в надводном положении подводная лодка. Катера атаковали и, по всем признакам, потопили ее. Возможно, это была «Щ-203», которая вследствие ошибки в счислении могла оказаться вне района своей позиции»^[178]. Там же приведены координаты гибели «Щ-203»: ш = 45°18',7; д = 32°48',6.

На мой взгляд, наиболее вероятна итальянская версия, но нашим адмиралам показалось более пристойным потерять «Щ-203» в результате

атаки кораблей ПЛО, пусть хоть и румынских, чем от атаки маленькой итальянки.

В конце 1949 г. подводная лодка «Щ-203» была обнаружена на грунте. Корпус ее был почти перебит. В 1950 г. ее подняли и отвели в Севастополь.

В сентябре — октябре 1943 г. итальянские лодки «СВ» были переданы Румынии и перебазировались в Констанцу. Румыны освоить их так и не смогли, но довели материальную часть «до ручки».

30 августа 1944 г. советские моряки обнаружили в Констанце вытщенные на стенку у причала подводные лодки «СВ-1», «СВ-2», «СВ-3» и «СВ-4». Лодка «СВ-6» к тому времени погибла. 20 октября 1944 г. эти четыре лодки были зачислены в состав Черноморского флота и получили названия «ТМ-4», «ТМ-5», «ТМ-6» и «ТМ-7» (ТМ — трофейная малая). Однако 16 февраля 1945 г. «ввиду непригодности к дальнейшему техническому использованию» эти лодки были исключены из боевого состава Черноморского флота. При этом «ТМ-4» сразу же пустили на лом, «ТМ-6» и «ТМ-7» передали в отдельный учебный дивизион Черноморского флота, а «ТМ-3» по железной дороге отправили в Ленинград для изучения в КБ судостроительных заводов.

Глава 23. Сражение за главный рубеж обороны

О своих планах наступления на Севастополь Манштейн лично доложил Гитлеру в середине апреля 1942 г. Позже он писал: «И при этой встрече у меня создалось впечатление, что он [Гитлер. — А.Ш.] не только очень точно информирован обо всех деталях прошедших боев, но и что ему абсолютно понятны докладываемые оперативные соображения. Он внимательно прослушал мои объяснения и полностью одобрил намерения командования армии как в отношении проведения наступления на Керчь, так и в отношении наступления на крепость Севастополь. Гитлер отнюдь не делал попыток каким-либо образом воздействовать на наше решение или, как это часто бывало впоследствии, углубляться в бесконечное перечисление цифр, характеризующих наше производство, и т. д.

Один принципиальный вопрос, однако, тогда не обсуждался: оправдана ли — имея в виду планируемое наступление на Украине — задержка всей 11-й армии на неопределенно долгий срок для наступления на мощную крепость Севастополь? В особенности после того, как, благодаря победе на Керченском полуострове, угроза для Крыма была ликвидирована. Решать этот вопрос было, бесспорно, делом Главного командования, а не командования армии. Я лично в то время придерживался и сейчас придерживаюсь того мнения, что поставленная тогда 11-й армии задача взять Севастополь была правильной. Если бы мы в дальнейшем ограничивались только блокадой крепости, в Крыму все же были связаны помимо румынских войск по меньшей мере три-четыре немецкие дивизии, то есть половина 11-й армии»^[179].

Сразу же после боев за Керчь Манштейн приступил к перегруппировке сил для наступления на Севастополь. На 42-й армейский корпус было возложено охранение Керченского полуострова и южного берега. Для выполнения этой задачи в его распоряжении оставалась из немецких войск только 46-я пехотная дивизия, а также 7-й румынский армейский корпус в составе 10-й и 19-й пехотных дивизий, 4-й горной дивизии и 8-й кавалерийской бригады. Все остальные силы немедленно были направлены к Севастополю.

Манштейн и его генералы правильно оценили мощь укреплений Севастополя, а также пересеченную и труднодоступную местность вокруг

него. В Крым был направлен 8-й авиакорпус генерала фон Рихтрофена, пилоты которого совершали от тысячи до двух тысяч вылетов в день.

Для штурма Севастополя нужны были тяжелые танки с толстой бронёй, но к маю 1942 г. такие немецкие танки существовали только в депешах красных командиров, направленных «наверх»: «Подбито 10... 20... 100 тяжелых танков противника...» Поэтому Манштейн и решил использовать трофейные тяжелые танки. Не менее восьми танков KB, захваченных в исправном состоянии на Керченском полуострове, были отправлены под Севастополь. Туда же из Франции был доставлен 224-й отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми французскими танками В-2 (всего 17 танков, из них 12 в огнеметном варианте). Вес танка В-2 32 т, вооружение — одна 75-мм и одна 47-мм пушка. Скорость хода 28 км/ч В огнеметном варианте 75-мм пушка заменялась огнеметом. Дальность стрельбы огнемета 40–45 м. Главным же достоинством В-2 была толстая броня (лоб и борта корпуса — 60 мм, башня — 56 мм).

Броню танков В-2 и KB (лоб и башня 75 мм) не брали советские 45-мм противотанковые пушки и 76-мм полевые пушки, а 76-мм дивизионные орудия (Ф-22 и УСВ) могли поразить их лишь при удачных попаданиях. Любопытно, что немцы за успешные действия под Севастополем окрестили KB «севастопольским танком».

Под Севастополь был доставлен 300-й отдельный танковый батальон, оснащенный танками В-IV (Sd.Kfs.301), управляемыми по радио. Танк весом 5–6 т был прикрыт 10-мм броней. Он мог, двигаясь со скоростью до 38 км/час, доставить 450-кг подрывной заряд к укреплению противника, а затем вернуться на исходную позицию.

Замечу, что 27 февраля 1942 г. наши войска применили под Севастополем телеуправляемые танкетки. Это были старые машины типа Т-27, выведенные к тому времени из состава боевых частей и остававшиеся только в учебных подразделениях. Вооружение с танкеток сняли, а взамен поместили мощный заряд тротила. Управлялись танкетки по проводам. Аппаратура дистанционного управления была создана в Москве на заводе № 627 Наркомата электротехнической промышленности под руководством военного инженера 3 ранга А.П. Казанцева. Позже Казанцев стал известным писателем-фантастом. В Крым было доставлено шесть таких танкеток. В ночь на 27 февраля танкетки были доставлены на позиции в 1 км севернее Любимовки. В 6 ч 30 мин танкетки выпустили на немецкие позиции. Две танкетки взорвались на вражеских позициях, еще две были взорваны до подхода к цели и две уничтожены артиллерийским огнем немцев.

Но главной «отмычкой» Севастополя стала, как и в первую осаду, тяжелая артиллерия. Немцы доставили под Севастополь два минометных полка — 1-й Тяжелый минометный и 70-й минометный, а также 1-й и 4-й минометные дивизионы. На вооружении 70-го минометного полка были шестиствольные установки 15-см Nr.W.41. Полк имел трехдивизионный состав, в каждом дивизионе по три батареи, в каждой батарее по шесть пусковых установок. Таким образом, полк одновременно мог выпустить 324 38-кг осколочно-фугасные мины.

1-й тяжелый минометный полк был оснащен пусковыми установками рамочного типа, стрелявшими 28-см фугасными снарядами весом 82 кг и 32-см зажигательными снарядами весом 127 кг. При попадании 28-см фугасного снаряда в каменный дом последний полностью разрушался.

При стрельбе 32-см миной по лугам с сухой травой, лесу и т. д. единичное попадание вызывало горение на площади до 200 кв. м с пламенем до 2–3 м по высоте, прямые попадания мин валили 30—40-см деревья и могли их поджечь. Для поджигания площади в один гектар было необходимо попадание 50 мин.

При одиночном попадании 32-см зажигательной мины в дом она пробивала стену и крышу дома и воспламеняла домашнюю утварь или другие горючие материалы (сено, доски, дрова и др.). Горящая нефть (50 л) разбрызгивалась по фронту 20–25 м, в глубину на 10–15 м и по высоте на 2–3 м, оказывала соответствующее моральное действие и обжигала незащищенные части тела; матерчатая одежда пропитывалась горящими каплями нефти и воспламенялась.

Тяжелых пушечных батарей у Манштейна имелось немного. Наиболее мощными пушками были 19,4-см K.485(f) весом 29,6 т, вес снаряда 78 кг, дальность стрельбы 20,8 км.

Куда лучше была представлена артиллерия навесного боя — гаубицы и мортиры. Немцы стянули к Севастополю свыше двадцати 21-см мортир обр. 18... (вес снаряда 113 кг, дальность стрельбы 16,7 км).

Более мощные установки были представлены под Севастополем в нескольких, а то и в одном экземпляре. Среди них:

28-см гаубица HL/12, изготовленная Крупном еще до Первой мировой войны. Вес ее снаряда 350 кг, начальная скорость снаряда 376 м/с, дальность стрельбы 11 км.

Несколько чешских 30,5-см мортир Mrs(t). Вес снаряда 384 кг, дальность стрельбы 11 км.

Несколько 35,5-см гаубиц-мортир М-1, изготовленных в конце 1930-х годов фирмой «Рейнметалл». Вес снаряда 575 кг, начальная скорость

снаряда 570 м/с, дальность стрельбы 20 км.

Одна 42-см мортира «Гамма», изготовленная фирмой Крупна в 1906 г. Вес бетонобойного снаряда 1020 кг, начальная скорость 452 м/с, дальность 14,2 км. (В отдельных случаях изготавливались и более тяжелые бетонобойные снаряды весом 2200 кг.) «Гамма» выпустила по Севастополю 188 снарядов.

Одна 42-см гаубица Н(t), изготовленная в 1917 г. на заводе «Шкода». Вес ее снаряда 1020 кг, начальная скорость 435 м/с, дальность 14,6 км.

Наряду со старым, но грозным оружием немцы послали под Севастополь и сверхсекретные новинки. В их числе были две 60-см самоходные мортиры фирмы «Рейнметалл», названные «Карлом» в честь генерала Карла Беккера. Каждая установка имела собственное имя.

Весной 1942 г. 60-см мортиры «Один» и «Тор» были доставлены под Севастополь. Они выпустили по Севастополю 172 тяжелых бетонобойных и 25 легких бетонобойных снарядов. Снаряды были велики, а их скорость мала (220 м/с), так что защитники города хорошо видели их в полете и поначалу принимали за тяжелые реактивные мины. Но вскоре разобрались и доложили в Москву, что город обстреливается 600-мм орудиями. Из Москвы ответили, что таких орудий у немцев нет и быть не может, и обвинили в паникерстве. Лишь фрагменты снарядов, доставленные в Москву самолетом, убедили тыловых скептиков.

Вообще говоря, наши артиллеристы и после войны имели весьма смутное представление о германской тяжелой артиллерии. Так, в секретном труде «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны», среди авторов которого аж пять маршалов артиллерии и восемь генерал-полковников, утверждается, что под Севастополем у немцев было: «30 артиллерийских полков, две батареи осадной артиллерии, дивизион реактивных минометов, установленных на железнодорожных транспортерах»^[180]. Оставлю сей пассаж без комментариев.

Наконец под Севастополь немцы отправили самую мощную пушку в истории человечества — 80-см «Дору». Установка была железнодорожной, но стрелять она могла только со специального сдвоенного железнодорожного пути. С каждой стороны сдвоенного пути заходили по половине транспортера, то есть по четыре соединенные попарно пятиосные поворотные тумбы. На каждую пару тумб с помощью кранов укладывались две главные пролетные балки. Половины шасси соединялись поперечными связями. Таким образом, получался транспортер на 40 осях и 80 колесах по 40 колес на коле сдвоенного пути. Время подготовки орудия к стрельбе складывалось из времени оборудования огневой позиции (от трех до шести

недель) и времени сборки установки (трое суток). Для оборудования огневой позиции требовался участок длиной 4120–4370 м и 250 человек.

«Дора» стреляла 7,1-тонными бетонобойными и 4,8-тонными фугасными снарядами. Максимальная дальность стрельбы фугасным снарядом составляла 48 км. Бетонобойный снаряд пробивал броню толщиной до 1 м, бетон — до 8 м, твердый грунт — до 32 м.

В феврале 1942 г. после неудачи первого штурма Севастополя начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер приказал отправить «Дору» в Крым и передать в распоряжение командующего 11-й армией для усиления осадной артиллерии.

Группа штабных офицеров заранее вылетела на место и выбрала огневую позицию в районе поселка Дуванкой. Инженерная подготовка позиции, расположенной на расстоянии около 20 км от оборонительных сооружений Севастополя, закончилась к июню 1942 г. К позиции пришлось проложить от основной железнодорожной линии специальный подъездной путь длиной 16 км, а также специальные искривленные ветки. По ним с помощью двух дизельных локомотивов мощностью 1000 л. с. каждый перемещалось орудие для осуществления горизонтального наведения.

Охрана позиции возлагалась на усиленную караульную роту из трехсот человек и большую группу военной полиции, дополненную спецподразделением со сторожевыми собаками. Для маскировки с воздуха охране придавалось химическое подразделение дымзавесчиков. Усиленный артдивизион ПВО численностью 400 человек обеспечивал огневое прикрытие.

После того как подготовительные работы были завершены, «Дору» доставили в Крым тремя железнодорожными составами, имевшими более 60 вагонов, и за неделю собрали. При сборке применялись два крана с дизелями по 1000 л. с.

Непосредственное обслуживание орудия осуществлял специально сформированный в 1942 г. 672-й тяжелый артдивизион «Е» общей численностью около 350 человек под командованием полковника Р. Бома, в состав которого входило еще несколько подразделений, в том числе штабная и огневая батареи. К дивизиону было прикомандировано 20 инженеров фирмы Круппа. Вычислительные группы в составе батареи производили все необходимые расчеты для стрельбы, а взвод артиллерийских наблюдателей использовал наряду с традиционными средствами инфракрасную технику. Итого, боевую деятельность орудия обеспечивало более четырех тысяч человек.

С 5 по 17 июня 1942 г. орудие сделало 48 выстрелов по семи целям.

Что же могли противопоставить этим чудовищам защитники Севастополя? Да ровным счетом ничего! Мортиры и гаубицы немцев были упрятаны в лощинах и оврагах, а наши мощные береговые пушки были способны поразить любую цель на море на расстоянии в 30 и более километров, но ничего не могли сделать с mortирой на дистанции в 5–6 км.

Рельеф местности спас Ленинград, позволив морской (корабельной, железнодорожной и береговой) артиллерии расстреливать на дистанции до 40 км любую цель. А под Севастополем рельеф местности существенно уменьшал роль береговой и корабельной артиллерии.

Возникает вопрос: а что, у нас к 22 июня 1941 г. не было тяжелых гаубиц и mortир? Были, и немало! Новых 203-мм гаубиц Б-4 было 849 штук, 280-мм mortир образца 1914/15 года — 25, а новых образца 1939 года — 47. Я уж не говорю об английских гаубицах «виккерса», которых имелось 152-мм — 92, 203-мм — аж 50 и 234-мм — 3 штуки.

В первые недели войны нужды у Красной Армии в тяжелых гаубицах и mortирах не было, и их срочно отправили в тыл. До зимы 1941 г. было потеряно лишь 75 гаубиц Б-4, да и то не столько от огневого воздействия противника, сколько из-за халатности личного состава и отсутствия тягачей (их попросту бросали). Но за тот же период от промышленности было получено 105 гаубиц Б-4, и их общее число в Красной Армии возросло до 879.

С 203-мм гаубичными снарядами ситуация была просто превосходная. К 22 июня 1941 г. имелось 395 тысяч таких снарядов. В 1941 г. было утрачено 66 тысяч снарядов, а получено от промышленности 166 тысяч снарядов.

Весной 1942 г. нужды в артиллерии большой и особой мощности не было ни на одном фронте, кроме Севастополя.

В Закавказском военном округе к началу войны имелось 56 гаубиц Б-4 и 95 гаубиц находилось на Дальнем Востоке. Неужели оттуда их нельзя было взять под Севастополь? Но, увы, не только 203-мм гаубицы, но и даже 152-мм гаубицы в Севастополь так и не были отправлены.

Создается впечатление, что наши генералы путали горный рельеф местности Крыма с Подмосковьем. Танков КВ туда не отправляли, а вместо этого отправили легкие танки с противопульной броней. Так, к 1 июня 1942 г. в составе войск СОРа находились только 81-й и 125-й танковые батальоны, имевшие всего 38 танков Т-26, а также семь бронеавтомобилей БА-10 и БА-20.

На аэродромах СОРа базировались 116 самолетов, из них 56 истребителей, 16 бомбардировщиков, 12 штурмовиков, 31 ночной

бомбардировщик и самолет связи. Кроме того, 28 мая в оперативное подчинение командира 3-й особой авиагруппы прибыла эскадрилья 247-го истребительного полка (12 Як-1) 5-й воздушной армии.

По данным А.В. Басова, общая численность войск СОРа к 1 июня 1942 г. составляла 106 625 человек, из них в боевых частях находилось 82 145 человек. Видимо, это без моряков. У немцев соответственно было 203800 и 175800 человек.

К 20 мая в составе «стрелковых войск»^[181] СОРа состояли в первом секторе обороны 109-я стрелковая дивизия, а в резерве 773-й стрелковый полк 388-й дивизии; во втором секторе — два батальона 7-й бригады морской пехоты, 386-я стрелковая дивизия, 8-я бригада морской пехоты, в резерве — батальон 775-го стрелкового полка; в третьем секторе — 3-й полк морской пехоты, 25-я стрелковая дивизия, Перекопский полк, 79-я бригада морской пехоты, в резерве — два батальона Перекопского полка; в четвертом секторе — 172-я и 95-я стрелковые дивизии, в резерве — 241-й стрелковый полк. Резерв армии состоял из 388-й стрелковой дивизии (без 773-го полка), 345-й стрелковой дивизии, 383-го стрелкового полка, трех батальонов 7-й бригады морской пехоты и 9-й бригады морской пехоты, охранявшей побережье Херсонесского полуострова.

К 1 июня войска СОРа имели: 82-мм минометов — 739, 107-мм и 120-мм минометов — 66, 45-мм противотанковых пушек — 46, орудий калибра 75 мм всего — 417 (в том числе 151 морское). На весь СОР имелся один дивизион гвардейских минометов с двенадцатью пусковыми установками реактивных снарядов М-8.

Обратим внимание, 50-мм минометы в сводку не включены... Но их было сравнительно много, однако эффективность их невелика. За весь период обороны Севастополя местная промышленность изготовила 2408 миномета и 113 720 мин. Только за ноябрь и декабрь 1941 г. было изготовлено 205 50-мм и 229 82-мм минометов. Любопытно, что в 50-мм минометах образца 1941 года севастопольского изготовления отсутствует двунога, ее заменяли фигурным стальным листом.

Забегая вперед, скажу, что одним из решающих факторов падения Севастополя стал снарядный голод. «В ходе июньских боев 1942 г. наличное количество боеприпасов в частях быстро уменьшалось, а в последние дни обороны боеприпасы почти совсем отсутствовали. Так, если к началу третьего штурма в артиллерии войск, оборонявших Севастополь, имелось к 152-мм гаубицам-пушкам 4,2 боекомплекта боеприпасов, к 152-мм гаубицам — 7,1 боекомплекта, то к 17 июня на каждую 152-мм гаубицу-пушку оставалось по 28 снарядов, а на каждую 152-мм гаубицу — по 11

снарядов, то есть от 0,2 до 0,5 боекомплекта. Вообще в середине июня после ожесточенных оборонительных боев в Севастополе оставалось в среднем не более 10–12 снарядов на каждое орудие, а подвоз снарядов в Севастополь в последующие дни не превышал в среднем 8—10 снарядов на каждое орудие на день боя»^[182].

Большинство морских и армейских орудий Севастополя замолчало не от воздействия противника, а от отсутствия боеприпасов. Наши генералы и адмиралы оправдывались, мол, немцы мешали подвозу боеприпасов в Севастополь. Так кто мешал доставить достаточное количество боеприпасов в Севастополь до 15 мая?

Почему остались без боеприпасов 305-мм башенные батареи в Севастополе? Ведь перед войной на кораблях, береговых батареях и складах имелось 305/52-мм снарядов: 9670 фугасных, 4108 бронебойных, 1440 дальнбойных образца 1928 года и 441 шрапнель. В ходе войны от промышленности поступило 305/52-мм снарядов: в 1941 г. — 1020 шт., в 1942 г. — 1674 шт., а всего до конца войны — 6186 шт. Итого имелось и было произведено 21 845 снарядов, а всего за войну израсходовано только 4511 снарядов, то есть 20,6 %! Таким образом, снаряды были, но кто-то не отпускал их фронту.

К началу войны большинство боеприпасов Черноморского флота находилось на складах в Севастополе. И это было вполне разумно — главная база флота располагала достаточным числом подземных хранилищ боеприпасов. Так, еще перед войной флоту были предоставлены огромные хранилища в инкерманских штольнях, недоступных для действия авиабомб. К августу 1941 г. весь боезапас главной базы Черноморского флота был укрыт в подземных хранилищах^[183].

В середине октября руководство Черноморского флота (увы, не удалось точно установить, кто был инициатором) решило эвакуировать боеприпасы из Севастополя в Поти и Батуми. Далее, чтобы избежать обвинения в очернительстве, процитирую «Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны»:

«В средних числах октября 1941 г. была составлена ведомость вывоза боезапаса из Главной базы. В складах Севастополя оставались только готовые выстрелы из расчета на три месяца расхода для нужд береговой артиллерии и кораблей поддержки.

Согласно этой ведомости подлежало вывозу из Севастополя:

Таблица 6

Наименование калибра	Количество	Вес	Готовые
----------------------	------------	-----	---------

боезапаса	(шт.)	(т)	выстрелы	Элементы
305/52-мм/клб	969	1404	1652	
203/50-мм/клб	697	—	160	
100-мм	2643	—	581	
152-мм	704	—	70	
130/50, 130/55-мм/клб	6779	5808	994	
122-мм	990	—	44	
120/50-мм/клб	1505	6542	314	
100/47, 100/51, 100/56-мм/клб	9812	12 444	780	
76-мм (обр. 31 г., 15/28 г., 14/15 г., 02/30 г.)	26 970	72 518	1241	
75/50-мм/клб	—	5458	66	
45/46-мм/клб	46 660	41 247	264	
7,62-мм винтовочные патроны	24 000 000	—	750	
Всего подлежало вывозу тонн:			6916	

Кроме готовых выстрелов, в Севастополе была оставлена часть элементов для сборки их в выстрелы, но обстановка вынудила и эти элементы отправить на Кавказ. Таким образом, дополнительно подлежало вывозу:

Таблица 7

Наименование калибра боезапаса	Количество (шт.)	Элементы	Вес (т)
305/52-мм/клб	120	60	
203/50-мм/клб	410	60	
152/45-мм/клб	3905	390	
130/55, 130/50-мм/клб	2378	170	
100-мм	4089	120	
85-мм	4462	80	
76-мм обр. 31 г., 15/38 г.	25290	250	
45/46-мм/клб	3566	10	
Всего в тоннах:		1120	

Таким образом, всего было намечено к вывозу 8036 тонн. Но фактически обстановка заставила вывезти гораздо больше. Всего было

вывезено около 15,0 тысяч тонн»^[184].

Довольно забавная картина получилась: в конце 1941 г. корабли Черноморского флота вывезли из Севастополя боезапас весом 15 тысяч т, а в начале 1942 г. ввезли 17 тысяч т.

Зачем все это делалось? Ведь формально никто не собирался сдавать Севастополь в конце 1941 г. На батареях Севастополя стояли орудия всех представленных к вывозу калибров. Наконец рассмотрим даже самый худший и маловероятный случай — падение Севастополя в ноябре-декабре 1941 г. Так тыловые склады были завалены морскими снарядами всех основных калибров. Как уже говорилось, в течение всей войны было расстреляно и утеряно лишь 20,6 % от имевшихся и полученных от промышленности 305/52-мм снарядов^[185]. Аналогичная картина сложилась и по другим калибрам флотских орудий. Так, из 170780 — 180-мм снарядов было израсходовано и утеряно в войну 31796, то есть 18,6 %, а из снарядов к 152/45-мм пушке Кане из 113021 снарядов было израсходовано 29290 штук, то есть 25,9 %, и т. д.

А ведь brave адмиралы вывезли из Севастополя 1241 тонну 76-мм выстрелов и 750 тонн 7,62-мм винтовочных патронов. Этих-то на складах ГАУ было пруд пруди. Так, еще в 1950-х годах на складах оставались миллионы 76-мм снарядов, изготовленных в 1914–1917 годах. А вот у защитников Севастополя к началу июня их почти не осталось!

Далее опять процитирую «Итоги...»: «Вследствие того, что транспорты из Севастополя уходили один за другим, то к концу ноября 41 г. и началу декабря 41 г. причалы Поти и Батуми оказались забитыми боеприпасами»^[186]. Убирать снаряды было некому. «Работу в основном выполняли краснофлотцы кораблей. [Вместо того, чтобы воевать! — А.Ш.] Все же к концу декабря 41 г. причалы в Поти были очищены, а с причалов Батуми боезапас был убран только к маю 1942 г.»^[187]. Долетел бы до Батуми один Хе-111, сбросил бы пару бомб на огромные штабеля боеприпасов, и что бы осталось от порта и города?

Возможно, найдутся оппоненты в лампасах, которые заявят, что, мол, часть боеприпасов, вывезенных из Севастополя, не годилась для использования в имевшихся артсистемах. Враки! На войне годится все! Если малограмотные чеченцы переделывали артиллерийские снаряды в дистанционно управляемые фугасы, то почему этого не могли сделать защитники СОРа?

В Севастополе был мощный морской завод и другие предприятия. Наконец, был специальный морской «Артремонтный завод», имевший 116

станков. Там можно было переделать любые снаряды, скомплектовать любые выстрелы. К примеру, все снаряды от 76-мм полковых, дивизионных и горных пушек взаимозаменяемы, а снарядами от 6-дюймовых пушек Кане можно стрелять из 152-мм гаубиц и 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 и т. д.

Глава 24. Третий штурм Севастополя

28 мая командование СОРа получило директиву командующего Северо-Кавказским фронтом Буденного^[188]. Там говорилось:

«1. Противник к наличному составу сил, блокирующих Севастопольский оборонительный район, с 20 мая начал интенсивную переброску своих войск к Севастополю с целью начать в ближайшем будущем активные действия. По данным всех видов разведки, перебрасывается около четырех пехотных дивизий, одной танковой дивизии и одной легкой пехотной дивизии.

2. Севастопольский оборонительный район имеет прочную систему обороны, могущую противостоят любому наступлению противника.

Приказываю:

1. Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет.

2. Создать армейский резерв; кроме того, иметь резерв в секторах обороны для нанесения мощных контрударов.

3. В борьбе против паникеров и трусов не останавливаться перед самыми решительными мерами»^[189].

Между тем корабли Черноморского флота и транспорты продолжали доставлять в Севастополь боеприпасы и пополнения. Так, 27 мая в два часа ночи крейсер «Ворошилов» в охранении эсминцев «Сообразительный» и «Свободный» вышел из Батуми и в тот же день в 21 ч 31 мин прибыл в Севастополь с личным составом и вооружением 9-й бригады морской пехоты.

При входе в Севастопольскую бухту корабли были атакованы германскими самолетами — бомбардировщиками и торпедоносцами. Выпущенная по крейсеру при прохождении им первой линии бонов торпеда выскочила на берег в районе Херсонесского музея, но не взорвалась. Повреждений и жертв не было. Корабли уклонялись от атак маневрированием. Эсминцы отражали налет торпедоносцев огнем главного калибра.

На крейсере и эсминцах в Севастополь была доставлена 9-я бригада морской пехоты в составе 3017 человек, восьми 122-мм, восьми 76-мм и 17 45-мм орудий, 27 станковых пулеметов, 16 минометов, 1213 винтовок и 60 т боезапаса.

Помимо надводных кораблей к грузовым перевозкам с Кавказа в Севастополь были привлечены и подводные лодки. Так, в 3 ч 40 мин 29 мая подводная лодка «Л-4» прибыла из Новороссийска в Севастополь, доставив 50 т боезапаса и 11 т продовольствия. В 21 ч 20 мин лодка ушла в Новороссийск.

Наши официальные историки считают временем начала третьего штурма Севастополя 2 июня 1942 г. Действительно, в этот день немцы начали интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку штурма» 2 июня немцы выпустили по позициям защитников СОРа и кораблям около шести тысяч снарядов.

2 июня в 40 милях южнее Ялты торпедоносцы Хе-111, базировавшиеся на аэродроме в Саки, потопили торпедой танкер «Громов» (836 брт). Танкер шел с грузом бензина из Туапсе в Севастополь. После гибели «Громова» перевозка топлива в Севастополь танкерами была прекращена, далее использовались только подводные лодки.

Со 2 по 7 июня немцы сделали девять тысяч самолето-вылетов и сбросили на СОР 46 тысяч бомб крупного калибра. Вражеские самолеты непрерывными волнами по 30–40 машин совершали налеты на боевые порядки войск. Артиллерия противника выпустила 126 тысяч тяжелых снарядов. В среднем на каждый квадратный метр полосы нашей обороны на направлениях предстоящих ударов приходилось по 1,5 т снарядов.

6 июня впервые была замечена стрельба немецких осадных мортир калибром в 615 мм, стрелявших по батареям береговой обороны. Один снаряд пробил крышу башни 30-й батареи и вывел башню из строя. Другой снаряд не разорвался, по нему-то и был установлен калибр мортиры.

В ночь с 5 на 6 июня в Севастополь пришли лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный» и подводная лодка «Л-5». Они доставили 510 человек маршевого пополнения, 12 человек летного состава, 71 т артиллерийских боеприпасов, 15 т авиационного бензина и 12 т продовольствия.

Манштейн спланировал на первом этапе наступления на Севастополь главный удар нанести 54-м армейским корпусом с севера и северо-востока. При этом задачей 132-й пехотной дивизии становилось нанесение фронтального удара через долину реки Бельбек на высоты южнее ее, оставляя в стороне наш плацдарм в районе Любимовки. А действовавшая левее 22-я пехотная дивизия должна была фланговым ударом с востока южнее реки Бельбек через Камышловский овраг обеспечить 132-й дивизии успешное преодоление рубежа реки Бельбек. 50-я пехотная дивизия, наступавшая еще левее, должна была, продвигаясь через Камышлы,

наносить удар в Юго-Западном направлении. На левом фланге корпуса 24-я пехотная дивизия получила задачу наступать в направлении Инкерманских высот с целью выхода на северное побережье Северной бухты и в район Инкерманского монастыря. На южном участке вспомогательный удар должен был наносить 30-й армейский корпус. В его задачу входил захват исходных позиций для последующего наступления на Сапун-гору и Балаклаву. Для этого 72-я пехотная дивизия должна была наступать по обе стороны Ялтинского шоссе, а 28-я легкая пехотная дивизия — захватить северную гряду скалистых высот восточнее Балаклавской бухты. 170-я пехотная дивизия оставалась в резерве. По мнению Манштейна, все эти действия германских войск, учитывая сильнопересеченную местность, могли быть решены только в ходе тщательно подготовленных наступательных боев с ограниченными целями.

Румынскому горному корпусу, действовавшему между двумя ударными немецкими группировками, ставилась задача сковать советские войска. Для этого 18-я румынская пехотная дивизия должна была атаками местного значения обеспечить наступление левого фланга 54-го корпуса, а 1-я румынская горнострелковая дивизия — поддерживать наступление правого фланга 30-го корпуса, захватив высоту Сахарная Головка.

Накануне штурма, в 2 ч 55 мин 7 июня, советская артиллерия произвела огневой налет на вражеские позиции. Однако из-за недостатка боеприпасов он длился всего 20 минут. —

Через два часа началась артподготовка немцев. В воздухе одновременно действовало до 250 германских самолетов. Через полчаса в атаку пошли пехота и танки. Главный удар немцы наносили в направлении от Камышлы на пост Мекензиевы Горы, а вспомогательный — в направлении деревень Камары и Кадыковка.

В результате ожесточенных боев, длившихся весь день, на направлении главного удара враг вклинился в передний край нашей обороны в стыке между 79-й особой стрелковой бригадой и 172-й стрелковой дивизией и, потеснив левофланговые части 172-й дивизии и части 79-й бригады, к исходу 7 июня вышел на рубеж высот 64,4, 57,8 и 59,7. На остальном фронте севастопольской обороны многочисленные атаки вражеских частей были отбиты, и наши части удержали свои рубежи.

За день боев немцы и румыны потеряли до 300 человек убитыми. Наши потери составили убитыми и ранеными 1500 человек, было разбито пять дотов, шесть оголовков, две 45-мм пушки и три 82-мм миномета.

За 7 июня немецкая авиация произвела до двух тысяч самолетовылетов, сбросив до девяти тысяч бомб.

На следующий день, 8 июня, германская авиация совершила свой первый налет в пять часов утра, а пехота двинулась вперед лишь спустя пять часов. Под натиском 50-й и 22-й германских пехотных дивизий, наступавших при поддержке авиации, артиллерии и танков, 79-я особая стрелковая бригада (третий сектор обороны) и 172-я стрелковая дивизия (четвертый сектор) к исходу дня отошли на рубеж — южные скаты высоты 192,0, 1 км северо-восточнее станции Мекензиевы Горы и юго-западные скаты высоты 104,5. При этом основные силы 747-го стрелкового полка 172-й дивизии попали в окружение противника.

К ночи 287-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии (третий сектор) под натиском противника и в результате отхода 79-й бригады был вынужден развернуться фронтом на север южнее высоты 192,0.

Правофланговые части 95-й стрелковой дивизии (четвертый сектор) из-за отхода 172-й дивизии развернулись фронтом на восток. Остальные части четвертого сектора удерживали свои рубежи обороны.

На участке вспомогательного удара противника войска первого и второго секторов в этот день отразили все атаки и удержали свои рубежи.

9 июня немцы начали прорывать нашу оборону в стыке третьего и четвертого секторов, чтобы выйти к Северной бухте. В течение дня, подводя новые резервы пехоты и танков, противник вел ожесточенные атаки на участке между высотой 90,0 и постом Мекензиевы Горы. Особенно сильным атакам подверглись части 345-й стрелковой дивизии, вступившей в бой у поста Мекензиевы Горы. В результате упорных боев 287-й стрелковый полк 25-й дивизии, 79-я особая бригада, 345-я стрелковая дивизия и правый фланг четвертого сектора к исходу дня отошли на 400–800 м и заняли рубежи: поляна в 2 км северо-западнее хутора Мекензия, в 300 м севернее кордона Мекензия № 1, пост Мекензиевы Горы и высота 49,0. 172-я стрелковая дивизия была отведена в район станции Инкерман, где остатки ее подразделений приводились в порядок.

На остальных участках фронта севастопольской обороны 9 июня все атаки противника были отбиты.

На следующий день, 10 июня, наши войска после ожесточенных боев были вынуждены оставить железнодорожную станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензия № 1.

С 8 по 10 июня в Севастополь на эсминцах «Свободный» и «Бдительный», двух тральщиках, а также на подводных лодках «С-31», «С-32» и «Л-5» были доставлены 67 человек летно-технического состава ВВС флота, 265 т боезапаса, 15 7,62-мм пулеметов, 75 автоматов ППШ, 30 т авиационного бензина и 3 т продовольствия. На транспорте «Абхазия»

были доставлены 250 человек маршевого пополнения, 37 бойцов Приморской армии, 261 т боезапаса, 100 т авиабоезапаса, 13 авиационных моторов, 168 т продовольствия и 90 т цемента.

10 июня в 2 ч 05 мин эсминец «Бдительный» вышел из Севастополя. На переходе в 5 ч 50 мин в 60 милях к юго-востоку от мыса Айя «Бдительный» был безрезультатно атакован бомбардировщиками противника». В 11 ч 30 мин эсминец прибыл в Новороссийск.

Оставшиеся в Севастополе на день транспорт «Абхазия» и эсминец «Свободный» были неоднократно атакованы немецкой авиацией. В 9 ч 55 мин 10 июня от прямого попадания бомбы в кормовую часть транспорт «Абхазия» затонул у пирса № 1 Сухарной балки. На транспорте погибло 168 т боезапаса, 95 т авиабоезапаса и 96 т продовольствия.

В 13 ч 00 мин 10 июня эсминец «Свободный», стоявший у артиллерийской стенки Корабельной бухты, получил девять прямых попаданий бомб. На эсминце начались пожары и взрывы боезапаса. В 14 ч 20 мин эсминец затонул, погибло 56 человек.

11 июня наши войска контратаками отбили у неприятеля железнодорожную станцию Мекензиевы Горы, но на следующий день немцы вернули себе станцию и оттуда перешли в наступление к Трензиной и Графской балкам. 12 июня немцам удалось захватить стационарную морскую батарею № 705 у Сливной станции. Уйти смогли лишь двенадцать краснофлотцев из команды батареи.

Только за 12 июня части СОРа потеряли 735 человек убитыми и 1234 ранеными, уничтожено 12 орудий.

Вечером 12 июня в главную базу прибыли крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный». На крейсере было доставлено 2998 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, 16 76-мм и 12 45-мм орудий, восемь 120-мм минометов, 150 т боезапаса, девять кухонь, 162 противотанковых ружья, 1005 автоматов ППШ, а также продовольствие и медикаменты. На эсминце прибыло 343 человека маршевого пополнения и 40 т боезапаса.

13 июня немцы изменили приемы наступательных боев и стали применять тактику «прогрызания» нашего переднего края. Она заключалась в том, что первоначально на узком участке фронта производились массированные налеты авиации, вслед за ней на тот же участок бросались танки, прикрываемые, в свою очередь, массированным огнем минометов и артиллерии. Одновременно авиация противника бомбила огневые позиции нашей полевой артиллерии и стационарные батареи береговой обороны главной базы.

Потери частей СОРа за 13 июня составили 735 человек убитыми и 1234 ранеными. Было разбито семь орудий, прожектор, 23 пулемета и 50 минометов. Три орудия были повреждены.

13 июня с 1 ч 00 мин до 3 ч 40 мин крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный», стоя на якоре в Севастопольской бухте и по выходе из главной базы, из района Херсонесского маяка, вели огонь по скоплениям войск противника в районах населенных пунктов: дача Торопова, Бахчисарай и Сюрень. Крейсер выпустил 90 снарядов, а эсминец — 350. В 3 ч 45 мин «Молотов» и «Бдительный» вышли из главной базы в Туапсе. На корабли было принято 910 раненых и личный состав погибших кораблей: со «Свободного» 101 человек, с «Абхазии» 30 человек. В 19 ч 45 мин «Молотов» и «Бдительный» прибыли в Туапсе.

13 июня в 4 ч 40 мин транспорт «Грузия» (4857 т) вошел в Севастопольскую бухту. При подходе к Минной пристани в Южной бухте транспорт был атакован немецкими самолетами и от двух прямых попаданий бомб в 4 ч 48 мин затонул. На транспорте находилось 708 человек маршевого пополнения и 526 т боезапаса. Большая часть людей спаслась вплавь и вылезла на Минную пристань.

13 июня адмирал Октябрьский получил донесение, что в Севастополе положение с боеприпасами «на грани катастрофы». Так, в зенитной артиллерий осталось по пятнадцать 76-мм снарядов на пушку. Из Москвы для снабжения Севастополя на Кавказ прибыли 20 транспортных самолетов «Дуглас».

15 июня в 2 ч 20 мин крейсер «Молотов» в охранении эсминца «Безупречный» с частями 138-й стрелковой бригады вышел из Новороссийска и в 23 ч 59 мин прибыл в Севастополь. В 20 ч 40 мин в Севастополь из Туапсе прибыла подводная лодка «С-32». Из Новороссийска прибыли подводные лодки: «М-33» — в 23 ч 20 мин и «М-111» — в 23 ч 59 мин. В 23 ч 25 мин прибыли базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие из Новороссийска в 4 ч 40 мин. На этих судах в Севастополь было доставлено 2325 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, 1075 человек маршевого пополнения, 442 т боезапаса, 42 72-мм миномета, 1486 автоматов ППШ, 50 противотанковых ружей, 30 т бензина и 12 т продовольствия.

17 июня немцам удалось продвинуться в район четвертого сектора. 172-я и 95-я стрелковые дивизии были фактически разгромлены, а 30-я башенная 305-мм батарея окружена немцами.

К полуночи 17 июня войска СОР занимали следующие рубежи:

Первый сектор (109-я и 388-я стрелковые дивизии): Генуэзская башня

— западные склоны высоты 99,4 — западнее совхоза «Благодать» — высота 33,1 (исключительно) — 400 м западнее высоты 56,0 — хутор в 100 м восточнее отметки 36,0.

Второй сектор (386-я стрелковая дивизия, 7-я и 8-я бригады морской пехоты): южные и юго-восточные скаты Федюхиных высот памятник сражению на Черной речке — высоты 72,5, 126,1, 67,1, 119,9.

Третий сектор (25-я стрелковая дивизия и 79-я морская стрелковая бригада): высота 119,9 — юго-западные скаты высоты 115,7 — южный отрог Камышловского оврага (исключительно) — безымянная высота в 1 км южнее высоты 90,0 — высота 66,1.

Четвертый сектор (345-я и 95-я стрелковые дивизии): высота 66,1 (исключительно) — отроги Графской балки — 1 км южнее высоты 43,5 — 500 м северо-восточнее Бартерьевки — западные скаты высоты 36,1 и далее на запад до уреза воды.

К концу дня 18 июня остатки 95-й стрелковой дивизии оборонялись на рубеже верхняя балка Голландия — Братское кладбище — деревни Буденновка и Учкучевка. На правом фланге 95-й дивизии противнику мелкими подразделениями удалось просочиться на побережье Северной бухты в районе балки Голландия.

К этому времени 345-я стрелковая дивизия вела бой на рубеже балок Трензина и Графская. 138-я стрелковая бригада, заняв верховья балок Графская и Сухарная, вела бой и создавала опорные пункты для прикрытия устья Сухарной балки и бухты Голландия.

Торпедные катера «Д-3» и «СМ-3», выйдя в ночь на 18 июня из Анапы, произвели набеговую операцию на порт Ялта с целью уничтожить торпедные катера противника. В 4 ч 05 мин наши катера выпустили по порту четыре торпеды. Одна торпеда взорвалась в районе боновых ворот, а три — в порту. Кроме того, порт был обстрелян четырьмя 82-мм снарядами М-8 и пулеметным огнем. На отходе катера были обстреляны с берега артиллерийским и пулеметным огнем и получили повреждения, два краснофлотца были убиты и два ранены. В 18 ч 00 мин торпедные катера пришли в Новороссийск.

В час ночи 18 июня транспорт «Белосток» в охранении базового тральщика «Якорь» и пяти сторожевых катеров прибыл из Новороссийска в Севастополь. На подводных лодках, прибывших в Севастополь 17 июня и на транспорте «Белосток», было доставлено 360 человек маршевого пополнения, 80 человек разных воинских команд, 341 т боезапаса и 238 т продовольствия.

19 июня командующий Черноморским флотом и Севастопольским

оборонительным районом адмирал Октябрьский доложил Сталину, что войска СОРа потеряли до 23 тысяч человек.

Согласно «Хронике...», «в этот день на северном участке фронта противник подошел к Северным укреплениям, занял Бартеньевку и Братское кладбище. Тем самым немцы получили возможность вести прицельный артиллерийский огонь по всему городу и лишили защитников СОРа возможности пользоваться Северной и Южной бухтами.

Из создавшейся обстановки было видно, что остатки частей четвертого сектора, прижатые к северному побережью Северной бухты, долго не продержатся и будут истреблены немецкой авиацией...

В результате яростных атак на левом фланге северного участка фронта общий фронт 95-й стрелковой дивизии был нарушен, и дивизия вела бой на отдельных пунктах сопротивления. К исходу 19 июня наиболее ожесточенный бой продолжался в районе северных укреплений. В район расположения местного стрелкового полка к западу от северного дока прорвались тяжелые танки противника. Группы вражеской пехоты вышли на побережье Северной бухты в районе бухты Голландия и установили на берегу две пушки, простреливавшие всю Северную бухту»^[190].

Спору нет, положение было тяжелым, но совсем не столь драматичное, как представлял его адмирал Октябрьский в донесении в Ставку, и что нашло отражение в «Хронике...». С тяжелыми немецкими танками все ясно, разве что это были наши КВ. Ну установили немцы пару 37-мм противотанковых пушек или 75-мм пехотных орудий. И что из этого? Неужели их нельзя было уничтожить огнем береговых и полевых орудий? В конце концов во время пребывания транспортов и боевых судов можно было ставить на несколько часов дымовые завесы. Ведь иной раз во время налетов вражеской авиации дымом закрывали все севастопольские бухты чуть ли не на целый день. Другой вопрос, что командование Черноморского флота, заранее зная о приближении немцев к Северной бухте, не удосужилось вывезти оттуда соединения катеров-тральщиков. В результате при обстреле порта были потоплены или повреждены (и брошены) катера-тральщики № 565 («Фрунзе»), № 566 («Киров»), № 553, № 554, № 555, № 557, № 560 («Вега»), которые можно было перевести в бухты Камышовая, Стрелецкая, Карантинная и замаскировать там. Эти катера-тральщики могли пригодиться при эвакуации СОРа.

«Войска СОРа будут вынуждены, — докладывал далее Октябрьский Сталину, — если не будет оказана срочная помощь, немедленно сделать переход на новый рубеж обороны, проходивший по южному побережью Северной бухты, через гору Суздальская, Сапун-гору и высоты Карагач.

Севастопольскому оборонительному району необходимо:

- 1) 10000 человек маршевого пополнения, половина которого должна быть вооружена;
- 2) вывезти раненых, число которых достигло 12000 и для которых не хватает места, медсостава и медикаментов;
- 3) усилить оборону зенитной артиллерией;
- 4) дать хотя бы 25 Як-1 и 10 Ил-2;
- 5) немедленно поставить на линию Кавказ — Севастополь обещанные 20 самолетов «Дуглас» с ночными экипажами, так как подавать в Севастополь маршевое пополнение и все снабжение, а также вывозить раненых можно только ночью самолетами-ночниками и подводными лодками»^[191].

В связи с выходом немцев к Северной бухте в районе башенной батареи № 35 у мыса Херсонес интенсивно шло строительство новой пристани.

20 июня к входу в Севастопольскую бухту подошел крейсер «Коминтерн» с маршевым пополнением в охранении базовых тральщиков «Мина», «Взрыв» и «Защитник» и трех сторожевых катеров. Однако из-за невозможности войти в бухту по приказанию начальника штаба флота крейсер возвратился в Новороссийск. Риторический вопрос: а что, нельзя было разгрузиться в Карантинной, Стрелецкой, Камышовой бухте или даже в Балаклаве? Вспомним, что в годы Крымской войны в Камышовой бухте базировался французский флот, а в Балаклаве — английский.

К исходу 20 июня немцы заняли всю Северную сторону за исключением трех опорных пунктов: района Константиновской батареи, которую защищал личный состав ОХРа, и береговых батарей № 2 и № 12; района Михайловской батареи (по другим источникам — 11 июня), защищаемой личным составом 110-го зенитного полка, береговой батареи № 702; и района Инженерной пристани.

Несколько слов надо сказать и о защитниках 30-й батареи. С 11 июня уцелевшая башня батареи вела огонь по верховьям Сухарной балки и станции Мекензиевы Горы. Всего было выпущено 104 305-мм снаряда. 14 июня (по другим источникам — 11 июня) 60-см немецкий снаряд, выпущенный из самоходной установки, попал в действующую башню. Снаряд не разорвался, но сорвал часть брони крыши и заклинил башню. Теперь батарея полностью вышла из строя.

Ряд германских и наших источников ошибочно приписывают уничтожение башен 30-й батареи 80-см железнодорожной установке «Дора». После оккупации Севастополя германское командование

произвело тщательное изучение и анализ результатов боевого применения «Доры». Эффективность действия бетонобойных снарядов оказалась ничтожно малой, так как в большинстве случаев снаряд, проникая в грунт на глубину более 12 м, образовывал канал диаметром около 1 м с каплевидной полостью около 3 м на дне, являвшейся результатом разрыва боевого заряда. Зафиксирован только один случай удачных выстрелов — в склад боеприпасов, находившийся на глубине 27 м на северном берегу Северной бухты.

После падения Севастополя из ствола «Доры» с учетом полигонных испытаний было сделано около 300 выстрелов, и ствол ввиду полного износа отправили на ремонт в Эссен.

Как видим, проку от «Доры» под Севастополем было немного, что дало повод некоторым нашим любителям-историкам вообще отрицать факт пребывания «Доры» в Крыму.

Рельеф Севастополя позволял эффективно действовать мортирам, а «Дора» могла гораздо более успешно действовать на равнинной местности под Ленинградом.

С 17 по 26 июня бетонный блок, а также подземный город 30-й батареи штурмовали германские саперы. Командир батареи майор Г.А. Александер приказал взорвать батарею, но осуществить этого не удалось из-за повреждений электрических кабелей.

Но вернемся к обороне города. В ночь на 21 июня вдоль всего южного берега Северной бухты строилась система укреплений.

23 июня немцам удалось овладеть Константиновской батареей, а уцелевшие ее защитники с наступлением темноты отправились вплавь к южному берегу. Доплыло 40 человек.

23 июня из Новороссийска в Севастополь прибыли лидер «Ташкент» и эсминец «Безупречный», а из Туапсе — подводная лодка «С-32». Эти суда доставили 529 человек маршевого пополнения, 102,4 т боезапаса, 35 т бензина, 106,3 т продовольствия, а также вооружение для перебрасываемой в Севастополь 142-й стрелковой бригады.

24 июня в связи с изменениями на сухопутном фронте севастопольской обороны была произведена новая нарезка секторов.

Части первого сектора обороняли рубеж от Балаклавы до высоты 113,2 (исключительно). Состав сил сектора был усилен двумя батальонами 9-й бригады морской пехоты и одним батальоном дотов береговой обороны главной базы.

Части второго сектора обороняли рубеж от высоты 113,2 до высоты 75,0 (исключительно). Из состава сил сектора была исключена 8-я бригада

морской пехоты и включены в его состав два батальона дотов береговой обороны главной базы.

Части третьего сектора обороняли рубеж от высоты 75,0 до станции Инкерман. Из состава сил сектора исключены 79-я особая стрелковая бригада и 2-й полк морской пехоты, а включены в его состав 8-я бригада морской пехоты и один батальон дотов береговой обороны главной базы.

Части четвертого сектора получили для обороны район вдоль южного берега Северной бухты от станции Инкерман до Павловского мыска. В состав четвертого сектора вошли 79-я особая стрелковая бригада, 2-й полк морской пехоты, сводный батальон Черноморского флотского экипажа, рота местного стрелкового полка, сводная рота 177-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны и стационарные огневые точки по южному побережью Северной бухты. Бронепоезд «Железняков» был переброшен на Килен-площадку и придан 79-й особой бригаде.

К утру 24 июня все эти части заняли оборону побережья от Инкерманской электростанции до Павловского мыска. 345-я стрелковая дивизия заняла рубеж от станции Инкерман до Инкерманской электростанции. Остатки 138-й стрелковой бригады и остатки 95-й стрелковой дивизии (сводный полк 95-й стрелковой дивизии) были отведены в глубину.

В задачу частей четвертого сектора входило не допускать высадки вражеского десанта с Северной стороны и прорыва вдоль Симферопольского шоссе.

В ночь на 24 июня командованием береговой обороны главной базы из частей обороны города и частей береговой обороны главной базы, прибывших с Северной стороны, был сформирован полк трехбатальонного состава численностью до 1500 человек. Ему была поставлена задача обороны побережья от станции Севастополь до Карантинной бухты. Полк к утру 24 июня занял указанный рубеж.

Днем 24 июня противник главный удар наносил на Инкерманском направлении. После ожесточенных боев к исходу дня немецкие части вышли на рубеж: высота 110,3 — маяк Восточный Инкерманский — балка Цыганская. На остальных участках фронта все атаки немцев были отражены, и наши войска оборонялись на прежних позициях.

Потери частей СОРа за 24 июня составили 261 человек убитых и 801 раненый.

Немецкая авиация произвела более 500 самолето-вылетов, сбросив свыше 2500 бомб.

Авиация главной базы в течение ночи на 24 июня произвела 16

самолето-вылетов на бомбардировку войск противника перед передним краем обороны. Днем восемь Ил-2, два И-15, четыре И-153 в сопровождении шести Як-1, двух И-153 и одного И-16 штурмовали его войска и технику.

Прибывший в Севастополь к полуночи на 24 июня эсминец «Бдительный» доставил две роты 142-й стрелковой бригады (364 человека), три пулемета ДШК, 12 станковых пулеметов, 60 автоматов ППШ, четыре 75-мм пушки и 1600 зарядов к ним, а также 20 т боезапаса для Приморской армии. В час ночи «Бдительный» вышел из Севастополя и в 12 ч 40 мин прибыл в Новороссийск.

В 12 ч 40 мин 24 июня эсминец «Безупречный», и в 14 ч 05 мин лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска и в 23 ч 00 мин прибыли в Севастополь. На «Ташкенте» было доставлено 1142 бойца, вооружение и боезапас 142-й стрелковой бригады и 10 т концентратов, а на «Безупречном» — 365 бойцов, вооружение и боезапас для 142-й стрелковой бригады и 5 т концентратов.

25 июня в 3 ч 32 мин базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник», в 4 ч 13 мин сторожевой корабль «Шквал» и базовый тральщик № 412 и в 14 ч 45 мин эсминец «Бдительный» вышли из Новороссийска в Севастополь. «Бдительный», «Взрыв» и «Защитник» прибыли в Севастополь в 23 ч 00 мин, а через полчаса прибыли «Шквал» и тральщик № 412. На кораблях было доставлено 1100 бойцов 142-й стрелковой бригады и ее вооружение, 64 т боезапаса для Приморской армии, 13,5 т продовольствия, 55 т медицинского имущества и 24 ящика консервов.

С утра 26 июня части 25-й стрелковой дивизии, 3-й бригады и 3-го полка морской пехоты отражали ожесточенные атаки противника, стремившегося прорваться в Инкерманскую долину. Весь день шли кровопролитные бои, доходившие до штыковых ударов и рукопашных схваток. Под воздействием превосходящих сил противника наши части отошли к югу. К вечеру части 25-й стрелковой дивизии, 8-й бригады и 3-го полка морской пехоты заняли рубеж: изгиб реки Черная — Каменный столб — Инкерманский монастырь — южный берег Инкерманской долины у устья реки Черная.

26 июня в 12 ч 33 мин эсминец «Безупречный» и в 13 ч 55 мин лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска в Севастополь. На лидере находилось 944 бойца 142-й стрелковой бригады, 760 винтовок, восемь противотанковых ружей, 125 автоматов ППШ, четыре 76-мм пушки с передками и 1360 выстрелов к ним, 26 т продовольствия, 20 т стрелкового боезапаса, 1,5 т груза ВВС флота, 3 т груза для Военного Совета флота и

боезапас для Приморской армии. На «Безупречном» находилось 320 бойцов 142-й бригады, 20 т стрелкового боезапаса, 15 т продовольствия, 2 т грузов для авиации и боезапас для Приморской армии.

В 18 ч 57 мин в 40 милях к югу от мыса Аю-Даг «Безупречный» был потоплен пикирующими бомбардировщиками Ю-87. Вскоре к месту гибели эсминца подошел лидер «Ташкент». Но в воздухе, согласно донесению командира лидера, появились германские самолеты. Поэтому «Ташкент», сбросив на воду спасательные круги и жилеты, полным ходом ушел в Севастополь. Через два дня подводные лодки «М-112» и «М-118» подняли из воды трех человек из команды эсминца. Остальные члены экипажа и 320 бойцов погибли.

Видимо, действия командира лидера были правильными. Но почему адмирал Октябрьский не мог выслать ночью в район гибели «Безупречного» катера с Кавказа и из Севастополя? Море было спокойным, там мог сесть и МРБ-2 наконец. Что касается подводных лодок «М-112» и «М-118», то они оказались там не по приказу комфлота, а случайно, и спасали людей в инициативном порядке.

Лидер «Ташкент» прибыл в Севастополь в 23 ч 15 мин без потерь и повреждений.

27 июня в 1 ч 50 мин «Ташкент», приняв на борт 2100 раненых, вышел из Севастополя в Новороссийск. В 4 ч 30 мин лидер, находясь в 28 милях по пеленгу 120° от мыса Айтодор, был обнаружен вражеской воздушной разведкой. И с 4 ч 45 мин в течение четырех часов «Ташкент» подвергся 86 атакам бомбардировщиков Ю-88 и Ю-87, сбросивших 336 бомб. Артиллерийским огнем лидера было сбито два самолета.

Прямых попаданий в «Ташкент» не было, но от близких «разрывов бомб» лидер получил три пробоины: в районе полубака, первого котельного отделения и румпельного отделения. Рулевое устройство и левая машина вышли из строя. Лидер принял около 1000 т воды. Из команды корабля было убито три и ранено десять человек, из числа принятых на борт раненых убито шесть и вторично ранено пять, а в затопленных кубриках погибло еще 50 человек.

В 6 ч 45 мин эсmineц «Сообразительный», прибывший в четыре часа утра из Поти, и четыре сторожевых катера, в 7 ч 20 мин четыре других сторожевых катера, в 8 ч 20 мин восемь торпедных катеров и в 8 ч 40 мин эсmineц «Бдительный» и еще семь торпедных катеров вышли из Новороссийска для оказания помощи «Ташкенту». Кроме того, из Анапы на помощь лидеру в 8 ч 45 мин вышли пять сторожевых катеров, от мыса Утриш — спасательное судно «Юпитер», из Геленджика в 10 ч 35 мин —

морской буксир «Черномор».

В итоге в 20 ч 15 мин лидер «Ташкент» на буксире у «Бдительного» и «Юпитера» в охранении сторожевых и торпедных катеров прибыл в Новороссийск.

На фронте третьего сектора обороны бои не прекращались всю ночь на 28 июня. Особо ожесточенные бои завязались на рубежах 25-й стрелковой дивизии и 3-го полка морской пехоты, прикрывавших противнику выход в Инкерманскую долину.

Противник ввел в дело 21-см мортиры и 15-см шестиствольные реактивные минометы. Впервые за все время обороны германская авиация ночью поддерживала свои войска. Наши части отошли к станции Инкерман. 28 июня защитники СОРа потеряли 518 человек убитыми и 1108 ранеными.

В 3 ч 35 мин 28 июня базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник» вышли из Новороссийска с 330 членами маршевого пополнения, боезапасом и продовольствием для севастопольской обороны и в 23 ч 25 мин прибыли в Севастополь, но не в Северную бухту, а в Камышовую.

В тот же день, в 23 ч 25 мин в Камышовую бухту прибыли подводные лодки «Д-5» и «А-4», а также подводная лодка «М-118», которые доставили: снарядов 152-мм — 203 шт., 122-мм — 706 шт., 85-мм — 223 шт., 76-мм — 1000 пгг., консервов 14 т, автобензина 35 т, всего боезапаса 180 т.

После выгрузки в Камышовой бухте подводная лодка «Д-5» приняла на борт 65 раненых и 41 человек эвакуированных членов семей ГК ВКП(б) и в 5 ч 20 мин 29 июня вышла в Новороссийск. После выгрузки, приняв на борт, раненых, в это же время ушли на Кавказ подводные лодки «М-118» и «А-4».

29 июня в Севастополь прибыли подводные лодки: в 1 ч 10 мин «Щ-209» с грузом снарядов и 32 т бензина; в 22 ч 00 мин «Л-23» с грузом снарядов, 49 т бензина и 30 т продовольствия; в 22 ч 45 мин «Л-4» с грузом снарядов и «М-31» с грузом снарядов (70 — 152-мм) и консервов. Всего было доставлено 160 т боеприпасов.

В два часа ночи 29 июня немцы открыли мощный артиллерийский огонь по южному берегу Северной бухты от Килен-площадки до Северной электростанции и произвели несколько налетов бомбардировщиков, действовавших в том же районе. В 2 ч 15 мин по всей Северной бухте противник поставил дымзавесу, которая под действием слабого северного ветра медленно двигалась к южному берегу Северной бухты. В 2 ч 35 мин на шлюпках и катерах немцы начали переброску десанта в направлении

Троицкой, Георгиевской и Сушильной балок. Отражение десанта для оборонявшихся частей затруднялось сплошной пеленой пыли и дыма, появившейся от разрывов снарядов, мин, бомб и дымзавесы.

Наши части, оборонявшие этот участок южного побережья Северной бухты, а также артиллерия 117-го и 2-го артдивизионов береговой обороны потопили часть шлюпок и катеров противника до подхода их к берегу. Но все же большей части плавсредств удалось подойти к берегу и высадить первый бросок, который закрепился на южном берегу Северной бухты.

В тот же день в 5 ч 30 мин до пехотной дивизии немцев двумя группами, с танками, перешли в наступление из района Федюхиных высот и Новые Шули в направлении на высоту 75,0 и хутор Дергачи, а также на Сапун-гору и истоки Хомутовой балки. Несмотря на упорное сопротивление частей 386-й стрелковой дивизии и 8-й бригады морской пехоты, фронт обороны был прорван.

После прорыва фронта в районе Сапун-горы мелкие части немцев повели наступление через станцию Инкерман на английский редут Виктория. Одновременно силами до батальона противник ворвался по Вольфьей балке на гору Суздальскую. Под воздействием этих сил и десантных частей из Георгиевской и Сушильной балок части четвертого сектора обороны к полудню 29 июня отошли на западные скаты Килен-балки, на Камчатку и английский редут Виктория.

В течение дня 29 июня немецкая авиация произвела более 1500 самолето-вылетов, сбросив около 10 тысяч бомб.

Авиация главной базы в ночь на 29 июня произвела 21 самолето-вылет на бомбардировку войск противника перед передним краем обороны. Семь Як-1 патрулировали в воздухе, прикрывая аэродром Херсонесский маяк. Днем действия севастопольской авиагруппы ограничились вылетом двух Ил-2 и трех И-16 на штурмовку наступающих войск противника.

На совещании у командующего севастопольской обороной командиры дивизий и бригад доложили, что в дивизиях осталось по 300–400 человек, в бригадах по 100–200 человек и совсем отсутствовали артиллерийский боезапас и мины. Люди были измотаны.

Глава 25. Бегство начальства и гибель армии

К исходу 29 июня немцы захватили плато Сапун-горы, хутор Дергачи и Максимову дачу, почти всю Корабельную сторону, за исключением Малахова кургана, казарм Учебного отряда и Зеленой горки у железнодорожного вокзала.

Отходя, наши войска взорвали хлебозавод, отделение автоматической телефонной станции и железнодорожный тоннель. Были подорваны 11 штолен филиала артиллерийского арсенала базы в Инкермане.

В тот же день адмирал Октябрьский вместе с Военным Советом Черноморского флота перебрался на запасной флагманский командный пункт, устроенный в подземном помещении 35-й башенной батареи. Туда еще 28 июня перевели командный пункт охраны водного района. Через несколько часов на 35-ю батарею прибыл и Военный Совет Приморской армии.

Вслед за командованием СОРа в район 35-й батареи — 16-й ложной батареи^[192] переходили все тыловые службы армии и флота — санотдел, инженерный отдел и др. В 2 ч 00 мин 30 июня начальник штаба СОРа капитан 1 ранга А.Г. Васильев приказал все радиовахты, пост скрытой связи на командном пункте СОРа в Южной бухте закрыть, а всему личному составу убыть на 35-ю батарею.

Одновременно с закрытием радиовахт на командном пункте Южной бухты, в 2 ч 00 мин 30 июня радиоцентр на 35-й береговой батарее вступил в строй, открыв семь радиовахт. Узел связи был оборудован в потере (подземном коридоре) левого командно-дальномерного поста на глубине 26 м, а антенны были выведены через вентиляционные отверстия.

30 июня был свернут командный пункт ПВО Черноморского флота. По приказу командования были сброшены в море у мыса Фиолент две радиолокационные станции воздушного обнаружения РУС-2. Оперативная служба ПВО была прекращена. Средства связи не работали. ПВО перестала существовать, а сигналы оповещения о воздушном противнике более не передавались.

В течение ночи на 30 июня немцы подтягивали силы и сосредоточивали их в трех районах: в районе хуторов «Золотая Балка» Дергачи и Килен-балки. Всю ночь производилась переброска немецких

войск с Северной стороны на южный берег Северной бухты.

Хутор Бермана, Юхарина балка, хутор Николаевна, Хомутовая балка, Лабораторная балка, слобода Корабельная, город, бухты к западу от города и район башенной батареи М 35 подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Сотни самолетов бомбили город, аэродром Херсонесский маяк и 35-ю батарею.

На аэродроме Херсонесский маяк доукомплектовывался отдельный стрелковый батальон военно-воздушных сил, и из химических частей береговой обороны главной базы был сформирован второй батальон. Оба эти батальона составляли резерв командования СОРа.

С рассветом 30 июня немцы после мощной артподготовки и авианалета возобновили атаки по всему фронту, нанося главные удары по Балаклавскому шоссе, в направлении на Куликово поле и по Лабораторному шоссе, в направлении к вокзалу станции Севастополь.

Между восемью и двенадцатью часами немецкая пехота и танки, действовавшие вдоль Балаклавского шоссе на участке 9-й бригады морской пехоты, прорвал нашу оборону в районе хутора Максимовича и вышли к хутору Николаевка и на юго-западные скаты Хомутовой балки. Во второй половине дня, развивая наступление под прикрытием артиллерии и авиации, немцы заняли хутор Максимовича и хутор Николаевку.

Одновременно части противника, наступавшие вдоль Лабораторной балки из района хутора Дергачи, прорвали нашу оборону и к исходу дня вышли к железнодорожной станции Севастополь.

Наши разрозненные части отходили к хутору Пятницкого, Рудольфовой слободе и к городу Севастополь.

Личный состав стационарных батарей № 19 (у хутора Максимовича), № 706 (у отметки 77,8) и № 708 (у отметки 73,0), израсходовав весь боезапас, подорвав материальную часть и вел бои в окружении. Бои продолжались до позднего вечера. Весь личный состав этих батарей погиб.

Как сказано в «Хронике...», «потери в личном составе Севастопольского оборонительного района в этот день не поддавались учету. Отдельные дивизии и бригады потеряли убитыми и ранеными до 90 % от оставшегося на 30 июня наличия»^[193].

К ночи 30 июня фронт войск севастопольской обороны проходил по рубежу хутор Фирсова — хутор Иванова — хутор Пятницкого — слобода Рудольфова — Панорама — станция Севастополь.

Еще утром 30 июня, в 9 ч 50 мин, Октябрьский послал телеграмму Буденному и Кузнецову: «Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную сторону. Боевые действия протекали в характере уличных

боев. Оставшиеся войска сильно устали... хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками, надо считать, в таком положении мы продержимся максимум: 2–3 дня.

Исходя из данной конкретной обстановки, прошу Вас разрешить мне в ночь с 30.06. на 1.07. вывезти самолетами 200–250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова»^[194].

Нарком Кузнецов получил телеграмму Октябрьского в тот же день в 14 часов. Переговорив со Сталиным, он в 16 часов послал Военному Совету Черноморского флота телеграмму: «Эвакуация ответственных работников и ваш выезд разрешены».

В 19 часов 30 июня на заседании Военного Совета Черноморского флота Октябрьский объявил решение Ставки и приказал эвакуировать 1 июля Военный Совет Черноморского флота, Военный Совет Приморской армии и ряд командиров и военкомов дивизий.

Для организации обороны на 1 и 2 июля, а также для обеспечения отхода командующим СОРа был назначен генерал-майор П.Г. Новиков, а его помощником капитан 3 ранга Ильичев. Новикову было приказано организовать оборону по линии старых укреплений, проходившей от хутора Фирсова через высоты 36,3 и 30,6 до Стрелецкой бухты, и в ночь на 2 июля или на следующую ночь эвакуироваться на подводных лодках.

Таким образом, было принято решение об эвакуации избранных. Формально всю ответственность за это можно свалить на Ставку, а точнее, на Сталина. Однако трудно ожидать, чтобы в Ставке могли доподлинно знать о ситуации в СОРе и о реальном состоянии кораблей Черноморского флота. На самом же деле части СОРа могли еще держаться, а сколько — зависело от поддержки флота. Эвакуация же начальства привела к полному развалу обороны.

Позднее попавший в плен к немцам генерал-майор П.Г. Новиков заявил: «Можно было бы еще держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить ее, посеять панику, что и произошло. А немец, крадучись, шел за нами до самой 35-й батареи»^[195].

Отъезд начальства обеспечивала парашютная группа особого назначения ВВС Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта В.К. Квариани. «После заседания Военного Совета флота и армии перед группой была поставлена задача по обеспечению и

сопровождению командиров и ответственных работников с посадочными талонами на рейдовый причал для посадки на подводные лодки, а также осуществлять охрану Херсонесского аэродрома во время прилетов транспортных самолетов, соблюдения порядка при посадке по посадочным талонам в условиях нахождения там неуправляемой многотысячной вооруженной массы военных и гражданских лиц»^[196].

Утром 30 июня германская авиация разбомбила здание эвакогоспиталя № 1428 в Камышовой бухте, погибло много раненых. К исходу дня берег Камышовой бухты в районе пристани, представлявшей собой две баржи со сходнями, был забит ранеными, ожидавшими эвакуации. Там же было множество неорганизованных военных, отбившихся от своих частей или просто дезертиров, женщины с детьми и старики. Люди метались по берегу, но никто ничего толком не знал об эвакуации. Из города подходили все новые и новые военные и гражданские лица.

Бывший командир крейсера «Червона Украина» капитан 2 ранга И.А. Заруба описывает ситуацию так: «...вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я увидел, меня поразило. Толпы людей, солдаты, матросы с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к ее главному входу, увидел еще худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29 июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Все это было похоже на панику в полном смысле слова...»^[197]

В ночь на 1 июля на аэродром в Херсонесе один за другим стали приземляться транспортные самолеты «Дуглас» (ПС-84). Всего из Краснодара вылетело 16 та-них машин, но три из них, потеряв ориентировку, вернулись. Самолеты доставили 23650 кг боеприпасов и 1721 кг продовольствия.

Первым же обратным рейсом на Кавказ улетели Ф.С. Октябрьский, член Военного Совета Черноморского флота Н.Н. Кулаков, бригадный комиссар М.Г. Кузнецов, генерал А.П. Ермилов. Позже Октябрьский признался, что его в целях маскировки «особисты» переодели в «гражданский плащ»^[198]. Уж не в женский ли, как у Керенского?

В первый самолет залез и комендант Херсонесского аэродрома майор Попов, на которого была возложена организация посадки на самолеты. Попов впоследствии был приговорен военным трибуналом к расстрелу.

Бежал к немцам^[199].

Самолеты брали штурмом. В такой обстановке, имея посадочные талоны, не смогли попасть в самолет комиссар 386-й дивизии В.И. Володченков и начальник штаба дивизии подполковник В.С. Степанов. Они были вынуждены вернуться в 35-ю батарею и по приказанию начальника штаба армии Крылова были эвакуированы на подводной лодке «Щ-209». Также не удалось влезть в самолет и прокурору Черноморского флота бригадному военюристу А.Г. Кошелеву. Позже, 2 июля, находясь под скалами 35-й батареи, после неудачной попытки попасть на катера, он сказал: «Меня оттеснили».

«Организовать нормальную эвакуацию было невозможно, — вспоминает А.И. Зинченко. — Кто посильнее, тот и попадал в самолет. На 3-й самолет дошла и моя очередь, но когда я попытался влезть в самолет, один из команды по посадке ударил меня сапогом в голову так, что я потерял сознание. Брали в основном моряков, а у меня форма была сухопутная»^[200].

По улетающим самолетам из толпы красноармейцев и матросов» сдерживаемых автоматчиками, периодически открывался огонь из винтовок. Всего 13 самолетов ПС-84 вывезли на Кавказ 222 начальника, 49 раненых и 3490 кг грузов.

Около 1 ч 30 мин 1 июля Военный Совет Приморской армии в составе Петрова, Моргунова, Крылова, Чухнова и других командиров штаба армии, штабов соединений, командиров соединений, комиссаров и других лиц спустились по винтовому трапу в левый подземный ход-потерну 35-й батареи и затем, пройдя ее, вышли на поверхность через левый командно-дальномерный пост вблизи спуска к рейдовому причалу. Было относительно тихо. Немцы продолжали вести беспокоящий огонь из орудий с Северной стороны по аэродрому и всему Херсонесскому полуострову. Причал охраняли автоматчики из состава отдельного батальона охраны 35-й батареи. К тому времени на прибрежных скалах и около причала уже собралось множество неорганизованных военных и гражданских.

Начальник отдела укомплектования Приморской армии подполковник Семечкин рассказывал: «Мы шли на посадку на подводную лодку. Я шел впереди Петрова. В это время кто-то из толпы стал ругательно кричать: "Вы такие-раздакие, нас бросаете, а сами бежите". И тут дал очередь из автомата по командующему генералу Петрову. Но так как я находился впереди него, то вся очередь попала в меня. Я упал...»^[201].

Людей с причала переправляли на небольшом буксире «Папанин» на подводные лодки, находившиеся мористее. На лодки попадали только счастливчики, имевшие пропуска за подписью Октябрьского и Кулакова. В соответствии с решением Военного Совета СОРа эвакуации в первую очередь на двух подводных лодках и самолетах подлежал только высший и старший комсостав от командира полка и выше. В списке этом значилось всего 139 человек, из них 77 человек от Черноморского флота.

Подводная лодка «Щ-209» приняла на борт Военный Совет Приморской армии со штабом армии, всего 63 человека, и в 2 ч 59 мин 1 июля вышла на Новороссийск, куда и прибыла после сложного похода 4 июля около восьми часов утра. Подводная лодка «Л-23» приняла на борт 117 человек руководящего состава СОРа.

Взятые в резерв штаба СОРа сторожевые катера СКА-021 и СКА-0101 30 июня стояли замаскированные в камышах бухты Казачьей в ожидании распоряжения командования на выход.

Из своих укрытий катера вышли уже в сумерки 30 июня и подошли к причалу 35-й батареи. СКА-021 взял на борт 70 человек, причем из-за неорганизованной посадки к причалу он подходил несколько раз. Потом на катере возникли неполадки с мотором. Наконец в три часа ночи 1 июля СКА-021 вышел в море, взяв курс на Синоп. СКА-0101, взяв людей, вышел раньше, в час ночи.

На переходе СКА-021 был атакован немецкими самолетами и от полученных повреждений стал тонуть. Командир катера Гладышев был убит. В живых осталось лишь 16 человек. Их позднее сняли вышедшие из Севастополя сторожевые катера СКА-023 и СКА-053 и доставили в Туапсе. По другим же данным, людей с СКА-021 снял СКА-0101, который вернулся к нему и прибыл в Сочи 3 июля.

В ту же ночь, 1 июля, катера-тральщики «Ильич» и «Ревсовет», приняв людей, вышли из Севастополя на Кавказ, но в Батуми прибыли лишь на десятые сутки. Тогда же из Камышовой бухты на Кавказ, держась берегов Турции, ушли три катера-тральщика КАТЩ-85, 86 и 87 охраны района Камышовой бухты с командиром ОХРа старшим политруком А.И. Песковым и военкомом политруком И.И. Христенко. Всего на этих катерах вместе с командирами из 7-й бригады морской пехоты эвакуировалось 45 человек. Из-за плохой мореходности и поломки двигателей два катера пришлось бросить. До Батуми 4 июля дошел только один катер.

В 22 ч 00 мин 30 июля из Севастополя вышло гидрографическое судно «Грунт» с 12 членами команды и 16 эвакуируемыми. По пути судно было атаковано немецкими самолетами, зашло в Синоп и, получив там уголь,

отправилось в Батуми, куда прибыло 7 июля.

Интересная история рейдового буксира «СП-2», вышедшего в ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. из Севастополя с 77 бойцами СОРа. Буксир пошел 7-узловым ходом к Турции. Топливо кончилось, когда на горизонте появились горы. Тогда моряки поставили самодельные паруса и шли со скоростью 1–2 узла. Подошедшие на катере турки с изумлением смотрели на «парусник». Но потом все же взяли его на буксир и доставили в Синоп. Под нажимом советского военного атташе в Турции местные власти согласились снабдить «СП-2» топливом, водой и продовольствием. В ночь на 4 июля «СП-2» покинул Синоп и взял курена Батуми. Буксир шел в пределах территориальных вод Турции и через 4 дня прибыл в Батуми.

Для эвакуации раненых и летно-технического состава Херсонесского аэродрома 1 июля прилетела группа гидросамолетов авиации Черноморского флота: один МТБ-2 «Чайка», один ГСТ-9 и десять МБР. «Чайка» села в бухте Казачьей, туда же, отбомбившись по позициям противника в Севастополе, приземлился и ГСТ-9. На борт «Чайки» было принято 29 человек, на ГСТ-9 — 26 раненых и медработников во главе с военврачом 2 ранга Корнеевым и командиром 12-й авиабазы капитаном Пустыльником. «Чайка» долетела нормально, а ГСТ-9 из-за поломки двигателя сел на воду примерно в 30 милях от Феодосии. Утром 2 июля самолет был обнаружен шедшим из Севастополя базовым тральщиком «Щит», на борт которого и были приняты 33 человека с аварийного самолета, а сам самолет отбуксировали в Геленджик.

В ночь на 1 июля бомбардировщики ВВС Красной Армии в составе восьми ДБ-3 и девяти СБ бомбили войска и батареи противника на Севастопольском фронте. А авиация Черноморского флота в эту ночь совершила 32 самолето-вылета, нанося бомбовые удары по позициям противника в Севастополе.

Вечером 30 июня самолеты: шесть Як-1, семь Ил-2, один И-16, один И-15бис, два И-153 и один ЛаГГ-3 перелетали из Севастополя в Анапу.

1 июля авиация СОРа боевых вылетов не производила. Вечером три Як-1, три И-16, один И-153 и один У-2 перелетели из Севастополя в Анапу. Четвертый Як-1, вылетевший из Севастополя, произвел вынужденную посадку на воду вблизи Туапсе. Самолет и пилот были подобраны. Три У-2, вылетевшие из Севастополя, пропали без вести.

Базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие 1 июля из Новороссийска, около полудня пришли к пристани 35-й батареи, где при помощи катеров и Шлюпок приняли на борт 377 человек личного состава СОРа. В три часа ночи 2 июля тральщики вышли из района главной базы и

в 20 ч 20 мин прибыли в Новороссийск.

Базовые тральщики «Щит» и № 412 на подходах к Севастополю были атакованы 12 германскими бомбардировщиками и в результате близких разрывов бомб получили небольшие повреждения. Из-за повреждений, а также из-за того, что огни на фарватере № 3 главной базы не горели, эти тральщики, боясь своих мин, без захода в район пристаней повернули обратно и в 23 ч 05 мин вернулись в Новороссийск.

1 июля немцы подошли к 35-й башенной батарее почти на 1 км. Батарея сделала шесть выстрелов шрапнелью, поставленной на картечь.

К ночи на 2 июля, по оценкам очевидцев, на берегу у причала 35-й батареи скопилось более 10 тысяч человек. Единственным путем вывода начсостава к причалу был подземный переход батареи с выходом наверх через левый командно-дальномерный пост. Однако особая трудность заключалась в том, чтобы провести несколько сотен старших командиров сквозь многочисленные массы людей, но иного выхода не было.

В 22 ч 00 мин 1 июля к причалу 35-й батареи подошел первый сторожевой катер СКА-052. Как только катер подошел к причалу, на него тут же, без всякой очереди, прыгнула масса людей. Катер накренился и дал задний ход, чтобы не лечь на борт. Потом с катера спустили шлюпку и подобрал еще несколько плавающих человек. В целях экономии топлива СКА-052 сначала пошел курсом на мыс Сарыч, а потом повернул круто на юг. Там СКА-052 пытался атаковать торпедный катер противника, но артиллерийско-пулеметным огнем катера был отогнан. В 40 милях от Крымского берега СКА-052 повернул к берегам Кавказа и, отбившись от двух налетов Ю-88, прибыл в Новороссийск.

В течение ночи на 2 июля с пристани 35-й батареи с эвакуированными на борту отошли сторожевые катера СКА-028, 029, 071, 088 и 046. На подходах к Севастополю сторожевые катера СКА-0105 и 014 встретили стоявший без хода подбитый СКА-029. На нем находились тяжелораненые, всего 51 человек. СКА-0105 снял на борт раненых, а СКА-014 взял на буксир подбитый катер. СКА-052 на подходах к Севастополю был атакован немецкими самолетами, получил повреждения и, не подходя к пристаням, повернул обратно на Новороссийск. Все эти сторожевые катера благополучно дошли до Новороссийска.

29 июня из Новороссийска в Севастополь с грузом боезапаса вышла подводная лодка «А-2». В 1 ч 32 мин 2 июля, находясь в районе подходной точки военного фарватера № 3, она получила приказ выгрузить боезапас в море и идти за людьми в Херсонесскую бухту. В 21 ч 18 мин «А-2» подошла к Херсонесской бухте, где легла на грунт с целью подготовки к

уничтожению всех важных и секретных документов на случай, если попадет в безвыходное положение. В 21 ч 59 мин лодка всплыла на расстоянии 1 кабельтова от берега. А с берега доносилась ружейно-пулеметная и артиллерийская стрельба, взмывали в небо осветительные ракеты. «А-2» подошла к берегу на полукабельтов, но, не обнаружив у пристани плавсредств, командир приказал дать световые сигналы на берег. К берегу никто не подходил. Тогда с лодки дали сигнал на берег голосом. И только в 22 ч 30 мин к лодке на автомобильных камерах подплыли четыре бойца, а до 23 часов подплыли еще пять человек.

Командир лодки приказал ждать до полуночи, но больше никто не подплыл, а к этому времени немцы усилили пуски белых ракет в сторону лодки, и они стали ее освещать. К тому же ночь была лунная, и командир решил переменить место.

Подводная лодка «М-112», вышедшая 29 июня с грузом боезапаса из Новороссийска, в 14 ч 18 мин 2 июля находилась в перископном положении на военном фарватере № 3 главной базы. В 19 ч 40 мин в районе Херсонесской мерной мили между 2-м и 3-м створами с лодки обнаружили барказ, по которому велся огонь из береговых орудий. В 19 ч 56 мин барказ был потоплен.

В 21 ч 00 мин «М-112» пришла в район Херсонесской бухты. На берегу шла перестрелка. Командир лодки принял решение всплыть для выяснения обстановки и маневрировать параллельно берегу. В 23 ч 03 мин к борту лодки подошла шлюпка с восемью бойцами СОРа. От них командир «М-112» узнал, что Севастополь сдан, и все бухты в районе 35-й батареи занята противником. В 23 ч 59 мин командир «М-112» принял решение возвращаться в Новороссийск.

1 июля «примерно между 22 ч 00 мин и 23 ч 00 мин генерал Новиков и сопровождающие его командиры начали выходить из 35-й береговой батареи через амбразуру башни. Но, как писал полковник Пискунов со слов майора Какурина, начальника штаба 95-й стрелковой дивизии, выходившего вместе с генералом, перед ними на их пути из батареи встала стихия в лице находившихся на батарее людей, которые внимательно следили за деятельностью Новикова. В результате оказались задержанными начальник штаба 109-й стрелковой дивизии подполковник С. Камарницкий, майор А. Какурин и начальник разведки 95-й дивизии майор И.Я. Чистяков»^[202].

Там же указано, что Новиков был без гимнастерки, то есть без знаков отличия.

Когда катер подошел к причалу, чтобы забрать генерал-майора, то

«заслон из моряков-автоматчиков охраны не выдержал.

Несмотря на предупредительную стрельбу автоматчиков охраны, толпа, прорвав заслон, стремительно бросилась по всему причалу. Под ее напором по всей длине причала были сброшены в воду не только находившиеся на причале раненые, но и первые и последующие ряды людей прорвавшейся толпы, оказавшихся на краю его.

Немного погодя рухнула секция причала вместе с людьми. В воде образовалось "месиво" из барахтающихся и пытающихся спастись сотен людей, часть которых утонула, а напор не ослабевал, и люди по инерции некоторое время падали в воду. Подходивший к первому пролету сильно накренился от нахлынувших на его палубу людей, которые почти все, не-удержавшись, попадали в воду. Катер выпрямился и отошел от причала. Командир в мегафон передал, что посадка невозможна, и катер отошел несколько дальше в море. Многие вплавь поплыли к катеру»^[203].

Об этом свидетельствует старшина 1-й статьи И.И. Карякин: «После контратаки вечером 1 июля я и старшина 2-й статьи Н. Рыбцов пробрались по подвесному мостику вплотную к скале. На пристани и мостике была сплошная масса людей. На скале находился капитан 3 ранга Ильичев, оставленный Октябрьским старшим по эвакуации. Его попытки освободить мостик для прохода людей, подлежащих эвакуации, успеха не имели. Он сам и его автоматчики стреляли в передних, не давали вплавь добираться до скалы и били короткими очередями. Нам удалось выбраться на берег и с наступлением темноты, спрятав оружие в скалах, вплавь, скрываясь под настилом мостика, добрались до скалы, где сидели, держась за канаты, пока не подошел сторожевой катер ГКА-0112. Пользуясь темнотой, мы прыгнули на катер. Было один или два часа ночи. После принятия людей и как только на катер зашел Новиков, катер отвалил и ушел в море»^[204].

На рассвете 2 июля сторожевой катер СКА-0112 был обнаружен и атакован четырьмя немецкими торпедными катерами. В течение почти часа шел бой. В левый торпедный аппарат катера S-40 попал 45-мм снаряд, взорвался бак со сжатым воздухом. На счастье немцев, торпеда не сдетонировала, но возник пожар, трое матросов было убито, а 10 человек, включая командира капитан-лейтенанта Шнейдер-Панкса, получили ранения. Был тяжело поврежден и катер S-28. Немцам с трудом удалось отбуксировать его в Ак-Мечеть. После предварительного ремонта S-28 отправили в Констанцу, где он простоял почти год, не участвуя в боевых действиях.

Но и 20-мм автоматы немцев вывели из строя моторы СКА-0112 и

перебили прислугу. Катер стал тонуть. Оставшиеся в живых уже не сопротивлялись. Но в шесть часов утра появился Ю-88 и начал обстреливать катер. В это время несколько человек вылезли из кубрика и бросились за борт. Позже подошел немецкий катер S-72, на который были посажены все оставшиеся в живых. Из 20 человек команды и 74 эвакуируемых в живых осталось 16 человек. Все, за исключением одного красноармейца, были ранены. Немцы подорвали СКА-0112, и он затонул. На палубе немецкого катера всех раненых перевязали и прикрыли брезентом. Все это происходило в видимости Ялты. Вскоре катер подошел к ялтинскому причалу, и все раненые были высажены на берег. Туда же высадили и оставшихся в живых 15 человек с СКА-0124, который был потоплен немцами в районе мыса Сарыч. Всего на ялтинском песчаном берегу оказался 31 человек, и в их числе генерал Новиков, капитан 2 ранга Заруба, политрук Звездкин, старшина 1-й статьи Карякин, а также командиры и бойцы из штаба Новикова и оставшиеся в живых члены экипажа СКА-0112.

По сведениям Зарубы, «Новикова возили в Севастополь к Манштейну. На мой вопрос «зачем?» он мне рассказал, что с ним разговаривал фельдмаршал Манштейн. Интересовался, как себя чувствую, не обижают ли, почему не в форме. Приказал одеть в форму, расхваливал доблесть и героизм наших солдат. Предлагал работать на них. Я сказал: "Я солдат и останусь верным присяге и Родине до конца. А за похвалу спасибо"»^[205].

Генерал Новиков погиб в 1944 г. в немецком концлагере Флессенбург.

2 июля между 1 ч 15 мин и 2 ч 00 мин командой 35-й батареи тремя взрывами были подорваны башни и часть помещений. Как и кто производил взрывы — до сих пор неизвестно.

Официальные историки утверждают, что батарея полностью израсходовала свой боезапас. Но это касается только 2-й башни. А в погребе 1-й башни после войны были найдены несколько десятков снарядов. Почему их не перегрузили во 2-ю башню, можно только гадать. Интересно, что, когда в 1952 г. срезали автогеном замок орудия в 1-й башне, в пороховой камере оказался заряд и произошел взрыв.

О взрыве батареи № 35 2 июля 1942 г. не были предупреждены множество людей, нашедших убежище в десятках ее подземных помещений. Тележурналист Евгений Ручкан писал, что в 1999 г. в помещении насосной станции было найдено много трупов, включая труп девушки-санитарки с большой косой.

После войны руины 35-й береговой батареи не раз снимали кинематографисты, поскольку и разрушенный этот последний бастион

защитников Севастополя выглядит довольно грозно. В 1980-е годы здесь хотели сделать мемориал защитникам Севастополя, но к настоящему времени установили лишь два памятных знака и мемориальную табличку. Сегодня же на 35-й развернулось бойкое строительство. В пятнадцати шагах от шарового погона бывшей башни стоит забор, ограждающий виллу «нового украинца».

В советские времена никто не интересовался последними днями агонии Севастополя, разумеется, официальные благонамеренные издания в счет не идут. Поэтому тайны СОРа еще ждут своих первооткрывателей.

Вот, к примеру, И.С. Манюшин пишет: «В течение 29–30 июня при отходе наших войск на Корабельной стороне были взорваны Северная электростанция, спецкомбинат № 1 и другие объекты, а также запасной арсенал флота взрывчатых веществ и негодного боезапаса в Инкермане, который было около 400 вагонов»^[206]. Что это за такая масса «негодных боеприпасов»? А почему их нельзя было использовать для обороны города?

Мало известно и о втором последнем оплоте защитников СОРа — районе побережья между ветряком ЦАГИ и бывшим Георгиевским монастырем, где геройски сражался 456-й погранполк 109-й стрелковой дивизии. Этот полк в ночь на 1 июля по приказу командира полка подполковника Г.А. Рубцова незаметно для противника, во избежание назревающего окружения, в связи с прорывом противника на Сапун-горе и отходом слева 9-й бригады морской пехоты, оставил свои позиции в Балаклаве и перешел на рубеж обороны: ветряк ЦАГИ — Георгиевский монастырь — мыс Фиолент. Там их поддержала огнем четырехорудийная 152-мм береговая батарея № 18 на мысе Фиолент. Но на батарее к утру 1 июля оставалось всего около 30 Шрапнельных снарядов и несколько практических, и ни одного бронебойного. Батарея № 18 погибла около 20 часов 1 июля. В ночь на 2 июля погиб весь состав 456-го погранполка.

При захвате немцами Севастополя были уничтожены противником или своими экипажами следующие суда: подводная лодка «Д-6» (находилась в капремонте на Севморзаводе еще с 22 июня 1941 г., ввести ее в строй так и не удалось), катера-тральщики № 153, 158, 565, 566, 553, 554, 555, 557, 510, бронекатер № 037, три сторожевых катера, четыре морских буксира, около 60 рейдовых катеров, 20 барж, три плавучих крана, киллатор, гидрографическое судно «Горизонт» и корпуса недостроенных двух тральщиков и сетевого заградителя.

К утру 2 июля в районе бухт Камышовой и Казачьей, 35-й батареи и Херсонесского полуострова собралось 50–60 тысяч красноармейцев и краснофлотцев. Большинство из них сохранило личное оружие, и были

даже две боеспособные пушки — 45-мм и 76-мм. Немцы интенсивно атаковали плацдарм последних защитников Севастополя, однако в течение дня им удалось продвинуться лишь на несколько сот метров. Отдельные группы бойцов пытались прорваться в направлении Балаклавы и уйти к партизанам, но удалось это лишь нескольким десяткам человек. Остальные же надеялись на помощь с моря.

Согласно сводке о поступлении личного состава частей РККА и РККФ из Севастополя за 2–7 июля 1942 г. по состоянию на 12 часов 7 июля: 4 июля прибыло из Севастополя на СКА-082 — 108 человек, на СКА-0108 — 90 человек, на СКА-019 — 79 человек, на СКА-038 — 55 человек, в том числе 39 человек начсостава, на подводной лодке «М-112» — 8 человек.

На переходе из Новороссийска в Севастополь 2 июля при невыясненных обстоятельствах погибли сторожевые катера СКА-021 и СКА-0112.

А бои у мыса Херсонес продолжались. Бойцы и командиры все еще надеялись на приход наших кораблей. Предоставлю слово противнику — князю Боргезе: «9 июля. Бой за форт Горки. [Немцы и итальянцы называли башенные батареи № 30 и № 35 фортами Максим Горький I и Максим Горький II. — А.Ш.] Мы его не скоро забудем. Полковник Бебер после боя сказал мне, что даже во время Первой мировой войны он не видел таких разрушений в Вердене.

Форт Горки у мыса Фиолент после падения Севастополя оставался последним очагом сопротивления русских... Наши сторожевые и торпедные катера получили приказ принять участие в штурме, т. е. заблокировать выходы из форта. В море вышли четыре наших катера, экипажи которых были вооружены автоматами и ручными гранатами. Маленькая группа из восьми отважных моряков проникла с моря в галереи. Поднятый ими шум, стрельба из автоматов и взрывы гранат ввели застигнутых врасплох обороняющихся в заблуждение относительно количества атакующих, что помогло немцам сломить упорную оборону противника.

В результате участия наших моряков в штурме были захвачены в галереях форта 80 военнопленных»^[207].

Бои у мыса Херсонес продолжались до 12 июля включительно.

А теперь процитирую «Хронику...»: «Два МБР-2, вылетавшие в район Севастополя в ночь на 3 июля с целью эвакуации личного состава СОРа, задания не выполнили из-за того, что ночной старт не был выложен, и Казачья бухта обстреливалась пулеметным огнем противника. По сообщению экипажей этих самолетов, южнее Херсонесского маяка в

районе новой пристани, у берега наблюдалось большое скопление людей. С берега сигнализировали фонарями, давали красные и белые ракеты. У береговой черты стояли один сторожевой катер МО и несколько шлюпок. В районе башенной батареи № 35 наблюдались взрывы артиллерийских снарядов. Дневная воздушная разведка, проведенная в районе Севастополя, оказалась безрезультатной из-за неблагоприятных метеорологических условий»^[208].

Обратим, внимание, на последнюю фразу официального источника. Разведчики Пе-2 не могли видеть даже наземные объекты. Сложные метеорологические условия были в последующие дни.

Вот опять цитата из «Хроники...» за 5 июля: «Ночью на 5 июля три СБ и семь МБР-2 бомбардировали торпедные катера противника в порту Ялта».

Из-за метеорологических условий один СБ ушел к Керчи и бомбил ее, а два МБР бомбили Феодосию. Два МБР вообще вернулись, не найдя целей.

Самолеты ДБ-3 поставили в районе Северной бухты в Севастополе шесть английских мин типа А-IV и сбросили бомбы. Участвовало восемь самолетов, но два из них из-за неблагоприятных метеоусловий вернулись на аэродром, не сбросив бомбы^[209].

Последние шесть сторожевых катеров вышли из Новороссийска в Севастополь 5 июля в 2 ч 30 мин. В 23 ч 30 мин СКА-088 и СКА-0108, согласно донесению командира звена Склера, прибыли в район Херсонесского полуострова. В полночь они прошли 10-узловым ходом в 100 метрах от берега, который непрерывно освещался ракетами. Стрельбы не было слышно, В 00 ч 11 мин 6 июля катера подошли к берегу на 50 м, тут же с берега по ним открылся пулеметный огонь. Катера ответили пушечно-пулеметным огнем и поставили дымзавесу, сбросив в воду морскую дымовую шашку, одновременно прекратив огонь по берегу. По сброшенной шашке был открыт шрапнельный огонь с берега. Людей на берегу не было видно, и в час ночи катера развернулись и пошли в Новороссийск. В 4 ч 55 мин с катеров была обнаружена шлюпка с 12 красноармейцами. В 13 ч 42 мин катера прибыли в Новороссийск.

Звено сторожевых катеров старшего лейтенанта Щербины в точке с координатами ш = 44°23,1', д = 33°21,6' взяли на борт семь человек, плывших в кузове автомашины на автомобильных камерах. В 00 ч 09 мин 6 июля катера прошли траверз мыса Фиолент в 2–2,5 милях от него. В 00 ч 53 мин катера подошли на четверть кабельтова к пристани 35-й батареи. С

берега начался ружейный обстрел. В 00 ч 57 мин с катера заметили на берегу белые проблески и легли курсом на них. Подошли к Херсонесскому маяку на 1,5 кабельтова и были обстреляны артиллерийским и ружейным огнем. На катерах остановили моторы для прослушивания. Пройдя правее маяка на 25–50 м, людей на берегу не заметили. В 1 ч 05 мин катера под непрерывным обстрелом пошли вдоль берега до 35-й батареи в 40–50 м от берега. В 1 час 10 мин на катерах снова заглушили моторы и стали звать людей с берега, и дали белую ракету. В 1 ч 35 мин снова осмотрели берег. Обстрел катеров продолжался. Людей ни на берегу, ни на воде видно не было. В точке с координатами ш = 44°32,4', д = 33°25,2' катера подобрали трех человек с плота, которые сообщили, что на берегу осталось около двух тысяч человек, попрятавшихся в камнях и по пещерам. Противник обстреливал людей под берегом.

Хотя катера и подверглись атаке самолетов противника, все они благополучно прибыли в Новороссийск в 21 ч 30 мин 6 июля.

Тут сразу возникает множество вопросов. Почему неблагоприятные метеоусловия не позволили нашим бомбардировщикам бомбить даже площадные береговые объекты, а немцам якобы метеоусловия не мешали бомбить быстроходные маневренные корабли? Почему группы сторожевых катеров с ходом до 26 узлов с малыми потерями ходили к Севастополю, а лидеры и эсминцы проектов 7 и 7У с ходом 35–40 узлов и с куда лучшим зенитным вооружением не могли участвовать в спасении людей и заодно поддержать защитников Херсонеса огнем своих 130-мм орудий?

К 4 июля 1942 г. в составе Черноморского флота находились: один линкор, четыре крейсера, 1 вспомогательный крейсер, один лидер, семь миноносцев, два СКР (малых миноносца), 10 базовых тральщиков, 65 торпедных катеров, 41 подводная лодка, один речной монитор, 10 канонерских лодок, семь бронекатеров. (Наши бронекатера и в 1941 г., и в 1944 г. ходили у берегов Крыма, причем осенью и весной, а не летом.)

Кроме того, имелись многие десятки сторожевых катеров специальной постройки, десятки мобилизованных судов, сторожевых кораблей, тральщиков и т. д. И вся эта армада бездействовала, когда гибли тысячи защитников СОР!.

В мае 1961 г. в Севастополе проходила военно-историческая конференция, посвященная 20-летию начала героической обороны Севастополя. Там выступал Ф.С. Октябрьский, получивший в 1958 г. (!) звание Героя Советского Союза. Он сказал: «Товарищи, обстановка тогда сложилась трудная... В этих условиях встал вопрос: как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потеряны армия и флот, оказавшийся

сильно преуменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете была потеряна армия, но сохранен флот»^[210].

Разумеется, тогда никто не возмущался речам адмирала, явно пародировавшим слова Кутузова, сказанные в 1812 г. Но тогда врагу была оставлена горящая, а главное, пустая Москва! В 1812 г. была сохранена армия, которую в тогдашних условиях можно было воссоздать не менее чем за пять лет. А тут на убой немцам было оставлено свыше 100 тысяч закаленных в боях бойцов, которые могли не пустить немцев на Кавказ. А что касается флота, то линкор, крейсера, эсминцы и даже канонерские лодки не сыграли, по воле тех же адмиралов, никакой роли в последующих боях. В то же время наша промышленность в 1942–1943 годах сдала флоту сотни бронекатеров, торпедных и сторожевых катеров и т. д. Сотни катеров тех же типов нам поставили союзники. Причем они были лучше на порядок их советских довоенных аналогов — более мореходными и имели скорострельные зенитные автоматы, наши и импортные, РЛС и т. д. При необходимости не только новые катера, но и старые катера, и подводные лодки типа «М» легко перебрасывались по железной дороге на Черное море.

Летом 1942 г. судьбу Черного моря решали сухопутные силы и базы. И если бы тогда удалось отстоять Севастополь, немцы не проникли бы на Кавказ, и ход войны мог кардинально измениться. При этом были оправданы любые потери кораблей. Даже если бы погибло 90 % кораблей и катеров Черноморского флота, эти потери были легко восполнимы в течение последующих 3–4 месяцев. (Понятно, речь идет об общей мощи флота, включая авиацию, торпедные катера, подводные лодки, десантные корабли и т. д. Естественно, линкор на Черное море перевезти было нельзя, да и особой нужды в этом не было.)

Этого не мог не понимать адмирал Октябрьский ни в 1942 г., ни в 1961 г. По данным Г.И. Ванеева, всего за период с 1 по 10 июля в порты Кавказского побережья было доставлено 1726 бойцов СОРа, а убито или взято в плен — 130125 человек^[211]. Различные немецкие источники указывают число пленных 90—100 тысяч человек» Судя по всему, правы немцы, а не Ванеев. В сводках, предоставляемых военными, наверняка не указывались тыловые подразделения, местные подразделения и т. д.

Сообщение же Совинформбюро об оставлении Севастополя от 3 июля 1942 г. было верхом лжи и цинизма:

«Сколь успешно выполнил севастопольский гарнизон свою задачу, это лучше всего видно на следующих фактических данных. Только за

последние 25 дней штурма севастопольской обороны полностью разгромлены 22, 24, 28, 50, 182 и 170-я немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных полка, 22-я танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1, 4, 18-я румынские дивизии и большое количество частей из других соединений...

Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11385 человек убитыми, 21099 — ранеными, 8300 — пропавшими без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы»^[212].

То есть все штурмовавшие Севастополь германские части уничтожены, а наши части благополучно эвакуированы на Кавказ.

1 июля Гитлер за взятие Севастополя присвоил генерал-полковнику Манштейну чин генерал-фельдмаршала. Манштейна завалили подарками, в том числе и от представителей династии Гогенцолернов. Среди них был и оригинальный подарок. Манштейн писал: «Один русский священник, бежавший от большевиков во Францию и живший теперь в Виши, прислал мне толстую трость. Она была изготовлена из узловатой виноградной лозы, в набалдашник был вделан топаз, а на узком металлическом кольце стояла надпись на русском языке. В письме священник писал, что его дед во время Крымской войны, будучи командиром полка, участвовал в обороне Севастополя. Он был тяжело, ранен в ногу, и солдаты его полка сделали ему эту трость. Обрадованный тем, что я занял Севастополь и освободил Крым от большевиков, он, священник, захотел послать мне эту трость в знак благодарности»^[213].

Ну а теперь господин Никита Михалков и К° по воскресеньям в телепередачах, посвященных белой эмиграции, восхваляет подобных персонажей и их потомство.

Глава 26. Партизаны и предатели

Заняв Крым, немцы и румыны еще до взятия Севастополя приступили к расправам над мирными жителями полуострова. По наиболее вероятной оценке, немцы и их пособники уничтожили в Крыму до 50 тысяч мирных жителей, подавляющее большинство из которых составляли русские и евреи.

В 1941–1944 годах из Крыма в Германию на принудительные работы было вывезено 85,5 тысячи человек, в основном русских. Из них в 1945–1947 годах вернулось 64 тысячи.

После десанта в Керчи и Феодосии нацисты опасались высадки советских войск в Ялте и 14 января 1942 г. угнали 1300 мужчин в возрасте от 17 до 55 лет в лагерь «Картофельный городок» под Симферополем. К июлю 1942 г., когда ялтинцы были освобождены, более 500 человек погибли от голода и болезней. Жертвами нацистов в Ялте, по утверждению городской Чрезвычайной Государственной Комиссии, стали около 900 мирных жителей, не считая погибших в «Картофельном городке». Число жертв выведено из объема захоронений.

Захватив город Керчь в ноябре 1941 г., немцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: «Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное продовольствие владелец подлежит расстрелу»^[214]. Следующим приказом (№ 2) городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят, рабочий скот. Владельцам домашней птицы и скота было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам.

По приходе Красной Армии в Керчь в январе 1942 г. при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 м и глубиной в 2 м был переполнен трупами женщин, детей, — стариков и подростков.

Один только перечень преступлений немцев может занять несколько страниц. Разумеется, что на репрессии немцев естественной реакцией было усиление партизанского движения.

Однако к партизанской борьбе советские и партийные органы готовились еще до вторжения немцев в Крым. 23 октября 1941 г.

постановлением бюро Крымского обкома ВКП(б) командующим партизанских отрядов Крыма был назначен А.В. Мокроусов. Выбор обкома был удачен. Черноморский матрос Мокроусов участвовал в Октябрьском восстании в Петрограде, с марта 1918 г. — на командных постах в Красной Армии. В августе-ноябре 1921 г. он командовал Крымской повстанческой армией, действовавшей в тылу у Врангеля. В 1937–1938 годах Мокроусов воевал в Испании.

Тем же постановлением комиссаром партизанских отрядов был назначен секретарь Симферопольского горкома партии С.В. Мартынов, а начальником штаба — И.К. Сметанин.

По тому же постановлению председатель совнаркома Крыма выделил два миллиона рублей на партизанское движение.

Ядром многих партизанских отрядов стали оказавшиеся в окружении бойцы и командиры 51-й и Приморской армий. К середине ноября 1941 г. в партизанских отрядах находилось не менее 1315 окруженцев. Среди них 438 командиров и политработников, в том числе генерал-майор Д.И. Аверкин, полковник И.Т. Лобов, подполковник Б.Б. Городовиков, Майор И.В. Харченко, капитаны И.Г. Кураков, Н.П. Ларин, Д.Г. Исаев, военкомы А. Аединов, П. Лахтиков, М. Халанский и др.

31 октября 1941 г. приказом № 1 Мокроусов объявил организацию пяти партизанских районов, располагавшихся в горно-лесистой местности, и назначил командиров, комиссаров и начальников штабов этих районов. Из партийного и советского актива, из бойцов истребительных батальонов на добровольных началах были созданы 24 партизанских отряда. Три самостоятельных отряда сформировались позже из командиров и бойцов Приморской и 51-й армий, задержавшихся в горах и лесах Крыма при отходе к Севастополю и Керчи. Всего в партизанских отрядах к концу 1941 г. насчитывалось более 3700 человек, в том числе 1315 бойцов и командиров, влившихся в отряды при отступлении армий.

Базы пяти партизанских районов находились в горах и лесах Ялты от Старого Крыма до Балаклавы. В районе Керчи были созданы три отряда, которые базировались в подземельях каменоломен. Продовольствие и другие запасы были рассчитаны на значительно меньшее количество партизан, чем их оказалось фактически. Причем эти запасы не могли быть пополнены за счет населения, поскольку в горно-лесистых районах почти не было населенных пунктов.

Партизанские отряды располагались на очень небольшой территории, что затрудняло им возможность маневрировать. Партизаны не имели топографических карт. Впоследствии они изымали у убитых немецких

офицеров советские туристские карты с нанесенной на них обстановкой, вплоть до пастушьих троп.

В послевоенные годы советская пропаганда преувеличивала успехи партизанского движения и постоянно использовала штампы «земля повсеместно горела под ногами оккупантов», «на борьбу поднялись все советские люди» и т. д. Поэтому я обращаюсь к немецким документам.

Уже 20 ноября Манштейн издал приказ: «Позади фронта борьба также продолжается. Партизанские снайперы, переодетые в штатское, стреляют по отдельным солдатам и мелким подразделениям. Используя методы диверсии, закладывая мины и адские машины, партизаны пытаются нарушить наше снабжение... Они уничтожают посевы и предприятия, безжалостно обрекая на голод городское население»^[215].

Вскоре партизанские действия развернулись всерьез. «Согласно полученным нами донесениям, — говорится в памятной записке от 14 ноября 1941 г., составленной офицером контрразведки 11-й армии, — в южной части Крыма действует хорошо организованная, руководимая из центра партизанская организация. В ее распоряжении в горах Ялты находятся крупные и мелкие базы, в которых имеется много оружия, продовольствия, целые стада скота и другие запасы... В задачи партизан входят уничтожение средств связи и транспортных сооружений и нападение на тыловые службы и транспортные колонны»^[216].

Согласно докладу Мокроусова от 21 марта: «Общая численность партизанских отрядов 26, объединенные в 4 района, 5-й район ликвидирован 18 марта 1942 г. по оперативным соображениям и весь личный состав влит в 4-й район. Общая численность личного состава 3180 чел.

Проведено боеопераций всего — 156. Кроме того, провели боев при нападении на отряды противника при прочесывании — 78. Уничтожено живой силы — 4040 солдат и офицеров. Уничтожено автомашин — 350 с боеприпасами, продовольствием и людьми. Подбито 2 танка, разбито 12 обозов, взорвана 1 мельница, 6 мостов и выведены из строя Бешуй-копи. Снято 10000 м кабеля телефонного и телеграфного.

Наши потери: убито 175 чел., ранено — 200 чел., без вести пропавших — 58 и 15 связных. В числе без вести пропавших генерал-майор т. Аверкин. До сих пор неизвестна судьба Севастопольского отряда...

Продовольствием партизанские отряды обеспечены при голодном пайке не более на 10 дней, а 3-й и 4-й районы не имеют вовсе, в результате чего зафиксировано 18 случаев смерти и 30 чел. при смерти.

Во всех отрядах отсутствуют медикаменты (бинты, йод, вата и т. д.) и хирургический инструментарий.

За время пребывания в лесу обмундирование у бойцов пришло в негодность, в основном обувь, одежда, белье. Боеприпасами и вооружением обеспечены, за исключением 2-го района. Отсутствуют совершенно противотанковые гранаты, мины и взрывчатые вещества...

За 4 месяца из числа выявленных предателей и изменников Родины по населенным пунктам горно-лесистой части Крыма и в партизанских отрядах уничтожено 362...

В подавляющей своей массе татарское население в предгорных и горных селениях настроено профашистски, из числа жителей которых гестапо создало отряды добровольцев, используемые в настоящее время для борьбы с партизанами, а в дальнейшем не исключена возможность и против Красной Армии...

Деятельность партизанских отрядов осложняется необходимостью вооруженной борьбы на два фронта: против фашистских оккупантов, с одной стороны, и против вооруженных банд горно-лесистых татарских селений»^[217].

5 декабря 1941 г. Манштейн направил своему старшему начальнику, главнокомандующему группой армий «Юг», доклад об организации борьбы с партизанами и достигнутых в этом успехах. В докладе говорилось: «Для ликвидации этой опасности (в Крыму, по нашим сведениям, имеется 8 тыс. партизан) нами были приняты решительные меры; иногда для борьбы с партизанами приходилось отвлекать войска (sic!).

В данное время в действиях против партизан принимают участие:

а) штаб по борьбе с партизанами (майор Стефанус); в его задачу входят сбор информации и представление рекомендаций о проведении необходимых мероприятий;

б) румынский горнострелковый корпус с 8-й кавалерийской и 4-й горнострелковой бригадами;

в) 24-й, 52-й и 240-й истребительно-противотанковые дивизионы;

г) на участке 30-го корпуса: румынский моторизованный кавалерийский полк и подразделения 1-й горнострелковой бригады;

д) в Керченских рудниках; саперный батальон и подразделения пехотных полков 46-й пехотной дивизии;

е) на различных горных дорогах выставляются кордоны и используются эскортные команды.

К настоящему времени достигнуты следующие результаты: ликвидировано 19 партизанских лагерей, уничтожено 640 и взято в плен

522 партизана, захвачено или уничтожено большое количество вооружения, снаряжения и боеприпасов (в том числе 75 минометов, 25 пулеметов, 20 легковых и большое количество грузовых автомобилей, 12 складов снаряжения и боеприпасов), а также скот, горюче-смазочные материалы и две радиоустановки»^[218].

Партизаны боролись и с экономическими мероприятиями немцев. Оккупантами было создано главное экономическое управление «Юг», которое руководило экономическим управлением «Днепропетровск», включавшее территорию Днепропетровской и Запорожской областей, Северную Таврию и Крым. В Крыму немцы развернули два экономических филиала — в Керчи и в Севастополе. Но им не удалось восстановить промышленное производство, а сельское хозяйство было восстановлено лишь в незначительной степени.

Согласно докладу крымского отделения СД от 8 апреля 1942 г., «партизаны, деятельность которых по-прежнему остается активной, стали отказываться от нападения на отдельных немецких солдат или одиночные машины и переходить в основном к массированным налетам на деревни и к другим действиям с целью захвата продовольствия»^[219].

Это совпадает с данными других немецких источников. «В ночь с 7 на 8 февраля на Кош было совершено нападение 300 партизан». «9 февраля 150 партизан... ворвались в село Шлия и полностью его разграбили». А несколькими днями раньше партизаны заняли село Казанлы. После чего 500 партизан атаковали Баксан и 200 партизан совершили налет на деревню Бешуй.

В начале 1942 г. командир 30-го корпуса генерал фон Салмут установил точное число заложников, подлежащих расстрелу за каждого убитого или раненого немца или румына: «Все заложники должны быть заключены в концентрационные лагеря. Продовольствием заложников обеспечивает население их деревень. За каждого немецкого или румынского солдата, убитого партизанами, следует расстреливать 10 заложников, а за каждого раненого немецкого или румынского солдата — одного заложника; по возможности расстрелы производить вблизи места, где был убит немецкий или румынский солдат. Трупы расстрелянных не убирать в течение трех дней.

Аресты заложников в местах, где войск нет (и особенно в горах), должны производиться 1-й румынской горнострелковой бригадой. С этой целью соответствующие пункты должны временно оккупироваться войсками»^[220].

Ниже следовали списки пунктов расположения концлагерей для заложников, а также подразделений и частей, несущих ответственность за их содержание. Последний параграф приказа Салмута гласил: «Концентрационные лагеря должны быть созданы в нижеследующих пунктах»:

Таблица 8

Название населенного пункта	Часть (подразделение), ответственное за создание концлагеря
Кучук-Мускомья	124-й пехотный полк
Алсу	1-й румынский горнострелковый полк
Варнутка	266-й пехотный полк
Биюк-Мускомья	105-й пехотный полк
Хайта	14-й румынский пулеметный батальон
Байдары	172-й артиллерийский полк
Сахтик	72-й саперный батальон
Форос	72-й танковый батальон

Тут следует обратить внимание на два момента. Во-первых, источником являются германские служебные документы, впервые опубликованные в Лондоне в 1954 г., так что ярлык советской пропаганды к ним не пришьешь. Во-вторых, из документа четко следует, что расправы в Крыму вершили не войска СС, которых там тогда вообще не было, а полевые германские и румынские части.

А вот немецкая листовка из того же источника, расклеиваемая в Симферополе: «29 ноября 1941 года было расстреляно 40 мужчин — жителей города Симферополя, что явилось репрессивной мерой:

1) за гибель немецкого солдата, который 22 ноября, 1941 года подорвался на mine в районе, о возможном заминировании которого в комендатуру не поступало никаких сведений;

2) за убийство в ночь с 27 на 28 ноября 1941 года немецкого сержанта»^[221].

С начала 1942 г. командование Советской Армии наладило с партизанами связь по воздуху. Только за Период с 7 апреля 1942 г. по 1 октября 1943 г. совершено 507 самолето-вылетов в партизанские отряды Крыма, из них самолетами Ли-2, ТБ-3 — 274 и самолетами) У-2 и ПР-5 — 233.

Всего доставлено 270729 кг груза, в том числе 252225 кг продовольствия, 600 комплектов обмундирования, 120 автоматов, пять

противотанковых ружей, четыре ручных пулемета ДП, 1980 гранат, 92 563 патрона (разных), 885 мин разных, 3487 кг тола, 54 комплекта радиопитания, два комплекта типографий.

За этот же период вывезено из партизанских отрядов 776 человек, из них больных и раненых партизан 747 человек, отозванных семь человек и 22 ребенка. А в партизанские отряды отправлено 137 человек, из них 78 излечившихся партизан, 30 подрывников, 15 человек партактива, 14 командно-руководящих работников.

Любопытная цитата из письма комиссара П.Р. Ямпольского секретарю Крымского обкома В.С. Булатову от 14 октября 1943 г.: «Досадный случай произошел с танком. Захватили исправный средний танк, далеко отогнали его от места боя, уже близко от леса застряли в балке, танкистов у нас нет, возились до тех пор, пока заклинили моторы. Федоренко принял решение и сжег танк. Уж я ругал его на все корки за такое решение, но танк не вернешь. Теперь перед ним поставлена задача — добыть другой танк вместо этого»^[222].

Но наряду с успехами партизанского движения любой объективный историк должен признать и факт использования немцами в Крыму так называемых хиви^[223], причем в куда больших масштабах, чем в любой другой области СССР, оккупированной в 1941–1944 годах.

Так, к примеру, осенью 1943 г. оборону побережья от поселка Коктебель до Двужакорной бухты (широкие пляжи и удобные места для высадки, сам исходил эти места) охранял азербайджанский батальон хиви. В его составе было 60 немцев и 1090 азербайджанцев. Батальон имел на вооружении 42 ручных пулемета, 80 станковых пулеметов, 10 батальонных и 10 полковых минометов, а также 16 противотанковых пушек. Тогда же железная дорога от Владиславовки до Ислам-Терека охранялась ротой хиви, состоявшей из 150 грузин.

Однако настоящей опорой вермахта в Крыму стали крымские татары, служившие в хиви, в отрядах самообороны и других подразделениях.

Чтобы привлечь крымских татар и Турцию к борьбе с «большевиками», руководство рейха с лета 1941 г. начало использовать Крым в качестве приманки. В конце лета 1941 г. сотрудники германского посольства в Турции встретились с лидерами крымско-татарской эмиграции. Способствовал положительному решению вопроса о вовлечении крымско-татарской эмиграции в активную германскую политику визит в Берлин в октябре 1941 г. турецких генералов Али Фуад Эрдена (начальник военной академии) и Хусню Эмир Эркилета. В ходе

переговоров Али Фуад высказал надежду, что после окончания военных действий в Крыму будет сформирована администрация, в которой бы в значительной степени участвовали крымские татары. Это, в свою очередь, могло сильно повлиять на турецкое правительство в пользу решения о вступлении Турции в войну на стороне Германии.

Красноречиво заявление активного члена прогерманской группы в Турции Нури Паши (брата Энвер Паши): «Предоставление свободы такой небольшой области, как Крым, явилось бы для Германской империи не жертвой, а политически мудрым мероприятием. Это была бы пропаганда в действии. В Турции она нашла бы тем больший отклик»^[224].

Необходимо отметить имевшую место двойственность в германской пропаганде по «восточному вопросу». С одной стороны, вторжение в СССР началось под лозунгом «уничтожения большевистско-азиатской бестии», и в этом направлении строилась пропаганда. Среди германских солдат в огромном количестве распространялись листовки и брошюры с фотографиями советских солдат различных азиатских национальностей и следующим текстом: «Вот каковы татаро-монгольские твари! От них тебя защищает солдат фюрера!» Органами пропаганды СС в качестве справочного пособия для немецких войск была издана брошюра «Недочеловек» («Der Untermensch»). Солдат призывали смотреть на местное население как на вредных микробов, которых нужно уничтожить. Народы Востока именовались в брошюре «грязными монголоидами, скотскими ублюдками».

Но, с другой стороны, именно по отношению к так называемым «восточным» народам германское командование требовало на местах проявлять максимум уважения. Так, Манштейн 20 и 29 ноября 1941 г. издал два приказа, в которых требовал уважительного отношения к религиозным обычаям татар-мусульман и призывал не допускать каких-либо неоправданных действий против мирного населения.

Важным элементом в координации работ Верховного командования вермахта, Министерства иностранных дел и репрессивных структур по вовлечению крымских татар в антисоветскую борьбу стало создание представительства Министерства иностранных дел при штабе 11-й армии в Крыму. Обязанности представителя исполнял ведущий сотрудник МИДа майор Вернер Отто фон Хентин.

Немецкая пропаганда принесла свои плоды. Из мобилизованных в Красную Армию в июле — августе 1941 г. 90 тысяч жителей Крыма 20 тысяч были татары. Все они вошли в состав 51-й армии, действовавшей в Крыму, и при отступлении почти все дезертировали.

После оккупации Крыма немцы организовали пункты вербовки крымских татар в германскую армию и местные военизированные формирования. Работа вербовочных комиссий завершилась в феврале 1942 г. В итоге в 203 населенных пунктах было зачислено в татарские добровольческие формирования около шести тысяч человек и в пяти лагерях для военнопленных около четырех тысяч человек (в Николаеве 2800 человек), всего около 10 тысяч добровольцев. К 29 января 1942 г. в германскую армию рекрутировано 8684 крымских татарина, а остальные были разведены по маленьким группам по 3—10 человек и распределены между ротами, батареями и другими войсковыми частями, дислоцировавшимися под Севастополем и на Керченском полуострове.

По данным Симферопольского Мусульманского комитета, старосты деревень организовали еще около четырех тысяч человек для борьбы с партизанами. Кроме того, около пяти тысяч добровольцев должны были позже отправиться, для пополнения воинских частей. Согласно германским документам, при численности населения Крыма около 200 тысяч человек крымские татары дали германской армии 20 тысяч. Если учесть, что около 10 тысяч человек были призваны в Красную Армию, то можно считать, все боеспособные татары в 1942 г. были полностью учтены^[225].

Было сформировано 14 татарских рот «самообороны» общей численностью 1632 человека, вскоре эти роты были преобразованы в десять батальонов по 200–250 человек каждый. Батальоны эти использовались для несения караульной службы, охраны тюрем, объектов СД, в операциях против партизан.

147-й и 154-й татарские батальоны дислоцировались в Симферополе, 148-й — в Карасубазаре, 149-й — в Бахчисарае, 150-й — в Старом Крыму, 151-й — в Алуште, 152-й — в совхозе «Красный» (лагерь СД), 153-й — в Джанкое, 155-й — в Евпатории, 156-й — в Ялте.

С началом оккупации Крыма нацистская служба безопасности (СД) сразу же создала Мусульманский комитет, а затем на его базе Татарский комитет с центром в Симферополе. Председателем был назначен Джелал Абдураимдов. Комитет имел шесть отделов: по комплектованию добровольцев для немецкой армии; по оказанию помощи семьям добровольцев; культуры; религии; пропаганды и агитации; административно-хозяйственный и канцелярия. В некоторых городах и населенных пунктах были созданы также местные комитеты.

Для организации прогерманского самоуправления в Крыму немецкие власти привезли из Турции престарелого Джафара Сейдамета — министра иностранных дел в «Крымском краевом правительстве» 1918 г. В

дальнейшем для образования более солидной администрации германское руководство намечало последнего хана крымских татар Султан-Гирея^[226].

У Татарского комитета имелся ряд печатных органов, в том числе газета «Азат Крым» («Освобожденный Крым», редактор Мустафа Крутыев) и журнал «Ана-Юрт» («Родина-мать»), которые агитировали за создание татарского государства под протекторатом Германии.

Что же писал «Освобожденный Крым»? Вот, например, 3 марта 1942 г.: «После того как наши братья — немцы — перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1942 г. Алушта. На собрании, устроенном мусульманским комитетом, «мусульмане выразили свою благодарность Великому Фюреру Адольфу Гитлеру — эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру — эфенди».

В этом же номере: «Великому Гитлеру — освободителю всех народов и религий!» Две тысячи татар деревни Коккозы и окрестностей «собрались для молебна... в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву... Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Аллах, наш великий господин Гитлер!»

20 марта 1942 г. «Совместно со славными братьями — немцами, подоспевшими, чтобы освободить мир Востока, мы, крымские татары, заявляем всему миру, что мы не забыли торжественных обещаний Черчилля в Вашингтоне, его стремления возродить жидовскую власть в Палестине, его желания уничтожить Турцию, захватить Стамбул и Дарданеллы, поднять восстание в Турции и Афганистане и т. д. и т. п. Восток ждет своего освободителя не от солгавшихся демократов и аферистов, а от национал-социалистической партии и от освободителя Адольфа Гитлера. Мы дали клятву идти на жертвы за такую священную и блестящую задачу».

А вот перл от 10 апреля 1942 г.: «Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру. Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за

выдвинутые Вами великие общечеловеческие идеи — уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка.

Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце — Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом. Президиум Мусульманского комитета»^[227].

Как мы видим, у Горбачева с его пресловутыми «общечеловеческими ценностями» был достойный предшественник.

Просвещенные арийцы в апреле 1942 г. вдруг серьезно озаботились состоянием сельского хозяйства и животноводства татарского населения. Под Евпаторией с этой целью были созданы курсы овцеводов, а под Ялтой — курсы виноградарей. На этих курсах молодые татары учились стричь овец, выращивать виноград, водить все типы автомобилей, прыгать с парашютом, стрелять из всех видов стрелкового оружия, а также шифровальному делу и многому другому, видимо, столь необходимому в крестьянской жизни. Но, увы, когда эти просвещенные юноши появлялись за линией фронта, их хватили злодеи из НКВД. Думаю, что сейчас все эти невинно репрессированные овцеводы и виноградары посмертно реабилитированы.

Крымские татары активно участвовали в штурме Севастополя в июне-июле 1942 г. Вот что пишет по этому поводу севастопольский историк капитан 2 ранга И.С. Манюшин: «2 июля катер, на котором находились старший лейтенант В.К. Квариани и сержант П. Судак, получил пробоины в корпусе, стал оседать от принятой воды. Заглох один мотор, и катер пришлось поворачивать к берегу, занятому фашистами. Все это произошло в районе берега неподалеку от Алушты. На берегу произошел бой между десантниками и вооруженной группой татар. В результате неравного боя, все, кто остался в живых, были пленены. Раненых татары расстреливали в упор. Подоспевшие итальянские солдаты часть пленных отправили на машине, а часть на катере в Ялту»^[228].

«В. Мищенко, шедший в одной из колонн пленных, свидетельствует, что из трех тысяч их колонны до лагеря в Симферополе «картофельное поле» дошла только половина пленных. Остальные были расстреляны в пути конвоем из немцев и предателей из крымских татар»^[229].

«В Судакском районе группа самообороны привлекалась для ликвидации десанта. При этом 12 парашютистов были сожжены заживо.

Одна из карательных экспедиций завершилась длительной блокадой партизан, в результате которой 90 человек умерли от голода»^[230].

Хватит. Думаю, и сказанного вполне достаточно.

Летом 1942 г. взятие Севастополя и выход Паулюса к Сталинграду вскружил головы заправилам рейха, и многие из них стали предлагать избавиться от татарских союзников: «Мавр сделал свое дело...»

В июне 1942 г. крупный чиновник Альфред Фрауенфельд направил на имя Гитлера обширный меморандум о будущем устройстве Крыма, в котором предлагал переселить в Крым немцев из Южного Тироля. 2 июля Гитлер заявил, что считает это предложение весьма полезным. Также предполагалось разместить на полуострове 140 тысяч немцев из Трасистрии и две тысячи немецких переселенцев из Палестины, однако затем было решено использовать заднепровских немцев.

В предложениях о преобразовании Крыма в 1942–1943 годах недостатка не было. Так, руководитель Трудового фронта и шеф организации «Kraft durch Freude» Роберт Лей предлагал переоборудовать Крым в гигантский курорт для немецкой молодежи.

Для обоснования исконной принадлежности Крыма Германии А. Фрауенфельд в июле 1942 г. организовал археологическую экспедицию под руководством бригаде-фюрера СС фон Альвенслебена и армейских офицеров полковника Калька и капитана Вернера Баумельбурга. Они провели обследование окрестностей Бахчисарая и средневековой крепости Магнул-Кале.

5 июля 1942 г. состоялось совещание командования вермахта и полиции, где обсуждался вопрос о методах выселения из Крыма расово «неполноценных» жителей. Решено было создать специальные лагеря для проведения «расового обследования» населения^[231].

К июлю 1942 г. германское руководство окончательно отказалось от своих планов предоставления крымским татарам самоуправления. 27 июля в ставке «Вервольф» за ужином Гитлер заявил о своем желании «очистить» Крым.

Нежелание турецкого руководства вступить в войну на стороне Германии стало основанием для прекращения обсуждения вопросов о будущем статусе тюркских народов, проживавших на оккупированных территориях Советского Союза. И на крымских татар перестали смотреть как на связующее звено в германо-турецких отношениях.

В 1970— 980-х годах ряд русских «диссидентов», разоблачая «сталинские преступления», доказывал нам, что, дескать, не все татары

служили немцам, а лишь «отдельные группы», а другие в это время партизанили. Однако в Германии тоже существовало антигитлеровское подполье, так что, теперь немцев записывать в наши союзники по Второй мировой? Давайте посмотрим конкретные цифры.

Обратимся к данным «демократического» историка Н.Ф. Бугая: «В подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар»^[232]. То есть практически все крымско-татарское население призывного возраста. Показательно, что это неблагоприятное обстоятельство фактически признается в весьма характерном издании («Книга составляет документальную историческую основу проводимых в Российской Федерации мер по реабилитации поруганных и наказанных народов»)^[233].

А сколько же крымских татар находилось среди партизан? На 1 июня 1943 г. в крымских партизанских отрядах было 262 человека, из них 145 русских, 67 украинцев и... шесть татар^[234].

На 15 января 1944 г., по данным партийного архива Крымского обкома Компартии Украины, в Крыму насчитывалось 3733 партизана, из них русских — 1944, украинцев — 348, татар — 598^[235]. Наконец, согласно справке о партийном, национальном и возрастном составе партизан Крыма на апрель 1944 г., среди партизан было: русских — 2075, татар — 391, украинцев — 356, белорусов — 71, прочих — 754^[236].

Итак, даже если взять максимальную из приведенных цифр — 598, то соотношение татар в немецкой армии и в партизанах будет больше чем 30 к 1.

В связи с наступлением Красной Армии с октября 1943 г. лидеры татарских националистов начинают покидать Крым. В ходе эвакуации с полуострова вместе с немецкими частями в марте-апреле 1944 г. выехало не менее трех тысяч крымских татар. Большая часть из них, как и беженцы 1943 г., осела в Румынии, некоторым разрешено было перебраться в Германию.

Вывезенные из Крыма в Румынию татарские подразделения в июне 1944 г. были сведены в Татарский конно-егерский полк СС трехбатальонного состава. Но позже, на территории Венгрии, полк был переформирован в Первую татарскую горно-егерскую бригаду СС (около 2500 человек) под командованием штандартенфюрера Фортенбаха. 31 декабря 1944 г. бригада была расформирована и вошла в состав Восточно-тюркского соединения СС (боевая группа «Крым» в составе двух пехотных батальонов и одной конной сотни). Эти соединения постоянно несли

потери, и остатки татар в марте 1945 г. влились в Азербайджанскую боевую группу в качестве отдельных подразделений.

Часть крымских татар была перевезена во Францию и вошла в запасной батальон Волжско-татарского легиона, который дислоцировался у города Ле-Пюи. В конце войны несколько сотен татар вошли в 35-ю полицейскую дивизию СС и в состав вспомогательной службы ПВО во Франции.

После освобождения Крыма органы госбезопасности провели переселение крымских татар в Узбекскую ССР. Вопрос это сейчас весьма деликатный, и я полностью процитирую следующий документ:

«Государственный Комитет Оборона товарищу Сталину И.В.

10 мая 1944 г.

Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента.

По состоянию на 7 мая с. г. арестовано таких яиц 5381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и винтовочных патронов...

Из частей Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тыс. татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии...

Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Оборона о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работах как в сельском хозяйстве — колхозах, совхозах, так и в промышленности и на строительстве.

Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсуповым.

По предварительным данным, в настоящее время в Крыму насчитывается 140–160 тыс. татарского населения. Операция по выселению будет начата 20–21 мая и закончена 10 июня. Представляю при этом проект постановления Государственного Комитета Оборона, прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия»^[237].

Согласно Постановлению Комитета Оборона было предложено: «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (тов. Берия) выселение крымских татар закончить до 1 июня 1944 г.

Установить следующий порядок и условия выселения:

Разрешать спецпоселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

<...>

Обязать НКПС (тов. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР. Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных.

Наркомздраву СССР (тов. Митерёву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпоселенцев в пути.

Наркомторгу СССР (тов. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком. Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты...

Обязать секретаря ЦК КП (б) Узбекистана тов. Юсупова... обеспечить наделение прибывающих спецпоселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами.

<...>

Обязать Сельхозбанк (тов. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

Обязать Наркомзаг СССР (тов. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня — августа с. г. ежемесячно равными количествами... Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня-августа с. г. производить бесплатно, в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот»^[238].

2 апреля и 11 мая 1944 г. Государственный Комитет Оборона принял

постановления № 5943сс и № 5859сс о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР.

Операция была проведена быстро и решительно. Выселение началось 18 мая, а уже 20 мая Серов и Кобулов докладывали:

«Телеграмма на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии.

20 мая 1944 г.

Настоящим докладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая с. г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов. Выселено всего 180 014 человек, погружено в 67 эшелонов, из которых 63 эшелона численностью 173 287 человек отправлены к местам назначения, остальные 4 эшелона будут также отправлены сегодня.

Кроме того, райвоенкомы Крыма мобилизовали 6000 татар призывного возраста, которые по нарядам Главупраформа Красной Армии направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев.

Из числа направляемых по Вашему указанию в распоряжение треста "Московуголь" 8000 человек спецконтингента 5000 человек также составляют татары.

Таким образом, из Крымской АССР вывезено 191044 лиц татарской национальности.

В ходе выселения татар арестовано антисоветских элементов 1137 человек, а всего за время операции 5989 человек.

Изъято оружия в ходе выселения: минометов — 10, пулеметов — 173, автоматов — 192, винтовок — 2650, боеприпасов — 46603 шт.

Всего за время операции изъято: минометов — 49, пулеметов — 622, автоматов — 724, винтовок — 9888 и боепатронов — 326887 шт.

При проведении операции никаких эксцессов не имело места.

Серов Кобулов»^[239].

Не следует забывать, что ни в мае 1944 г., ни в последующие два года никто не мог гарантировать, что война между СССР и союзниками с одной стороны и Германией с другой не перерастет в войну между союзниками и СССР. Англия и США сосредоточили в мае 1944 г. огромный флот в Средиземном море, и нетрудно сообразить, что в случае начала войны с СССР он бы оказался в Черном море. Мог ли Сталин в такой ситуации оставлять крымских татар, столько раз наносивших удар в спину России? В мае 1944 г. у крымских татар было изъято оружие, достаточное для стрелковой дивизии военного времени (без артиллерийского полка). А сколько еще оружия было спрятано в разного типа схронах? Ведь только

наивные люди могли хранить его дома. А войскам НКВД в ходе депортации было не до поисков оружия.

С 70-х годов XX века татарские националисты и их сторонники среди «либеральной интеллигенции» постоянно нагнетают вопрос о «депортации крымского татарского народа», «геноциде» одного народа и т. д. и т. п.

Спору нет, Сталин (а именно он несет ответственность за переселение татар, Берия, Серов и др. были лишь исполнителями его воли), безусловно, очень сурово поступил с крымскими татарами.

Но к чему нагнетать истерию и заниматься словоблудием? Начнем с того, что такое депортация. Ни в одном русском (до 1917 г.) и советском (до 1991 г.) официальном документе такого слова просто нет. Раскроем «Словарь иностранных слов», изданный в Москве в 1979 г. Там говорится: «Депортация — высылка из государства как уголовное или административное наказание». Вопрос: из какого в какое государство выселяли крымских татар? Из СССР в СССР. Как любил говаривать кот Бегемот: «Поздравляю вас совравши».

Теперь, что такое геноцид? Это истребление или существенно уменьшения числа людей данной национальности. Давайте считать: выселено, арестовано и мобилизовано в Красную Армию в мае 1944 г. менее 200 тысяч крымских татар. А вот в 1991 г. хотело вернуться в Крым по разным данным от двух до пяти миллионов (!) людей, считающих себя крымскими татарами. Замечу при этом, что с XV века по 1941 г. численность татарского населения в Крыму была относительно стабильной. Так что если говорить о численности татарского населения, то Сталин учинил не геноцид, а демографический взрыв, невозможный, если бы татары остались в Крыму.

Нелишне отметить, что совсем не все крымские татары были выселены в Узбекистан. Так, по данным Влады Селиной, «от статуса спецпоселенец освобождались и участники крымского подполья, действовавшие в тылу врага, члены их семей. Так, была освобождена семья С.С. Усеинова, который в период оккупации Крыма находился в Симферополе, состоял с декабря 1942 г. по март 1943 г. членом подпольной патриотической группы, затем был арестован гитлеровцами и расстрелян. Членам семьи было разрешено проживание в Симферополе».

Крымские татары — фронтовики сразу же обращались с просьбой освободить от спецпоселений их родственников. Такие обращения направляли зам. командира 2-й авиационной эскадрильи 1-го истребительного авиационного полка Высшей офицерской школы воздушного боя капитан Э.У. Чалбаш, майор бронетанковых войск Х.

Чалбаш и многие другие... Зачастую просьбы такого характера удовлетворялись, в частности, семье Э. Чалбаша разрешили проживание в Херсонской области.

Освобождались от выселения и татарские женщины, вышедшие замуж за русских».

История не любит сослагательного наклонения, но попробуем представить себе, что произошло бы 9 случае победы Гитлера. Боюсь, что тогда татарам пришлось бы поехать не на восток на свою историческую родину, а на запад в культурные европейские города Освенцим, Бухенвальд, Дахау и т. д.

Наконец, нелишне вспомнить, как во Франции, почти не воевавшей, в 1944–1945 годах патриоты без суда и следствия расправлялись с коллаборационистами, то есть со всеми, кто хоть немного сотрудничал с немцами. Весь мир обошло фото расправы над француженкой, которая родила ребенка от германского солдата. И французская интеллигенция предпочла обо всем этом напрочь забыть.

А те же поляки и чехи разве не депортировали миллионы ни в чем неповинных германских граждан в 1945–1946 годах? Ну и что? Стенает там туземная интеллигенция о геноциде и депортации? Предлагает вернуть депортированных и их потомков и ставить памятники депортируемому народу?

Понятно, что вся эта истерия — дело рук политиков и бизнесменов, разжигающих в корыстных целях межнациональные конфликты.

Возвращение татар в Крым, серьезное укрепление их политических и экономических позиций на полуострове, а также вмешательство Турции создали фактор нестабильности в Крыму. И сейчас вопрос не в том, начнется или нет этнический конфликт в Крыму, а в том — когда он начнется.

Глава 27. Керченско-Эльтигенская операция

После падения Севастополя немецкие войска вторглись на Кавказ. Германский флаг был поднят над Эльбрусом. 91-й немецкий горнострелковый полк вошел в долину реки Бзыбь в 30 км от Сухуми. Однако разгром немецких войск под Сталинградом заставил немцев оставить Кавказ.

С начала 1943 г. немцы начали готовить Крым к обороне. На Перекопе, на берегу Керченского пролива и вокруг Севастополя создавались укрепления. Причем немцы по возможности старались использовать и уцелевшие советские укрепления 1941–1942 годов. Замечу, что самой мощной береговой батареей немцев в Крыму была 203-мм четырехорудийная батарея на мысе Херсонес. 203/50-мм пушки туда были доставлены с очаковской батареи № 15. Пушки располагались в железобетонных двориках открытого типа. Подступы к батарее прикрывались башнями советских танков Т-26, вмонтированными в бетонные блоки.

ПВО Крыма осуществляла 9-я зенитная артиллерийская дивизия генерала Пикерта, располагавшая 134 8,8-см пушками, 334 3,7-см и 2-см автоматами, не считая зенитного бронепоезда «Михель». В различных точках Крыма были установлены РЛС «Вюрцбург». На аэродромах Крыма базировались, по германским данным, 160 самолетов, по советским данным — 470 самолетов.

К 9 августа 1943 г. в распоряжении командующего войсками Крыма находилось: 1335 офицеров, 1019 чиновников, 8646 унтер-офицеров и 35 410 рядовых. Кроме того, 5490 человек из вспомогательных сил (хиви). 153-я полевая учебная дивизия имела: 228 офицеров, 31 чиновника, 1959 унтер-офицеров, 11924 рядовых и 134 человека из вспомогательных сил, 11508 словаков, 34936 румын, 9682 человека из войск разных союзников^[240].

Ряд германских генералов предполагал заблаговременно отвести войска из Крыма. К их мнению присоединился и маршал Антонеску. Командование группы армий «А» днем 28 октября отправило приказ об эвакуации Крыма и об отходе войск к низовьям Днепра. Но вечером того же дня был получен приказ Гитлера оборонять Крым, даже если он будет

изолирован с севера. Фюрер мотивировал это тем, что отход из Крыма на север потребует до четырех недель, за которые перешейки будут перекрыты. Эвакуация морем всегда осуществима. В последнем он опирался на мнение адмирала Карла Деница и поэтому приказывал: «Крым — не сдавать, превратить его в крепость». В конце декабря 1943 г. Гитлер говорил начальнику генштаба сухопутных войск Цейтцлеру: «Мы обязаны оборонять Крым, этот второй Сталинград, пока есть хоть какая-то возможность, пока это вообще допустимо».

Итак, приказ Гитлера окончательно решил судьбу германских войск в Крыму.

С сентября 1943 г. советское командование начало прорабатывать планы захвата Крымского полуострова. Представитель Ставки на Южном фронте маршал Советского Союза А.М. Василевский в конце сентября 1943 г. предложил оставить на Тамани небольшие силы для обороны, а основные войска Северо-Кавказского фронта перебросить в район Мелитополя, чтобы ворваться в Крым через Перекоп и Сиваш.

Однако этот план был отвергнут, поскольку многие генералы и адмиралы желали вторжения через Керченский пролив. Их оппоненты возражали и приводили данные о германских укреплениях и многочисленных артиллерийских батареях на побережье Керченского пролива. В связи с этим возник план высадки целой армии на Южном берегу Крыма, защищаемом слабыми румынскими частями. Но еще был велик страх перед немцами, и наши военачальники не видели разницы между осенью 1941 г. и осенью 1943 г., и от десанта Южного берега Крыма в конце концов отказались.

«Большинство авторитетов в Генеральном штабе стояло за проведение предварительной операции по захвату плацдарма в районе Керчи, с тем чтобы потом навалиться на Крым с двух направлений»^[241].

В Ставке Верховного Главнокомандования было решено нанести два удара по крымской группировке противника: с севера — через Перекоп и Сиваш; и с востока — через Керченский пролив. Две армии Северо-Кавказского фронта должны были прорваться в Крым через Керченский пролив и еще более сильная группировка 4-го Украинского фронта — через северные перешейки.

Командующий Северо-Кавказским фронтом генерал армии Петров в директиве № 0056/оп от 12 октября 1943 г. поставил Черноморскому флоту задачу: произвести высадку десанта в составе 56-й и 18-й армий на Керченский полуостров с целью его захвата и обеспечить бесперебойную подачу всех видов снабжения для высаженных войск.

14 октября 1943 г. командование Черноморского флота установило состав сил для проведения Керченской десантной операции:

1) 1-я и 2-я десантные группы (56-я армия) — Азовская военная флотилия в составе двух сторожевых катеров, 16 бронекатеров, семи катеров-тральщиков, двух торпедных катеров с реактивным вооружением, четырех торпедных катеров, восьми буксиров, 21 сейнера, пяти барж, болиндера и семи дубков. Кроме того, из числа прибывавших на пополнение Черноморского флота Азовской флотилии были приданы семь сторожевых катеров, 20 самоходных тендеров, 12 понтонов, 10 катеров-тральщиков, 30 несамоходных понтонов и переправочные средства Северо-Кавказского фронта.

2) 3-я десантная группа (18-я армия) в составе шести отрядов (всего 12 сторожевых катеров, 50 катеров-тральщиков, пять речных катеров-тральщиков, 20 сторожевых катеров типа КМ, 15 разных катеров, 15 мотоботов, 15 мотобарказов, 20 весельных барказов и три бронекатера).

31 октября началась одновременная высадка советских войск севернее Керчи и в районе поселка Эльтиген (от современной пристани Рыбная до поселка Челядиново).

Высадка в районе Керчи оказалась сравнительно успешной. Операция началась с небольшой неудачи. Рано утром из-за штормовой погоды высадка не удалась, и 1 ноября в 4 ч 15 мин корабли начали отходить. При этом были потеряны бронекатера № 111 и № 32, два сейнера с 250 десантниками (спаслось только четыре человека) и т. д. Высадка удалась только поздно вечером 2 ноября. Потери были крайне велики. Общей статистики найти не удалось, но, к примеру, на сторожевом катере № 06, подорвавшемся на mine, погибло 77 человек, на катере-тральщике «Азовец» погибло 40 десантников.

Следует заметить, что с косы Чушка артиллерия 56-й армии (420 орудий и два полка гвардейских минометов) с 22 ч 02 мин до 22 ч 25 мин провела Интенсивный артобстрел места высадки. На следующий день, то есть 3 октября, наши артиллеристы с косы Чушка открыли огонь уже в 3 ч 25 мин. После этого началась высадка второго эшелона десанта.

Десантные войска, преодолевая упорное сопротивление противника, к исходу 3 ноября вышли на рубеж Еникале — восточнее Баксы и закрепились на захваченном плацдарме.

Ведя бои за расширение этого плацдарма, десантные войска 10 ноября заняли Баксы и Осовины, 11 ноября — Колонку. Германское командование перебросило от Перекопа в район Керчи подкрепления и нанесло контрудары по нашим войскам. Встретив упорное сопротивление

противника, советские войска были вынуждены приостановить наступление на рубеже бухта Булганак — Аджим-Ушкой — восточная окраина Керчи и перешли к обороне.

В районе Эльтигена десантная операция шла еще хуже. Высадка 3-й десантной группы обеспечивалась авиацией Черноморского флота. С 0 ч 40 мин до 6 ч 55 мин 1 ноября два самолета 5-го гвардейского авиаполка и пять самолетов 36-го авиаполка подавляли огневые точки и прожекторы противника и создавали очаги пожаров в районах Камыш-Буруна и Ортаэли. Летчики наблюдали разрывы бомб в 50—100 м от цели. В районе Ортаэли возникли два пожара.

С 1 ч 30 мин до 3 ч 30 мин семь И-15 и два И-153, совершив 17 самолето-вылетов, штурмовали батареи и прожекторы противника в районах озер Чубурашское и Тобечикское. Были уничтожены два прожектора, три автомашины и до 20 солдат.

1-й и 2-й десантные отряды в 1 ч 30 мин подошли к линии развертывания (шесть миль от места высадки). На переходе подорвались на минах в 0 ч 20 мин катер-тральщик № 156 (2-й отряд) и в 0 ч 50 мин сторожевой катер № 01012 (1-й отряд). Из команды этих катеров спасен один человек. В 3 ч 10 мин сторожевой катер № 0111 тоже подорвался на mine, но остался на плаву. Из его команды четверо человек погибли и трое ранены.

В 4 ч 29 мин группа береговой артиллерии (35 — 122-мм, 12 — 152-мм и 4 — 100-мм орудия) под командованием подполковника Малахова начала артподготовку места высадки десанта, продолжавшуюся 20 минут. Одновременно плавсредства 1-го и 2-го десантных, отрядов пошли к берегу.

В течение дня 1 ноября десантные части в районе Эльтигена вели бои на плацдарме глубиной 4–5 км между озерами Тобечикское и Чубурашское. С помощью авиации и артиллерии, ведшей огонь через пролив, удалось отбить до 19 контратак немцев.

Ночью с 1 на 2 ноября на плацдарм было доставлено 3270 бойцов. 2 ноября днем шли упорные позиционные бои. Из-за сильного огня противника доставка подкреплений и боеприпасов производилась только ночью. В ночь на 3 ноября было доставлено только 840 бойцов.

В течение ночи на 4 ноября корабли доставили из Кроткова и Тамани в Эльтиген 567 человек пополнения, две 45-мм пушки, 15,5 т боезапаса и 16 т продовольствия, а оттуда эвакуировали 175 раненых. Немцы оказывали сильное огневое противодействие. На сторожевом катере № 075 были ранены семь человек, еще три катера получили повреждения.

С 1 ч 00 мин ночи до 1 ч 30 мин торпедные катера № 81 и № 101, находившиеся в дозоре в районе Чонгелек — мыс Такиль, вели бой с шестью вражескими торпедными катерами. Наш катер № 101 от прямого попадания снаряда загорелся и затонул, а катер № 81 получил пробоину. Потери противника не установлены.

В ночь на 5 ноября была предпринята попытка доставить пополнение и продовольствие нашим войскам в Эльтигене, но из-за шторма (северо-восточный ветер силой 7 баллов, море 4–5 баллов) было доставлено только 65 человек и 10,6 т боезапаса. Наши плавсредства были атакованы в районе высадки тремя торпедными катерами противника и в течение 40 минут вели с ними бой. К утру наши плавсредства возвратились в Тамань и Кротков, не выполнив задания. Катера-тральщики № 559 и № 569 и десантный бот были выброшены волной на берег в месте высадки. Один плот с пушкой подорвался на mine во время перехода через Тузлинскую промоину, два других плота с двумя пушками были потеряны в районе высадки. Сторожевой катер № 073 не вернулся в базу.

В ночь на 6 ноября катера и другие плавсредства вышли из Кроткова на Эльтиген, но из-за шторма вернулись обратно. С 6 ч 16 мин до 15 ч 24 мин самолеты Ил-2 11-й штурмовой авиадивизии в сопровождении Як-1 сбросили нашим войскам в районе Эльтигена 4265 кг продовольствия, 90 тысяч патронов и 1300 гранат, сделав 49 самолето-вылетов.

В ночь на 7 ноября на Эльтиген было доставлено 923 человека пополнения, две 76-мм полковые пушки, две 45-мм противотанковые пушки, одиннадцать 12,7-мм пулеметов ДШК, 21 т боеприпасов, 1 т продовольствия и 1,5 т медикаментов. Разгрузка происходила под артиллерийским огнем противника. При этом огнем были повреждены и волной выброшены на берег пять тендеров, торпедный катер, бронекатер, бот и сторожевой катер № 057.

При попытке доставить подкрепление на Эльтиген наши суда в ночь на 8 ноября имели бой с пятью неприятельскими торпедными и сторожевыми катерами и двумя большими десантными баржами. В результате боя сторожевой катер № 0122 сгорел, погиб капитан катера. Сторожевой катер № 081 получил значительные повреждения. При разгрузке был уничтожен вражеской артиллерией бот № 7. На обратном пути в Кротков катера-тральщики № 211 и № 411 подорвались на минах. Тем не менее удалось доставить на Эльтиген 374 человека пополнения, две 76-мм пушки и два 107-мм миномета.

На следующую ночь произошел новый морской бой. Наши суда атаковали две десантные баржи и пять торпедных катеров противника. В

бою были потеряны два наших гребных барказа. Катер-тральщик № 173 получил повреждения и выбросился на берег у места высадки. Потеряв высадочные средства, наши суда, не разгрузившись, в 7 ч 18 мин возвратились в Кротков. На берег в Эльтигене высадилось только 15 человек и выгрузили 8,5 т продовольствия и 1 т боезапаса с выбросившегося на берег катера.

В ночь на 10 ноября наши суда, вышедшие накануне из Кроткова, дважды пытались высадить пополнение в Эльтигене, но не смогли преодолеть противодействия шести немецких больших десантных барж и пяти торпедных катеров, и потому вернулись в Кротков, не выполнив задания. При этом один гребной барказ затонул. Дозорные катера провели пять боев с торпедными катерами противника, в результате которых получили повреждения.

В ночь на 11 ноября катера дозора и охранения конвоя, вышедшего накануне из Кроткова для доставки пополнения и продовольствия нашим войскам в Эльтигене, с 0 ч 28 мин до 4 ч 30 мин вели бой с двумя (по другой версии — четырьмя) большими десантными баржами и с десятью сторожевыми и торпедными катерами противника, блокировавшими район Эльтигена. В бою был смертельно ранен командир охранения конвоя капитан 3 ранга Глухов. Все катера, участвовавшие в бою, получили значительные повреждения и имели убитых и раненых. Попытки прорвать блокаду противника и высадить пополнение нашим войскам были безуспешными. К утру плавсредства вернулись в Кротков.

«В ночь на 12 ноября из-за отсутствия средств борьбы с блокадой противника доставка пополнения и питания нашим войскам не производилась.

В 4 ч 26 мин и 5 ч 55 мин большие десантные баржи противника обстреляли боевые порядки наших войск в районе Эльтигена...

В 16 ч 30 мин бронекатера № 71, 112, 134, 323 в охранении двух торпедных катеров-дымзавесчиков вышли из Тамани в Эльтиген. Штурмовая авиация и батареи береговой обороны Керченской, военноморской базы обеспечивали подход катеров к месту высадки. Под огнем противника катера выгрузили 14,9 т боезапаса и 2,8 т продовольствия и высадили 16 человек, сопровождавших грузы. В 19 ч 15 мин катера прибыли в Кротков и начали погрузку с целью повторного выхода (пользуясь отсутствием противника), но в 22 ч 07 мин из Эльтигена были получены сведения о появлении в районе высадки до девяти неприятельских больших десантных барж; выход бронекатеров был отложен»^[242].

Подобные бои происходили и в последующие ночи. Потери германских больших барж приведены в Приложении, а из германских торпедных катеров в мае-декабре 1943 г. был потерян только S-102, подрывавшийся 8 июля в южной части Керченского пролива. А в ноябре-декабре в проливе действовали лишь пять германских торпедных катеров, совершивших всего 17 групповых походов. Ни один из них не погиб, лишь S-49 был поврежден советской авиацией.

4 декабря германские войска продолжали наступление на Эльтигенском плацдарме. На следующий день к 14 ч 20 мин немцы вышли на западную окраину Эльтигена.

В ночь на 7 декабря остатки советских войск на Эльтигене решили прорваться на север. С большими потерями им удалось прорваться к южной окраине Керчи и занять гору Митридат. В ту ночь к защитникам Эльтигена пробился только катер ПВО № 18 и эвакуировал оттуда 29 человек. Еще пять плавсредств вернулись обратно, а тральщик № 105 был потоплен германской большой десантной баржей.

Днем 7 декабря немцы атаковали десантников, занимавших гору Митридат. А оставшиеся на берегу у Эльтигена бойцы бросились вплавь и пытались переплыть пролив. (Это в декабре месяце!) Наши катера подобрали из воды в проливе 125 человек. Данные о переплывших пролив отсутствуют.

7 декабря командующий 56-й армией приказал Азовской военной флотилии высадить 83-ю бригаду морской пехоты на пляж у восточного склона горы Митридат. В ночь с 8 на 9 и с 9 на 10 декабря было высажено 780 человек, три 45-мм противотанковые пушки и шесть минометов.

Однако 9 декабря командующий 46-й армии приказал эвакуировать войска из района горы Митридат. В ночь на 10 декабря было эвакуировано 1080 человек и 11 декабря — 360 человек. В ночь на 12 декабря наши суда подошли к берегу, но эвакуировать уже было некого. Немцы на горе Митридат взяли 600 пленных и насчитали 450 трупов.

Итогом Керченско-Эльтигенской операции стало овладение небольшим плацдармом примерно 10 на 8 км. Сам город Керчь и район Эльтигена, контролировавший вход в Керченский пролив, остались в руках немцев.

Советские историки считают Керченско-Эльтигенскую операцию удачной. На взгляд автора, ее с полным правом можно считать поражением. Причем основную вину за него несут командование Черноморского флота и наркомат в Москве. Катера Черноморского флота использовались мало, а надводные боевые корабли вообще не использовались. Нарком же ВМФ мог перебросить на Черное море многие десятки американских торпедных

катеров, а также бронекатеров проектов 1124 и 1125, которые зимой 1943/44 г. без толку стояли на берегах Волги, Амура, Онежского озера и т. д.

Глава 28. Крым вновь становится советским

26 сентября 1943 г. войска Южного фронта начали Мелитопольскую операцию. Войскам Южного фронта (5-я ударная, 44-я, 2-я гвардейская, 28-я, 51-я армии и 8-я воздушная армия) противостояла 6-я немецкая армия.

Замысел советского командования предусматривал нанесение двух охватывающих ударов: главного — силами 5-й ударной, 44-й, 2-й гвардейской и 51-й армий, 19-го и 11-го танковых и 4-го кавалерийского корпусов севернее Мелитополя в общем направлении на Михайловку, Веселое; и вспомогательного — из района южнее Мелитополя силами 28-й армии в обход города с юго-запада.

На фронте в 250 км десяти пехотным дивизиям и одной танковой дивизии 6-й армии противостояли 31 стрелковая дивизия, два механизированных корпуса, семь танковых бригад (всего около 400 танков).

Однако за первые четыре дня советским войскам удалось продвинуться в глубь обороны противника всего на 2—10 км. После этого наступило временное затишье.

Наибольший успех был достигнут 28-й армией, в полосу которой были перегруппированы 51-я армия, танковые и кавалерийские корпуса. 23 октября соединения 51-й армии во взаимодействии с войсками 28-й армии после десятидневных ожесточенных боев освободили Мелитополь.

К этому времени войска правого крыла фронта прорвали оборону противника и перерезали железную дорогу Запорожье — Мелитополь. Введенные в прорыв южнее Мелитополя подвижные соединения фронта при поддержке авиации быстро развивали успех, угрожая основным коммуникациям противника.

6-я армия быстро отступала. И 30 октября советские войска вышли на побережье Сиваша. В ночь на 2 ноября 1943 г. части 19-го танкового корпуса захватили город Армянск. Однако частям 17-й германской армии удалось отбить Армянск и уничтожить большую часть наших танков.

1 ноября началась переправа 346-й стрелковой дивизии через Сиваш. В этот день западный ветер отогнал воду, и солдаты шли по пояс в воде. Наши бойцы удачно закрепились на небольшом плацдарме на южном берегу Сиваша. Через пять дней туда же переправилась 263-я стрелковая

дивизия. Впоследствии за 39 суток по паромно-лодочной переправе на плацдарм были переправлены несколько тысяч солдат, более 50 автомашин, 3,5 тысячи т боеприпасов. А сам плацдарм был расширен до 18 км по фронту и до 14 км в глубину.

А 9 декабря вступил в эксплуатацию мост длиной 1915 м от северного берега Сиваша до острова Русский, и от острова Русский до южного берега Сиваша (до плацдарма) возведена насыпная гать длиной 1060 м.

В ночь на 12 февраля 1944 г. разразился невероятной силы шторм, бушевавший пять суток. Дамба оказалась почти полностью размытой, опоры моста расшатаны, понтоны разбросаны. Но 11 марта была введена в строй новая переправа.

Командующий 17-й армии в Крыму 53-летний генерал инженерных войск Э. Енеке в ноябре 1943 г. разработал планы операций «Литцман» и «Рудербоот». По плану «Литцман» 17-я армия должна была большей частью прорываться из Крыма через Перекоп на соединение с 6-й армией, а остальные ее части предполагалось вывезти из Севастополя военноморскими силами (операция «Рудербоот»).

Однако Гитлер приказал до конца защищать «крепость Крым». Мало того, он приказал перебросить в Крым с юга Украины 73-ю и 111-ю пехотные дивизии.

В октябре 1943 г. закончилась эвакуация германских войск с островов Сицилия, Сардиния и Корсика. Освободившиеся транспортные эскадрильи были переброшены на аэродромы близ Одессы и Умани. Переброска обеих дивизий прошла с 25 января по 12 февраля 1944 г.

Несмотря на огромное превосходство Черноморского флота, германские и румынские суда успешно осуществляли снабжение 17-й армии в Крыму. В марте 1944 г. ими было доставлено 45,5 тысячи т грузов.

По состоянию на апрель 1944 г. германские 5-я, 11-я, 336-я пехотные дивизии, 279-я бригада штурмовых орудий 49-го горнострелкового корпуса, 3-й румынский кавалерийский корпус в составе 9-й кавалерийской, 10-й и 19-й пехотных дивизий (всего состав группировки около 80 тысяч человек) находились в северном Крыму. Штабы корпусов дислоцировались в Джанкое.

Керченский полуостров по-прежнему оборонял 5-й армейский корпус: 73-я, 98-я пехотные дивизии, 191-я бригада штурмовых орудий (45 штурмовых 7,5-см орудий), а также 6-я кавдивизия и 3-я горнострелковая дивизия румын (всего около 60 тысяч человек).

Противодесантную оборону от Феодосии до Севастополя держал 1-й горнострелковый корпус румын в составе 1-й и 2-й горнострелковых

дивизий. Этот же корпус в основном вел борьбу с партизанами Крыма. Противодесантная оборона на побережье от Севастополя до Перекопа была возложена на два полка румынской 9-й кавдивизии. Всего для противодесантной обороны и борьбы с партизанами противник выделил около 60 тысяч человек.

Штабы 17-й армии и 1-го горнострелкового корпуса находились в Симферополе. Кроме перечисленных выше соединений и частей, в состав 17-й армии входили 9-я зенитная дивизия люфтваффе, 60-й артиллерийский полк, 704-й, 766-й и 938-й артиллерийские полки береговой обороны, десять артдивизионов, горнострелковый полк «Крым», отдельный полк «Бергман», 13 отдельных охранных батальонов, 12 саперных батальонов.

В районе Перекопа противник создал на узком участке перешейка, протяженностью до 14 км, глубиной до 35 км, три сильные полосы обороны, занимаемой 50-й пехотной дивизией, четырьмя отдельными батальонами и специальными частями, общей численностью до 20 тысяч человек, 325 орудий и минометов, до 50 танков и штурмовых орудий.

Главная оборонительная полоса, глубиной 4–6 км, имела три оборонительные позиции с траншеями полного профиля, дотами и дзотами. Центром обороны являлся Армянск.

План наступления советских войск на Крым предусматривал удар силами 4-го Украинского фронта от Перекопа и Сиваша и Отдельной Приморской армии с плацдарма севернее Керчи.

На 1 апреля 1944 г. группировка 51-й армии имела в своем боевом составе 96125 человек, 1415 полевых орудий, 186 зенитных орудий, 862 миномета, 89 танков. При ширине участка прорыва 10 км плотности артиллерии и минометов на километр фронта на участке прорыва составляла 185 стволов и до девяти танков.

Действия армий поддерживала 8-я воздушная армия, имевшая в своем составе 727 самолетов, из них 215 штурмовиков и 147 бомбардировщиков.

19-й танковый корпус с частями усиления имел в своем составе 187 танков, 46 САУ, 14 бронетранспортеров, 31 бронемашину, 154 различных орудия, 57 минометов, 169 мотоциклов, 15 реактивных установок БМ-13. Такими силами корпус мог выполнять задачи большого оперативного масштаба.

2-я гвардейская армия в боевом составе насчитывала 71912 человек, 1043 полевых орудия, 81 зенитное орудие, 750 минометов, 33 танка, семь САУ. При ширине участка прорыва 8 км армия имела 150 стволов артиллерии и минометов на километр. Боевые действия армии при прорыве обороны на Перекопе поддерживали ВВС Черноморского флота и частично

8-я воздушная армия. Командующий 2-й гвардейской армией для ускорения прорыва обороны на Перекопе решил высадить в тыл противника десант в составе усиленного батальона.

Командующий Отдельной Приморской армией избрал участки прорыва: двумя стрелковыми дивизиями — южнее Булганака на фронте 4,5 км, одной дивизией и одним стрелковым полком — севернее Булганака на фронте 3 км, то есть в обход Керчи. В боевом составе армии было 92367 человек, 961 полевое орудие, 257 зенитных орудий, 824 миномета, 399 различных реактивных установок, 212 танков, семь САУ. Средняя плотность сил и средств (без учета вторых эшелонов) на километр фронта составляла шесть батальонов, 150 орудий и минометов, 25–30 танков. Боевые действия поддерживала 4-я воздушная армия, имевшая 523 самолета, из них 128 штурмовиков и 143 бомбардировщика.

Главная задача Черноморского флота директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 11 апреля 1944 г. определялась как систематическое нарушение коммуникаций противника на Черном море.

Для уничтожения вражеских судов на ближних подступах к Севастополю привлекались торпедные катера (31 катер), на дальних подступах — подводные лодки (13 подводных лодок) и на всем протяжении коммуникаций противника от Севастополя до Румынии — авиация (от 404 до 430 самолетов).

Крупные надводные корабли для участия в операции по освобождению Крыма «было решено не привлекать». Прошло 60 лет, и мы до сих пор не знаем по фамилиям лиц, которые, боясь потерять устаревшие корабли^[243], предпочли заплатить за взятие Крыма десятками тысяч жизней наших солдат.

8 апреля 1944 г. в 10 ч 30 мин после мощной артподготовки, продолжавшейся 2,5 часа, войска 2-й гвардейской армии перешли в наступление.

Рано утром 11 апреля танковый корпус генерал-лейтенанта И.Д. Васильева с рубежа южнее Томашевки тремя колоннами вошел в прорыв и через три часа с ходу вступил в бой с гарнизоном, оборонявшим Джанкой. Противник был разбит и к 18 часам отошел к югу. Этим наметился глубокий охват Перекопско-Ишуньской группировки противника.

А войска 2-й гвардейской армии, наступавшей в это время на Перекопском перешейке, также добились успеха. В первый день наступления 3-я гвардейская стрелковая дивизия и 126-я стрелковая дивизия овладели Армянском. К исходу второго дня 2-я гвардейская армия прорвала первую оборонительную полосу, и противник поспешно отошел

на Ишуньские позиции.

Высадка десанта (батальон 1271-го стрелкового полка 387-й дивизии) также способствовала успеху советских войск на Перекопском перешейке.

Подвижная группа фронта, которой командовал заместитель командующего 51-й армией генерал-майор В.Н. Разуваев, 12 апреля подошла к Симферополю, но с ходу сломить сопротивление немецкого гарнизона не удалось. Проведя ночью перегруппировку сил и получив пополнение, подвижная группа утром 13 апреля начала атаку на Симферополь. Через пять часов город был полностью освобожден.

В связи с успешным наступлением советских войск на Перекопе генерал Енеке отдал приказ 5-му корпусу, защищавшему Керченский полуостров, оставить свои позиции и отходить к Севастополю. Узнав об этом, командующий Отдельной Приморской армией генерал А.И. Еременко приказал перейти в наступление.

В два часа ночи 11 апреля войска Приморской армии перешли в наступление, и к восьми часам утра наши войска вошли в оставленную немцами Керчь.

Генерал Енеке запросил Ставку о возможности эвакуации. В 14 ч 15 мин 12 апреля генерал-лейтенант Хойзингер передал приказ Гитлера, в котором говорилось: «Севастополь удерживать в течение длительного времени, поэтому боевые части не подлежат эвакуации».

13 апреля советские войска заняли Евпаторию и Феодосию. В Карасубазаре соединились войска 51-й и Приморской армий, образовав общий фронт.

Из-за быстрого наступления наших войск 5-й германский корпус двинулся не так, как предусматривал план «Адлер», то есть по дороге Феодосия — Симферополь, а, учитывая обстановку, главными силами из района западнее Старого Крыма на Судак, мелкие части двинулись по прибрежной дороге Феодосия — Судак. Советские партизанские силы в горах Яйла, против которых румынский 1-й горнострелковый корпус без видимого успеха боролся в течение зимы, вопреки ожиданиям не представляли серьезной опасности для отходившего 5-го корпуса. Партизаны и плохие дороги лишь немного замедлили отход немцев по дороге Судак — Ялта. Для ускорения отхода часть корпуса (10 тысяч человек) из Судака и Алушты, а также часть войск с открытых участков крутого берега были взяты на борт 1-й десантной флотилии и доставлены в Балаклаву и Севастополь. Советские источники утверждают, что наши Ил-2 потопили между Судаком и Ялтой семь десантных барж водоизмещением по 350 т. Германские источники этого не подтверждают. Охранение

десантной флотилии осуществляла 3-я флотилия артиллерийских барж.

14 апреля передовые части 5-го корпуса вошли в Севастополь, а главные силы находились еще в районе Алушты. Стянутый в Севастополь румынский 1-й горнострелковый корпус сначала занял предусмотренные для 5-го корпуса восточные оборонительные позиции Севастопольского укрепленного района. 14 апреля главные силы группы Конрада в составе 50-й, 336-й пехотных дивизий и части 111-й пехотной дивизии со всей тяжелой артиллерией корпуса (единственной, которая окажется в Севастополе) заняли оборону в северной части крепости. Перед этим заградотряд коменданта «крепости Севастополь» полковника Бееца при поддержке штурмовой авиации отбил атаку советских танков у Бахчисарая. Это помогло выиграть 12 решающих часов для отхода в крепость.

Румынский кавалерийский корпус, 10-я пехотная дивизия и 4500 человек из румынской 19-й пехотной дивизии почти полностью, если не считать незначительное количество отставших, прибыли в Севастополь.

Следует заметить, что если крымские партизаны особого вреда немцам не наносили, то здорово отыгрались на румынах. Характерный пример: «Партизанам сдался в плен в полном составе 4-й артдивизион 2-й румынской горнострелковой дивизии. Пленный капитан Теодор Велсану рассказал: "Наш дивизион охранял побережье Черного моря в районе Ускута. Мы позже других узнали о том, что русские прорвали немецкую оборону... Дивизион под командованием майора Ангелеску направился в район, где, по нашим сведениям, действовали партизаны. Подойдя к плато в горах, мы укрылись в лощинах и выслали к партизанам парламентаря с белым флагом. Вскоре пришла группа партизан, которой майор Ангелеску передал весь личный состав дивизиона, орудия и боеприпасы"»^[244].

Еще 9 апреля генерал Енеке издал приказ об уничтожении различного имущества при отступлении германских войск. Согласно приказу разрушению подлежали железные дороги. Так же говорилось: «Разрушить гавани, все хозяйственные постройки, уничтожить все имеющиеся потребительские и снабженческие товары, аэродромы, средства связи, чтобы на длительное время не дать противнику использовать полуостров Крым как оперативную базу...

Все железнодорожное имущество, которое будет уже не нужно в Севастополе, уничтожить путем сброса локомотивов и вагонов»^[245].

И действительно, у Инкермана немцы сбросили несколько сотен паровозов и вагонов. Эта огромная свалка существовала до 1948 г.

В том же приказе говорилось: «Алкогольные напитки не уничтожать, а

оставить русским. Практика показывает, что, когда они захватывают такие трофеи, их наступление замедляется»^[246].

Исполняя приказ, фашисты оставили нетронутыми все винные погреба Южного берега Крыма. Однако наши бдительные чекисты сорвали коварный замысел врага. Срочно на базе 95-го ордена Ленина полка НКВД была создана специальная маневренная группа, которая еще до подхода частей Красной Армии захватили погреба винкомбината «Массандра» и ряд других погребов винсовхозов. Затем «маневренная группа в течение месяца выполняла задачу по охране винных погребов» от частей Приморской армии и партизан^[247]. Только в Массандре бойцы НКВД спасли один миллион (!) литров высококачественного вина^[248].

15 апреля генерал Ф.И. Толбухин поставил войскам 4-го Украинского фронта задачу овладеть Севастополем. В тот же день началась подготовка к передаче Отдельной Приморской армии в состав 4-го Украинского фронта. Поглядеть на штурм Севастополя из Москвы в Крым прибыл маршал К.Б. Ворошилов.

18 апреля по приказу командующего фронтом после артиллерийской и авиационной подготовки в 16 ч 00 мин войска фронта начали решительное наступление. На отдельных участках части Отдельной Приморской армии, сломив упорное сопротивление противника, продвинулись на 4–7 км и овладели селами Нижний Чоргунь, Камары, Федюхиными высотами, поселком Кадыковка и городом Балаклава.

Однако в целом штурм закончился неудачно, а войска понесли большие потери. Так, к примеру, на 18 апреля 19-й танковый корпус имел исправными 71 танк и 28 САУ, но на 19 апреля оставалось исправных 30 танков и 11 САУ. С 23 по 29 апреля вокруг осажденного Севастополя шли позиционные бои.

27 апреля генерал-полковник Енеке направил в штаб группы армий телеграмму: «Силы армии настолько малы, что уже вскоре она должна будет занять более узкую полосу обороны на рубеже долина Инкермана — южный берег Северной бухты. В течение длительного времени этот фронт удерживать будет невозможно, так как все аэродромы и причалы будут находиться под обстрелом противника. Необходимо эвакуировать людей». В ночь с 27 на 28 апреля Гитлер отклонил ходатайства Енеке.

29 апреля генерал-полковник Енеке в Берхтесгадене был принят Гитлером. В своем докладе Енеке заявил, что 17-я армия больше не имеет возможности удерживать Севастополь. Гитлер потребовал от него письменно изложить свое мнение о дальнейших возможностях обороны.

1 мая в середине дня начальник управления кадров Сухопутных войск и шеф-адъютант Гитлера генерал-лейтенант Шмундт по телефону сообщил генерал-полковнику Шернеру, что на основании письменного доклада Гитлер считает, что не может больше доверять генерал-полковнику Енеке оборону Севастополя и освобождает его от командования 17-й армией. Новым командующим назначен генерал Альмендингер.

По приказу фюрера с 1 по 12 мая 1944 г. в Севастополь было доставлено из Констанцы два маршевых батальона общей численностью 1300 человек, 15 противотанковых пушек, 10 минометов, четыре тяжелых полевых гаубицы и несколько легких орудий и минометов.

С 29 апреля наши артиллерия и авиация начали систематически разрушать укрепления противника. Авиация фронта, флота и приданная Ставкой авиация дальнего действия до 5 мая совершила 8200 самолето-вылетов.

Главный удар в новом наступлении на Севастополь Толбухин решил нанести на левый фланг силами Приморской армии и 63-го корпуса 51-й армии на участке Сапун-гора — Карань, чтобы выйти к морю западнее Севастополя. Но для введения немцев в заблуждение и чтобы сковать их силы, 5 мая войска 2-й гвардейской армии при мощной поддержке 2-й воздушной армии атаковали противника с севера. Тогда немцы перебросили на это направление часть резервов. А 6 мая частью сил перешла в наступление наша 51-я армия, и в 10 ч 30 мин 7 мая нанесла главный удар Приморская армия.

На участке обороны немцев у Сапун-горы Толбухин сосредоточил от 205 до 258 стволов артиллерии и минометов на километр фронта. Специально для Севастополя из резерва Главнокомандования были доставлены несколько десятков 203-мм гаубиц Б-4. Кроме того, из состава гвардейских минометных частей фронта здесь действовало три из четырех гвардейских минометных бригад М-31, восемь из десяти гвардейских минометных полков, три отдельных горно-вьючных дивизиона. Всего по Сапун-горе вели огонь 604 пусковые установки реактивных снарядов М-8, М-13 и М-30.

Серьезную поддержку наступавшим войскам оказывала 8-я воздушная армия, которая произвела 7 мая 2105 самолето-вылетов. К этому времени в составе 8-й армии имелось 1023 самолета, из них 141 бомбардировщик, 134 легких бомбардировщика ПО-3, 461 штурмовик Ил-2. А у немцев в Крыму осталось лишь 10 пикирующих бомбардировщиков Ю-87, 60 истребителей и 20 разведчиков.

По приказу маршала Ворошилова первыми в атаку на Сапун-гору

пошли штрафные батальоны (всего не менее пяти тысяч человек). Ни один из них не дошел до вершины. В многочисленных официальных трудах, посвященных взятию Севастополя в 1944 г., нет ни слова о штрафниках. Зато о них часто упоминают в своих воспоминаниях участники штурма — солдаты и младшие офицеры.

Ураганный огонь артиллерии и мужество советских солдат сделали свое дело — укрепления Сапун-горы были взяты за девять часов непрерывного штурма.

На второй день штурма, 8 мая, больших успехов достигла 2-я гвардейская армия. Войска 13-го гвардейского и 55-го стрелкового корпусов выбили противника с Мекензиевых гор и к вечеру подошли к Северной бухте. Остатки немецкой 50-й пехотной и румынской 2-й горнострелковой дивизий были отрезаны от главных сил и прижаты к морю.

В этот же день войска 51-й и Приморской армий прорвали главную полосу обороны противника и вышли к внутреннему обводу обороны города.

Еще 22 апреля штаб Адмирала Черного моря^[249] и штаб 17-й армии разработали план операции «Леопард» для планомерной эвакуации из крепости Севастополь в течение 14 дней. В соответствии с ним после эвакуации большей части армии должен был отходить северный фронт обороны, через пять дней после подхода транспортов предполагалось в течение двух суток эвакуировать оставшихся 28 тысяч солдат морем и 4500 человек авиацией.

8 мая в 21 ч 15 мин командующий группой армий генерал-полковник Шернер доложил начальнику Генштаба сухопутных войск о катастрофическом положении 17-й армии в Крыму, и в 23 ч 00 мин он получил разрешение Гитлера на эвакуацию. С 23 ч 10 мин до 23 ч 35 мин Шернер сообщил об этом приказе начальнику штаба 1-го авиационного корпуса и Адмиралу Черного моря. Отправка подкреплений в Крым отменялась. 9 мая в 2 ч 15 мин приказ был получен в штабе армии.

Сразу после получения приказа об отходе командование 17-й армии решило отвести все имеющиеся силы на позицию у Николаевки, однако уже в середине того же дня от этого замысла пришлось отказаться, так как советские войска прорвались в город и в порт Севастополь.

Портовые сооружения Севастополя были разрушены группой морских саперов. 1-я десантная флотилия заминировала Северную, Южную и Стрелецкую бухты. Всего была поставлена 71 донная мина.

9 мая остатки немецких войск, неся тяжелые потери, заняли последний херсонесский оборонительный рубеж. Остатки 73-й пехотной дивизии

были опрокинуты советскими войсками. Этим была нарушена оборона на южном участке. Севернее немецкие командиры предприняли неудачную контратаку, пытаясь отбить позицию у Николаевки. После этого наступательный порыв немцев окончательно был исчерпан. Позиции 98-й пехотной дивизии, часть которой еще оборонялась у Инкермана, а главные силы контратаковали Сапун-гору, были прорваны. Остатки защищавших северный сектор 50-й и 336-й пехотных дивизий вынуждены были, пробиваясь через части противника, начавшие переправляться через Северную бухту.

9 мая советская артиллерия открыла огонь по аэродрому у мыса Херсонес. Вечером того же дня 13 последних немецких истребителей вылетели на материк. Только транспортные самолеты Ю-52 ночами с 9 на 10 и с 10 на 11 мая продолжали садиться на вспомогательных полосах для эвакуации раненых. 50 самолетов Ю-52 в последнюю ночь были сильно перегружены (в каждом перевозилось до 30 раненых), но всего было вывезено до тысячи человек. Самолеты Хе-111 8 мая использовали также любую возможность для вывоза раненых. Всего с 12 мая самолетами на материк было вывезено 21457 солдат, из них 16387 раненых. С 4 по 14 мая самолеты 1-го воздушного корпуса совершили 2342 самолето-вылета. Из них с аэродромов в Севастополе — 809 вылетов, с материка в интересах сухопутных войск — 398, для охранения конвоев — 803, для морской разведки — 245 и с целью спасения на море — 87 вылетов.

Спасательными германскими самолетами спасено в море 109 человек. Потери самолетов, базировавшихся в Крыму, составили: два самолета подбиты советскими истребителями, один подбит своим зенитным огнем, два разбиты на земле, два пропали без вести. 76 поврежденных самолетов, которые невозможно было вывезти на материк, были уничтожены на аэродроме. Из самолетов, действовавших с материка, два пропали без вести, один сбит советскими ночными истребителями.

После принятия решения об эвакуации в ночь с 8 на 9 мая внимание всех обратилось в сторону флота. От него теперь зависело спасение или гибель 17-й армии.

С 12 апреля по 8 мая из Крыма в Констанцу и Сулину были перевезены 64563 солдата, 9424 раненых, 11358 гражданских лиц и 4260 военнопленных.

К эвакуации своих войск из Крыма немцы привлекли практически все суда и плавсредства, имевшиеся у них на Черном море. Впервые за войну в районе Севастополя активно действовали румынские корабли, включая эсминцы. Ранее же по политическим соображениям Антонеску запрещал

им заходить так далеко. (А может, боялся потерять свой флот?) В любом случае, в 1941–1943 годах румынские корабли действовали у своего побережья и лишь иногда сопровождали конвои до Одессы и Николаева, хотя, впрочем, эти города румыны считали своей территорией.

В связи с наступлением советских войск 1-я флотилия торпедных катеров была переведена из Иван-баба (Двужкорной бухты) в Констанцу, однако часть ее продолжала действовать с временных баз в Балаклаве и Севастополе. Ее катера использовались прежде всего для дальнего охранения конвоев и прикрытия транспортных путей. При повторяющихся боевых столкновениях с советскими катерами успеха достигнуто не было, так как после открытия огня противник уклонялся от боя.

В свою очередь 19 апреля советские торпедные катера Г-6, № 313, 331, 332, 343, 344 и 353 перешли из Анапы в Ялту для действий на коммуникациях противника в районе Севастополя.

Боевые действия советских торпедных катеров на вражеских коммуникациях в целом были неудачными. Характерный пример — бой 16 апреля. Цитирую «Хронику...»: «В 4 ч 00 мин торпедные катера № 85, 86, 115, 44, 105, 54, 106 (2-й Новороссийской бригады), вышедшие накануне из бухты Караджа в район Севастополя на поиск противника, направились в базу. Торпедные катера № 85 и 86 в квадрате 4 встретили две большие десантные баржи врага в охранении четырех сторожевых катеров. Торпедный катер № 85 в 4 ч 25 мин и 4 ч 30 мин с дистанции 1,5 кабельтова с двух залпов выпустил по баржам противника две торпеды, но промахнулся. Торпедный катер № 86 (с реактивным вооружением) обстрелял снарядами РС сторожевой катер и повредил его. Катер № 85 получил попадание 37-мм снаряда в рубку. Торпедные катера № 115, 44 и 54, находясь в квадрате 2, на отходе в 4 ч 32 мин обнаружили вражескую большую десантную баржу в охранении трех сторожевых катеров. Торпедный катер № 115 с дистанции 3 кабельтовых одной торпедой потопил большую десантную баржу. [Подтверждений этому нет. — А.Ш.]. В 6 ч 30 мин все группы торпедных катеров возвратились в бухту Караджа»^[250].

Ни одно судно противника в этом бою потоплено не было. Что же касается применения реактивных снарядов для стрельбы по морским подвижным целям, то это можно объяснить лишь тем, что наши военморы не заглядывали в «Таблицы стрельбы» снарядов М-8 и М-13, а конкретно в раздел, где говорится об огромном рассеивании снарядов^[251].

Более удачным могло быть применение реактивных снарядов по

береговым целям. Но их наши катера по объектам у Севастополя использовали лишь два раза. Так, 23 апреля два катера выпустили реактивные снаряды по району Константиновской батареи. А 29 апреля торпедный катер № 126 выпустил 24 снаряда М-13 по аэродрому на Херсонесе.

Кроме этого, наши корабли не оказывали никакого огневого воздействия на противника в районе Севастополя. Зато 3-я немецкая флотилия артиллерийских барж применялась близ Севастополя для обстрела советских позиций на северном фронте обороны.

30-я флотилия германских подводных лодок (шесть лодок II серии) с 30 июня 1943 г. по 16 января 1944 г. потопила два танкера — «Эмба» и «Валян Куторы» — и шхуну «Тонанс». А в конце апреля — начале мая германские подводные лодки ожидали у Поти, Батуми и Туапсе выхода в море советских кораблей, но, увы, никто из них идти к берегам Крыма не собирался. За неимением лучшего одна из лодок — «U-9» — атаковала конвой, шедший из Сухуми в Туапсе. Выпущенная ею акустическая самонаводящаяся торпеда поразила корму сторожевого корабля «Шторм». Корабль разломился надвое, кормовая часть утонула, а носовую удалось отбуксировать в порт Туапсе.

В полночь с 9 на 10 мая командующий 17-й армией генерал Альмендингер и его начальник штаба генерал-майор Ксилендер сели на торпедный катер S-51 и покинули Крым. Командование войсками на Херсонесском плацдарме принял командир 49-го армейского корпуса генерал Хартман.

В течение 10 мая советские войска продолжали атаки херсонесской позиции. Немцам с трудом удалось их отбить. Усилились огонь советской артиллерии и налеты авиации. Большая часть мест для погрузки была расположена в Казачьей и Камышовой бухтах. Поскольку эти пункты находились в центре позиции, они очень хорошо подходили для главных погрузочных пунктов. Большие транспорты, которые сами не могли подойти к пристаням, должны были становиться у входа в бухты, а погрузка на них должна была осуществляться с паромов 770-го саперно-десантного полка.

Причалы защищали легкие и тяжелые зенитные батареи 9-й зенитно-артиллерийской дивизии.

Можно представить, какая катастрофа произошла бы, пояись в этот момент у Херсонеса хоть несколько советских эсминцев, я уж не говорю о крейсерах, ведь германской авиации в Крыму уже не существовало. А пока бомбардировщики долетят из Румынии, да плюс 466 истребителей

советской 8-й воздушной армии, базировавшиеся на близлежащих аэродромах Крыма. Но, увы, увы... Адмирал Октябрьский по-прежнему «бережет флот».

10 мая около двух часов ночи в район Херсонеса прибыли первые германские транспорты «Тотила» и «Тея». Они стали в двух милях севернее мыса, где попали под сильный артиллерийский огонь и налеты авиации. Из-за обстрела пароходы не могли подойти ближе к берегу, что очень замедлило погрузку. Она проводилась с 4 ч 00 мин до 7 ч 30 мин с помощью катеров и шлюпок. «Тея» приняла на борт от 4800 до 5000 человек, «Тотила» — около 4000 человек. В 5 ч 45 мин «Тотила» была повреждена во время налета тремя бомбами, загорелась и около восьми часов затонула. Подошедший на помощь катерный тральщик R-209 в 11 ч 30 мин доложил о гибели корабля. Уходившая тем временем на юго-запад в сопровождении катерных тральщиков R-164 и R-35 «Тея» после попадания бомб и торпеды с торпедоносца была настолько сильно повреждена, что в 15 ч 00 мин затонула в 23 милях юго-западнее Херсонеса. Тральщики смогли спасти около 400 человек и пришли в Констанцу в 11 ч 00 мин 11 мая. Большая часть эвакуированных солдат (около восьми тысяч) утонула.

10 мая на Херсонес транспортами «Тебен», «Хельга» и «Данубиус» было доставлено большое количество боеприпасов. В тех обстоятельствах они уже не могли попасть на передний край. Из 40 т боеприпасов организовано были выгружены только 7 т.

В ночь с 10 на 11 мая эвакуация немцев могла осуществляться лишь в ограниченных объемах, поскольку ожидаемые корабли еще не прибыли. 11 мая на полуострове Херсонес находилось еще около 20 тысяч человек, а 10-го числа докладывали о 35 тысячах. 10 мая из-за шторма удалось эвакуировать лишь небольшое количество людей, если принимать во внимание большие потери на суше и на море.

11 мая в два часа ночи конвой с транспортами «Овидия» и «Романия» (3150 брт) подошел к Херсонесу. Снова погрузка натолкнулась на большие трудности, так как саперных паромов и шлюпок не оказалось на месте. Они были разбиты за сутки до этого или ушли с конвоем «Патриа» на запад. Большая десантная баржа и лоцманский катер SW-12 занялись перевозкой. Тем временем «Романию» атаковали советские самолеты. В судно попало несколько бомб, оно горело почти сутки и затонуло 12 мая. Несколько сотен немецких солдат удалось принять лишь кораблям охраны.

В пять часов утра танкер «Фредерик» («Фируз»), входивший в конвой «Флиге», торпедировала советская подводная лодка «Л-4», и он был вынужден на буксире кораблей охраны вернуться в Констанцу. Только

из-за этой потери возможности конвоя снизились на 10 тысяч человек. Но это был единственный крупный успех семи советских подводных лодок, если не считать пуски торпед по кораблям, уже тонувшим от попаданий авиабомб.

К концу дня 12 мая большая часть германских войск на мысе Херсонес во главе с командиром 73-й пехотной дивизии генерал-майором Беме сдалась в плен.

В ночь с 12 на 13 мая с херсонесского побережья и с подручных плавсредств торпедными катерами были подобраны еще 83 человека. В последующие две ночи немецкие катера предприняли еще два поиска, оказавшихся безуспешными. Сражение 17-й армии за Крым было закончено.

13 мая в 17 ч 10 мин командование группы армий: доложило Ставке первые численные результаты: 3 мая в районе Севастополя находились 64700 человек. С 3 по 8 мая было вывезено 3200 человек, 10–13 мая в Констанцу прибыло 19 тысяч человек, 13 мая в 12 часов еще 2500 человек были в море. В тот же день в Сулину прибыли 700 человек. С 3 по 13 мая самолетами было эвакуировано 300 человек, в то же время на материк прибыло 150 человек, которые не были зарегистрированы. Из подчиненных морскому коменданту Крыма и других подразделений флота с 3 по 13 мая прибыли 850 человек. Всего — 26700 человек, из них 10000 раненых. Судьба еще 38000 человек была неизвестна. Они либо утонули, либо были убиты, либо пропали без вести.

После окончательного подсчета количество убитых и пропавших без вести в Крыму в период с 8 по 13 мая составило всего 57500 человек (31700 немцев и 25800 румын). С начала боев 5 мая на материк было доставлено 37500 человек (из них 32000 немцев и 5500 румын). За три последние ночи эвакуации с 9 на 10, с 10 на 11, с 11 на 12 мая были доставлены из Херсонеса в Констанцу 25697 солдат и 6011 раненых. Кроме этого, были эвакуированы еще 8100 человек, которые погибли при переходе морем.

Всего с начала эвакуации 12 апреля из 230 тысяч человек 17-й армии на материк немецким и румынским флотом было вывезено 130 тысяч человек, за то же время самолетами люфтваффе было вывезено еще 21 457 солдат. Из указанного командующим 17-й армией числа 57 500 убитых и пропавших без вести судьба не менее чем 20 тысяч человек осталась невыясненной.

Я привел немецкие данные. По данным же «Сообщения Советского Информбюро об итогах Крымской наступательной операции Красной

Армии» от 12 мая 1944 г., «в ходе боев по разгрому севастопольского плацдарма противника и очищению мыса Херсонес нашими войсками за период с 7 по 12 мая уничтожено: танков и самоходных орудий — 49, самолетов — 87, орудий разных — 308, минометов — 331, пулеметов — 620, автомашин — 564, складов разных — 24.

Противник потерял только убитыми более 20000 солдат и офицеров.

Захвачено нашими войсками: танков и самоходных орудий — 48, самолетов — 49, орудий разных — 1228, минометов — 721, пулеметов — 4859, винтовок и автоматов — 46041, автомашин — 4173, лошадей — 710, складов разных — 123, паровозов — 25, эшелонов с военной техникой — 14 и отдельно вагонов с разным военным имуществом — 540.

Взято в плен 24361 солдат и офицер, в том числе командир 5-го армейского корпуса генерал-лейтенант Бемэ, командир 111-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Грюнер и несколько полковников.

Всего за период Крымской кампании с 8 апреля по 12 мая нашими войсками... взято в плен 61 587 солдат и офицеров...

Нашей авиацией и кораблями Черноморского флота с 8 апреля по 12 мая потоплено с войсками и военными грузами противника: транспортов — 69, больших десантных барж — 56, сторожевых кораблей — 2, канонерских лодок — 2, тральщиков — 3, сторожевых катеров — 27 и других судов — 32. Всего потоплено за это время 191 судно разного тоннажа»^[252].

По германским же данным, были потеряны плавбаза «Румыния»; малые охотники за подводными лодками № 2313, 2314, 104; большая десантная баржа № 132; плавбатареи № 3106, 3111, 10, 01, 20, а также торговые суда.

В 2 ч 30 мин 12 мая последний крупный конвой покинул акваторию Херсонеса. Пароход «Тисса» на пути в Констанцу получил повреждения от попадания бомбы, и его взял на буксир тральщик R-196. Пароход «Дуростор» затонул в 16 часов после попаданий бомб и торпеды подводной лодки «А-5». «UJ-310», поврежденный артиллерийским огнем, затонул. Находившиеся на месте 10 больших десантных барж оставались у пристаней и после 2 ч 30 мин до полной загрузки. Они продолжали находиться в распоряжении морского коменданта. Им была дана команда взять на борт как можно больше человек (до 700 вместо 250 по инструкции, а некоторые даже до 1100 человек) и идти на запад.

По «послеперестроечному» изданию «Гриф секретности снят» в Крымской наступательной операций с 8 апреля по 12 мая 1944 г. участвовало 30 стрелковых дивизий, один танковый корпус, три танковые и

две стрелковые бригады и два укрепрайона общей численностью 462400 человек (данные на начало операции). В ходе операции безвозвратные потери составили 17754 человека, а санитарные — 67065 человек.

Как видим, наши и германские данные существенно разнятся. Тут следует заметить, что если в отношении вражеских кораблей и плавсредств наши адмиралы ввали безбожно, то с потерями сухопутных войск явно проводились «хитрые манипуляции». Видимо, потери убитыми намного превышают 17 тысяч человек, особенно если к ним прибавить потери штрафников, полков НКВД, партизан, летчиков и т. д.

Вместо заключения

Война на Черном море не закончилась со взятием Севастополя. Впереди были десанты в Румынию и Болгарию. Считается, что боевые действия на Черном море прекратились 9 сентября 1944 г.

Обратим внимание, что практически не воевавший румынский флот сохранился в целости и сохранности. Самой крупной потерей румынского флота была канонерская лодка «Локотенент Лепри Ремус» водоизмещением 394 т. Кроме того, погибло два торпедных катера и ряд мелких судов. Все румынские эсминцы, подводные лодки, мониторы и другие суда вошли в состав Черноморского флота и советской Дунайской флотилии. Фашистский диктатор Антонеску был арестован, судим румынским судом за военные преступления и расстрелян в 1946 г. В 1990 г. он был оправдан новым правительством Румынии и сделан национальным героем. В его честь названы улицы в ряде румынских городов.

Но и после 9 сентября 1944 г. моряков Черноморского флота ждали долгие месяцы боевого траления немецких, а в основном своих собственных мин. Траление миноопасных районов окончательно завершилось лишь в 1964 г. Дунайская же флотилия сражалась еще восемь месяцев и прошла с боями до Вены.

С первых же дней освобождения Севастополя началось восстановление города. В течение нескольких послевоенных лет красавец-город был полностью возрожден. В колодцах 30-й батареи установили 305-мм трехорудийные башни с линкора «Фрунзе», а близ мыса Херсонес была построена двухбашенная 180-мм батарея.

Уже к 1 января 1954 г. в составе Черноморского флота находились линкоры «Севастополь» и «Новороссийск», крейсера «Ворошилов», «Молотов», «Керчь», «Фрунзе», «Куйбышев», «Дзержинский», «Адмирал Нахимов» и «Михаил Кутузов», а также 186 боевых кораблей и катеров специального назначения. В авиации флота насчитывалось 86 боевых реактивных самолетов типа Ил-28, 25 боевых реактивных самолетов типа Ту-14, истребительная авиация в составе 245 боевых реактивных самолетов типа МиГ-17, 88 боевых реактивных самолетов типа МиГ-15. Наземные средства ПВО включали в себя 144 100-мм артиллерийских орудий, 70 85-мм орудий, 24 57-мм орудия, 106 40-мм и 37-мм орудий.

Прошло еще 10 лет, и корабли, самолеты и береговые части Черноморского флота получили противокорабельные зенитные

управляемые ракеты. В июле 1967 г. была создана Средиземноморская эскадра, и десятки кораблей Черноморского флота почти четверть века постоянно бороздили Средиземное море. В результате адмиралам янки до 1991 г. приходилось производить «Бури в пустыне» исключительно на картах в уютных каютах авианосцев и штабных кораблей 6-го флота.

Но, увы, с развалом СССР боеспособность Черноморского флота снизилась как минимум на порядок. По милости Горбачева флот был лишен тактического ядерного оружия. В результате сейчас он существенно уступает турецкому.

Крым вместе с Севастополем был передан Украине, причем шулера от политики винят в этом... Хрущева, который формально передал Крым Украине. Замечу, что Севастополь по-прежнему оставался городом союзного подчинения. Винить Никиту Сергеевича за это, все равно что выставить виновником Финской войны 1939–1940 годов Александра I, который в 1808 г. присоединил Выборгскую губернию к Великому герцогству Финляндскому. До 1991 г. все границы между советскими республиками были внутренними административными границами. Попытка же «героев» Беловежской пущи сделать административные границы государственными привела к серии войн в Приднестровье, Абхазии, Карабахе и т. д.

Крым и Севастополь также оказались в метастабильном положении. Хочется надеяться, что Россия и население Крыма рано или поздно найдут выход из него.

Список использованной литературы

- Азаров И.И. Осажденная Одесса. — М.: Воениздат, 1962.
- Алексеев М.Г. Глубинами черноморскими испытанные. — Симферополь: Крым, 1968.
- Андреев А.Р. История Крыма. — М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997.
- Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958–1961. — Кн. I, II.
- Балакин С.А. «Гремящий» и другие: Эскадренные миноносцы проекта 7. // Морская коллекция. 1996. № 2.
- Балакин С.А. «Сообразительный» и другие: Эскадренные миноносцы проекта 7У. // Морская коллекция. 1997. № 6.
- Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. — М.: Наука, 1987.
- Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне. — М.: Наука, 1980.
- Батов П.И. В походах и боях. — М.: Воениздат, 1974.
- Батов П.И. В походах и боях. — М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1984.
- Бережной С.С. Трофеи и репарации ВМФ СССР. — Якутск, 1994.
- Боевая летопись военно-морского флота. 1941–1942. — М.: Воениздат, 1983.
- Боевой путь советского военно-морского флота. — М.: Воениздат, 1974.
- Боргезе В. Десятая флотилия. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
- Брагадин Марк-Антонио. Итальянский флот во Второй мировой войне. — Екатеринбург: Зеркало, 1997.
- Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. — М.: Инсан, 2002.
- Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... — М.: АИРО — XX, 1995.
- Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942: Хроника героической обороны. — Киев: Украина, 1995.
- Ванеев Г.И. Черноморцы в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1978.
- Ванеев Г.И., Ермаш С.Л., Малаховский Н.Д. и др. Героическая оборона Севастополя 1941–1942. — М.: Воениздат, 1969.

Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. / Под ред. М.М. Козлова. — М.: Советская энциклопедия, 1985.

Воронин К.И. На черноморских фарватерах. — М.: Воениздат, 1989.

Вторая мировая война 1939–1945. / Под ред. С.П. Платонова. — М.: Воениздат, 1958.

Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. — М.: Воениздат, 1971. — Т. 3: От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941— 24.09.1942).

Григорьев А.В. Альбатросы. — М.: Машиностроение, 1989.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993.

Диксон Ч.О., Гейльбруин О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Емельянов Л.А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1981.

Ерошенко В.Н. Лидер «Ташкент». — М.: Воениздат, 1966.

Известия таврической ученой архивной комиссии (год девятнадцатый) № 37. / Под ред. правителя дел Арсения Маркевича. — Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства, 1905.

История дипломатии. / Под ред. В.П. Потемкина. — М.; Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. — Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.).

Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. / Сост. Н.Ф. Бугай. — М.: Дружба народов, 1992.

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны: Служебный отчет штаба Черноморского флота. — Потти, 1943.

Карель П. «Барбаросса»: от Бреста до Москвы. — Смоленск: Русич, 2003.

Карель И. Восточный фронт. — М.: ИЗОГРАФУС, ЭКС-МО, 2003. — Кн. 1: Гитлер идет на Восток. 1941–1943.

Климов А.Д. Деятельность командования и политорганов Черноморского флота по укреплению береговой обороны в первые месяцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Л., 1967.

Кримські татари історія і сучасність: Сборник статей. — Киев, 1995.

Крым в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. / Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. — Симферополь:

Таврия, 1973.

Крым многонациональный: Вопросы и ответы. / Сост. Н.Г. Степанова. — Симферополь: Таврия, 1988. — Вып. 1.

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. — М.: Воениздат, 1971.

Ласкин И.А. На пути к перелому. — М., 1977.

Литвин Г.А., Смирнов Е.И. Освобождение Крыма. — М.: Агентство «КРЕЧЕТ», 1994.

Маношин И.С. Героическая трагедия. — Симферополь: Таврида, 2001.

Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: АСТ, 1999.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. — М.: Вече, 2002.

Монархи Европы: судьбы династий. / Ред. — сост. Н.В. Попов. — М.: Республика, 1996.

Морской атлас. / Под ред. С.Г. Горшкова. — М.: Издание Главного штаба Военно-Морского Флота, 1966. — Т. III: Описание к картам.

Мещанский И., Савин А. Борьба за Крым: сентябрь 1941 — июль 1942 г.: Военная летопись. — ПКВ, 2002.

Мунаев Н.А. Вместе с флотом боевым. — М.: Воениздат, 1964.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. — М.: Издательство иностранной литературы, 1976. Т. III.

Перекрест Т.П. Не славы ради. — М.: Воениздат, 1970.

Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. — М.: Наука, 1976.

Платонов А.В. Советские боевые корабли 1941–1945 гг. — СПб: Альманах «Цитадель», 1996. — Ч. III.: Подводные лодки.

Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941–1945. — СПб: Полигон, 2002.

Платонов А.В., Апальков Ю.В. Боевые Корабли Германии 1939–1945. — СПб, 1995.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов. / Составители А.И. Чугунов, Т.Ф. Каряева, Е.В. Сахарова и др. — М.: Наука, 1968.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. — М.: Международные отношения, 1999. — Кн. 3: Европа в первой половине XX в.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). — М.: Центрполиграф, 2002.

Ричардс Д., Сондерс Х. Военно-воздушные силы Великобритании во Второй мировой войне (1939–1945). — М.: Воениздат, 1963.

Россия и Черноморские проливы. / Под ред. Л.Н. Нежинского, А.В.

Игнатьева. — М.: Международные отношения, 1999.

Россия. XX век. Документы. 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. — М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Сажин П.А. Севастопольская хроника. — М.: Советский писатель, 1975.

Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии 1939–1945. — М.: Наука, 1980.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных от ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — М.: Издание Генштаба, 1957.

Стогний Д.Ю. Германские укрепления в Крыму 1941–1944. — Севастополь, 1996.

Сургучев М.Н. Корабли возвращаются в строй. — Симферополь: Таврия, 1972.

Торпедой — пли!: История малых торпедных кораблей / Под ред. А.Е. Тараса. — М.: Харвест, 1999.

Три века Российского флота: В 3 т. / Под ред. И.В. Касатонова. — СПб: LOGOS, 1996.

Холостяков Г.Н. Вечный огонь. — М.: Воениздат, 1976.

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1981.

Хроника боевых действий Дунайской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза в 1941 г. (22 июня — 1 декабря 1941 г.). — М.; Л.: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945.

Хроника Великой Отечественной войны Советского. Союза на Черноморском театре. — М.; Л.: Управление военное морского издательства НКВМФ СССР, 1945. — Вып. 1: С 21 июня по 31 декабря 1941 г.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. — М.: Воениздат, 1946. — Вып. 2: С 1 января по 3 июля 1942 г.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. — М.: Воениздат, 1948. — Вып. 3: С 4 июля по 31 декабря 1942 г.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. — М.: Воениздат, 1948. — Вып. 4: С 1 января по 30 июня 1943 г.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на

Черноморском театре. — М.: Воениздат, 1950. — Вып. 5: С 1 июля по 31 декабря 1943 г.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. — М.: Воениздат, 1951. — Вып. 6: С 1 января по 9 сентября 1944 г.

Цветков И.Ф. Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». — Л.: Судостроение, 1990.

Чикин А.М. Морские дьяволы. — М.: Вече, 2003.

Широкоград А.В. Бог войны Третьего рейха. — М.: АСТ, 2003.

Широкоград А.Б. Гений советской артиллерии: Триумф и трагедия В. Грабина. — М.: АСТ, 2002.

Широкоград А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1945 гг. — Минск: Харвест, 2002.

Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Широкоград А.Б. Тайны русской артиллерии. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2003.

Широкоград А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. — Минск: Харвест, 2000.

Шитиков Е.А., Краснов В.Н., Балабин В.В. Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. — М.: Наука, 1995.

Штаб Российского Черноморского флота (1831–2001) / Под ред. В.П. Комоедова. — Симферополь: Таврида, 2002.

Примечания

Октябрьский Филипп Сергеевич (1899–1969). Участник Гражданской войны. В 1928 г. окончил курсы при военно-морском училище им. М.В. Фрунзе. С 1939 г. командующий Черноморским флотом. В июне 1941 г. вице-адмирал. С 1944 г. адмирал. В ходе войны командующий Черноморским флотом (июнь 1941 г. — апрель 1943 г. и с марта 1944 г.) и Азовской военной флотилией (июнь 1943 г. — март 1944 г.). Герой Советского Союза (1958 г.). Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова 1-й степени, орденом Нахимова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

Посты СНИС — посты системы наблюдения и связи. Посты ВНОС — посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Азаров И.И. Осажденная Одесса. — М.: Воениздат, 1962. С. 21.

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1981. С. 120–121.

ЦВМА. Ф. 216. Д. 124867. Ф. 2. Д. 10453.

Батов П.И. В походах и боях. — М.: Воениздат, 1974. С. 11–12.

Три века Российского флота: 3 т. / Под ред. И.В. Касатонова. — СПб: LOGOS, 1996. С. 47–48.

Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий).

История дипломатии. / Под ред. В.П. Потемкина. — М.; Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. С. 35. — Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.).

Там же.

Там же. С. 53.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. — М.: Захаров. АСТ, 1999. С. 408.

Ситуация и Дальнем Востоке выходит за рамки работы, а читателей я отсылаю к моей монографии «Русско-японские войны 1904–1945» (Минск, Харвест, 2003).

По другим сведениям, их было 28 тысяч. Кроме собственно англичан, там находились элитные части из Австралии и Новой Зеландии, только что прибывшие на театр боевых действий.

Это по британским данным (Ричарде Д., Сондерс Х. Военно-воздушные силы Великобритании во Второй мировой войне (1939–1945). — М.: Воениздат, 1963. С. 212). На самом деле англичане, видимо, сшельмовали и записали в число эвакуированных греков и гражданских лиц.

В 1861 г. он станет королем объединенной Италии.

Россия. XX век. Документы. 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Б. Решин и др. — М.: Международный фонд «Демократия», 1998. — Кн. 1. С. 190.

Колониальные войны Англии и Франции против арабов, китайцев и т. д. в качестве примеров не годятся.

В скобках — из них на Черном море.

По некоторым данным, Ленину понравились сейфы с сигнализацией, созданные Бекаури. В России все борцы за свободу и гласность, придя к власти, начинали секретить абсолютно все документы.

Стандартное / полное.

Кроме того, в составе Черноморского флота было два опытных килевых катера Д-3 и СМ-3.

Подробнее см.: Широкопад А.Б. Гений советской артиллерии: Триумф и трагедия В. Грабина. — М.: АСТ, 2002.

ПУС — приборы управления стрельбой.

Подробнее см.: Широкоград А.Б. Тайны русской артиллерии. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2003.

Подробнее о кораблях и подводных лодках Черноморского флота см.: Широкопад А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1945 гг. — Минск: Харвест, 2002.

Боевой путь советского военно-морского флота. — М.: Воениздат, 1974. С. 326.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. — М.; Л.: Управление военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. — Вып. 1: С 21 июня по 31 декабря 1941 г. С 26–27.

Хроника... Вып. 1. С. 10.

Хроника... Вып. 1. С. 13.

Хроника... Вып. 1. С. 12.

Гребные, паровые и несамоходные плавучие батареи использовались в Днепро-Бугском лимане еще Минихом в 1736–1737 гг., Потемкиным в 1787–1788 гг., в годы Крымской войны и красными в 1919–1920 гг.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. / Сост. Л.Е. Решин и др. — М.: Международный фонд «Демократия», 1998. — Кн. 1. С. 239.

Так в документе. По другим данным, 82-я дивизия в феврале 1940 г. преобразована из мотострелковой в моторизованную дивизию.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. — М.: Наука, 1987. С. 20.

Согласно книге «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны» (М., Наука, 1968) 35 истребительных батальонов по 200 человек в каждом и две истребительные роты по 120 человек.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 26.

Хроника... Вып. 1. С. 67.

Там же. С. 72.

Там же. С. 65.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. С. 240–242.

Командующий 11-й германской армией и фактически командующий румынскими войсками, которые формально подчинялись диктатору Антонеску.

Гальдер Ф. Военный дневник:. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. — М.: Воениздат, 1971. — Т. 3: От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942).

Вторая мировая война 1939–1945. / Под ред. СЛ. Платонова. — М.: Воениздат, 1958.

Хроника боевых действий Дунайской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза в 1941 г. (22 июня — 1 декабря 1941 г.). — М.; Л.: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 31.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. — Вып. 1. С. 78.

Хроника боевых действий Дунайской флотилии... С. 41.

Гальдер Ф. Военный дневник. — Т. 3. С. 296.

Карель П. Восточный фронт. — М.: ИЗОГРАФУС, ЭКСМО, 2003. — Кн. 1: Гитлер идет на Восток. 1941–1943. С. 241–243.

Батов П.И. В походах и боях. — М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1984. С. 35.

В 1928 г. большевики переименовали Алешки в Цюрюпинск, но в документах периода Великой Отечественной войны городок часто называли Алешки.

Батов П.И. В походах и боях. С. 40.

Роттенфюрер — звание в войсках СС, соответствующее обер-ефрейтору в армии.

Унтерштурмфюрер — звание в войсках СС, соответствующее лейтенантскому в армии.

Карель П. Восточный фронт. — Кн. 1: Гитлер идет на Восток. С. 243–245.

Батов П.И. В походах и боях. С. 38–39.

Уникальный связной самолет, для посадки ему требовалось 20–25 м, а для взлета — 60 м. «Storch» по-немецки «аист».

ОКХ — Главное командование сухопутных сил Германии.

19 октября румынские войска получили район для самостоятельных действий.

После прибытия дивизии «Лейбштандарт» она была включена в состав 30-го корпуса, а 170-я пехотная дивизия переведена в 49-й горный корпус.

Манштейн Э. Утерянные победы. — М.: АСТ, 1999. С. 228–229.

Там же. С. 232.

Формирование Азовской военной флотилии началось 22 июля 1941 г. Организационно она подчинялась командованию Черноморского флота, но вела боевые действия на Азовском море практически независимо от него.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 53.

Хроника... Вып. 1. С. 130.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. — Киев: Украина, 1995. — Кн. 1.
С. 22.

Хроника... Вып. 1. С. 147.

Мощарский И., Савин А. Борьба за Крым: сентябрь 1941 — июль 1942 г.: Военная летопись. — ПКВ, 2002. С. 10–11.

Хроника... Вып. 1. С. 151.

Батов П.И. В походах и боях. С. 117.

Там же. С. 98.

Так авторы «Хроники...» именовали легкий чешский танк образца 1935 г., который в вермахте получил обозначение 35(t). Цифра означала год принятия на вооружение, а буква — название страны. Весил танк всего 10,5 т. Ладно, моряки, но и наши маршалы и генералы в своих послевоенных мемуарах героически сражались против «35-тонных» германских танков.

Хроника... Вып. 1. С. 186.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 242.

Первушин А.Н. Дороги, которые мы не выбирали. — М.: 1974. С. 85.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 65–66.

Хроника... Вып. 1. С. 203.

Бронепоезд № 1 принадлежал РККА, а бронепоезд № 2 («Орджоникидзе») — флоту.

Хроника... Вып. 1. С. 205–206.

Там же. С. 213.

Батов П.И. В походах и боях. С. 129.

Цит. по: Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945.
С. 74.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 75.

Хроника... Вып. 1. С. 219.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 79.

383-й стрелковый полк имел трехбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из личного состава школы НКВД, второй батальон — из состава запасного артиллерийского полка береговой обороны и третий батальон — из состава Объединенной школы младшего комсостава береговой обороны, роты МПВО и химроты.

172-я стрелковая дивизия состояла из трех полков, 514-й полк имел в своем составе два батальона; 1-й батальон был сформирован из остатков 172-й стрелковой дивизии; 2-й батальон укомплектован за счет трех рот истребительного отряда и роты 51-го стрелкового полка. Кроме того, в состав этого полка был включен весь гарнизон долговременных оборонительных сооружений, расположенных на его участке. 2-й полк морской пехоты остался в прежнем составе. 3-й полк был вновь сформирован в составе трех батальонов и получил наименование «1-й Севастопольский стрелковый полк». Первый его батальон был укомплектован за счет первого Перикопского батальона, второй — за счет батальона Дунайской флотилии и третий за счет батальона Школы оружия Учебного отряда Черноморского флота. Кроме того, на доукомплектование этого полка был обращен батальон Объединенной школы Учебного отряда. 31-й полк имел двухбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из остатков этого полка, второй батальон — за счет батальона Азовской военной флотилии.

Так указано в труде «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны» (Кн. 1, с. 159). Скорей всего, это 155-мм французские пушки образца 1877 года, прибывшие из какого-то укрепрайона.

287-й стрелковый полк трехбатальонного состава. Первый батальон был укомплектован за счет батальона запасного артиллерийского полка, второй — за счет 16-го батальона морской пехоты и третий — за счет 15-го батальона морской пехоты. 3-й полк морской пехоты был трехбатальонного состава. На его доукомплектование были обращены батальоны ВВС Черноморского флота, 17-й и 19-й батальоны морской пехоты, батальон Электромеханической школы Учебного отряда и пулеметно-минометный батальон. В составе 7-й бригады морской пехоты было три батальона.

В качестве 3-го батальона в бригаду был влит 2-й Перекопский отряд.

Так в документе; видимо, все-таки 102/60-мм корабельная пушка образца 1912 года.

161-й стрелковый полк был сформирован из остатков 95-й стрелковой дивизии. В качестве 3-го батальона в этот полк был включен 13-й батальон морской пехоты. 241-й стрелковый полк состоял из двух батальонов. Первый батальон был сформирован за счет батальона Электромеханической школы, второй — за счет батальона школы запаса.

Балакин С.А. «Гремящий» и другие: Эскадренные миноносцы проекта 1. И Морская коллекция. 1996. № 2. С. 23.

Боевая летопись Военно-морского флота. 1941–1942. — М.: Воениздат, 1983. С. 249.

Хроника... Вып. 1. С. 209.

Там же. С. 215.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 246–247.

Там же. С. 248–249.

Крейсер «Червона Украина» первым из кораблей эскадры 8 ноября открыл огонь по германским войскам, наступавшим на Севастополь.

В скобках даны первоначальные номера батарей.

Хроника... Вып. 1. С. 230.

Там же. С. 232–233.

Там же. С. 236.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. — Киев: Украина, 1995. — Кн. 1.
С. 91.

Хроника... Вып. 1. С. 238.

Ледокол «Макаров» построен для России в Англии. Полное водоизмещение 4600 т. Скорость 14 узлов. 1 января 1917 г. введен в состав флотилии Северного Ледовитого океана под названием «Князь Пожарский». 7 февраля 1920 г. его переименовали в «Лейтенант Шмидт», а 12 июля 1921 г. — в «Степан Макаров». В конце 1925 г. ледокол перешел на Черное море. До 22 июня 1941 г. «Степан Макаров» обеспечивал продление навигации на Азовском море. С началом боевых действий на Черном море ледокол был мобилизован и вооружен как вспомогательный крейсер. На корабле установили пять одноорудийных 130-мм артустановок (три в носовой части и две на корме), а также два 12,7-мм пулемета ДШК.

Материалы сайта <http://www.fleet.sebastopol.ua>.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 38.

Емельянов Л.А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1981. С. 102.

Хроника... Вып. 1. С. 68.

Емельянов Л.А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. С. 98–99.

Платонов А.В. Советские боевые корабли 1941–1945 гг. — СПб: Альманах «Цитадель», 1996. — Ч. III: Подводные лодки.

Хроника... Вып. 1. С. 260.

По данным «Справочника потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных от ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в скобках — по данным Эриха фон Грёнера.

Хроника... Вып. 1. С. 44.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных от ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 14–15.

МТБ — морской тяжелый бомбардировщик.

Григорьев А.Б. Альбатросы. — М.: Машиностроение, 1989. С. 234–235.

Строго говоря, у немцев было звание генерал-фельдмаршал. Но я, как и большинство других наших авторов, для простоты называю просто «фельдмаршал».

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 253.

ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4.

Моргунов П.А. Героический Севастополь. — М.: 1979. С. 156.

Ласкин И.А. На пути к перелому. — М., 1977. С. 158, 159.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 251–253.

Хроника... Вып. 1. С. 285.

Там же. С. 286.

Именно косе, примыкавшей к Таманскому берегу, как говорилось в совершенно секретной «Хронике...» на с. 289.

По сему поводу Г.И. Ванеев писал: «При этом гитлеровцы впервые применили реактивную батарею тяжелого калибра» (Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. — Кн. 1. С. 190). На самом деле немцы имели в конце 1941 г. уже более мощные 21-см реактивные минометы, а 15-см они уже неоднократно применяли в Крыму. Подробнее см.: Широкопад А.В. Бог войны Третьего рейха. С. 199–203.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 254. Под фортом «Сталин» Манштейн подразумевал 30-ю 305-мм башенную батарею у винсовхоза им. Софьи Перовской. В других источниках немцы именовали ее форт «Максим Горький-1». В советской же документации батарея называлась только по номеру и никогда не имела имени собственного.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. — Кн. 1. С. 195–196.

Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941–1945. — СПб: Полигон, 2002. С. 58.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 254–255.

По немецким данным, в это время 28-я эскадрилья торпедоносцев Хе-111 была расформирована, и проходило слияние ее с 26-й эскадрильей. В январе 1942 г. 26-я эскадрилья перебазировалась на крымский аэродром Саки, и лишь в феврале начались боевые вылеты.

Правда. 1941. 31 декабря.

Румынская 8-я кавбригада охраняла побережье юго-западнее Феодосии и подчинялась графу Шпонеку.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 255–256.

Карель П. Восточный фронт. — Кн. 1. С. 260.

Там же. С. 260–261.

Там же. С. 262–264.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 262–263.

Хроника... Вып. 2. С. 12.

Там же. С. 11–12.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 263.

Хроника... Вып. 2. С. 14.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 263.

Так сказано в «Хронике...». На самом деле германских войск в Новом Свете не было, а речь идет, видимо, о румынской комендатуре или штабе татарских войск самообороны.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. — Кн. 2. С. 28.

Не путать с другим транспортом «Чапаев», затонувшим 1 марта 1942 г.

К 27 февраля в 39-й и 40-й танковых бригадах состояло по 10 танков КВ, по 10 Т-34 и по 10 Т-60; в 55-й танковой бригаде — 66 Т-26 и 27 химических танков на базе Т-26, и наконец в 229-м отдельном танковом батальоне было 16 танков КВ. Итого имелось 199 танков, из них КВ — 36, Т-34 — 20.

Хроника... Вып. 2. С. 93.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 266.

Хроника... Вып. 2. С. 122. Орфографию я оставил без изменений.

Там же. С. 122–123.

Там же. С. 134.

Канонерские лодки «Красный Октябрь», «Серафимович», «Ростов Дон» и ИП-22. (Пятая канонерка «Кренкель» была потоплена 17 октября 1941 г. огнем танков у Таганрога.) Все канонерки представляли собой колесные буксирные речные пароходы, построенные в 1930-х годах. Любопытно, что в советской энциклопедии Великой Отечественной войны нет Донского отряда кораблей, зато есть статья «Донской Марк Семенович», который храбро воевал с немцами в Средней Азии.

Хроника... Вып. 2. С. 191.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 268.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 141–142.

Хроника... Вып. 2. С. 203.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 272.

Хроника... Вып. 2. С. 208.

21 сентября 1941 г. Гальдер записал в дневнике выборку из доклада в Ставке генерала Тома: «Опыт борьбы с самыми тяжелыми танками [т. е. КВ. — А.Ш.]. Вначале необходимо лишить танк подвижности, затем подрывными саперными средствами уничтожить его экипаж» (Гальдер Ф. Военный дневник. С. 66).

Цит. по: Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым; сентябрь 1941 — июль 1942 г.: Военная летопись. — ПКВ, 2002. С. 65.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 274.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. — Кн. I. М.: Воениздат, 1958. С. 231.

Включая гражданское население, плюс еще 72789 раненых.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 274.

Брагадин Марк-Антонио. Итальянский флот во Второй мировой войне. — Екатеринбург: Зеркало, 1997. — 4.2. С. 73.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 282–283.

Боргезе В. Десятая флотилия. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 197.

Там же.

Там же.

Хроника... Вып. 2. С. 283.

оргезе В. Десятая флотилия. С. 197–198. Фраза, взятая в кавычки, заимствована Боргезе из дневника командира колонны Ленци.

Там же. С. 198.

Там же. В кавычках — из дневника Ленци.

Всего с 21 сентября 1942 г. по 13 апреля 1944 г. подводная лодка «С-31» выпустила 22 торпеды, но достоверно потопила лишь десантную баржу «F-58 °С» (9 декабря 1943 г. с дистанции 2,5 кабельтов, т. е. 457 м).

Боргезе В. Десятая флотилия. С. 202–203. В кавычках — из дневника Ленци.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — М., 1959. С. 101.

Манштейн Э. Утраченные победы. С. 275.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. — Кн. I. С. 169.

Так в исходном документе «Артиллерия в оборонительных операциях...». — Кн. I. С. 168.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. — Кн. I. С. 172.

Здесь и далее история с боеприпасами Черноморского флота взята из секретного отчета «Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны». Гриф снят директивой ГШ ВС РФ от 20.10.1992 г.

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. С. 27–29.

Я уж не говорю о 2495 снарядах к 305/40-мм пушкам и 1788 снарядах к 305/20-мм гаубицам Тихоокеанского флота, а также о тысячах 305-мм снарядов к армейским гаубицам образца 1915 года, которые могли быть использованы для Стрельбы из 305/52-мм пушек линкоров и береговых батарей.

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. С. 29.

Там же.

Северо-Кавказский фронт образован 20 мая 1942 г. после упразднения Северо-Кавказского направления и расформирования Крымского фронта. В состав Северо-Кавказского фронта вошли 44-я, 47-я и 51-я армии, в оперативное подчинение — СОР, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская ВМБ.

Хроника... Вып. 2. С. 248.

Там же. С. 298.

Там же.

16-я ложная батарея находилась на берегу моря в 3,5 км от 35-й батареи в сторону мыса Фиолент. При ее создании были использованы бетонные укрепления дореволюционной береговой батареи.

Хроника... Вып. 2. С. 326.

Цит. по: Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945.
С. 180.

Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. — Симферополь: Таврида, 2001. С. 58.

Там же. С. 59.

Заруба И.А. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Он. 3. Д. 282.

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 81. (Октябрьский Ф.С. Письмо к Линчику. — Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 174.)

Там же. С. 78. (П. Иноземцев. Воспоминания. — Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 363.)

Там же. С. 80. (Зинченко А.И. Воспоминания. — Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 169.)

Там же. С. 83. (Лощенко А.И. Воспоминания. — Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282.)

Там же. С. 120–121. (Пискунов Д.И. Воспоминания. — Госархив
Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 40.)

Там же. С. 122.

Там же. С. 123. (Карякин И.И. Воспоминания. — Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 252–255.)

Там же. С. 132. (Заруба И.А. Воспоминания. — Госархив Крыма. Ф. 849. Он. 3. Д. 282. Л. 162.)

Там же. С. 73.

Боргезе В. Десятая флотилия. С. 199–200.

Хроника... Вып. 2. С. 334.

Хроника... Вып. 3. С. 12.

Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 51.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. — Кн. 2. С. 249.

Крым в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. / Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. — Симферополь: Таврия, 1973. С. 169.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 297.

Крым в период Великой Отечественной войны. С. 199.

Цит. по: Диксон Ч.О., Гейльбруин О. Коммунистические партизанские действия. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 61.

Там же.

Крым в период Великой Отечественной войны. С. 217–218.

Цит. по: Диксон Ч.О., Гейльбруин О. Коммунистические партизанские действия. С... 161–162.

Там же. С. 69.

Там же. С. 186.

Там же. С. 189.

Крым в период Великой Отечественной войны. С. 283.

Hiwi — сокращенное от Hilfswillige (добровольные помощники). Так немцы называли советских граждан, сотрудничавших с оккупантами.

Ефимов А.В. «Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг.», «Российская община Севастополя». Май 2002 г.

По данным книги Ефимова А.В. «Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг.».

См.: Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 208.

По данным книги Влады Селиной «За что Сталин выселял народы».

Манюшин И.С. Героическая трагедия. С. 141–142.

Манюшин И.С. Героическая трагедия. С. 190.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 209.

По данным книги Ефимова А.В. «Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг.».

Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... — М.: АИРО — XX, 1995. С. 146.

Там же. С. 2.

Крым многонациональный: Вопросы и ответы. / Сост. Н.Г. Степанова. — Симферополь: Таврия, 1988. — Вып. 1.С. 80..

Там же.

Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... С.
146.

Коммунист. 1991. № 3. С. 107.

Иосиф Сталин — Лаврентию Бери: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. / Сост. Н.Ф. Бугай. — М.: Дружба народов, 1992. С. 134–136.

Там же. С. 138–139.

Дело WF-05/28597. Л. 184

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. — М., 1975. С. 266.

Хроника... Вып. 5. С. 348.

К моменту окончания Второй мировой войны устарели не только линкоры, крейсера и эсминцы, заложенные при «проклятом царизме», но и крейсера проекта 26, эсминцы проектов 7 и 7У и т. д.

Крым в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. С. 339.

Литвин Г.А. Смирнов Е.И. Освобождение Крыма. — М.: Агентство «КРЕЧЕТ», 1994. С. 82–83, 84.

Там же. С. 85.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов. / Сост. А.И. Чугунов, Т.Ф. Каряева, Е.В. Сахарова и др. — М.: Наука, 1968. С. 493.

Крым в период Великой Отечественной войны. С. 376.

Адмиралом Черного моря в 1944 г. был вице-адмирал Бринкман.

Хроника... Вып. 6. С. 258–259.

Подробнее см.: Широкопад А.В. Отечественные минометы и реактивная артиллерия. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Крым в период Великой Отечественной войны. С. 381–382.